
Творения
преподобного
Симеона
Нового Богослова
слова и гимны
книга
вторая

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга вторая

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639055
Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. В трех книгах. Книга вторая. : Сибирская Благозвонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-352-2

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом. Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что… «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни… И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум». Во вторую книгу преподобного Симеона Нового Богослова вошли «Слова» с сорок пятого по восемьдесят первое, перевод которых сделал епископ Феофан Затворник в 1882–1890 годы. Рекомендовано

к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга вторая

Творения преподобного Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово сорок пятое

1. О сотворении мира и создании Адама.

2. О преступлении заповеди и изгнании из рая.

3. О воплощенном Домостроительстве Господа и о том, как Он воплотился ради нас.

4. Как все творение имеет быть опять обновлено? 5. Что это за светлое состояние, какое имеет опять восприять вся тварь?

6. Как это святые соединяются со Христом и Богом нашим и бывают едино с Ним?

7. Какой это вышний мир и как он наполнится, – и когда придет конец? 8. Пока не родятся все, коим предопределено родиться до самого последнего дня, – дотоле вышний мир не наполнится. 9. На слова Евангелия: «Уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему» (Мф. 22,2 и др.). 10. Святые по воскресении будут знать один другого.

1. Бог в начале, прежде чем насадил рай и отдал его первозданным, в пять дней устроил землю и что на ней, и небо и что в нем, а в шестой создал Адама и поставил его господином и царем всего видимого творения. Рая тогда еще не было. Но этот мир бысть от Бога, как бы рай некий, хотя вещественный и чувственный. Его и отдал Бог во власть Адаму

и всем потомкам его, как говорит Божественное Писание. *И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, и зверьми, и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли. И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их. И благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею.* Видишь, как Бог отдал человеку в начале весь этот мир, как рай какой; почему вслед за сим и говорит: *се, дах вам всякую траву семенную сеющую семя, еже есть верху земли всея, и всякое древо, еже имать в себе плод семене семеннаго, вам будет в снедь, и всем зверем земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, всякую траву зелену в снедь* (Быт. 1, 26–30). Видишь ли, как все видимое, что есть на земле и что есть в море, все то отдал Бог во власть Адаму и потомкам его? Ибо что сказал Он Адаму, то сказал всем нам, подобно тому, как и апостолам сказал: *а яже вам глаголю, всем глаголю* (Мк. 13, 37), – так как ведал, что род наш имел размножиться и людей имело быть бесчисленное множество. Если теперь, после того, как преступили мы заповедь и осуждены умирать, люди столь много размножились, то вообрази, сколько бы их было, если б не умирали все рожденные от сотворения мира? И какой жили бы они жизнью, будучи бессмертны и нетленны, чужды греха, печалей,

забот и тяжелых нужд?! И как, преуспев в хранении заповедей и в благоустроении сердечных расположений, по времени востекали бы они к совершеннейшей славе и, изменившись, приближались бы к Богу, и душа каждого делалась бы светлосиянною по причине осияний, какие изливались бы на нее от Божества! И это чувственное и грубо-вещественное тело делалось бы будто невещественным и духовным, высшим всякого чувства; а радость и веселие, какими исполнялись бы мы тогда от взаимного друг с другом обращения, воистину были бы неизглаголанны и невместимы для помысла человеческого. Но возвратимся опять к нашему предмету.

Итак, отдал Бог Адаму весь этот мир, сотворенный Им в шесть дней, – о каковом сотворении слушай, что говорит Божественное Писание: *И виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело. И соверши Бог в день шестый дела Своя, яже сотвори, и почи в день седмый от всех дел Своих, яже сотвори* (Быт. 1, 31; 2, 2). А далее то же Писание, желая научить нас, как Бог сотворил человека, говорит: *И созда Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу* (Быт. 2, 7). Тогда уже, как иной царь, или князь, или богач, владеющий какою-либо местностью, не всю ее определяет на одно что-нибудь, а разделяет на многие части и одну определяет под посевы, на другой разводит виноградники, а иную оставляет невозделанной, чтоб заросла травою и давала пастбище; самую же лучшую и красивейшую часть избирает для построения па-

лат своих, при которых разводит цветники и сады и другое многое придумывает и устрояет, что может доставлять удовольствие; и палаты свои и все помещения в них устрояет наилучшим образом, чтоб они отличались от жилищ других людей; все это огораживает стеною с воротами и запорами, при которых ставит стражей, чтоб не пропускали злых людей и давали вход только людям добрым, знаемым и друзьям; так и Бог подобное сему устроил для первозданного. Ибо после того, как создал все другое, сотворил и человека, и почил в день седьмый от всех дел, которые начал творить, – насадил рай во Едеме на востоцех, как царское жилище, и ввел в него человека, которого создал, как царя.

Но почему Бог не устроил рая в седьмой день, а насадил его на востоцех уже после того, как кончил всякое другое творение? Потому, что Он как Провидец всяческих, все творение устроил в порядке и благочинном последовании; и семь дней определил, да будут во образ веков, имевших пройти впоследствии, во времени, а рай насадил после тех семи дней, да будет во образ будущего века. Почему же Дух Святой не поставил в счет осьмого дня вместе с седмью? Потому, что несообразно было ставить в счет и его вместе с седмью, которые, круговращаясь, производят столько и столько недель, годов и веков; но надлежало осьмой день поставить вне седьми, так как он не имеет круговращения.

Смотри еще – Божественное Писание не говорит, что Бог создал рай, ни того, чтоб Он сказал: да будет, но – что на-

садил его. *И насади Бог рай во Едеме на востоцех. И прозябе Бог еще от земли всякое древо красное в видение и доброе в снедь* (Быт. 2, 8, 9), с разными плодами, которые никогда не портились и никогда не прекращались, но всегда были свежи и сладки и доставляли первозданным великое удовольствие и приятность. Ибо надлежало доставлять и наслаждение нетленное оным телам первозданных, которые были нетленны. Почему и жизнь их в раю была не обременена трудами и не отяжелена несчастьями. Адам был создан с телом нетленным, однако ж вещественным, а не духовным еще, и был поставлен Творцом Богом как царь бессмертный над нетленным миром, не только над раем, но и над всем творением, сущим под небесами.

2. Но поелику Бог дал первозданным заповедь и повелел им не вкушать от одного древа познания, а Адам презрел сию заповедь Божию, не поверив словам Творца Владыки, Который сказал: *в оньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 17), но почетши более верным слово лукавого диавола, сказавшего: *не смертию умрете* (Быт. 3, 4, 5), но *в оньже аще день снесте от него… будете яко бози, ведяще доброе и лукавое,* вкусил от древа того; то тотчас обнажился от нетленного оного одеяния и славы и облекся в наготу тления, и, видя себя нагим, скрылся, и, сшив листвие смоковничное, препоясался, чтобы прикрыть срамоту свою. Почему, когда Бог воззвал к нему: *Адам, где еси?* – отвечал: глас Твой услышал и, видя, что наг, убоялся и скрылся. Бог,

призывая его к покаянию, сказал ему: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* (Быт. 3, 11). – Но Адам не захотел сказать: согрешил, а сказал паче противное тому и поставил виновником преступления своего Бога, Который создал *вся добра зело,* говоря Ему: *жена, юже дал еси мне, та ми даде, и ядох* (Быт. 3, 12); а за ним и она сложила вину на змия; и не восхотели они совсем раскаяться и, падши пред Господом Богом, просить у Него прощения. За это Бог выгнал их из рая, как из царских палат, жить в мире сем как изгнанникам, тогда же определив, чтобы пламенное оружие обращаемое хранило вход в рай. И не проклял Бог рая, так как он был образом будущей нескончаемой жизни вечного Царства Небесного. Если б не эта причина, надлежало бы проклясть его наипаче, так как внутри его совершилось преступление Адамово. Но Бог не сделал этого, а проклял лишь всю прочую землю, которая тоже была нетленна и все произращала сама собою, чтобы Адаму не иметь более жизни свободной от утомительных трудов и потов. *Проклята земля в делех твоих,* – сказал Господь Адаму, – *в печалех снеси тую вся дни живота твоего: терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 17–19).

Итак, тому, кто сделался тленным и смертным по причине преступления заповеди, по всей справедливости надлежало

и жить на земле тленной и питаться пищею тленною; ибо, как беструдная жизнь и обильная пища (самородная) сделали то, что он забыл Бога и блага, которые Он даровал ему, и презрел заповедь Его, то справедливо осужден с потовым трудом обрабатывать землю и таким образом от нее получать мало-помалу пищу, как от какого эконома. Видишь, как тогда приняла преступника земля, после того как была проклята и лишилась первоначальной производительности, по которой плоды порождались из ней сами собой, без труда? И для чего? Для того, чтобы быть обрабатываемой им в потах и трудах и так давать ему то немногое, что произращает на потребу его для поддержания жизни, а если не будет обрабатываема, оставаться бесплодною и произращать лишь терния и волчцы. Затем и все твари, когда увидели, что Адам изгнан из рая, не хотели более повиноваться ему, преступнику: солнце не хотело светить ему, ни луна и прочие звезды не хотели показываться ему; источники не хотели источать воду, и реки продолжать течение свое; воздух думал не дуть более, чтобы не давать дышать Адаму согрешившему; звери и все животные земные, когда увидели, что он обнажился от первой славы, стали презирать его, и все тотчас готовы были напасть на него; небо, некоторым образом, устремлялось было пасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог, сотворивший всяческая и человека создавший, – что сделал? Зная прежде создания мира, что Адам имел преступить заповедь Его, и имея предопределенную для него но-

вую жизнь и воссоздание, какие имел он получить через возрождение во Святом Крещении, в силу воплощенного Домостроительства Единородного Сына Своего и Бога нашего, – Он сдержал все эти твари силою Своею и по благоутробию и благости Своей не дал им тотчас устремиться против человека, и повелел, чтобы тварь оставалась в подчинении ему и, сделавшись тленной, служила тленному человеку, для которого создана, с тем чтоб, когда человек опять обновится и сделается духовным, нетленным и бессмертным, и вся тварь, подчиненная Богом человеку в работу ему, освободилась от сей работы, обновилась вместе с ним и сделалась нетленною и как бы духовною. Все сие предопределил Всещедрый Бог прежде сложения мира.

Итак, когда все было установлено Богом, как сказано, – изгнан был Адам из рая, пожил, породил чад и умер; подобным образом и все те, которые происходили от него. Люди того времени, узнав от Адама и Евы о всем случившемся, помнили падение Адамово и покланялись Богу и почитали Его как Владыку своего. Почему Авель вместе с Каином приносили Богу жертвы, каждый от имения своего. И Писание говорит, что Бог принял приношение и жертву Авеля, а жертву Каина не принял, что увидев, Каин опечалился до смерти, стал завидовать брату своему, Авелю, и убил его. Но после сего Енох, угодив Богу, *преложися* (Быт. 5, 24), как и Илия потом взят был на небо на огненной колеснице. Этим Бог хотел показать, что если после приговора, произнесен-

ного над Адамом и над потомством его, и после изгнания его Он благоволил Еноха и Илию, потомков Адамовых, угодивших Ему, почтить таким образом – преложением и долгоживотием, и освободить от смерти и поступления в ад, – не тем ли паче самого первозданного Адама, если бы он не преступил данной ему заповеди или по преступлении покаялся, прославил Он и почтил, или помиловал и оставил жить в раю?

Так древние люди в продолжение многих лет учились один от другого по преданию и познавали Творца своего и Бога. После, впрочем, когда размножились и стали предавать ум свой от юности своей в помышления злые, забыли они Бога и не познавали более Творца своего, и стали не только демонам покланяться, но обоготворили даже такие твари, которые даны были им от Бога в услужение. Оттого предались во всякую нечистоту и осквернили непотребными делами своими землю, воздух, небо и все сущее под небом. Ибо ничто так не оскверняет и не делает нечистым чистое дело рук Божиих, как то, если кто станет боготворить его и кланяться ему, как Богу, создавшему всяческая. Когда же наконец вся тварь, бывая обоготворенной, сделалась нечистой, и все люди ниспали в крайнюю глубину зла, тогда снисшел на землю Сын Божий и Бог, чтоб воссоздать человека, столь униженного, оживотворить его, умерщвленного, и воззвать от прелести и заблуждения.

3. Но прошу внимать слову моему, потому что оно на-

чинает касаться величайшего таинства, изъяснение которого душеспасительно и для нас, и для имеющих жить после нас. Надлежит нам восходить к созерцанию воплощения Сына и Слова Божия и неизглаголанного рождения Его от Приснодевы Богородицы Марии при пособии какого-либо образа и посредством его приближать к уразумению сокровенное от век таинство воплощенного Домостроительства, во спасение нашего рода. Как тогда, при сотворении праматери нашей Евы, взял Бог ребро Адамово и создал из него жену, таким же образом и теперь взял Создатель наш и Творец Бог от Богородицы и Приснодевы Марии плоть, как бы закваску некую и некий начаток от замеси естества нашего, соединив ее с Своим Божеством, непостижимым и неприступным, или, лучше сказать, всю Божественную ипостась Свою соединил существенно с нашим естеством, и это человеческое естество несмесно сочетал с Своим существом, и сделал его Своим собственным, так что Сам Творец Адама непреложно и неизменно стал совершенным Человеком. Ибо как из ребра Адамова создал Он жену, так из дщери Адамовой, Приснодевы и Богородицы Марии, заимствовал девственную плоть бессеменно и, в нее облекшись, стал Человеком, подобным первозданному Адаму, чтобы совершить такое дело, именно: как Адам через преступление заповеди Божией был причиною того, что все люди стали тленны и смертны, так чтоб и Христос, новый Адам, через исполнение всякой правды стал начатком возрождения нашего к нетле-

нию и бессмертию. Сие изъясняет божественный Павел там, где говорит: *первый человек от земли перстен: вторый человек Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небеснии* (1 Кор. 15, 47, 48). И поелику Господь наш Иисус Христос соделался совершенным человеком по душе и по телу, подобным нам по всему, кроме греха, то и нам, которые веруем в Него, подает Он от Своего Божества и нас соделовает сродными Себе по естеству и существу Божества Своего. Помысли о предивном сем таинстве. Приял Сын Божий от нас плоть, которой не имел по естеству, и соделался человеком, которым не был, и тем, кои веруют в Него, сообщает от Божества Своего, которого никогда никакой не имел человек, и – верующие сии бывают богами по благодати. Ибо Христос дает *им область чадами Божиими быти,* как говорит Иоанн Богослов. Вследствие сего они соделоваются и навсегда потом пребывают богами по благодати, и никогда уже не престанут быть таковыми. Послушай, как внушает нам сие святой Павел, говоря: *якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ Небеснаго* (1 Кор. 15, 49). Сказанного нами о сем достаточно. Теперь возвратимся опять к нашему предмету.

Поелику Бог всего сущего, Господь наш Иисус Христос, сошел на землю и соделался человеком для того, чтобы воссоздать и обновить человека и низвести благословение на всю тварь, подвергшуюся проклятию за человека, то, во-первых, оживотворил Он воспринятую Им душу и обожил ее,

пречистое же и Божественное тело Свое, хотя и соделал Божеским, но носил его тленным и грубо вещественным. Ибо то тело, которое вкушает пищу, пьет, утруждается, испущает пот, связуется, заушается, пригвождается ко кресту, очевидно, тленно есть и вещественно, потому что все сказанное есть принадлежность тела тленного. Почему оно и умерло, и положено во гроб мертвым; после же тридневного Воскресения Господня и тело Его воскресло нетленным и Божественным. Почему, когда исшел Он из гроба, не разрушил печатей, бывших на гробе, и после входил и выходил *дверем заключенным*. Но почему вместе с душою тотчас же и тела Своего не соделал Он нетленным и таким духовным? Потому, что Адам, преступив заповедь Божию, душою тотчас умер, а телом умер уже спустя столько лет. В соответствие этому и Господь Спаситель прежде воскресил, оживотворил и обожил душу, которая тотчас по преступлении заповеди понесла епитимию смерти, а после благоволил Бог устроить, чтоб и тело Его восприяло нетление Воскресения, как и во Адаме оно спустя много лет понесло епитимию смерти. Но не это только сделал Христос, но сошел и во ад, освободил от вечных уз и оживотворил души святых, которые там содержимы были, но тел их не воскресил тогда же, а оставил их в гробах до общего воскресения всех.

И таинство сие, явно для всего мира сказанным нами образом бывшее во время воплощенного Домостроительства Христова, таким же образом и после того совершалось и со-

вершается в каждом христианине. Ибо когда мы приемлем благодать Иисуса Христа, Бога нашего, то соделоваемся причастниками Божества Его (2 Пет. 1, 4), и когда вкушаем Пречистое Тело Его, то есть когда причащаемся Святых Таин, то бываем сотелесниками Ему и сродниками воистину, как говорит и божественный Павел: *зане уди есмы тела Его, от плоти Его, и от костей Его* (Еф. 5, 30), и как опять говорит евангелист Иоанн, что *от исполнения Его мы еси прияхом и благодать возоблагодать* (Ин. 1, 16). Так по благодати соделоваемся мы подобными Ему, человеколюбивому Богу нашему и Господу, и являемся по душе обновленными из ветхих и оживотворяемыми из мертвых, какими были.

Так, всякий святой бывает таким, как мы сказали; тело же их не делается тотчас нетленным и духовным. Но как железо, разжженное огнем, делается причастным светлости огня, отлагая природную свою черноту, и как только выйдет из него огонь и оно остынет, является опять черным, так бывает и с телами святых, что, когда бывают они причастными Божественного оного огня, то есть благодати Святого Духа, исполняющего души их, то освящаются и, будучи проницаемы Божественным оным огнем, бывают светлыми, особенными от всех других тел и честнейшими их; но когда душа выходит из тела, тогда тела их предаются тлению, и иные мало-помалу разлагаются и бывают прахом, а другие не разлагаются в продолжение многих лет, и ни нетленными совершенно не бывают, ни опять совершенно тленными, а сохра-

няют в себе признаки и тления, и нетления, пока не восприимут совершенного нетления и не обновятся совершенным воскресением во время общего воскресения мертвых. И по какой это причине? По той, что не подобает телам людей облекаться в славу воскресения и делаться нетленными прежде обновления всех тварей. Но как в начале прежде вся тварь сотворена нетленною, а потом из нее взят и создан человек, так надлежит и опять прежде всей твари сделаться нетленною, а потом обновиться и стать нетленными и тленным телам людей, да будет снова весь человек нетленен и духовен и да обитает в нетленном, вечном и духовном жилище. А что это истинно, послушай, что говорит апостол Петр: *приидет день Господень яко тать в нощи, в оньже небеса убо с шумом мимоидут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (2 Пет. 3, 10). Не то сие значит, что небеса и стихии исчезнут, но что они возустроены и обновлены будут, и придут в лучшее и нетленное состояние. И это, что говорю я, явно опять из слов того же апостола Петра, который говорит: *нова небесе и новы земли по обетованию Его чаем* (2 Пет. 3, 13), то есть по обетованию Христа и Бога нашего, Который сказал: *небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут* (Мф. 24, 35), – мимошествием неба называя изменение его, то есть небо изменится, а словеса Мои не изменятся, а пребудут навсегда неизменными. И святой пророк Давид предсказал то же там, где говорит: *и яко одежду свиеши я, и изменятся. Ты же тойжде еси, и лета Твоя не*

оскудеют (Пс. 101, 27). Из таких слов что другое явствует, как не то, что я сказал?

4. Но посмотрим, как тварь имеет возобновиться и прийти опять в состояние первоначальной красоты? Полагаю, что ни один христианин не подумает не поверить словам Господа, давшего обетование сделать небо новым и землю новою, то есть что как собственные наши тела, разрешающиеся теперь на стихии и, однако ж, в ничто не обращающиеся, опять возобновлены будут через воскресение, – так и небо и земля со всем, что на ней, то есть вся тварь имеет возобновлена быть и освобождена от работы тлению, и эти стихии вместе с нами сделаются причастными светлости, происходящей от Божественного огня. Как какой-нибудь сосуд медный, обветшавший и сделавшийся негожим, когда медник, растопив на огне, перельет его, делается опять новым, таким же образом и тварь, обветшавшая и ставшая непотребною по грехам нашим, будет Богом Творцом как бы растоплена в огне и перелита, и явится новою, несравненно светлейшею, нежели как она теперь есть. Видишь, как все твари имеют обновиться огнем. Почему божественный Петр и говорит: *сим убо всем разоряемым, кацем подобает быти вам во святых пребыеаниих и благочестиих?* И немного ниже: *темже, возлюбленнии, сих чающе, потщитеся нескверни и непорочни Тому обрестися в мире, и Господа нашего долготерпение спасение непщуйте, якоже и возлюбленный брат наш Павел по данней ему премудрости написа вам, якоже и*

во всех своих посланиях, глаголя в них о сих: в них-же суть неудобь разумна некая, яже ненаучени и неутверждени развращают, якоже и прочая писания к своей погибели им (2 Пет. 3, 11, 14–16). И это не тогда только делалось, но и в настоящее время очень многие, или и все почти мы делаем, по невежеству своему все извращая и перетолковывая слова Божественного Писания и всячески стараясь сделать их споспешниками себе в страстях и пагубных похотениях своих. Но посмотрим, что говорит и божественный Павел о творении и обновлении его. Сказав, что *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас,* вслед за сим говорит он: *чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает* (Рим. 8, 18, 19). Чаянием называет он сильное желание твари, чтоб поскорее сбылось откровение, или явление во славе сынов Божиих, какое имеет совершиться во всеобщее воскресение. Ибо тогда, во всеобщее воскресение, с пришествием Сына Божия обнаружатся сыны Божии, проявится красота их и слава, и они всецело, то есть и душою и телом, сделаются светлосиянными и препрославленными, как написано: *тогда праведницы,* то есть сыны Праведного Бога, *просветятся яко солнце* (Мф. 13, 43). Но чтобы не подумал кто, что сказанное апостолом относится к другой какой-либо твари, он прибавил: *суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании* (Рим. 2, 20). Видишь, что тварь не хотела повиноваться и служить Адаму, после того как он преступил заповедь Божию, потому что

видела, что он испал от Божественной славы? Для сего-то Бог прежде сотворения мира предопределил быть спасению человека через возрождение, какое имел он получить в силу воплощенного Домостроительства Христова, и на сем основании подчинил ему тварь и покорил ее тлению, так как тленным сделался человек, для которого она создана, – чтоб она каждогодно доставляла ему тленную пищу, – положив, когда обновит человека и сделает его нетленным, бессмертным и духовным, тогда вместе с ним обновить и всю тварь и сделать ее вечною и нетленною. Вот что открыл апостол приведенными словами: *суете тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании,* то есть тварь повинулась людям не сама по себе и не по своей воле сделалась тленною, дает плоды тленные и произращает терния и волчцы, но покорилась повелению Бога, Который определил сие для нее на уповании, что опять обновит ее. Чтоб полнее удостоверить в этом, апостол говорит наконец: *яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (Рим. 2, 21). Видишь, что вся эта тварь в начале была нетленною и создана Богом в чине рая? Но после Богом подчинена тлению и покорилась суете человеков.

5. Познай также и то, что это за прославление и светлосиянность твари будут в будущем веке? Ибо когда она обновится, то не будет опять такою же, какою была, когда была создана в начале, но будет такою, каким, по слову божественного Павла, будет наше тело. О теле нашем говорит апостол:

сеется тело душевное, востает не таким, каким было тело первозданного прежде преступления заповеди, то есть вещественным, чувственным, преложным, имеющим нужду в чувственной пище, – но *востает тело духовное* (1 Кор.

15, 44) и непреложное, такое, каким по воскресении было тело Господа нашего Иисуса Христа, второго Адама, перворожденного из мертвых, каковое несравненно превосходнее тела первозданного Адама. Таким же образом и вся тварь по повелению Божию имеет быть по всеобщем воскресении не такою, какою была создана – вещественною и чувственною, но имеет быть пересоздана и соделаться неким невещественным и духовным обиталищем, превысшим всякого чувства, и как о нас говорит апостол: *вси бо не успнем, вси же изменимся, вскоре, во мгновении ока* (1 Кор. 15, 51, 52), так и вся тварь, после того как перегорит в Божественном огне, имеет измениться, да исполнится и пророчество Давида, который говорит, что *праведницы наследят землю* (Пс. 36, 29), – конечно, не чувственную. Ибо как возможно, чтобы те, которые сделались духовными, наследовали землю чувственную? Нет, они наследят землю духовную и невещественную, чтобы иметь на ней достойное славы своей жилище, после того как сподобятся получить тела свои бестелесными, высшими всякого чувства.

Так вся тварь после того, как обновится и сделается духовною, станет обиталищем невещественным, нетленным, неизменным и вечным. Небо станет несравненно более блестя-

щим и светлым, чем оно теперь видится, станет совсем новым; земля восприимет новую неизреченную красоту, одевшись в многообразные неувядаемые цветы, светлые и духовные. Солнце будет сиять в семь раз сильнее, чем теперь, и весь мир сделается совершеннейшим паче всякого слова. Сделавшись духовным и Божественным, соединится он с умным миром, явится некиим мысленным раем, Иерусалимом Небесным, некрадомым наследием сынов Божиих. Этой земли не наследовал еще ни один человек; все мы странники и пришельцы. Когда же земное соединится с небесным, тогда и праведники наследят ту землю, обновленную уже, которой наследниками имеют быть те кроткие, кои ублажаются от Господа. Теперь пока иное из земного соединяется с небесным, а иное имеет еще соединиться с ним. Души святых, как мы сказали, при всем том, что соединены еще с телом в мире сем, соединяются с благодатию Святого Духа, – обновляются, изменяются на лучшее и воскресают от мысленной смерти; потом, по разлучении с телом, отходят в славу и светлосиянный свет невечерний; тела же их не сподобляются еще сего, но остаются во гробах и в тлении. Имеют и они сделаться нетленными во время общего воскресения, когда и вся эта видимая и чувственная тварь сделается нетленною и соединится с небесным и невидимым. Этому надлежит совершиться прежде, – и тогда приидет с силою и славою многою превожделенный и сладчайший Иисус Христос, Царь и Бог наш, судить мир и воздать каждому по делам его. Для сего

разделит Он обновленную тварь на многие обители и покоища, как бы дом какой великий или какие царские палаты со множеством разных помещений, и даст каждому часть его, какая кому подобает, соответственно светлости и славе, стяженной добродетелями. Так, Царство Небесное будет единое и иметь единого Царя всяческих, Который отовсюду будет виден всем праведным; будет Он спребывать с каждым праведным, и всякий праведный будет спребывать с Ним; будет светло сиять в каждом, и каждый будет светло сиять в Нем. – Но горе тем, которые окажутся тогда сущими вне оного небесного обиталища!

6. Но как об этом уже сказано довольно, то теперь я намерен раскрыть вам сколько можно и то, каким образом святые соединяются со Христом Господом и бывают едино с Ним. Все святые суть воистину члены Христа Бога и, как члены, сочетаны с Ним и соединены с телом Его, так что Христос есть глава, а все, от начала до последнего дня, святые – члены Его, и все они в совокупности составляют единое тело и, как бы так сказать, одного человека. Иные из них состоят в чине рук, делающих даже доселе, которые, исполняя всесвятую волю Его, претворяют недостойных в достойных и представляют их Ему; иные – в чине рамен тела Христова, которые друг друга тяготы носят или, возложив на себя обретенное овча погибшее, блуждавшее там и здесь, в горах и пропастях, приносят ко Христу и так исполняют закон Его; иные – в чине груди, которые источают для жаждущих и алчущих

правды Божией чистейшую воду слова премудрости и разума, то есть научают их слову Божию и преподают им мысленный хлеб, который вкушают святые Ангелы, то есть истинное богословие, как наперсники Христовы, возлюбленные Ему; иные – в чине сердца, которые в лоне своем любовию вмещают всех людей, приемлют внутрь себя дух спасения и служат хранилищем неизреченных и сокровенных Таин Христовых; иные – в чине чресл, которые имеют в себе родительную Божественных помышлений таинственного богословия силу и словом учения своего в сердца людей всевают семя благочестия; иные, наконец, – в чине костей и ног, которые являют мужество и терпение в искушениях, подобно Иову, и пребывают неподвижными в стоянии своем в добре, не уклоняются от налегающей тяготы, но охотно принимают ее и бодренно несут до конца. Таким-то образом стройно составляется тело Церкви Христовой из всех от века святых Его, бывает цело и всесовершенно, да будут едино все сыны Божии, перворожденные, на небесах написанные.

А что все святые суть члены Христовы и бывают едино тело, докажу это вам от Божественного Писания. И, во-первых, послушайте Самого Спасителя нашего, Христа Господа, как Он представляет нераздельное единение, какое имеют с Ним святые, в словах, сказанных Им апостолам: *Веруйте Мне, яко Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 11). *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20); еще: *не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя,*

да вт едино будут. Желая же показать, каким образом совершается сие единение, говорит далее: *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут.* И чтобы это еще яснее стало, прибавляет: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже и Мы едино есма: Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино.* Немного же спустя говорит еще: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне.* Наконец: *да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них* (Ин. 17, 20–26). Видишь глубину таинства сего? Познал пребеспредельное преизобилие преизобильной славы? Слышал о способе единения, превосходящем всякое помышление и разум? Сколь дивно сие, братие! Сколь неизреченно снисхождение любви человеколюбивого Бога, какое имеет Он к нам! Он дает обетование, что, если хотим, Он будет иметь с нами такое же единение по благодати, какое единение Сам Он имеет со Отцом по естеству, что и мы такое же точно единение возымеем с Ним, если будем творить заповеди Его. Что Сам Он имеет ко Отцу по естеству, то самое дает Он иметь и нам к Нему по благоволению и благодати.

О, страшное обетование! Ту славу, которую дал Отец Сыну, дает и нам Сын по благодати. И, что всего превыше, – как есть Сын во Отце и Отец в Сыне, так и Сын Божий бывает в нас и мы в Нем по благодати, если восхощем. О, благодать несравненная! Та любовь, какою возлюбил Бог и Отец единородного Сына Своего и Бога нашего, та самая имеет пре-

бывать и в нас, – и сам Сын Божий имеет быть в нас. – И благословно. Ибо единожды соделавшись сродным нам по плоти и нас соделав причастниками Божества Своего, Он тем самым соделал нас всех сродниками Своими. И другим способом (объясняя дело), – поелику Божество, сообщаемое нам через общение с Господом, есть несекомо и неотделимо, то необходимо и нам, сделавшись воистину причастниками сего Божества, быть неотделимыми от Христа, быть во едином духе единым телом. А что это так есть, как я говорю, послушай, что говорит святой Павел: во Христе Иисусе *несть раб, ни свободь, несть иудей, ни еллин, несть варвар, ни скиф, но всяческая и во всех Христос* (Гал. 3, 28; Кол. 3, 11). Видишь, что не сказал он: все христиане, но – все един Христос, как единое тело из многих членов. Послушай еще, как он же открывает это в другом месте. Сказав, что *комуждо дается явление Духа на пользу,* и перечислив разные дарования благодатные, говорит потом: *вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо якоже хощет.* И желая показать, что хоть разные силы Духа Святого подаются святым членам Христовым, но все они составляют единое тело, присовокупляет: *якоже тело едино есть и уды имать многи, вси же уди единаго тела, мнози суще, едино суть тело: тако и Христос. Ибо единем Духом мы вси во едино тело крестихомся, аще иудее, аще еллини, или раби, или свободни: и вси единем Духом напоихомся. Ибо тело несть един уд, но мнози* (1 Кор. 12, 7-14). Как в вечных обителях Бог каждому свя-

тому дает подобающую ему часть, как мы сказали прежде, так и в теле Церкви каждый причитается в такой член Христов, каким быть достоин. Это показывает опять тот же апостол Павел и в том же Послании, говоря: *ныне же положи Бог уды, единаго коегождо их в телеси, якоже изволи* (1 Кор. 12, 18). Итак, членов много, а тело одно. Желая же показать различие сих членов и какие это члены, говорит он: *вы есте тело Христово, и уди от части.*

И овых убо положи Бог в Церкви первее апостолов, второе пророков, третие учителей, потом же силы, таже дарования изцелений, заступления, правления, роди языков (1 Кор. 12, 27, 28).

Видел теперь различие членов Христовых? Познал, какие это члены? Послушай теперь о единении сих членов со Христом и о том, как и святой Павел объясняет его согласно с Господом. Господь наш сказал, что какое единение имеет Он со Отцом, такое же единение имеем и мы с Ним. И апостол Павел говорит, что мы имеем со Христом такое же единение, какое единение имеет муж с женою своею и жена с мужем своим. Именно он говорит: *жены, своим мужем повинуйтеся, якоже Господу, зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава Церкве, и Той есть Спаситель тела.* И опять: *мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби Церковь, и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе, да представит ю Себе славну Церковь, не имущу скверны или порока, или нечто от таковых, но да*

будет свята и непорочна. Немного ниже говорит опять: *любяй свою жену* (вникни, прошу, потщательнее в смысл слова), *себе самаго любит. Никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Господь Церковь: зане уди есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 22–30). Видишь, как он показал нам, что как Ева бысть от плоти и от костей Адама и были они оба в плоть едину, так и Христос преподает нам Себя Самого, да будем причастниками плоти Его и костей Его, – каковые показал Он апостолам, когда по воскресении из мертвых явился им и сказал: *осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лк. 24, 39). Сии-то кости и сию-то плоть дает Он нам вкушать в Пречистых Таинах, – и сим способом общения делает нас едино с Самим Собою. И святой Павел, желая показать предивное единение, какое имеем мы с Богом, говорит после приведенных слов: *сего ради оставит человек отца своего и матерь,* то есть ради Христа оставит человек кровное родство свое, *и прилепится к жене своей,* то есть к Церкви, *и будета два в плоть едину* (Еф. 5, 31), то есть в Плоть Христа и Бога. А что слово Павлово именно такой имеет смысл, а не мы посредством своих умозаключений придумываем его, сие явствует из слов апостола, которые он говорит вслед за сим: *тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа, и во Церковь* (Еф. 5, 32). И воистину тайна сия есть и пребудет великою, и превыше всего великого. Какое единение, общение, освоение и сроднение имеет

жена с мужем и муж с женою, такое же единение и сроднение имеет и Владыка наш и Творец всяческих со всею Церковью, как с единою женою, и бывает едино с нею, и всегда нераздельно пребывает с нею, как с возлюбленной Ему. Но единение сие бывает боголепно, как лепо есть Богу единиться с Церковью, – что и недомыслимо, и неизреченно. Опять и Церковь единится с любимым от нее Богом и прилепляется к Нему так, как тело прилеплено к своей голове. Ибо как тело не может жить без своей головы, так и Церковь – собрание верующих, то есть сынов Божиих, на небесех написанных, не может быть цельным и совершенным телом без Главы своей, Христа Бога нашего, и не может жить истинной и вечной жизнью, если не будет питаема от Него каждодневно насущным хлебом, от коего приемлют истинную жизнь все любящие Его и растут в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Его. Поелику, таким образом, из сказанного явно, что все святые, от начала мира бывшие и имеющие быть до скончания его, составят единое тело со Христом и во Христе, то есть благодатию Христовою; то скажу теперь и о том, каким образом подобает наполниться вышнему миру.

7. Но прошу, отверзите слух ваш и внемлите добре, потому что слово наше будет о Божественных вещах. И, во-первых, надобно нам познать, какой это мир, коему надлежит наполниться, и притом так, что если он не наполнится, то не придет и конец, по святому Григорию Богослову; во-вторых, надо познать, какой это конец, о коем говорит он. Я пола-

гаю, что мир преукрашенный есть Церковь Христова и весь человек, в коем, как говорит Писание, обитает и ходит Бог (взято из: *вселюся в них и похожду),* и посылает в него светлые лучи благодатных даров Своих, яко Солнце Сый правды. О Церкви слышали мы выше, что она называется телом Христовым и невестою Его, как говорит невестоводитель ее святой Павел: *обручих вас единому Мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2), – и пророк Давид: *предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена* (Пс. 44, 10). Хотя слова сии относятся ко Пресвятой Богородице, но приличествуют и Церкви Сына Ее и Бога, как показывает следующая за тем речь: *приведутся Царю девы* (то есть души) *в след ея, искренния ея* (души) *приведутся Тебе: приведутся в веселии и радовании, введутся во храм Царев* (15, 16). Храм сей, о коем здесь говорится, какой это, полагаешь ты, есть, и как есть? Думаешь ли, что это есть другое какое обиталище, вне и кроме сего Самого Царя? Нет, не другое. Ибо как Христос есть Глава Церкви, так Он же Сам есть опять и храм ее, как и Церковь есть храм Христов и мир прекрасный, как явно из сказанного нами выше, – что, впрочем, надобно снова пересказать для лучшего уяснения дела. – Господь наш Иисус Христос говорил ко Отцу Своему, в слух апостолов и всех верующих: *не о сих молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут* (Ин. 17, 20, 21). Как да будут едино? *Якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17,

21). Видишь, как Он есть и Царь, и храм всех спасаемых? Познай же и то, как опять и все верующие, то есть царица – Его Церковь, и девы, последующие вслед ее, то есть души верных, будут храмом и миром Царя и Бога. И познай сие, во-первых, от Самого Царя Христа, Который говорит: *Аз в них, и Ты,* Отче, *во Мне, да будут совершени во едино* (Ин. 17, 23). Потом познай сие и от ученика Его, который говорит: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16). Видишь, как слова апостола согласны со словами Владыки Христа? Эти апостольские слова показывают, что Церковь есть храм, град, мир Царя Бога. И ведай, что Бог, говоривший тогда через пророков и апостолов, Он же Самый и теперь говорит через них.

8. Поелику же Церковь есть Тело Христово, и невеста Христова, и мир вышний, и храм Божий, члены же Тела сего суть все святые, а между тем они не все еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что тело Христово еще не есть целое вполне, что не наполнился еще и вышний мир, то есть не весь еще сонм людей вошел в Церковь Божию. Но и доныне есть еще в мире много неверующих, которые имеют уверовать во Христа, есть много грешников, которые имеют покаяться, есть много непокоривых, которые имеют покориться Христу; многие еще имеют родиться и благоугодить Богу, прежде чем вострубит последняя труба. Итак, надлежит родиться всем предуведанным от Бога и наполниться превысшему сего мира миру Церкви первородных, Иеруса-

лиму Небесному; и тогда совершится полнота Тела Христова, приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны света и дня. Таковые все суть предопределенные и преднаписанные, и в число спасенных включенные, и имеют соединиться и сочетаться с Телом Христовым, которое тогда сделается всецело полным и совершенным Телом Христовым, и не будет уже у него ни одного недоставать члена. Так есть воистину, как открывает апостол Павел, говоря: *дондеже достигнем вси в соединение веры... в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). *Ихже бо предуведе, тех и предустави сообразных быти образу Сына Его: а ихже предуставы, тех и призва; а ихже призва, сих и оправда: а ихже оправда, сих и прослави* (Рим. 8, 29, 30). Видишь, как все святые предуведаны и предопределены. Послушай еще, как апостол говорит, что они еще и написаны на небесех: *приступисте к Сионстей горе и ко граду Бога живаго, Иерусалиму Небесному и тмам Ангелов, торжеству и Церкви первородных на небесех написанных* (Евр, 12, 22, 23). Если же они таким образом написаны, то явно, что и исчислены, как написано: *позна Господь сущия Своя* (2 Тим. 2, 19), и как говорится в Евангелии: *вам же и власи главнии вси изочтени суть* (Мф. 10, 30). Если и власы главы нашей изочтены у Бога всеведущего, не тем ли паче изочтены мы сами? Итак, поелику все святые предуведаны, предопределены и исчислены, как и написаны по имени на небесах, и поелику все они суть члены Христо-

вы и имеют быть все едино Тело Христово, то явно, что когда все они собраны будут и составят полное Тело Христово, тогда и вышний мир, Иерусалим Небесный, который есть Церковь первородных, наполнится, и тело царицы Божией, Церкви, которая есть Тело Христа Бога, явится всецело полным и совершенным. – Где теперь те, которые в суете ума своего, на пагубу себе, выдумывают какие-то обители вне Царства Небесного? Где те, которые говорят: не хотим войти в Царство Небесное, потому что это много для нас, но хотим быть в каком-нибудь месте упокоения, – и этого достаточно для нас? Все от века святые составят единое Тело Христово; где же инуды хотят быть эти, если окажутся недостойными быть в Теле Христовом и отсечены будут от него, как члены непотребные? Воистину *осуетились они помышлениями своими и омрачилось неразумное их сердце: глаголющеся быти мудри, объюродеша* (Рим. 1, 21, 22).

9. Посмотрим, что это за брак таинственный? Святое Евангелие говорит: *уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему* (Мф. 22, 2). Кого здесь называет царем Господь наш Иисус Христос? Никого иного, как Самого Бога и Отца Своего. И для кого другого сотворил Отец браки, кроме Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа? Какого же царя дщерь благоволил Владыка всяческих и Господь избрать в невесту Сыну Своему? Из нас, людей, каждый, собираясь женить сына своего, со всем вниманием высматривает ему в невесты

дочь какого-нибудь более знатного и более богатого, чем сам он. Но Бог кого найдет хоть бы сколько-нибудь равным Себе, чтоб дочь его взять в невесты Сыну Своему? О сем царе говорится у пророков, что Он есть *содержай круг земли, и живущии на ней яко прузи* (Ис. 40, 22), *Бог вечный, Бог устроивый концы земли* (Ис. 40, 28), и *на ничесомже утвердивый столпы ея* (Иов. 38, 6), *призираяй на землю и творяй ю трястися* (Пс. 103, 32). Итак, такой царь, чью дочь взял в невесты и сотворил браки Сыну Своему? Узнаете, чью. Но безмерное снисхождение Божие делает меня исступленным. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благостью Его, приемлю смелость и говорю, что взял Он дочь человека, согрешившего пред Ним, сотворившего блуд и убийство, то есть взял в невесты дочь блудника и убийцы. Видишь ли благость и снисхождение неизреченное и несравненное? Видишь ли презельное человеколюбие? Видишь ли море любви и благостыни? После сего всякий, считающий себя великим, пусть научится из того, что я говорю, смиренно-мудрствовать и никого никогда не презирать, хотя бы он был царь, величайший всех других царей, или вельможа, знатнейший всех других вельмож, или богач, богатейший всех богачей. Пусть взирает он на Владыку и Господа всяческих, Святого святых, блаженного Бога и единого Вседержителя, живущего во свете неприступном и неизреченном, – на Него, говорю, пусть смотрит, как Он снизошел столь много, что благоволил взять дочь блудника и убийцы в невесты Единород-

ному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неисследимому, Содетелю и Творцу всяческих, тебя ради и твоего ради спасения. Но кто сей блудник и убийца, коего дочь избрал Бог в невесты Ему? Давид, сын Иессеев, убивший Урию и соблудивший с женою его. Его-то дочь, говорю, Марию, Пренепорочную, Чистую и Пречистую Деву взял Он в невесты. Я называю Ее Пренепорочною и Пречистою, сравнивая Ее с нами, человеками, рабами Ее; но сравнивая Ее с Женихом Ее и Отцом Его, называю Ее человеком, как и все люди, только Святою и Пресвятою паче всех людей, Непорочною и Чистейшею из всех родов.

Итак, Ее, Деву Марию, взял Он в невесты и сотвори браки Сыну Своему. Каким образом? Слушай повнимательнее. Отец Господа нашего Иисуса Христа послал с высоты небесной одного из рабов Своих, Гавриила Архангела, сказать Деве: радуйся! Он тотчас сошел на землю и соделался служителем таинства, говоря Деве: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! И со словом сим во утробу Девы вошло все ипостасное, единосущное и совечное Отцу Слово Бог, и через наитие и содействие единосущного Ему Духа восприяло плоть от непорочных и чистых кровей Ее, соделавшись совершенным человеком с телом и душою. И се неизреченное сочетание!

Се таинственный брак Божий! Так совершился новозаветный союз Бога с человеками: Он принял плоть и даровал Божество. Сам пресущественный, преестественный, Бог нес-

лиянно соединился с тленным и бедным естеством и существом нашим человеческим. Зачала Дева, и предивно родила о двух естествах, Божестве и Человечестве, единого Сына, совершенного Бога и совершенного Человека, Господа нашего Иисуса Христа, Который ни девства Матери Своей не нарушил, ни от недр Отца Своего не отлучился.

Впрочем, руководясь словами Святого Евангелия, мы можем помыслить при сем и сказать и иное нечто, что таинственно всегда бывает со всеми сынами света. Ибо по какой причине не сказано: сотвори брак Сыну Своему, а – *браки?* По какой? По той, что такой же точно брак бывает и с каждым верным сыном дня. Бог и с нами сочетавается пречистым и пренепорочным браком и производит в нас некое таинство, высшее всякой человеческой силы. Что же такое есть это, производимое Им в нас? Послушай со вниманием, да уразумеешь. После того, как Сын Божий и Бог, вошед во утробу Пресвятой Девы и восприяв от Нее человеческое естество, и соделавшись человеком, родился от Нее, как мы сказали, совершенным человеком и совершенным Богом, будучи один и тот же и Бог и человек неслиянно, – после сего, коль скоро и мы, человеки, веруем в Сына Божия и Сына Приснодевы и Богородицы Марии и, веруя, приемлем верно в сердца свои слово о сем и устно сие исповедуем, каясь при сем от всей души во всех прежних грехах своих, тотчас сей Бог Слово Отчее входит и в нас, как и во утробу Приснодевы: мы приемлем Его, и Он бывает в нас, как семя. Слыша о

сем страшном таинстве, ужасайся, но приемли слово о нем с верою и убеждением. Так зачинаем Его и мы, не телесно, как зачала Дева и Богородица Мария, но духовно, однако же существенно. Мы имеем в душах своих Того Самого, которого зачала и Пренепорочная Дева, как говорит божественный Павел: *Бог рекий из тмы свету возсияти, Иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове* (2 Кор. 4, 6). Это то же есть, как бы он сказал: Сам Он весь существенно вошел в нас. А что такой смысл имеет слово апостола, это видно из следующих за тем слов: *имамы же сокровище сие в скудельных сосудех* (2 Кор. 4, 7). Сокровищем называет он Сына Божия, в Коего благодатию Святого Духа облекаемся и Коего имеем в сердцах своих. Так и мы, когда веруем от всей души, всесокрушенно каемся, зачинаем в сердцах своих Бога Слово, как Дева, имея то есть и мы души свои девственными и чистыми. И как Пресвятой Девы не опалил огнь Божества, так как Она была Пренепорочна, так и нас не опаляет он, когда имеем сердца свои чистыми и непорочными, но бывает в нас небесною росою, источником воды живой, потоком жизни вечной. Что мы подобным образом приемлем непокровенный огнь Божества, об этом послушай, как говорит Сам Господь: *огня приидох воврещи на землю* (Лк. 12, 49). Какой это другой огнь, кроме единосущного по Божеству Духа, с Коим вместе входит в нас и созерцается и Сын со Отцом? Но поелику Сын Божий и Бог воплотился уже однажды от Девы и родился от Нее телесно,

паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и рождаться телесно в каждом из нас, то что Он творит? Ту самую пренепорочную плоть, которую принял Он от Пречистой Марии Богородицы и в коей от Нее родился, преподает нам в Таинстве, и, вкушая ее, мы имеем внутрь себя, разумеется каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы, Пренепорочной Марии, седящего одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно, яко плод чрева, как был в Пресвятой Деве, но есть бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизреченно, и нас обоготворяет, так как мы соделоваемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его и от костей Его.

И сие-то есть великий плод неизреченного Домостроительства и снисхождения к нам Господа нашего! Сие-то есть страшное таинство, о коем пишу, трепеща! Но поелику Бог хощет, чтоб любовь Его к нам была явно представляема всем, дабы и мы иной раз помыслили о великой Его благости и, устыдясь, возревновали и сами восприять любовь к Нему, то и я подвигся к тому, чтобы письменно объявить вам о сем таинстве. Не то я доказываю, будто какой-нибудь человек уподобляется Пресвятой Деве, родившей Господа, по образу неизреченного рождения Ее. Да не будет. Этому быть никак невозможно, потому что ино есть воплощенное рож-

дение Бога Слова, бывшее от Пресвятой Богородицы, и ино то, которое бывает духовно в нас. В том воплощенном рождении, в коем Пресвятая Богородица родила Сына Божия и Бога воплощенного, совершилось таинство воссоздания рода человеческого и спасения всего мира, которое есть Господь наш и Бог Иисус Христос, соединивший в Себе расстоящиеся естества – Бога и человека, и понесший грех мира. А это духовное рождение совершает в нас таинство обновления душ человеческих, благодатию Святого Духа соединяя и сочетавая нас с воплотившимся Сыном Божиим и Богом, через Коего мы *во чреве прияхом и поболехом, и родихом дух спасения* (Ис. 26, 18). Возвещаю же я о сем для того, чтоб явно представить неизреченную любовь Божию к нам и то, что если захотим, то и мы все, изъясненным выше способом, можем соделаться материю Иисуса Христа Господа и братьями Его, и подобными ученикам Его и апостолам, не по достоинству оных и не по трудам, какие подъяты ими в проповеди Евангелия, но по благодати Божией, которую богатно изливает Он на верующих в Него и последующих Ему, не возвращаясь вспять, как Сам Христос всем явно возвещает о сем, говоря: *Мати Моя и братия Моя ст суть, слышащии слово Божие и творящии е* (Лк. 8, 21). Видишь, как Он всех, слышащих слово Его и творящих оное, возводит в чин матери Своей и называет их братьями и сродниками Своими? Но в самой вещи Материю Его есть Пресвятая Богородица, неизреченно родившая Его воплощенным, а святые все зачинают

и имеют Его в душах своих по благодати. От Пренепорочной Матери Своей Он заимствовал пречистую плоть, а Ей даровал Божество вместо плоти, которую Она дала Ему. О, предивный и пречудный обмен! А от святых не заимствует Он плоти, но им преподает собственную обоженную плоть. Помысли, сколь велика глубина сего таинства! Огнь Божества Спасителя нашего и Бога есть от существа и естества Отча, а плоть Его не оттуда есть, но от пречистой и пресвятой плоти Богородицы и от пречистых Ее кровей. От Нее принял Он плоть, сделал ее собственною Своею и обожил, по слову Евангелия, которое гласит: *и Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14). И теперь преподает сию плоть святым Своим – Он, Сын Бога и Отца и Пресвятой Богородицы Марии. От естества и существа присносущного Отца Своего подает Он им благодать Духа, то есть Божество, как говорит через пророка Иоиля: *и будет в последния дни, излию от Духа Моего на всяку плоть* (Иоил. 2, 28), то есть верующую; и от существа и естества Матери Своей дает плоть, которую принял от Нее. И как *от исполнения Его,* то есть от Божества, *мы вси прияхом* (Ин. 1, 16), так все причащаемся и Пречистой Плоти Его, которую принял Он от Матери Своей. И как Христос и Бог наш сделался Ее Сыном и братом нам; там и мы, о неизреченное человеколюбие, делаемся сынами Богородицы, Матери Его, и братьями Его, Христа и Бога нашего. От Нее и в Ней непостижимо родился Сын Божий; а от Него родились и рождаются все святые. Матерь Божия восприяла, как семя, Слово

Бога и Отца, зачала и родила только Его одного, рожденного от Отца прежде всех век и воплотившегося от Нее в последние лета. Его только одного родила Она, а Он, Сын Ее, каждый день рождает тех, которые веруют в Него и хранят заповеди Его. Семя смертного и тленного мужа рождало и рождает от жены сынов тленных и смертных, а бессмертное и нетленное воплощенное Слово бессмертного и нетленного Бога рождало и рождает всегда сынов бессмертных и нетленных. Как Сам Он первый родился во Святом Духе от Пресвятой Богородицы, а от Него все святые, то Матерь Божия есть Матерь и всех святых, Госпожа, Царица и Владычица, а все святые суть Ее рабы, так как Она есть Матерь Божия. Суть они и Ее сыны, потому что причащаются Пречистой Плоти Сына Ее. Слово сие истинно, потому что Плоть Господня есть плоть Богородицы. И когда причащаемся мы сей Плоти Господа обоженной, исповедуем и веруем, что причащаемся жизни вечной, кроме разве если вкушаем ее недостойно, на осуждение себе самим. Так святые суть сродники Богородицы по трем причинам: первая та, что от той же земли имеют тело и от того же дуновения Божия душу; вторая та, что причащаются Плоти, которую Христос приял от Нее; третья та, что каждый из них освящением и благодатию нисходящего на них Духа восприемлет и имеет в себе Бога всяческих, как и Пресвятая Богородица прияла и имела Его в Себе Самой. Ибо хотя Она родила Его телесно, но несомненно, что имела Его в Себе всего и духовно, имеет Его и теперь всегда неот-

лучным от Нее.

Вот таинство браков, кои сотворил Бог и Отец равночестному, единосущному и соприсносущному Единородному Сыну Своему и звал на них многих. Он послал рабов Своих звать званных на браки, но они не хотели пойти. Кто же были эти посланные? – Пророки. А кто позванные? – Евреи. Они и тогда, и с самого начала были позваны, но не хотели слушать звавших. Тогда послал, говорит Евангелие, Царь Отец других рабов, говоря: *рцыте званным: се, обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки. Они же небрегше отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя: прочии же емше рабов его, досадиша им и убиша их* (Мф. 22, 4–6). Кого же называет здесь Господь вторыми рабами посланными? Святых апостолов Своих. А обед какой это? Небесное Царствие, которое уготовал Бог от сложения мира для званных и приходящих на него по собственному произволению. Юнцами же и упитанными кого называет Он? Самого Сына Приснодевы и Бога, Который есть телец упитанный от сложения мира, на сие определенный, на то т. е., чтоб быть приносиму в жертву и быть снедаему. Он же есть и юнец, яко по силе Своей непобедимый. Назван же Он здесь юнцами во множественном числе потому, что Святая Плоть Его разделяется на многие частицы, из которых каждая есть опять весь Христос. Он столь силен, что побеждает всех врагов тех, кои причащаются Его, и им самим дает силу побеждать мир и область чадами Божии-

ми быти. Называется еще и единолетным агнцем Он, всенепорочный Агнец Божий, яко всесовершеннейший, каковым был. Он носит Крест, как роги, которым (крестом) дал Он и смертоносный удар врагу нашему, диаволу, когда на нем распяли Его и убили евреи.

Другими рабами, как я сказал, называет здесь Господь святых апостолов, которых послал Он созывать проповедью, заповедав им на путь язык не идти, и во град Самарянский не входить, но идти паче к погибшим овцам дома Израилева, то есть к евреям; но они и апостолов не приняли, а иных из них поносили и били, иных же совсем убивали, из числа которых есть и первомученик Стефан. *И слышав* о сем *царь той разгневася, и послав воя своя, погуби убийцы оны и град их зажже* (Мф. 22, 7). Убийцами называет Господь нечестивых евреев, которых Он побил, уничтожил и опустошил посредством римских воинов. Ибо и злые называются Божиими воинами, когда посылаются для наказания других злых, как говорит пророк Давид: *посла на ня гнев ярости Своея, ярость и гнев и скорбь, послание ангелы лютыми* (Пс. 77, 49). *Тогда* наконец *глагола* царь *рабом своим: брак убо готов есть, званнии же не быша достойни. Идите убо на исходища путей, и елицех аще обрящете, призовите на браки* (Мф. 22, 8, 9). Видишь ли последовательность и порядок вещей? Видишь ли точность притчи? – *Тогда глагола:* когда это? Когда евреи, позванные апостолами в Царство Небесное, не только не восхотели слушать их, но поносили их и убивали. Тогда

уже послал Он их во весь мир, ко всем языкам. *И изшедше,* – говорит далее притча, – *раби они на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих* (Мф. 22, 10). Апостолы обошли всю вселенную, проповедуя слово Божие, и собрали в единство веры и боговедения всех тех, которые послушались их и которые были злы, но преложились от злых дел своих и сделались добрыми. *Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное, и глагола ему: друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранных* (Мф. 22, 11–14). Видишь, что говорит Господь? Что на браки собираются те, кои прелагаются от зла и делаются добрыми и добродетельными; те же, которые имеют в себе какое-либо лукавство или зло, хотя и входят на браки, но извергаются и изгоняются со стыдом Ангелами, которые здесь называются слугами. Те, которые остались сидящими за брачною трапезою, суть святые. Впрочем, я знаю некоторых, которые думают, что под не имущими одеяния брачного должно здесь разуметь тех, которые осквернили тела свои блудами, прелюбодеяниями и убийствами, но это не так. Всякий, оскверненный какою бы ни было страстью и греховною склонностью, не имеет одеяния брачного. И что это справедливо, послушай, что говорит святой Павел: *не льстите себе: ни блудни-*

цы, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы (которые называются и идолослужителями), *ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы* (но скажу и от себя: ни те, которые имеют ненависть или зависть к какому-либо брату), *Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9, 10) и не имеют части и места в брачном торжестве Господа нашего Иисуса Христа. Видишь, как всякая страсть и всякий грех оскверняют одежду души нашей и изгоняют нас из Царства Небесного?

10. Оставим же суетные и бесполезные изыскания и перестанем усиливаться узнать то, что выше сил наших, последуя заповеди Господа нашего Иисуса Христа, Который говорит: *испытайте Писания* (Ин. 5, 39) – испытайте, а не увлекайтесь многою пытливостью и совопросничеством. Не вдавайтесь в изыскание того, что вне Божественных Писаний, но испытайте Писания, чтоб познать все о вере, любви и надежде. О вере, – чтоб не влаяться всяким ветром, то есть чтоб не колебаться всяким чуждым еретическим учением, как свойственно людям неутвержденным и непостоянным, но быть твердым в правых догматах Церкви Апостольской и Вселенской и правильно мудрствовать о предметах веры; и не это только, но чтоб познать и научиться, как стяжать плод веры и то благо, которое происходит от нее через исполнение заповедей Божиих. Когда обретете вы плод веры, тогда стяжете и надежду твердую и непостыждающую, вместе же с нею стяжете и любовь к Богу совершенную. Ибо ни одному человеку

невозможно стяжать совершенную любовь к Богу иначе, как только верою чистою и надеждою твердою и несомненною.

Для чего же оставили мы испытывать и исследовать самих себя по тем добродетелям, о коих мы сказали, – исследовать, например, имеем ли мы такую веру в Бога, какую иметь заповедует Сам Он, имеющий судить нас и требовать от нас такой веры, – а пытаемся узнать то, что выше сил наших, мы, не знающие хорошо и того, что находится у нас пред глазами? Но какова есть та вера, которой требует от нас Бог и которую иметь в Него обязаны все мы? Он Сам открыл нам об этом в Святом Евангелии, говоря: *аще хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми* (Лк. 9, 23). *Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26). И опять: *иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* (Мк. 8, 35), – и еще: *любяй душу свою погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25). Слышали, какие признаки настоящей веры? Довольно ли же для вас сказанного, или имеете нужду, чтобы я напомнил вам и о другом нечем? Если желаете знать, что Бог требует от нас такой веры, чтоб мы совершенно никакого попечения не имели о настоящей жизни, но все упование относительно ее возлагали на Него единого; научитесь сему от Самого Господа, Который явно возвещает: *не пецы-*

теся глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся (Мф. 6, 31). И мало-помалу возводя нас к совершеннейшему, говорит: *аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую, и хотящему судитися с тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мф. 5, 39, 40). И *от взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30). Желая же возвести нас до крайней меры преизбыточества в вере, заповедует нам *любить врагов наших, благословлять клянущих нас, добро творить ненавидящим нас и молиться за творящих нам напасть* (Мф. 5, 44). И другое многое заповедует Он нам делать.

Всем этим, во-первых, обнаруживается, какую веру должны мы иметь в Бога; а во-вторых, обнаруживается, что тогда только следует нам именоваться истинно верными, когда исполняем заповеди Его. Ибо без таких дел мертва вера наша, и мы еще мертвы. Испытай же, брате, себя самого добре; и если найдешь, что ни в чем сказанном не имеешь недостатка, но все то творишь с великим усердием и теплым сердцем, то уразумеешь тогда, что вместе с светом веры имеешь ты и непостыждающую надежду; не ту надежду, которая порождается самомнением и тщеславием в погибающих и каковой надежды прелести и лжи не может познать никто из тех, которые питают ее, но надежду, говорю, добрую, истинную, и которая бывает вместе с истинным и не обманывающим светом веры, и поверх которой узришь ты восседающую, как на Херувимах, Любовь, которая есть Бог. Когда

обретешь ты таким образом сию Любовь и узришь ее, с тех пор и после не захочешь уже много пытать ни о чем будущем и невидимом, даже и других будешь заставлять не говорить ни о чем таком, станешь убеждать их не пытать ни о чем из этого и не заводить споров и состязаний о том, что имеет быть в другой жизни, поколику сам ты из того своего опыта познал, что все будущее и невидимое неизъяснимо и недомыслимо. Если же ты не сделал еще того, что может тебе первому дать познать, что ты истинно верный христианин, – но по сличению с неверными, ты – верный, а по сличению с верными совестью своею обличаешься яко неверный, – и не имеешь еще совершенной надежды и удостоверения, что имеешь быть в числе спасенных, и не можешь говорить, как говорил святой Павел: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее соблюдается мне венец правды, его-же воздаст ми Господь в день он, праведный Судия* (2 Тим. 4, 7, 8); то что пытаешь и спрашиваешь узнать, будут ли святые знать друг друга в Царствии Небесном, когда приидут в созерцание Бога, Который выше всего, и будут зреть Его? Скажи мне, какая тебе польза от этого изыскания? Желал бы я узнать от тебя, какую пользу получишь ты, не имеющий части со Христом, но, как мы сказали, обличаемый совестью своею, что не сохранил заповедей Его, если узнаешь о покое, славе, утешении и блаженном состоянии святых, какого сподобятся они в Царстве Небесном?

Наверное никакой не получишь пользы, но больше еще

навлечешь на себя осуждение за то, что при всем том, что познал такие высокие предметы, презираешь их и не хочешь отбросить самомнение и тщеславие и стяжать смирение. Но спрошу тебя и еще, и ты мне ответь спокойно и кротко: если, например, какое-нибудь малое дитя, которое не узнало еще первых букв азбуки, – если, говорю, такое дитя начнет спрашивать истолкования того, что относится к грамматике и риторике, то какой разумный человек согласится отвечать хоть одним словом на такие неразумные вопросы, а не прогонит его скорее как несмысленное, детски мудрствующее и ищущее без толку то, что выше сил его? Если же справедливо так поступит в этом случае, земном и ничтожном, не тем ли паче надлежит так поступить в отношении к тому, что выше слова, и разума, и всякого чувства? Впрочем, если кто и не выучится сам читать, то ничего нет странного и дивного, если, слушая сочинения, написанные эллинами, будет понимать их, как писаные на его языке и о предметах, не превышающих его смысла, ибо слово эллинов – для вещей чувственных, и сказания их суетны и о суетном.

Но те предметы, о которых ты спрашиваешь, не таковы. Они суть таинства сокровенные и недомыслимые, как говорит пророк Давид: *приклони небеса и сниде, и мрак под ногама Его* (Пс. 17, 10). Какой это мрак? Плоть Господа. Сошел Он и облекся плотию, как облаком примрачным. Далее говорит пророк: *и взыде на Херувимы и лете: лете на крилу ветреню. И положи тму закров Свой* (Пс. 17, 11, 12).

Видишь ли, что пытание твое касается не простых чувственных вещей, но предметов Божественных, непостижимых, которые не всяким удобно понимаются? Если Сам Господь положил тьму покровом таин Своих и потребен некий великий свет Всесвятого Духа для уразумения сокровенных Его Таин, то ты, еще не сделавшийся обиталищем сего света, как пытаешь познать то, что познать сил не имеешь, как еще несовершенный и непросвещенный? Но чтоб тебе не подумалось, что как ты сидишь во тьме, так и Господь вошел во тьму и скрылся (мраком покрылся), для того говорит еще святой Давид: *окрест Его селение Его* (Пс. 17, 12). Селение же это святой Павел называет светом: *во свете живый неприступнем* (1 Тим. 6, 16). Впрочем, оба они, и пророк Давид, и апостол Павел, когда, желая показать, что Божество Его непостижимо, говорят: один, что *окрест Его селение Его,* а другой: что *Он живет во свете неприступном;* не то показывают, будто Бог как-нибудь ограничивается и описуется, но такое образное употребляют выражение для пытливых, говоря как бы им: о неразумные пытливцы, не думайте, что Господь и Бог наш, вознесшись, вошел в какую-либо тьму и сокрылся. Он всегда пребывает во славе Божества Своего, которая наполняет все и есть паче (пространнее) всего, в каковой славе Он пребывал и прежде, чем произошло все; но да не погибнем мы в конец от молнийных блистаний Божества Его, положил Он тьму за кров Свой, которая покрыла не Его, а нас: ибо *Бог наш,* – говорит Писание, – *есть огнь*

поядаяй (Евр. 12, 29) не праведных, но грешных.

Так вот, возлюбленный, узнал ты в немногих словах Божественные и страшные таинства веры нашей; узнал, что Бог сошел на землю и опять восшел на небеса и положил тьму за кров Свой. Ибо не подобает прежде будущего Суда Ему явлену быть нам во славе Отца Его, то есть в Божественной, но подобает сему быть тогда, когда восхощет Отец, Который определил тому время, состоящее в Его власти. Если, таким образом, тайны Царства Небесного сокровенны и, по слову Господа, никому не дано знать их, то для чего оставил ты делание заповедей Его и пытаешь о тайнах, которые сокрыты от всех людей? Ибо се слышишь апостола Павла, который говорит о сем: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Но прежде Вознесения Своего на небеса и положения тьмы за кров Свой Господь дал нам заповеди, как некоторые орудия (мастерские инструменты), дал и веру в Него, как некую художницу и мастерицу, чтоб таким образом мы были обделываемыми сосудами, веру – художницею, а заповеди – орудиями, посредством которых вера, или всехудожное Слово, воссозидает и обновляет нас, когда являемся делателями заповедей Его и деланием их очищаемся, и, преуспевая в сем, освещаемы бываем Святым Духом и получаем ведение таин Царства Небесного. И как ни орудия без художника, ни художник без орудий не могут сделать никакого сосуда, так ни вера без делания заповедей, ни делание заповедей без ве-

ры не обновляют и не воссозидают нас, или не делают новыми из ветхих. Когда же стяжеваем оба сии сердцем нераздвоенным, то есть и веру, и заповеди, и делаемся для Владыки Христа благопотребным сосудом, гожим для приятия духовного мира, тогда и Господь, положивший тьму за кров Свой, обновляет в нас благодать Святого Духа, делает нас из ветхих новыми, восставляет живыми из мертвых, рассеивает тьму, проводит ум наш об ону страну тьмы оной и дает ему благодать приникать туда и как бы в малое некое отверстие узревать там столько света, сколько видится его в круге солнца или луны. Таким созерцанием он научается, или, лучше сказать, просвещается, и с убеждением познает, что верующие во Христа, и особенно крещеные младенцами и не чувствующие в себе действия благодати Божией, не могут возыметь даже малой какой части в неизреченных благах Божиих иным способом, кроме как смирением сердца, несомненною верою и вседушным произволением (посвятить себя на служение Богу), то есть не иначе, как если станут соблюдать все заповеди Божии, отвергнутся мира и всего, что в мире, вместе и с пожеланиями своими, охотно и с радостью станут нести все труды и претерпевать все искушения, которые неизбежно испытывать на пути добродетели.

Ты же, прочитавший сие, исследуй себя самого не в возношении лжеименного знания внешней премудрости и не под нагромождением суетных помышлений, со страхом и трепетом. И если хочешь узнать, какова твоя жизнь и каково со-

стояние, спроси душу свою и скажи ей: душа, исполнила ли ты все заповеди Божии или нет? И она, открыв уста совести своей, непременно скажет тебе настоящую истину. Она не станет тебя стыдиться, но обличит тебя и покажет, какие сокровища заложил ты в себя самого, добрые или худые. В свидетельстве совести своей ты найдешь, любил ли ты мир или Бога предпочитал миру; искал ли ты славы человеческой или вожделевал славы Божией; и скажу коротко, если всмотришься в совесть свою и перещупаешь там все, как в сундуке каком, извлекая находящееся там одно за другим, – то все узнаешь чисто-начисто. Ибо предположи в уме своем, что в сундуке совести души твоей находятся – идольчики славолюбия и тщеславия, истуканчики человекоугодия, сласти (конфекты) похвал человеческих, наряды, притворства и лицемерия, семя сребролюбия и другие многие страсти, одни другими покрываемые. Тогда, перебрав и пересмотрев все сие, ты должен будешь сознаться, что худые набрал ты себе сокровища. – Впрочем, заметить при сем понуждаюсь, что если поверх всего того находится у тебя кичение и гордость (ибо, как говорит апостол Павел, *разум кичит.* – 1 Кор. 8, 1), а с кичением неразлучно самомнение, твердящее нам, что мы значим нечто, когда есмы ничто, – если, говорю, эти страсти лежат у тебя поверх всех, указанных выше, то нет тебе возможности познать ни их, ни те, которые под ними. И когда стал бы кто обличать тебя в них, ты смело ответишь, что ничего такого не видишь в себе, и сколько бы кто ни удосто-

верял тебя в том, не поверишь.

Скажи же мне теперь, – если не веришь и не видишь, что на сердце твоем лежит покров, прикрывающий такие страсти, и ты, естественно, не имеешь желания снять этот покров с сердца своего, чтоб увидеть страсти, которые скрывает он под собою, и затем сокрушиться о несчастной душе своей, восподвизаться над очищением ее, промыть теплыми слезами умные очи ее и лицо, отринуть всякую мудрость и всякое знание внешнее и, послушавшись апостола Павла, сделаться буиим для мира сего, чтоб стать мудрым во Христе, – скажи мне, если все сие у тебя так есть, то как стану я возвещать тебе о Боге и Божественных вещах, сокровенных и невидимых, когда ты находишься в состоянии такого неразумия и несмыслия? И сам ты не осудишь ли меня за то, что я делаю дело совсем неподходящее? Ты, наверное, будешь говорить сам в себе: поистине этот человек без толку и смысла, что толкует мне, не расположенному и не умеющему слушать о таинствах, невидимых и недомыслимых не только для всякого дыхания, сущего под небесами, но и для всякого творения, сущего превыше небес. Ибо если Ангелы не знали первого пришествия Господня на землю, не знали, какого рода имело оно быть, или когда имел низойти Господь наш, чтоб соделаться человеком; не тем ли паче неведомо для них, когда имеет быть второе Его пришествие во славе, и каково оно будет, и каково то, что имеет Он даровать тогда святым Своим? Что сказанное мною истинно, это под-

тверждает божественный Павел, говоря: *да скажется ныне началом и властем на небесных Церковию многоразличная премудрость Божия* (Еф. 3, 10). А о будущем пришествии Своем Господь сказал, что тогда *силы небесныя подвигнутся* (Мф. 24, 29), то есть Ангелы поражены будут изумлением, увидев вдруг то, чего дотоле и не воображали. Если, таким образом, Силы Небесные не знают, что тогда будет, то ты как смеешь утверждать, что тогда святые, сподобясь лицезрения Божия, не будут знать друг друга в Царствии Небесном? И ты – другой, противоречащий первому и утверждающий, что тогда святые будут знать друг друга, откуда узнал это? О неразумие! О неистовство и ослепление! Не ужасаетесь вы, человеки? Не дрожите от страха? – Вы, обе стороны, будете осуждены праведным и нелицеприятным Судиею от словес ваших: тем, которые говорят, что святые тогда не будут видеть и знать друг друга, но всеми чувствами своими будут зреть единого Бога, будучи соединены с Ним всецело, Господь так скажет: о человеки! Познали ль вы Меня? Видели ль свет Мой? Прияли ль Меня внутрь себя? Познали ль действия Духа Моего самым искусом и опытом или нет? И они, – я в этом уверен, – не посмеют сказать: да, Владыко, мы видели Тебя и познали самым искусом действия Духа Твоего. Ибо если они скажут Ему это, то Он ответит им: но если вы самым делом испытали все это, то как же говорите, что не будут знать друг друга те, которые вовеки будут иметь Меня живущим в них? Аз есмь Бог неложный, Бог истинный, Бог

святой, обитающий во святых Своих. Как обитаю в них? Как Я во Отце и Отец во Мне, так и святые во Мне и Я в них. Как Отец есть внутрь Меня, и Я опять внутрь Отца Моего, так Я буду обитателем внутрь всех святых, а святые будут обитателями внутрь Меня. – Яво Отце Моем и Отец во Мне; и как знает Меня Отец, так и Я знаю Отца, отсюда явно, что и святые знают Меня, и Я знаю святых и что таким же образом святые знают и будут знать друг друга.

Впрочем, чтоб это было явно для самых бесчувственных, скажу еще, что будет обитать во всех святых. Итак, когда откроются книги совести каждого человека, тогда если не найдется другое что в сердцах и совестях грешников, то найдется самомнение, или тщеславие, или зависть, или другое что подобное, если же и не найдется ничего такого, то всячески найдется леность и нерадение о делании заповедей Божиих, следовательно, недостаток любви к Нему. За это омрачатся очи их, чтоб не видеть, и будут они посрамлены, услышав: поелику не сотворили вы одной из заповедей Моих меньших и презрели ее, то Мне не сотворили. *Отойдите от Меня в огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41, 45). – И опять, когда откроются книги совести святых, тогда воссияет в них Христос и Бог наш, обитающий теперь в них сокровенно, и святые сделаются подобными Ему, Богу вышнему. Откуда это видно? Послушайте Самого Христа Спасителя, Который говорит: *тогда праведницы просветятся яко солнце* (Мф. 13, 43). О каком другом времени гово-

рит сие Он, если не о времени второго пришествия Своего? И о каком другом солнце, если не о Себе Самом, именуемом Солнцем Правды, воссиявающем и сияющем во святых Своих? Это же явно говорит и Иоанн, наперсник Господень: *возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не у явися, что будем: вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем* (1 Ин. 3, 2). И апостол Павел: *ныне разумею от части, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. 13, 12). Если таким образом святые будут подобны Богу и познают Бога столько, сколько знает их Бог, и если как знает Отец Сына и Сын Отца, так святые будут видеть и знать друг друга, даже и те, которые никогда не видали друг друга в мире сем, там познают себя взаимно; то как не стыдитесь вы говорить и учить о том, чего не знаете, как будто разбогатевшие даже таким знанием, которое превышает силы наши, и как будто от Бога поставленные учители? Ибо как невозможно, чтоб Отец не знал Сына или Сын Отца, так невозможно, чтобы святые, соделавшиеся богами по благодати, яко имеющие живущим в себе Бога, не знали друг друга; но они будут видеть славу один другого и каждый собственную свою славу, как и Сын видит славу Отца, и Отец – Сына. Но какая это будет слава святых? – Такая же, как и слава Сына Божия. Это Сам Он собственными устами открыл, говоря: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже и Мы едино есма* (Ин. 17, 22). Видишь, что и та слава, которая прежде веков дана от Бога и Отца Сыну, та самая слава дана от Сына святым

Его, и все суть во едино?

Итак те, которые говорят, что святые не будут видеть и знать друг друга, когда сподобятся лицезрения Божия, поистине во тьме ходят, еще не пришли в общение с Богом и не познали истинно Бога, но говорят и утверждают то, чего не познали и в созерцание чего никогда не приходили.

Они говорят, что святые будут находиться тогда как бы в экстазе, в некоем восхищении, как и здесь они иногда приходят в такое Божественное восхищение, и забудут и себя самих, и всех других, находящихся с ними. И видно из таких слов их, что они худо понимают Божественное Писание, когда полагают, что у святых будет тогда такое же изменение и восхищение, какое бывает у них и здесь. Слыша, что когда такой-то святой пришел в созерцание Бога, то восхитился ум его и он столько и столько дней и ночей провел, совершенно не помня ничего земного, но вместе со всем другим забыл и собственное свое тело, пребывая пригвожденным к созерцанию оному всею душою и всеми чувствами своими, – слыша, говорю, об этом, они полагают, что нечто подобное будет и в другой жизни в Царствии Небесном, совершенно не понимая Божественных и духовных вещей и невидимых таинств невидимого Бога, недомыслимых и не доступных знанию непросвещенных. Неведомо им, что такое восхищение ума бывает не у совершенных, но у новоначальных. Как родившийся в мрачной темнице, освещаемой слабым светом малого светильника, с трудом и неясно видит находящееся в

темнице его, совсем не зная, что вне темницы той есть свет солнца и множество других прекрасных вещей и творений Божиих, входящих в состав видимого мира, так и находящийся еще в мрачной темнице страстей и чувств мира сего, если бывает просвещен малым некиим ведением (от Божественного Писания), с трудом, мало и темновато представляет таинства веры нашей, а о вечных Божиих сокровищах, о том, каковы те блага, которыми будут наслаждаться святые в будущей жизни, совершенно никакого понятия не имеет. И как находяшийся в темнице, – если среди многих проводимых им там лет как-нибудь случайно откроется небольшая трещина в кровле темницы и он внезапно увидит, сколько позволяет величина трещины, свет небесный, которого никогда дотоле не видывал и не воображал, – вдруг приходит в исступление и, как бы вне себя находясь, долгий час во все глаза смотрит вверх и дивится внезапно открывшемуся ему зрелищу; так и тот, кто, освободясь от уз страстей и чувств, внезапно придет в созерцание умного света, вдруг бывает поражен и объят удивлением, и теми, которым неизвестно такое состояние, почитается вышедшим из себя, тогда как он весь сосредоточился в себе умом и изумляется этому светлому видению, которого сподобился. И опять, как находящийся в темнице, – если часто и каждочасно смотрит в отверстие то, от долговременного пребывания в такой светлости привыкает к свету тому, а вместе с тем мало-помалу умаляется его первое великое изумление (как то же самое имеет место

и в нас в отношении к солнцу: привыкли мы каждый день видеть его и думаем, что оно – вещь не такая, чтоб ему отдавать все внимание. Но если предположить, что мы, со времени рождения доселе никогда не видавши солнца, ныне только вдруг увидели бы его пред глазами своими, то, конечно, от великого изумления мы вышли бы из себя и стали безгласны); так и душа, мало-помалу преуспевающая в духовном и привыкающая к умному свету, не поражается уже так сильно умным светом, как это было в первый раз, потому что по сему малому видимому ею свету заключает, что есть и еще свет, более совершенный. И опять еще, как оный, от рождения заключенный в темнице, по причине малого видимого им света начинает спустя долгое время понимать, что действительно находится в темнице и что вне этой темницы есть дивные некие вещи, о которых он не может составить себе представления, что они такое суть; но когда высвободится и выйдет из темницы, то видит и свет весь, и все находящееся в этом свете; так, полагай, бывает и с человеком, который сначала немного вышел из уз плоти и стал вне этого мира и всех видимых вещей.

Представь в уме своем, что весь этот мир есть мрачная, бессветная темница и что свет нашего солнца есть то же, что свет малого светильника, который слабо освещает всех находящихся в этой темнице, а вне его – Триипостасный Свет, высший всякого света, всякого слова и разума, неизреченный, недомыслимый и неприступный, освещающий все та-

кое, что невидимо, неведомо и неизъяснимо для находящихся в темнице мира сего. (Хотя есть некоторые, которые думают, что понимают то и созерцают при помощи Божественных Писаний; но есть и такие, – и не большая ли часть таких, которые совсем не знают, что кроме этих видимых вещей есть невидимые и непостижимые.) – Итак, когда мы со всем рвением, со всею верою и любовию взыщем не того, чтобы увидеть тот свет, что вне сей темницы мира, и те вещи, что находятся в том свете и в том мире (ибо никто еще из взыскавших таковое не сподобился и никогда не сподобится узреть то), но взыщем наперед сохранить заповеди Божии, покаяться, сокрушиться и смириться, тогда откроется и для нас как бы малое некое отверстие в этом видимом крове небесном, а через него покажется несколько и невещественный оный и мысленный свет, сущий превыше небес, – который как только увидит душа, вся приходит в восхищение и стоит, пораженная видением сего нового и преславного чуда, никогда не виданного ею дотоле; будучи же восхищена на небо, нудится пребыть там, углубляясь мыслью в недомыслимый оный свет, яко невечерний и непрестающий, и погружаться в созерцание его день и ночь, и желания уже не имеет опять возвратиться в темницу мира и смотреть на вещи, которые в нем. И вот это-то созерцание, как я сказал, есть созерцание новоначальных, которые недавно вышли на подвиг добродетелей. Но когда человек пребудет долгое время в таком созерцании оного света, не возвращаясь вспять в мир,

тогда отверзается ему небо ли или око сердца его, то есть ум, – не может он того сказать определенно, – отверзается, говорю, ум ли паче, или небо, – и свет оный входит внутрь души его, свет пресветлый и предивный, и просвещает его соразмерно с тем, сколько может вмещать его человеческое естество или сколько он того достоин. Если он пребудет в сем свете, то и свет сей пребудет в нем, которым будучи просвещаем, он будет узревать и домышлять таинство за таинством и чудо за чудом, восходя от созерцания к созерцанию, что все если бы кто из таковых восхотел описать, недостало бы ни бумаги, ни чернил, и времени, думаю, недостало бы изложить все подробно. Истиннее же сказать, как можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словом, как неизреченное и неизглаголанное? Находясь же в сем свете, или, лучше сказать, с сим светом, он не как в исступлении бывает, но видит и себя самого, и то, что окрест его, то есть видит, в каком состоянии сам находится и в каком состоянии находятся другие; также он предузнает и предсказывает, что когда выйдет из этой темницы мира и тела, – и особенно по воскресении, – тогда всеконечно увидит и невечерний оный свет, сколько возможно будет ему увидеть его, и блага, сущие в нем, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Но поелику он узрит их так, как они суть уготованы от Бога любящим Его и ими восприняты, то очевидно, что со вступлением во свет оный мы не лишимся способности познавать и видеть друг друга, но,

вкусив осияния оного и созерцания света оного чистейшего, как Бога будем знать и видеть, так и друг друга, в чистейшем и неизреченном веселии и радовании во веки веков.

Итак, те, которые говорят, что святые в будущем не будут знать друг друга, пусть из сказанного мною убедятся в противном. Но еще лучше они сделают, если, перестав пытать неиспытные тайны, начнут самих себя испытывать, в каком находятся состоянии. Вы же, которые совсем не знаете того, о чем я говорил, и не доспели в чувство, искус и созерцание света оного, как не трепещете говорить и писать о таких таинствах?

Если мы отдадим отчет за каждое праздное слово, то не тем ли паче будем осуждены и наказаны за такие слова? Праздное слово не есть только слово бесполезное; но праздным (αργος, *греч.* – неделанным) должно называть и такое слово, которое говорим, прежде чем делом сделаем и искусом познаем то, о чем говорим. Если я, не презревши славы мира сего и не отвергши ее от всей души, то есть когда она губит душу мою и лишает меня славы Божией, – учу других убегать ее, то не будет ли слово мое праздно, неделанно, пусто, и не буду ли осужден я как лживый? И опять, если я, не приявши с сознанием и чувством умной благодати Святого Духа, не сделавшись наученным от Бога через сию благодать и не сподобившись получить свыше слова премудрости и разума, без удержи устремлюсь истолковывать и изъяснять Божественные Писания и выступлю в чине учителя, вооару-

жен будучи только одной внешней мудростью, то оставит ли Господь это без обличения, не потребует ли отчета в сем от меня? Конечно, не оставит этого так. И если угодно, то от низшего и человеческого поучись Божественному и небесному. Кто, спрошу тебя, из людей, хотя бы он всех превосходил мудростью и разумом и ведением законов, хотя бы был украшен всею праведностью и благочестием, осмелится сам собою сесть как судья между судьями и, назвав себя властным лицом, издавать законоположения для других? Если же и дерзнет кто на это, то не будет ли постыжен от царя и наказан по всей строгости законов? Если же никто из здравых умом не дерзнет оказать такое неуважение к земному царю и не посмеет восхитить его честь и достоинство, то ты, человек, как осмеливаешься презирать Царя Небесного и дерзаешь восхищать себе учительское достоинство без воли и желания Его? И делая это, думаешь ли, что Бог оставит это без взыскания с тебя? Нет, не оставит. Но, о Господи! даруй нам Божественную благодать Свою, да ведаем Тебя, и страх Твой спасительный да имеем, и в воле Твоей да пребываем как подобает. Вас же, братие, прошу, удержитесь от излишних изысканий и споров, старайтесь же паче очистить себя от всякой скверны плоти и духа покаянием, слезами, смирением и исполнением всех заповедей, да сподобитесь получить и настоящие и будущие блага – духовные, в откровении, чувстве и созерцании, – благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу и Святому Духу слава,

честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок шестое

Через возрождение в Божественном крещении души верующих опять оживляются и, прияв Духа Святого, как душу души, приносят плоды Духа жизни. Которые же плодоприносят зло, осуждаются вместе с некрещеными.

Окрещенный Божественным крещением называется просвещенным; а того, кто хотя уверовал во Христа Господа и в таинство воплощенного Домостроительства Его, но еще пребывает в чине оглашенных, ученики и учители Евангелия Христова называют непросвещенным и творят о нем общие молитвы, прося Господа огласить его словом истины веры во Христа и открыть ему Евангелие правды; по какой причине диакон и возглашает в церкви к верным: *вернии, о оглашенных помолимся,* и прочее. Ибо оглашенный хотя уверовал уже во Христа Господа, но верным еще не сделался. Верным, собственно, называется уже тот, кому вверяется Божественная благодать и кто приемлет ее; соделовается же он верным, когда бывает просвещен; а просвещен бывает, когда приемлет Божественное крещение. Ибо что слышал он, когда был оглашаем, в том просвещается паче слова, приемля, при троекратном погружении, Духа Святого и весь преисполняясь Божественным Светом. Притом, соделоваясь в

сем Таинстве причастником смерти Христа Господа, он делается причастником и Его Воскресения, как говорит божественный Павел. И как Христос, воскресши, уже не умирает, смерть Им уже не обладает, так и тот, кто вышел из купели богорождения, то есть Святого Крещения (которая животворит или, лучше сказать, боготворит того, кто окрестился), не умирает более душевной смертью, грех им более не обладает. Кто окрещен Духом Святым, тот еще от чрева матери своей, то есть святой купели, есть уже бессмертен; потому что душа его прияла истинную жизнь, то есть благодать Святого Духа, и он не может более согрешать, как рожденный от Бога. Святой апостол Павел говорит о сем так: *о Немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, во обрезании Христове, спогребшеся Ему крещением* (Кол. 2, 11, 12). *Сие ведяще, яко ветхий наш человек с Ним распятся, да упразднится тело греховное, яко ктому не работами нам греху. Еже бо умре, греху умре единою; а еже живет, Богови живет. Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 6-11). *Елицы бо во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся* (Рим. 6, 3). Таким образом, что для Христа Господа были крест и гроб, то для нас есть крещение; и как Христос умер плотью и воскрес, так и мы умираем греху и воскресаем для добродетели силой Божией: *да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни да ходим* (Рим.

6, 4). Итак, хотя возможно, чтобы по возрождении в крещении грешил и верный, но если согрешит когда-либо верный, то он (уже перестает быть верным) изгоняется из Церкви и отлучается от общения с христианами; и (если желает снова войти в нее) подвергается церковному наказанию, то есть исповеданию греха с постыждением, бесчестием, слезами и воздыханиями не о том только, что согрешил, но паче о том, что, согрешивши, удалил от себя Божественную благодать, которая опять не так легко возвратится к нему, как была дарована во Святом Крещении.

Два есть светила, светящие нам: Бог – умное Солнце, Который дает свет умным очам души, да видит мысленно невидимую тварь, – и чувственное солнце, которое дает свет чувственным очам, да видят тварь чувственную. Как никто не видит, какие места ровны и какие неровны, какие дорожки чисты и какие засорены, если не взойдет и не засветит чувственное солнце, так никто не видит, где рвы греха и где ровные стези правды, если не воссияет ему умное Солнце. Итак, если найдется христианин, который ходит стезями греха, или всеми, или некоторыми, то такой – не христианин, ибо христианин есть и именуется просвещенным; всякий же, ходящий во свете, видит рвы и стремнины (и не позволяет себе падать в них). Если же не видит их и падает, значит, не имеет света; и потому, как же он будет христианин? Если и говорит он, что видит, но грешит, будучи обольщаем диаволом, то лжет. Не видит он добре; но видит, как видят и непросвещен-

ные, то есть неверные. Ибо и они видят и различают доброе и злое, и, однако ж, не уклоняются от злого, потому что не видят чисто, что есть главным образом добро и что есть главным образом зло. Итак, христианин, который не видит зла чисто, глазами не засоренными, еще не христианин; и надлежит ему подвизаться, воздыханиями и слезами, постами и молитвами войти в тот истинный и совершенный Свет, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. Христос Господь затем и пришел в мир, чтобы верующим в Него даровать очищение и избавление от грехов. Очищение грехов дарует Он через Святое Крещение, а избавление от греха дарует через Святое Причащение Пречистого Тела и Пречистой Крови Своей. Ибо Сам говорит: *ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Кто же пребывает со Христом, тот творит плоды добродетелей, а не плоды греха и беззакония. Почему, кто после крещения и Причащения Тела и Крови Христовых не приносит добрых плодов, тот посекается, как бесплодное дерево, и бросается в огонь. Страшному подлежит осуждению не только тот, кто недостойно, при нечистоте плоти и духа, причащается Тела и Крови Господа (ибо делается за сие повинным Телу и Крови Господа), но и тот достойно осуждается и наказуется, кто причащается без плода и пользы. По двум причинам осуждается таковой за свое бесплодие: первая та, что он это Таинство, столь спасительное и благотворное, показывает бесплодным и бесполезным в себе самом, не делая ничего доб-

рого (будто в укор ему); вторая та, что причащается неблагодарно, так как после того не являет никакого благодарения Богу через исполнение заповедей Его. Если Христос Господь не оставил ненаказанными тех, которые праздное произносят слово, не тем ли паче осудит Он того, кто столь великое таинство являет бесплодным (αργον, *греч.* – праздным) в себе самом? Кто причащается Тела и Крови Христовых, в воспоминание Христа Господа, что Он умер и воскрес нашего ради спасения, тому надлежит не только быть чистым от всякой скверны плоти и духа, чтоб не вкушать Тела и не пить Крови Господа в осуждение себе, но должно еще делом показать, что действительно воспоминает Христа Господа, умершего и воскресшего за нас, именно тем, чтоб являть себя мертвым греху, миру и себе, и живым Богови о Христе Иисусе, Господе нашем. Но кто после причащения не приносит добрых плодов, а напротив, творит грехи и неправды, тому место с неверными, нечестивыми и некрещеными, как видно из слов блаженного Павла: *колико горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и Кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися* (Евр. 10, 29). Видишь, что есть освящение? Кто освящен, тот приносит плоды Духа Святого. Но кто верует во Христа и, однако ж, еще обладается страстями греховными, тот пусть поспешит одуматься и всякою возревновать ревностью освободиться от тиранства сих страстей, чтоб потом начать приносить плоды добродетели. Ибо прежде надобно очистить поле души от всех терний, и потом

посеять на нем доброе семя, чтоб его приняла в себя чистая и добрая земля и принесла обильные плоды. Если же не сделает он этого, но оставит терния расти по-прежнему и заглушать плод, то какого еще ждет он времени, чтобы совершить сие? Спеши сделать сие, пока есть день жизни; придет ночь смерти, когда никто уже не может делати. Нам же да дарует Господь очиститься от всякой скверны душевной и телесной и принести достойные плоды Духа Святого, во Христе Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово сорок седьмое

Не следует никому говорить, что в нынешнее время невозможно всякому, кто захочет, взойти на верх добродетели и подражать древним святым.

Каждый день слышу, как многие христиане говорят, что если б и мы были во времена апостолов и сподобились видеть Христа Господа, как они, то были бы святы и мы, как они. И не знают они, что Тот, Кто говорил тогда во время апостолов, Он же говорит и теперь во всем мире. И не только это, но Он и в действиях Своих таков же есть и ныне, как был в оное древнее время, как удостоверяет Сам, говоря, что как Отец всегда есть в Сыне, так и Сын во Отце, что как Отец Мой всегда делает, так и Я всегда делаю. Но, может, скажет кто, что совсем не одно и то же видеть Самого Христа Господа телесно, как тогда видели Его апостолы, и слышать только словеса Его, как слышим мы теперь и от других научаемся всему, что говорится в Евангелиях о Христе и Царстве Его. И я тоже говорю, что совсем неравно нынешнее тогдашнему, но что оно несравненно больше того и удобнее приводит нас к совершеннейшей вере, нежели тогда, как видели Господа телесно и слышали слово Его. Ибо тогда Господь наш являлся человеком простым, смиренным и уничиженным, каким и признавали Его неблагодарные иудеи, а теперь Он проповедует-

ся нам Богом истинным. Тогда обращаясь с людьми телесно, ел Он с мытарями и грешниками, а теперь сидит одесную Бога и Отца и питает, как веруем, весь мир, и не это только, но веруем и говорим, что без Него ничто не бывает. Тогда уничижали Его самые ничтожные люди, говоря: *не сей ли есть тектон, сын Мариин?* (Мк. 6, 3), а теперь покланяются Ему цари и князи как Сыну истинного Бога и Богу истинному, и Он прославлял и прославляет всех поклоняющихся Ему в духе и истине, хотя и наказывает иногда их, если согрешают, чтоб сделать их из скудельных и немощных железными и крепкими паче всех язык, сущих под небесем. Тогда почитали Его, как одного из людей, тленным и смертным, и было велико и дивно, если кто Его, когда Он, будучи Богом безвидным и невидимым, неизменно и непреложно принял зрак раба через приятие тела человеческого и по всему был видим как человек, ничего не имеющий особенного от всех других людей, – ибо ел, пил, спал, утруждался, потел и делал все человеческое, кроме греха; было, говорю, велико и дивно, если кто Его такового с полною верою признавал Творцом неба и земли, и всего, что в них. Почему, когда Петр исповедал: *Ты еси Сын Бога живаго,* то Владыка Христос ублажил его, говоря: *блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе,* то есть чтоб ты, увидя истину, сказал так, *но Отец Мой, Иже на небесех* (Мф. 16, 16, 17). А ныне ничего в этом нет дивного, когда Господь Иисус проповедуется сущим во славе. Я даже полагаю, что кто ныне, слушая Христа, каждо-

дневно взывающего к Нему во Святых Евангелиях и объявляющего волю благословенного Отца Своего, не повинуется Ему со страхом и трепетом и не соблюдает того, что Он ему заповедует, тот, если б и тогда был, видел Самого Христа и слушал Его учение, не уверовал бы в Него, боюсь даже – не стал ли бы поносить и злословить Его?!

Так говорят те, которые более оплотенели и огрубели умом; а что говорят люди более их благовидные и почтенные? Эти говорят, что если б мы жили во времена святых отцов, то подвизались бы и мы. Ибо, смотря на добрую их жизнь и подвиги, подражали бы им. А ныне, обращаясь с ленивыми и нерадивыми, и нехотя сообразуемся с ними и вместе с ними губим себя. Но и они, как вижу, не знают, что мы находимся в более безопасной пристани, чем святые отцы. Тогда было много ересей, много лжехристов, много христо-торговцев, много лжеапостолов, много лжеучителей, которые, шатаясь по градам и весям, смело сеяли плевелы лукавого диавола и многих прельщали, опутывая их хитрословесием и увлекая в пагубу души их. Что это истинно, можете увидеть из жизни святых Антония, Евфимия и Саввы. О святом Антонии пишется, что когда настало гонение, то он, боясь, как бы кто из страха не отрекся от веры, вынужден был оставить пустыню и, вращаясь среди истязуемых, воодушевлять их своим присутствием. Опять и о святом Евфимии и святом Савве не написано разве, сколько они подвизались за веру и Церковь против бывших тогда ересей? И сколько мо-

нахов было тогда прельщено и увлечено еретиками? Также во время святого Стефана Нового сколь тяжко и жестоко было гонение? Какая буря и какие волны возмущали тогда не монахов только, но и всех христиан? Когда же вспомню о том, что было прежде того, во время Василия Великого, святого Иоанна Златоустого и других после них святых, то окаяваю себя самого и скорблю о тех, которые, не подумавши обо всем этом, говорят приведенные выше речи. Не знают они, наверное, что все прошедшее время было гораздо хуже настоящего, преисполнено бед и сетей лукавого. То правда, что и теперь немало еретиков, волков, аспидов и змий, вращающихся среди нас, но они не имеют власти явно нападать на нас, а скрываются во мраке злобы и лукавства своего и только тех, которые сами входят во тьму их, восхищают и пожирают. А тем, которые ходят во свете Божественных Писаний и шествуют путем заповедей Божиих, они и навстречу выступить не дерзают, и если завидят их где-либо идущими, бегут от них, как от огня.

Но о каких это еретиках, думаете вы, говорю я? Об евномианах? Или арианах? Или духоборцах? Или савеллианах? Или аполлинаристах, или диоскорянах? – Нет, не об этих нечестивцах и безбожниках говорю я, и не о другом ком из прочих еретиков, которые появлялись, как тьма, но исчезли от блеска светоносных святых отцов, в которых обильно воссияла благодать Святого Духа и разогнала тьму сказанных ересей и которых богомудрые писания даже доныне светят

паче лучей солнца, и никто не дерзает противоречить им. Но я говорю о тех еретиках, которые говорят, что в нынешние наши времена и среди нас никого нет, кто мог бы соблюсти заповеди Евангелия и быть, как были святые отцы, во-первых, верным и деятельным, ибо вера в делах обнаруживается, как в зеркале является подобие лица; а потом быть созерцательным, или Богозрителем, то есть зреть Бога через просвещение от Духа Святого или, прияв Духа, благодатию Его зреть Сына со Отцом. Так те, которые почитают это невозможным, – еретики, и имеют не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, все ереси, поколику эта ересь нечестием и богохулением своим превосходит и затмевает все другие, и кто говорит так, низвращает все Божественные Писания. Мне кажется, что такой тщесловесник говорит: тщетно ныне возглашается Святое Евангелие, тщетно читаются, или даже тщетно написаны творения Василия Великого и прочих святых отцов наших. Ибо если невозможно нам сделать и соблюсти, что говорит Бог и все святые, которые сперва творили то, а потом написали и нам оставили в научение, то для чего трудились они писать это тогда? Для чего и теперь читается то в церквах? Не очевидно ли, что говорящие так заключают небо, которое отверз для нас Христос Господь схождением Своим на землю, и преграждают восхождение на небеса, которое обновил для нас тот же Христос Господь? Ибо когда сущий над всеми Бог, стоя горе как бы во вратах неба и призирая долу и зрим бывая верны-

ми христианами, взывает через Святое Евангелие: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), эти богоборцы или, лучше сказать, антихристы вопят: невозможно это, невозможно. Таковых Сам Владыка Христос велегласно обличает, говоря: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, горе вам, слепии вожди* слепцов, *яко затворяете Царство Небесное пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити* (Мф. 23, 13, 24).

Господь явно ублажает тех, которые плачут и проливают слезы ныне, в настоящей жизни; а эти говорят: невозможно ныне плакать и проливать слезы каждый день. О, бесчувствие! О, уста бездверные, испущающие нечестивые гласы против Бога всевышнего и Христа Иисуса Господа нашего и в уста хищного волка, диавола, сталкивающие овец Христовых, за которые пролил Пречистую Кровь Свою Единородный Сын Божий! Поистине добре пророчествует о таковых Богоотец Давид: *сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5). Скажи же мне, человече, почему невозможно каждодневно плакать? А святые чем другим просияли в мире и сделались светилами для него? Если бы это было невозможно, то и они не возмогли бы это справить; потому что и они были люди, как и мы, и ничего особенного пред нами не имели, кроме доброго произволения и ревности о всяком добре, терпения, смирения и любви к Богу. Так стяжи себе это и ты, и душа твоя, вместо окаменелой и ожесточенной, сделается источником слез; ес-

ли же не хочешь сокрушаться и воздыхать, то не говори, по крайней мере, что это дело невозможное. Говорящий так отрицается очищения, ибо от века не слыхано, чтобы без слез очистилась какая-либо душа, согрешившая после крещения, между тем как Бог, богатно дающий через Святое Крещение Духа Святого, отъял тем всякую слезу от лица земли. Впрочем, и во время Святого Крещения, как читал я в писаниях святых отцов, некоторые из крещаемых в зрелом возрасте в сильное приходили сокрушение благодатию Святого Духа и проливали обильные слезы, не горькие, но сладостные, не с трудом выжимаемые, но без труда свободно льющиеся и тихий покой вливающие в сердце. Те, которые сподобились делом испытать таковые слезы, признают истинным, что я сказал, и подтвердят то, как подтверждает свидетельство святого Григория Богослова, который, сказав: да приносит каждый из нас один то-то, другой то-то, и перечислив многое, наконец взывает: «Все же – слезы, все чистоту, все восхождение горе и простертие в предняя». Итак, в словах сих отделил ли Богослов иных, чтоб плакали, а иных, чтоб не плакали? И о тех сказал, что им возможно, а об этих, что им невозможно плакать? Или, может быть, как вы говорите, что есть такие, которые естественно жестокосерды и не могут приходить в сокрушение и плакать, – не говорит ли того же и великий Григорий? – Да не будет. Неестественно человеку не плакать, не рыдать и не проливать слез; ни святой сей или другой кто из святых не сказал так и не написал. А что всем

человекам естественно плакать, да научат тебя самые рождаемые младенцы, которые, как только выйдут из матерней утробы и спадут на землю, плачут и тем показывают, что они живы, а которые не плачут, подают мысль, что они не живы. Отсюда видно, что как только родится человек, имеет уже естественно плач и слезы. Это говаривал и святой отец наш Симеон Студит, что человеку должно с плачем прожить всю настоящую жизнь, с плачем и умереть, если хочет спастись и внити в блаженную жизнь.

Плач, являющийся тотчас, как родится человек, показывает, что слезы суть неотлучные спутники настоящей жизни. Как ястие и питие потребны для тела, так слезы потребны для души; так что если кто не плачет каждодневно, – не говорю: каждочасно, да не отягчу, – явно показывает, что у него душа в расстройстве и гибнет, как истощаемая гладом. Итак, если, как доказано, плач и слезы суть спутники человеческого естества, то никто да не отрицается от сего естественного блага; никто да не лишает себя сего блага по лености и нерадению; никто да не будет жесткосерд по злобе и лукавству, и по гордости души и да не попустит себе ниспасть в состояние жестокости камня; но да ревнует всяк, прошу вас, со всем усердием и тщанием держать плач и слезы, как заповедь Божию, и хранить их со вниманием в сердце своем, ограждая их там нищетою, смирением, простотою и незлобием души, терпением искушений и непрестанным поучением в Божественных Писаниях, каясь всегда и воспоминая свои пре-

грешения, – и никто да нерадит о сем спасительном делании плача. Если же кто вознерадит о сем, разленясь и отчаясь во спасении своем, пусть не говорит, по крайней мере, что это невозможно и для тех, которые ревнивы и тщательны. Говорящий так заключает врата Царства Небесного, ибо кто говорит, что невозможно плакать и сокрушаться, тот явно тем утверждает, что невозможно и очиститься, а без очищения никто не спасается, никто не ублажается Господом, никто не узрит Бога.

Если же таковы бывают последствия для тех, которые не плачут по заповеди Господа, то как же, скажи мне, эта ересь не будет худшею всех других ересей? Но кроме того, из такого мудрования следует еще, что и самое воплощенное Домостроительство Божие совершено напрасно и без пользы, и проповедь апостолов бесплодна и бесполезна, и оглашения и поучения святых отцов, всегда подвигающие нас к плачу, тоже, по-ихнему, напрасны. Для тех, которые так мудрствуют, все Божественное Писание, как вижу, стало бесполезно. Заткнули они уши свои и стали глухи, как аспиды, и все спасение свое, как думаю, полагают в одной внешней и видимой чинности христианской, а которые из них иереи и монахи – в черных рясах и камилавках, или даже в больших бородах и длинных волосах. Величаясь таким благообразием, они дерзают ставить себя и в число спасенных. Но пусть дерзают, пусть и утешаются всем этим, как и образом своего мудрования. Нагими предстанем мы Судищу Христову, *да приимет*

кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10). Так каждый день велегласно взывает к нам Божественное Писание, хотя они и не хотят это слышать. Если же наги предстанем мы Судищу Христову, то где тогда будут эти облачения, какими покрываем мы теперь и украшаем тела свои? Где эти блестящие рясы? Где изящные камилавки? Где щегольские сапоги? Где разукрашенные пояса? Где величавые выступания? Где изысканные приветствия? Где преждевозлежания на сборищах? Где многорасходные трапезы? Где тщеславие наше, гордыня и властолюбие? Где пространные келлии, убранные, будто покои новобрачных? Где неукротимые бесчинные смехи, безвременные беседы и празднословие? Где святыня наша, как величают нас и как любим мы быть величаемы? Где льстецы, которые величают нас святыми (говоря: отче святой) и стопы ног наших возмущают? Где чины, из-за которых ревмся мы опереживать друг друга? Где хвастовство родством и знакомством с властями? Где слава мирская и украшение титлом мудреца века сего? Где риторский язык, из которого, как из источника, течет цветистая речь? Где тогда, или, лучше сказать, где теперь мудрец, где книжник, где совопросник века сего, чтоб сесть нам вместе и посовещаться о том страшном дне и часе, все расследовать и рассудить и с самими собою, и с Божественным Писанием, чтоб наверное определить, что может помочь нам тогда, и затем взяться делать то со всем усердием и ревностью?

Поистине, братия мои возлюбленные, великая нужда и

теснота, великий страх и трепет обымет в тот час тех, которые, подобно мне, бывают здесь нерадивы и беспечны. Но блажен и треблажен тот, кто теперь считает себя низшим всякой твари, смиряется и сокрушается, плачет и рыдает дни и ночи пред Богом, потому что он в благоукрашении станет одесную Его. Блажен и тот, кто, услышав о всем этом, не воздыхать только будет, отлагая между тем исправление с ныне на завтра и продолжая бесполезно проводить время жизни своей, но как только услышит Господа, призывающего: покайтеся, тотчас полагает начало покаянию. Ибо такой сретит милость, как послушный и благодарный раб, и не будет осужден с непокорными; но в настоящей жизни получит прощение во грехах и, облекшись силою благодати, препобедит все страсти и преуспеет во всякой добродетели, а в будущем веке сподобится неизреченных благ вместе с благоугождавшими Богу всегда, – которые улучить и всем нам буди благодатию Господа нашего Иисуса Христа, с Коим Отцу и Святому Духу держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок восьмое

Никто да не дерзает думать, что возможно спастись одною верою, без делания добрых дел.

Если желаем, братия мои возлюбленные, улучить Царствие Божие, то надлежит нам иметь к тому всякое внимание и тщание, всякую ревность и подвиг, и никак не думать, что для того, чтобы спастись, достаточно нам лишь веровать в истинного Бога и быть православными христианами, приводя в оправдание такого мнения сказанное Господом слово: *иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16). Напротив, сего-то ради наипаче и должно нам подвизаться и ревновать о том, чтобы ходить достойно звания, в которое призваны, как говорит апостол Павел, то есть делать дела, достойные Христа, от Коего получили имя и называемся христианами, зная, что большее получим осуждение, если, несмотря на такое наименование, будем жить в лености и нерадении. Посему не думай, брате мой, что спасешься с одною верою. *Кая польза, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может вера спасти его?* – учит святой апостол Иаков (2, 14). Послушай, что и Сам Господь говорит: *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). То же внушает

и божественный Павел, говоря: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви и на всяко дело благое неискусни* (Тит. 1, 16). Видишь, возлюбленный, как невозможно спастись кому-либо с одною верою, без дел? Если бы спасались одною только верою, то все бы люди спаслись и никто из нас не погиб бы; потому что нет человека, который бы не веровал, что есть Бог. Даже и злые демоны веруют, что есть Бог. Слушай, что сами они говорят: *вем Тя, кто еси, Святый Божий* (Мк. 1, 24). И опять в другом месте говорили они об апостолах: *сии человецы раби Бога Вышняго суть, иже возвещают путь спасения* (Деян. 16, 17). Видишь, что и бесы веруют, что есть Бог? И, однако же, эти верующие, что есть Бог, осуждены в геенну огненную за злые дела свои. Итак, добра есть вера, если стяжешь и дела. Иначе, как тело без души бывает недвижимо и недейственно, так и вера без дел мертва есть. И послушай, что после приведенных выше слов, – *кая польза человеку, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может вера спасти ело?* – говорит святой Иаков, брат Божий: *аще брат или сестра нага будут и лишени будут дневныя пищи, речет же им кто от вас: идите с миром, грейтеся и насыщайтеся: не даст же им требования телеснаго: кая польза? Такожде и вера, аще дел не имать, мертва есть о себе. Покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою* (Иак. 2, 14–18).

Слыша сие, брате мой, оставь великое нерадение свое и

попекись с верою иметь и дела. Кто имеет веру вместе с делами, тот лучше даже того, кто творит знамения и чудеса.

Ибо какая прибыль и какая польза от чудес и знамений для творящего их, если он изгнан будет из Царствия Небесного и наследует геенну с огнем неугасимым? Разве творящий знамения может спастись ради только знамений сих и исцелений, если не имеет дел, делающих его праведным? Никак. И слушай, что говорит Господь: *мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отыдите от Мене, делающии беззаконие* (Мф. 7, 22, 23). Видишь, что и те, которые творят знамения и имеют дар пророчества, никакой от того не получат пользы без дел?

Кто истинно верует, тот не станет собирать деньги, ибо уверен, что Бог не оставляет без промышления верующих в Него, но имеет о них попечение, как сказал Господь: *весть Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 32, 33). Кто верует, тот раздает деньги свои бедным, ибо уверен, что сторицею за то приимет и живот вечный наследует. Вот послушай, что говорится о тех, которые веруют истинно: *вси веровавшии бяху вкупе и имяху вся обща: и стяжания и имения продаяху, и раздаяху всем, егоже аще кто требоваше* (Деян. 2, 44, 45). И еще: *елицы господие селом или домовом бяху, продающе приношаху цены*

продаемых. И полагаху при ногах апостол: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше (Деян. 4, 34, 35).

Кто верует, тот не гордится, но, подражая Господу, притрудно взыскивает смирения, как и Господь. Кто верует, тот не смеется, но рыдает и плачет о грехах своих: ибо слышит, что смеющиеся в этой жизни будут плакать и рыдать в будущей. Те, которые веруют, не бывают гневливы и вздорны, но хранят кротость, подражая Господу, Который говорит: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Почему и ублажает таковых, говоря: *блажени кротцыи: яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5). Который верует, тот ненавидит неправду и любит правду, потому что Бог возлюбил правду и возненавидел неправду (Пс. 44, 8) и потому что, как написано, *любяй неправду ненавидит свою душу* (Пс. 10, 5). Которые веруют, те не только сами не ссорятся между собою, но умиротворяют и тех, которые рассориваются, подражая Господу, потому что и Он то же сделал, когда нас, врагов сущих, примирил с единосущным Отцом Своим (Кол. 1, 21, 22). Верующий без роптания переносит всякое искушение, будучи уверен, что за такое терпение получит венец нетленный, как говорит апостол Иаков, брат Господень: *блажен муж, иже претерпит искушение, зане искушен быв приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (1, 12).

Который верует, тот не гневается, но долготерпит, соблюдая заповедь Господа, Который повелевает совсем не гне-

ваться (Мф. 5, 22). Кто верует, тот соблюдает целомудрие и не оскверняет себя ни блудом, ни прелюбодеянием, ни другими нечистотами, но хранит чистоту и целомудрие, ибо уверен, что оскверняющие тела свои не спасутся, как написано: *блудников же и прелюбодеев судит Бог* (Евр. 13, 4). Верующий не противится брату, но всем служит и не ропщет, а пребывает в терпении Божием, веруя, что тем большую получит награду, как говорит и Господь: *иже хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга: и иже хощет в вас быти первый, буди всем раб* (Мф. 20, 26, 27). Кто верует, тот не клятвопре-ступничает и совсем никакой не произносит клятвы устами своими, повинуясь Господу, Который сказал: *Аз же глаголю вам не клятися всяко* (Мф. 5, 34). Кто верует, тот не бывает ленив на молитвы и не нерадит о службах церковных, но всегда себе внимает и молится непрестанно. Верующий никого не осуждает, веруя, что мы все – в епитимиях, что всех имеет судить Бог и что каковым судом кто судит других, таковым и сам будет судим.

Кто верует, тот не идет широким и просторным путем, ведущим в пагубу тех, которые им идут, но идет путем тесным и прискорбным, веруя, что, поскорбевши на нем немного, будет вечно радоваться с Господом и всеми святыми. Верующий не любит мира, ни вещей мирских, ни родителей или братий, ни жены или детей, ни другого чего, но любит единого Господа и, взявши крест Его, последует Ему. Кто верует, тот не остается нераскаянным во грехах своих, но ес-

ли и согрешит, как человек, кается, сокрушается и плачет о грехах своих, стараясь не грешить более. Верующий не любит гулять и не услаждается винопитием, срамным бражничаньем и блудническими свиряниями и песнями, но всегда памятует о смерти, о страшном дне Судном и, помня о сем, молится, постится, от всего воздерживается и прежде смерти поспешает приготовиться, как ответить и дать отчет пред Царем славы.

Верующий любит Господа и ненавидит всякое зло, Ему противное. Которые веруют, те не питают вражды и ненависти против брата своего и не воздают злом за зло, но любят ненавидящих их, добро творят злотворящим им, благословляют клянущих их, сносят творящих им напасть и радуются, когда их поносят, не принимают в счет никакого зла, потому что имеют любовь неподдельную, чистую, истинную, – какую имел святой Павел, засвидетельствовавший о себе: *истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом Святым, яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему, молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти* (Рим. 9, 1–3), – какую явил и пророк Моисей, сказавши к народу: *вы согрешисте грех велик: и ныне, взыду к Богу, да умолю о грехе вашем. И возвратися Моисей ко Господу и рече: молюся Ти, Господи: согрешиша люди сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне, аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоея, в ню-*

же вписал еси (Исх. 32, 30–32).

Такое же расположение имел Давид, ибо говорит: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6). Видишь, какая любовь была у тех, которые истинную имели веру?

Кто верует, тот никакого дела не делает с лицемерием, но все дела свои делает для Господа и как пред Господом, ибо к Нему имеет прикованными очи души своей и от Него единого верует прияти воздаяние за дела свои. Верующий любит тех, кои право веруют в Господа, а которые неправо веруют в Него, тех отвращается, терпеть их не может и гонит с глаз своих. Кто верует, тот не преслушивает Божественных словес, но, как верный работник Божий, с готовностью совершает всякое дело, ими указуемое. Кто верует, тот не льстит и не творит зрения на лица, но и беседует и все другое делает по истине и в правости сердца, ибо верит тому, что сказал пророк: *горе глаголющим лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающим тму свет, и свет тму, полагающим горькое сладкое, и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). Которые веруют, не гордятся и не высокомудрствуют, увлекаясь похвалами и льстивыми речами, зная, что говорит Господь через пророка: *людие Мои, блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12). Кто верует и ради Господа отвращается от мира, тот уже не соплетается более ни с чем мирским, внимая слову апостола, который говорит: *никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и подвизается кто, не венчается, аще не за-*

конно подвизатися будет (2 Тим. 2, 4, 5).

Кто верует, тот не одобряет ничего злого, но даже до смерти стоит за Христа и истину, не страшась, поелику те, которые, видя злые и беззаконные дела, бывающие пред очами их, спускают им, являются подобными тем, которые творят их, и погибнут вместе с ними, как и первосвященник Илий погиб вместе с беззаконновавшими сынами своими, которым потворствовал; таковых и пророк назвал псами безгласными. Кто верует, тот не любит неправо верующих, как говорит Давид: *не ненавидящыя ли Тя, Господи, возненавидех, и о вразех Твоих истаях? Совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (Пс. 138, 21, 22). Кто верует, тот всегда говорит истину, и из уст его не исходит никакая ложь, ибо те, которые говорят ложь, неверные суть и сыны диавола. Кто верует, тот не лихоимствует, но паче благоутробствует и милует, веруя, что милостивые помилованы будут, а лихоимцы преданы будут во аде червю неусыпающему.

Кто верует, тот не причащается недостойно Пречистых Таин, но очищает себя от всякой скверны, от чревоугодия, от злопамятства, от дел злых и слов срамных, от смехов бесчинных, от скверных помыслов, от всякой нечистоты и от всякого греховного внутри движения, – и таким образом приемлет Царя славы; напротив, в тех, которые недостойно причащаются Пречистых Таин, стремительно врывается диавол и входит в сердце их, как случилось с Иудою, когда он причастился Вечери Господней; почему и говорит божественный

Павел: *да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет: ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не рассуждая Тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливи, и усыпают довольни* (1 Кор. 11, 28–30). Кто верует, тот не оклеветывает и не осуждает братий своих христиан, но паче хвалит их, потому что те, которые хвалят других, будут похвалены святыми Ангелами в Царствии Небесном; но увы и горе тем, которые осуждают и поносят других, будто злых, потому что они будут ввержены злыми бесами во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов. Кто верует, тот идет правою стезею заповедей Божиих, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, и никого не развращает худостью своею, потому что развращающий других хуже диавола; почему и говорит Бог устами пророка Аввакума: *горе напаяющему подруга своего развращением мутным!* (2, 15). Кто истинно верует, тот не устами только и языком верует, но сердцем, и таковаго дела явны бывают всем, ибо *не может град укрытися верху горы стоя* (Мф. 5, 14). Тот, кто верует истинно от сердца, исполняет заповеди Господни, а кто верует на словах только, а не сердцем, тот пуст бывает от добрых дел. О таковых говорит Господь через пророка: *приближаются Мне людие сии усты своими, сердце же их далече отстоит от Мене* (Ис. 29, 13).

Итак, брате мой, когда видишь, что ты обильно богат всякого рода худыми делами, но скуден и пуст добром, скажи мне, как можешь ты называть себя верным? В таком случае

ты, как я думаю, хуже всякого неверного, потому что и *языцы, не имуще закона, естеством законная творят* (Рим. 2, 14). Почему, если веруешь, беги от греха, и с воплем восстенай и восплачь, осуждая себя самого, оставь злые дела, в которых жил ты доселе, и восприими подвиг покаяния и исправления, чтоб с добрыми делами явиться тебе пред Царем славы в оный страшный день Суда, в который воздает Он каждому по делам его. Апостол говорит: *аще кто назидает на основании сем злато, сребро, камение честное, дрова, сено, тростие, когождо дело явлено будет: день бо явит, зане огнем открывается: и когождо дело, яковоже есть, огнь искусит. И егоже аще дело пребудет, еже назда, мзду приимет: а егоже дело сгорит, отщетится: сам же спасется, такожде якоже огнем* (1 Кор. 3, 12–15). Подумай же, брате, об ужасно страшном таинстве сем и трепещи из-за того, что слышишь. Ибо если всех людей имеет испытывать огнь, то ты где тогда явишься? И как дерзнешь ты приблизиться к нему, когда наздал в себе такую тяжелую и неудобоносимую ношу из сена и тростия и всякого другого худого вещества? Увы мне! Что буду делать тогда? Эта суходревесная ноша зол моих сгорит от оного огня неугасимого, а я останусь цел, чтоб вечно гореть в оном огне вечном за злые и лукавые дела мои. Почему, брате мой возлюбленный, приняв сие к сердцу, упреди время, оставь все недобрые дела, какие делал ты от юности своей, и пробудись от сна беспечности и нерадения. Войди в себя и исправь великие и бесчисленные поро-

ки свои. Изгони греховные и страстные расположения. Отбрось от себя плотские сладострастия через исполнение заповедей Божиих и стяжи чистую и истинную веру в Бога, да будешь достойно увенчан от Него и сподобишься Царствия Небесного, которое улучить буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово сорок девятое

О духовном ведении, и что сокровище Духа сокрыто в букве Божественного Писания, и явно не для всех, а лишь для тех, кои стяжали в душу свою благодать Святого Духа.

Духовное ведение подобно дому, построенному посреди эллинского и мирского знания, в каком доме находится, как сундук какой, крепко-накрепко замкнутый, знание Божественных Писаний и неизреченное богатство, сокрытое в сем знании Писаний, то есть Божественная благодать. Этого богатства не могут видеть входящие в дом, если не будет для них открыт сундук; сундука же сего открыть невозможно никакою человеческою мудростью. Почему все люди, мудрствующие по-мирски, не знают духовного сокровища, которое лежит в сундуке духовного ведения. И как, если кто подымет этот сундук на плечи, не может еще по одному сему видеть сокровище, которое внутри его, так, если кто прочитает и даже на память заучит все Божественные Писания, и может прочитать их все, как один псалом, не может по одному этому постигнуть благодать Святого Духа, которая сокрыта в них, ибо ни того, что находится внутри сундука, нельзя обнаружить посредством самого сундука, ни того, что сокрыто в Божественных Писаниях, нельзя открыть по-

средством самих Писаний. – Каким же образом это можно, послушай.

Предположи, что ты видишь небольшой сундучок, крепко запертый отовсюду, и, судя по тяжести его и по внешней видимой тебе красоте его, догадываешься или от другого кого узнаешь, что внутри него находится богатое сокровище; предположи также, что ты схватил этот сундучок на плечи и убежал с ним. Спрошу тебя теперь, какая тебе от него польза, если он навсегда останется для тебя запертым и ты не откроешь его и не увидишь во всю жизнь свою сокровищ его, – ни блеска многоценных камней и маргарит, ни золота, что внутри него? Какая тебе польза, если ты не ухитришься достать хоть малость какую из тех сокровищ и купить себе что съестное или из одежд, а пробережешь тот сундук всю жизнь запертым, как мы сказали, и запечатанным, полным великих и многоценных сокровищ, тогда как ты умираешь от голода, жажды и наготы? – Конечно, никакой. То же самое, брате мой, бывает и в духовных вещах. Сундук, скажем так, есть Евангелие Христово и прочие Божественные Писания, которые имеют внутри себя сокрытую вечную жизнь и вместе с нею неизреченные блага небесные, как говорит Христос: *испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39). Человек же, который поднял сундук на плечи, положим, изображает того, кто выучил на память все Божественные Писания, всегда имеет их в устах и хранит в памяти душевной, как в сундуке, содержащем многоцен-

ные камни – заповеди Божии, в коих живот вечный, а вместе с заповедями Божиими и добродетели, как маргариты. Ибо от заповедей рождаются добродетели, а от добродетелей явными делаются таинства, сокрытые в букве Писания. Тогда преуспевают в добродетелях, когда хранят заповеди; и опять, тогда хранят заповеди, когда ревнуют о добродетелях; а посредством добродетелей и заповедей открывается для нас дверь ведения, или, лучше сказать, она открывается Иисусом Христом, Который сказал: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. И Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Таким образом, когда вселится в нас Бог и откроет нам Себя заведомо (знательно, осязательно), тогда и мы прозрим к ведению, то есть уразумеем действенно те Божественные таинства, которые сокрыты в Божественных Писаниях. Другим же каким-либо способом достигнуть сего невозможно. И пусть никто себя не обманывает, думая, что открыл иначе как этот сундучок ведения и вкусил благ, кои внутри него, то есть достиг причастия их и созерцания их.

Но какие это блага, о коих я здесь поминаю? – Совершенная любовь к Богу и ближнему, презрение всего видимого, умерщвление плоти, плотских членов, которые на земле, и срамной греховной похоти; так чтобы, как мертвый ни о чем не помышляет и ничего не чувствует, так и мы не помышляли совершенно ни о каком злом похотении и не чувствовали никакого насильственного и властного давления на нас гре-

ха, искушающего нас, но помнили бы только заповеди Спасителя нашего Иисуса Христа, бессмертие и нетление, славу непрестающую, жизнь вечную, Царство Небесное и всыновление, полученное нами через новое рождение от Духа Святого, в коем (рождении) соделались мы сынами Божиими и богами по благодати, наследниками Божиими и сонаследниками Христовыми, – помнили бы также, что с сими благами стяжали мы и ум Христов, или дух Христов и благодать Святого Духа, и им (умом) познали Бога и Самого Христа, обитающего в нас и сшествующего нам в нас. Итак, те, которые, слыша заповеди Божии, творят их, сподобляются богатно получить все эти неизреченные блага, подаемые ради того (творения заповедей) посредством открытия сказанного сундучка или посредством отверстия умных очей душевных и узрения того, что сокрыто в Божественных Писаниях.

Другие же, которые не познали того, о чем мы сказали, и не испытали того делом, те не вкусили еще сладости и жизни бессмертной, какую имеют Божественные словеса, и хвалятся лишь знанием, и надежду спасения своего полагают в одном изучении Божественного Писания и в том, что знают его на память. Такие по смерти будут осуждены паче тех, кои совсем не слышали Писания, – и особенно те из них, которые, заблуждаясь по неведению, извращают смысл Божественного Писания и толкуют его по похотям своим, желая оправдать самих себя, будто то есть и без точнейшего соблюдения заповедей Божиих можно спастись. Для них недоступна си-

ла Божественных Писаний. – И праведно. – Ибо как можно то, что сокрыто и запечатано, что незримо и недоведомо для всех людей и что открывается только Духом Святым и только таким образом будучи открываемо узревается и познается нами, – как можно постигнуть это или познать посредством учения (научно), или даже помыслить о том – тем, которые сами о себе говорят, что ни разу не ощутили присутствия Духа Святого и не знают, что такое есть просвещение или осияние Его, коими свидетельствуется обитание Его в нас? Как возможно понять сие тем, которые ни разу не сознали в себе никаких проявлений, которые удостоверяли бы, что в них совершилось возрождение, воссоздание, обновление и изменение, бывающие от Духа Святого? Да и как возможно познать изменение, совершающееся в окрещенных Духом Святым, тем, которые еще не окрестились Духом Святым? Или как возможно видеть славу рожденных свыше, то есть от Бога, тем, которые не родились свыше? И тем, которые после того как, по слову Иоанна Богослова, получили область чадами Божиими быти, не восхотели пребыть такими чадами, но по нерадению потеряли и самую благодать Святого Крещения, – скажи мне, прошу тебя, – как возможно понять разумно или хоть мало-мальски представить, в какую Божественную духовную славу вступили сподобившиеся соделаться чадами Божиими? Бог есть Дух невидимый, бессмертный, неприступный, недомыслимый, и тех, кои родятся от Него, делает такими же, подобными то есть Отцу,

родившему их. Они хотя по телу всем видимы и всеми знаемы бывают, но по духу познаются только от Бога, как и Бога они только знают как следует; – или, лучше сказать, они желают быть знаемыми и зримыми только от Бога, к Коему устремлены всем желанием и всею любовию и Коего умно зрят непрестанно.

Употребим и другое сравнение. Как плохо научившиеся грамоте и не упражнявшиеся в чтении не могут читать так, как те, которые и грамоте научились хорошо, и долго упражнялись в чтении, так и те, которые не хотели исполнять делом заповедей Божиих, не могут удостоиться узреть откровение Духа Святого наравне с теми, которые подвизались в делании заповедей и достигли полного в сем совершенства, пролив даже за них и кровь свою. И как тот, кто взял бы в руки книгу, закрытую и запечатанную, не может увидеть или узнать, что в ней написано, хотя бы обладал всею мудростью мира, так и тот, у кого, мы сказали, все Божественное Писание в устах, не может понять и постигнуть таинственную и Божественную славу и силу, сокрытую в нем, если не будет исполнять заповедей Божиих и не сподобится получить Утешителя, Духа истины, Который бы раскрыл пред ним слова Божественного Писания, как книгу, и показал ему таинственно славу, которая внутри их, – при этом же показал бы силу и блага Божии, сокрытые в них, вместе с вечной жизнью, преисполненной тех благ, которые сокрыты и неведомы для всех нерадивых презрителей заповедей Божиих. – И до-

стойно сокрыты. – Ибо так как они прилепили все чувства свои к суете мирской, пристрастились к обманчивым благам настоящей жизни и омрачились через то умом своим, то и не могут вознестись горе, чтоб помышлять о мысленной красоте неизреченных благ Божиих.

Как тот, у кого болят глаза, не может сносить света лучей солнечных, и если бы стал принуждать себя смотреть на них, потерял бы и этот малый свет очей своих и совсем бы ослеп, так и тот, у кого болят очи душевные, то есть у кого ум омрачен мирскими и плотскими вещами и чувства все страстны, не может смотреть на телесную красоту и благообразие нестрастно, без вреда и ущерба для души своей, и если станет смотреть и замедлит умом в помышлении о красоте той, то потеряет и тот малый мир помыслов, тот покой и тишину срамной похоти, какие имел прежде, чем начал смотреть на ту красоту, когда не докучали ему злые помыслы и срамное похотение. Таковой не может даже и сознать, что он болен. Если б он уверился, что болит душою, будучи исполнен страстей, то, конечно, подумал бы, что есть другие здравые душою, и, может быть, иногда осудил бы себя за это, потому что сам был причиною немощей своих, и начал бы заботиться о том, как бы избавиться от этих немощей. Но как он всех других почитает так же страстными и больными, как и сам, то и не думает отставать от них, говоря, что нет возможности, чтоб кто-нибудь стал выше их. Так и умирает несчастный в страстях, потому что никогда не доходил до

желания избавиться от такого зла. Если бы пожелал, мог бы, так как получил на это силу от Бога. Ибо которые крещены во имя Его, те совлекаются прежнего растления греховного, как ветхой одежды, и облекаются во Христа, обновляясь к жизни по Нему и соделоваясь сынами Божиими по благодати.

Но, братия мои, да не будет и нам быть похожими на тех, которые имеют такую худую славу и находятся в таком жалком состоянии, потому что совсем оземленились и стали как запущенное поле, полное терний. Да будет же нам последовать Христу Господу, за нас умершему, и воскресшему, и вознесшему человеческое естество на небеса, – жить по образу жизни Христа, Который есть для нас образец, и соблюдать заповеди Его, очистившись наперед от скверны греховной посредством покаяния, исповедания грехов и снова облекшись в светлое одеяние Духа Святого во Христе, Боге нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово пятидесятое

1. Не должно с нерадением проходить делание заповедей Божиих, но должно подвизаться соблюсти их все.
2. Искушения надобно переносить великодушно.

1. Апостол Христов Иаков, брат Божий, говорит в Послании своем: *иже весь закон исполнит, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. 2, 10). И опять блаженный Павел говорит: *подвизаяйся от всех воздержится.* А чтобы еще яснее представить это, святой Петр прибавляет: *имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть* (2 Пет.

2, 19). Так что, братия мои, кто порабощен хоть одной страсти, даже самой малой, тот явно обладается ею и не может повиноваться заповеди Господней, ее запрещающей. Ибо как возможно, чтобы слушался Христа тот, кто имеет над собою другого господина? Да и почему бы нам самим не додуматься до истины, выраженной в апостольских словах, убеждаясь в ней тем, что видим глазами своими? Ибо видим, что те, которые плавают по морям, не говорят: ну, теперь мы миновали всякую беду, хотя проплыли уже столько и столько миль; потому что нередко у самой пристани набегает внезапно буря и подвергает крайним опасностям и бедам; но тогда уже говорят, что благополучно совершили плавание свое, когда войдут в пристань и ступят на твердую зем-

лю. Равно и те, которые путешествуют по суше, имея в виду достигнуть до какого-либо города, не говорят, что избавились уже от всяких бед, когда успеют переехать такую-то реку или такую-то гору, или миновать таких-то разбойников, ибо может случиться, что нападут на другого какого убийцу или на какого-либо зверя, и убиты будут, или встретят еще реку глубокую и утонут в ней. Даже когда уже избавятся, с помощью Божией, от всякого искушения и всякой смертной опасности и приближатся к городу, и тогда не могут еще сказать, что благополучно совершили путь свой; потому что если, миновав столько опасностей, зазеваются и перестанут спешить, затворят ворота города, и они останутся вне, – и не знать еще, что может случиться с ними до завтрашнего дня.

Представь себе теперь, что этот город есть Царство Небесное, ночь – смерть каждого, завтрашний день – второе пришествие Христово, которое есть день Суда. Итак, кто не постарается достигнуть Царствия Небесного и внити в него, пока находится в настоящей жизни, и в то время, как выйти душе его из тела, окажется находящимся вне сего Царствия, – найдет на него ночь, то есть смерть, – и не знать, что будет с ним в завтрашний день, то есть в день Суда, – позволят ли или не позволят ему войти в град Царя великого.

Также и о серне, или олене, или другом каком животном не говорится, что они избежали беды, когда убежали от того или этого охотника, или пса, или не попались в те или другие сети; потому что, может быть, они еще попадутся в руки

другого какого охотника или попадут в другие сети. – Представь себе опять и здесь, что охотники суть бесы, псы ловчие – лжеучители, которые кусают и раздирают лживыми словами овец Христовых и предают их в руки охотников, то есть демонов. А под сетями разумей лукавые и срамные помыслы, которые опутывают души услаждающихся ими и влекут их к сосложению с ними; и когда доведут до сего, вяжут их туго, так что нет сил изгнать эти срамные помыслы из ума, но они неотвязно толпятся в нем, возбуждают щекотания и движения плотские, разжигают скверную похоть и погружают в тину греха.

Итак, надлежит, сколько сил есть, избегать всякого греха и творить всякую добродетель, и хранить со всею ревностью все заповеди Божии, не презирая ни одной, даже малейшей. Кто говорит: мне когда бы хоть не сделать такого-то большого зла и не впасть в такой-то великий грех, а такой-то и такой-то маленький грешок – ничего, тот, очевидно, не любит заповедей Божиих и готов нарушить всякую из них. Представь себе, что человек есть как бы какой многоценный сосуд, составленный из всех святых добродетелей – из веры, страха Божия, смирения, молчания, послушания даже до смерти, отсечения своей воли, всегдашнего покаяния и сокрушения, непрестанной молитвы, строгого хранения очес, беспристрастия, равной ко всем любви, нелюбостяжания, целомудрия, упования на Бога, совершенной любви и всех других добродетелей, которые рождаются от этих.

Каждая из них есть как бы часть какая сосуда того: то золотая, то серебряная, то медная, то соответствующая камню драгоценному, и все они подобные разным высокоценимым вещам, которые, быв соединены, согласованы друг с другом и сочетаны Духом Святым, составляют того человека, как сказали мы, сосуд избран и благопотребен, в который влагается, как новое вино, благодать Христова. Скажи мне теперь, если будет недоставать одной какой из тех добродетелей, из которых устроился этот сосуд, то благоугодно ли будет Богу вложить в него какой-либо из даров Святого Духа, хотя бы дыра, образуемая недостатком той добродетели, была очень незначительна? Конечно, не будет благоугодно. Потому что, что бы ни было влито в такой сосуд, мало-помалу все вытечет в сказанную малую дыру.

Как же мы думаем о себе самих, что мы сосуды совершенные и целые и что имеем в себе Духа Святого, как некое сокровище, тогда как у нас есть только немного добрых дел, и те разделены одно от другого грехами, добродетелей же очень многих недостает у нас, потому что мы не позаботились стяжать их деланием заповедей Христовых? Поистине, как говорит святой Павел, мы осуетились помышлениями своими, и омрачилось неразумное наше сердце, – и, *глаголющеся быти мудри,* мы объюродели (Рим. 1, 22). Между тем, о себе и подобных ему тот же божественный Павел взывает, говоря: *Бог рекий из тмы свету возсияти, – возсия в сердцах наших. Имамы же сокровище сие в скудельних сосудех*

(2 Кор. 4, 6, 7). Сосудами называет он тела наши, как можно видеть из другого его слова: *или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть?* (1 Кор. 6, 19). Скудельными же он их назвал, чтоб показать немощь естества нашего. Но эти скудельные сосуды по причине непобедимой силы сокровища, то есть Духа Святого, в них находящегося, несокрушимо прочны и тверды. Почему вслед за сим и прибавляет апостол: *да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Этим вот что хочет он сказать: не думай, брате, что ты хранишь сущее в тебе сокровище, напротив – сокровище хранит тебя. Благодать Божия, сущая в тебе, уготовала тебя в сосуд честный, благоугодный Богови. И то дивно, что если начнут сокрушать сей сосуд, не мы, но враги наши, то и сокровище не разольется, и сосуд сделается еще более крепким и безопасным по действию на него сокровища, потому что сокровище есть Бог. Об этом опять тот же апостол говорит: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе* (Флп. 4, 13).

Соблюдается же сокровище сие в нас, как сказали мы, точнейшим соблюдением всех заповедей и, будучи соблюдаемо, нас самих блюдет всесторонне невредимыми, непревратными и неподвижными, по человеколюбию, могуществу и благодати своей. И если иной раз случится нам, как немощным и легкопадательным, сделать малое какое опущение в том, что лежит на нас как долг, или несколько погрешить, сокровище это тотчас нас возвращает к себе, теснее соединяет с собою

и восполняет допущенный ущерб или недостаток, нас же самих делает более твердыми и безопасными. Почему прошу вас, возлюбленные мои во Христе братия, представляйте Богу самих себя всегда чистыми от всякого греха и неотступно пребывайте в хранении всех спасительных заповедей Его. Ибо тогда Сын Божий и Бог Слово, всепремудрый оный художник, взявши все эти заповеди как какое вещество (материал) из золота, серебра и драгоценных камней, соединит их все вместе и с ними уготовит нас в сосуды честные и благопотребные. Почему никак не подобает иные заповеди исполнять, а иные оставлять неисполненными, или, исполнив все заповеди, являться пред Владыкою Христом презорливыми нерадивцами об одной какой-либо, чтоб Он, разгневавшись за эту одну, не бросил и тех всех вместе с нами и не приказал выгнать нас вон из Своего чертога. Но если мы постраждем это, то после уже ничто не будет нам в пользу, и как много ни стучали бы мы в дверь, взывая: Господи, Господи, отверзи нам! – Он скажет нам: отойдите от Меня (о, страшное слово!). Я не признаю вас за верных, потому что вы не верили словам Моим, не повиновались даже до смерти повелениям Моим и не соблюдали заповедей Моих; потому отойдите от Меня!

Знаю, братия, что я, бедный, первый услышу такие слова, как не соблюдший ни одной заповеди Бога моего; потом услышат их те, которые, как и я, суть непокоривые преслушники заповедей Божиих, те, которые несмысленно говорят:

мне когда бы хоть не соблудить, а поклясться – ничего; мне когда бы хоть не впасть в прелюбодеяние, а украсть малую монету или кусок хлеба – какой грех? Далее те, которые говорят: блажен бы я был, когда хоть не впал бы в срамное и нечистое мужеложство, а брань, игры и песни – не грех. Равным образом и те, которые думают о себе, что они Ангелы Божии, потому что чисты от плотских грехов, и, высокое о себе имея мнение, гордятся непомерно, будто совершенные, а между тем никакой заботы не имеют о добродетелях душевных и о страстях, небрегут и о всех прочих заповедях Христовых и не нудят себя исполнять их, но всякое дело, сколько-нибудь трудное, пропускают и от всяких лишений устраняются, хотя без этого нельзя бывает исполнить заповеди, и вообще ведут жизнь беспечную. Что пользы, братия мои, если кто воздерживается от блуда и от всякой другой плотской нечистоты, а между тем славолюбив и сребролюбив? Ибо блуд растлевает тело, а славолюбие и сребролюбие растлевают душу. И не только это, но, по слову Господа, слава человеческая и славолюбие делают нас даже неверными. *Како можете вы,* – говорит Господь наш, – *веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44). Что пользы человеку, если он чист от мужеложства, но завидует и ненавидит брата своего? Ибо ненависть к брату делает убийцею того, кто ее имеет. Ибо *всяк ненавидяй брата, человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15), – говорит святой апостол. И по священным канонам одна и та же

епитимия положена как для мужеложника, так и для убийцы, и если не покаются, оба равно осуждены будут на вечное мучение. Какая также польза, если кто не пьянствует, но потом поносит брата своего, когда, как говорит святой Павел, в том или другом пороке виновные равно изгоняются из Царствия Небесного? *Не льстите себе,* – говорит он, – *ни блудники… ни пияницы, ни досадители… Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9, 10). Скажи мне еще, что пользы от поста, когда недостает кротости? И что пользы от кротости, когда она соединена с нарушением заповеди? Ибо как тот, кто ударяет обратно того, от кого получил удар, бесчестит Бога, Который сказал: *аще кто тя ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39), так и тот, кто, являя кротость, молча переносит, когда слышит хулу на Бога, грешит против Бога, потому что, действуя так, он является сообщником того, кто хулит Бога. Что также ты много надеешься на послушание, когда порабощен чревоугодию? Ибо невозможно, чтобы раб чрева был истинным рабом Божиим. Что хвалишься долгим стоянием за чтением Псалтири и других молитв, когда при этом ум твой блуждает туда и сюда и ты не понимаешь того, что читаешь? И особенно если, ради такого читания Псалтири, нерадишь о лежащем на тебе послушании или служении братиям, ибо, конечно, ты слышал, что говорит Божественное Писание: *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением* (Иер. 48, 10). Что много надеешься на телесные добродетели, в которых подвиза-

ешься с трудом и злостраданием, когда нерадишь о душевном делании? Не слышишь ли, что говорит святой Павел: *телесное обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8)? Или какую получит пользу тот, кто, исправляя оба делания, и телесное и душевное, осуждает, однако ж, братий своих? Ибо Господь говорит: *Имже судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2). И тот опять, кто исправляет все сказанное, не делает ничего запрещенного и братий своих не осуждает, но во время искушения, когда случится ему потерпеть неприятность, поношение и уничижение, не переносит того без смущения, или когда смутится от того сердце его, не подавляет сего смущения, и хотя не выпустит слова неподобного, показывает, однако ж, внешним видом лица своего, что душа его подвиглась на гнев, или другим каким образом устрояет отмщение за себя, – как дерзнет таковой называть себя рабом и подражателем Христу, а не, напротив, врагом Его?

2. Те, которые суть настоящие други Божии, любят Его и имеют Его в себе как некое сокровище благ неистощимое, принимают такие поношения и бесчестия со всякою радостью и любят от чистого сердца, как благодетелей, тех, которые причиняют их им. Но те, которые говорят: во время брани и мы, как человеки, подвигаемся на серчание и гнев, и иной раз делаем отмщение братиям нашим словом, или и делом, но после не держим на них вражды, но все забываем и оставляем, особенно когда испросим друг у друга про-

щение, – такие похожи на неписаную хартию, на которой враг наш, диавол, как только найдет время, пишет через них же самих свои скверные и злые повеления. Потом они это, написанное ими по внушению диавола, изглаждают; однако же вместо этих повелений диавола не вписывают заповедей Христовых, чтоб диавол, пришедши, нашел хартии сердец их исписанными и со стыдом удалился как побежденный. Но каждый из них оставляет, по нерадению своему, хартии сердец своих неписаными, и когда Господь пошлет написать на сердцах их повеления Свои, они тотчас со всею ретивостью пишут там веления врага, то есть принимают горькие и смертоносные хотения диавола, а животворные и паче меда сладкие внушения Божии отгоняют от себя. Для того и заушение претерпел Господь наш Иисус Христос и Бог, никоего греха не сотворивший, чтоб грешники подражали Ему и через то не только получали отпущение грехов, но и делались общниками Божества Его за такое повиновение Ему. А кто не послушается Его и не снесет заушения с сердечным смирением, некоторым образом как бы стыдясь подражать страстям Христовым, того постыдится и Христос Господь пред Ангелами и Отцом Своим Небесным.

А что я говорю, вот что есть. Он, будучи Бог, соделался ради нас человеком, претерпел заушения, оплевания и крест, и такими страданиями, какие претерпел Он, бесстрастный по Божеству, научает нас некоторым образом и говорит каждому из нас: если хочешь ты, человек, обрести живот веч-

ный и быть вместе со Мною, смирись и ты для Меня, как смирился Я для тебя, и, отложив гордое и диавольское свое мудрование, прими ударения по ланитам, оплевания и заушения и не постыдись претерпеть все сие до смерти. Если же постыдишься ты пострадать ради Меня и заповедей Моих, как Я пострадал ради тебя, то и Я сочту стыдом иметь тебя с Собою во второе пришествие Мое, когда приду со славою многою и скажу Ангелам Моим: этот постыдился смирения Моего и не захотел оставить славы человеческой, чтоб уподобиться Мне. Теперь же, когда он погубил тленную славу, а Я прославился бессмертною славою Отца Моего, стыжусь и Я даже смотреть на него; изгоните его вон. Да возьмется нечестивый и да не видит славы Господни!.. Вот что услышат те, которые по видимости исполняют заповеди Христовы, но, стыда ради человеческого, не стерпевают поруганий, бесчестий, заушений и ран, когда следовало бы претерпеть их за заповеди Господни. Ужаснитесь и вострепещите, люди, слыша сие, и с радостью претерпевайте страсти, какие претерпел Христос для спасения нашего. Бог заушается от какого-нибудь ничтожного раба, чтобы дать тебе пример победы, а ты не хочешь принять заушение от подобострастного тебе человека? Стыдишься, человече, подражать Богу? Как же тебе соцарствовать и спрославиться вместе с Ним в Царствии Небесном, если не потерпишь того же? Если бы Он захотел последовать твоему правилу и устыдился соделаться человеком ради тебя, тогда и не знать, что бы такое было.

Веришь ли ты, что Христос есть Бог? Да, говоришь, верю. Если веришь, что Христос есть Бог, Который сотворил небо и землю, и на землю сошел из недр Отчих, от беспредельной высоты Божества и от неизреченной славы Его, и соделался человеком смиренным и бедным ради тебя; то как же ты, пыль и прах, не хочешь снизойти со своего воображаемого высокого трона и от не сущей славы своей, чтоб смириться пред братом своим, который по видимости будто стоит низко, но, может быть, есть несравненно выше тебя по добродетелям? Стыдишься бедности и ветхих рубищ его, будучи одет в богатые одеяния? Но не пора ли и тебе презреть их, так как они воистину суть посмешище и обличение внутренней срамоты, а не слава светлая? Не хочешь во всем уподобиться Творцу своему и Богу, смиряясь вместе с братиями своими? Но если тебе не угодно соделаться подобным Христу, то явно, что ты делаешь себя, хоть и не зная того, большим и славнейшим Его, являешься для них как бы другой Анна, или Каиафа, или Пилат, ибо не хочешь, чтоб Творец всяческих был сопрестолен тебе, но хочешь, чтоб Он предстоял тебе, как какой-нибудь осужденник.

Это сказано к богатым и знатным, которые, ставя себя выше других, высоко поднимают брови свои и в гордости презирают других. Но что сказать нам к бедным или к тем, которые по-видимому оставили все и сделались нищими Царствия ради Небесного? Вот что скажем! Се, брате, соделался ты нищим, подражая Владыке Христу и Богу. Содержи

же в мысли, что с тобою Христос, что с тобою сожительствует Тот, Кто есть превыше всех небес. Представь же себе теперь: вот вы идете вместе оба, и кто-нибудь, встретясь с вами на пути настоящей жизни, ударил Владыку твоего в ланиту, ударил и тебя. Владыка Христос не пререкает, тебе же уместно ли противиться? Если скажешь, что и Христос тому, кто ударил Его в ланиту, сказал: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле, аще ли добре, что мя биеши?* (Ин. 18, 23); то знай, что Господь Иисус сказал сие не с тем, чтоб противиться, как ты думаешь, но поелику Он *греха не сотвори, ни обретеся лесть во устех Его* (1 Пет. 2, 22), то и сказал так, чтоб не подумали, что раб тот право ударил Его как погрешившего и виновного. Вот для чего Он сказал это слово – для того, чтоб показать, что Он неповинен. Мы же с тобою, конечно, не таковы, то есть не безгрешны, мы, напротив, каждодневно грешим и виновны во многих прегрешениях. Христос Господь в начале страданий сказал так, но после все терпел, что было гораздо хуже этого, и не видно, чтоб сказал где что-либо против; напротив, видно, что молил и просил Бога и Отца Своего простить тех, которые распяли Его. – Брате! Христос не негодовал, когда над Ним издевались, а ты изнемогаешь? Тот терпит заушения, заплевания и бичевание, а ты слова жесткого не можешь стерпеть? Тот подъемлет крест, смерть поносную и раздирающую боль от гвоздей, а ты не принимаешь и послушания, кажущегося тебе унизительным? Как же думаешь ты быть общником сла-

вы Его, когда не хочешь быть общником поносной смерти Его? Поистине всуе подвизаешься ты, если не хочешь истинно взять на себя креста Христова, как Он повелел. Христос Господь юноше оному, а следовательно, и всем нам, сказал: *иди, елика имаши, продаждь, и даждь нищим: и прииди, ходи вслед Мене, взем крест* (Мк. 10, 21). А ты богатство свое, может быть, и раздал бедным, но креста подъять на себя не хочешь, не хочешь то есть охотно переносить искушения, какие встречаются тебе, потому и остался ты один на пути настоящей жизни, отдалившись, к несчастью своему, от Владыки и Бога своего. Но прошу тебя, брате мой, будем соблюдать все заповеди Христовы и терпеть находящие искушения даже до смерти, по желанию Царствия Небесного, чтобы, сделавшись общниками страстей Христовых, соделаться общниками и славы Его, причастниками жизни вечной и наследниками неизреченных благ, во Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово пятьдесят первое

Надлежит человеку прежде приять силу от Христа через Святое Крещение и тогда браться за исполнение заповедей: ибо Святое Крещение делает крещаемых или совсем неподвижными, или труднодвижимыми на зло, равно как и второе крещение покаяния. Также какими надлежит быть священникам.

Кто говорит другому: то делай, а этого не делай, говорит, конечно, человеку, который может то сделать, а это не сделать. Но кто говорит это к такому, который не может ни того ни другого, тот не всуе ли говорит такие слова? Сказал Господь ученикам Своим: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Итак, первое, что дано, это есть очищение и сила через Святое Крещение. И потом уже говорит Господь: *и учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20). Итак, всякий, кто, не укрепившись прежде силою Святого Крещения, возьмется творить заповеди Христовы, всуе будет трудиться. И кто тому, кто не укреплен силою Святого Крещения, повелевает исполнять заповеди Христовы, буй есть и слепец. Ибо прежде надлежит его укрепить в духе благодатию Христовою, очищающей душу через Святое Крещение, и тогда уже давать исполнять и заповеди. Ибо как возможно, чтобы земля, ис-

полненная терний и волчцев, прияв чистое семя, не заглушила его? Но Божественное Крещение Христово имеет великую силу – тех, которые не крещены и удободвижны на зло, делать неподвижными на зло, как только окрестятся. Или если и не делаются они тотчас такими неподвижными, но всячески делаются неудободвижными. Это и есть знамение силы, какая приемлется от Святого Крещения. Оно делает их еще удободвижными на добро, как бы Ангелами, сильными крепо-стию, творящими волю Божию (Пс. 102, 20). По сей же причине Христос Господь даровал и Божественную Кровь Свою, чтоб верующие в Него причащались ее и через то делались причастными Божественного естества, как причащающиеся Божией Крови, и потом, как уже Божественные и имеющие крепость Божеской силы, чтоб жительствовали по совершенному закону Евангелия Христова и творили волю Божию, как сильные крепо-стию. Если теперь верующий во Христа и исповедующий Его, после того как укреплен стал такою силою и получил возможность творить закон Христов, презрит его и не станет жить по воле Божией, то да ведает таковой, что он отрекся от Христа, как, по слову апостола, *Сына Божия поправый, и Кровь заветную скверну возмнивший* (Евр. 10, 29).

Если же какие после Святого Крещения и Причащения Божественного Тела и Крови Христовой бывают еще удободвижны на зло и не являются сильными крепостию на то, чтобы творить волю Божию, то явно, что они не уверовали

еще во Христа, как следует веровать. Им надлежит прибегнуть к архиереям, иереям и духовным мужам, исповедаться и от всей души покаяться во всех грехах своих, и особенно в этом их великом невежестве, что не имеют совершенного познания о таинствах христианства, не знают, в чем состоит вера и что вообще должен знать всякий христианин как христианин; после сего им надобно сделать оглашение, чтоб познали слово веры и все необходимое, как мы сказали, и начали веровать во Христа как следует; наконец, прочитать над ними разрешительную молитву с возложением рук и тем завершить восполнение недостававшего в них. Когда таким образом открыто будет им Евангелие правды, они получат духовное чувство, чтоб восчувствовать и понять принятую ими умную благодать Христову, которая как бы приосенит тогда душу их, делая ее сокрушенною и смиренною и вселяя в нее спасительный страх Божий. Это и служит всегда началом доброго пути и путеводством для тех, которые восприемлют, наконец, жизнь о Христе как следует. Тогда уже пусть причастятся они достойно и Пречистого Тела и Крови Христовой, да будут Божеского общники естества. Быв освящены таким образом, не будут уже они более преобладаемы грехом, как прежде, ибо в том и освящение, что христианин делается сильным крепостию на то, чтобы творить волю Божию, и сего ради получает наименование верного христианина, как такой, которому вверена благодать Христова и который силою сей благодати живет в духе Христовом. Другим

образом и возможности нет сделаться и быть христианином.

Но кто, получив силу жительствовать по закону Христову, предается нерадению и не творит воли Божией, со стороны того требуется великое удовлетворение через понесение должного наказания (церковной епитимии), чтоб исправление его соответствовало мере греха его; причем потребно излияние стольких слез, сколько было воды в купели, в которой он крестился; потребно также усердно умолять Господа, да продлит ему жизнь, чтоб иметь время уврачеваться и не умереть неуврачеванным, и не пойти за то в муку вечную. Ибо кто может поручиться, что смерть подождет, пока он уврачуется? Здесь, в этой жизни, только уместны врачевательные епитимии. Здесь надобно на потребное время не допускать такого до Святого Причастия, отлучать или отделять его от Христа и от общения и сообращения с прочими христианами. Здесь потребны рыдания, стенания, посты, бдения и прочие злострадания телесные, и не иначе как после таких трудов сподоблять его Пречистых Таин. И такое удовлетворение требуется от него совершенно праведно; так как он не сохранил Божественного таинства, разумно принятого. О таком грехе никто не может сказать, что он меньше греха Адамова. Адам, если бы знал, что Бог обитает внутри него, никак не восхотел бы вкусить от древа познания и преступить заповедь Божию. Но он как только создан был, так и получил благодать Божию, а не был прежде лишен благодати сей, чтоб, получив ее потом, знать и чувствовать,

что паки восприял Бога: почему и не знал, что Бог в нем. А этот прежде крещения был наг от Христа и облексся в Него уже через Святое Крещение, как говорит святой Павел: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). Всякая душа тотчас, как окрестится человек, принимает в духе благодать Христову, по коей тотчас воображается в ней Христос. Но крещенные младенцами не чувствуют освящения, получаемого в крещении, потому что такое чувство освящения есть умное дело, а младенцы еще несовершенны умом, чтоб разуметь принятую благодать. Почему с продолжением времени они мало-помалу изменяются и переходят на сторону худа, и благодать Святого Крещения в иных погасает и совсем теряется, а в иных сохраняется малая ее искра, от которой потом великая сия милость опять в них воспламеняется, если прибегнут к духовным отцам и покаются, как мы сказали, примут оглашение, восстановят веру как следует и возуповают на Бога. В таковых скоро опять возгорается Божия благодать и явные дает о себе свидетельства. После этого, если они с усердием и ревностью станут подкладать под нее рукояти (связки дров) смиренномудрия и милостивости, то в них возгорится пламя великое и просветит даже окружающих их: смиренномудрия – помышляя и чувствуя, что испытываемое ими не есть плод их собственных усилий, а дар Божий; милостивости – убеждаясь, что сподобленный такой милости должен и сам быть милостив, и действительно являть ее ко всем другим.

Если же некоторые из тех, которые, прияв и второе крещение покаяния через восприятие ангельского образа и сделавшись монахами, не чувствуют в духе Божественной и всемощной силы Всесвятого Духа, ими полученной, потому что от них отступила благодать, полученная ими при восприятии ангельского образа, как отступает и благодать Святого Крещения от тех, которые крещены младенцами, как мы сказали, вследствие чего они оказываются удободвижными на зло, как были и прежде; то тщетна вера их, тщетно и их второе крещение покаяния, ибо и священные одеяния ангельского образа возлагаются на нечувственных и мертвых духом, которые не чувствуют приемлемой благодати. Удостоверение в действенности спасения одно – это духовное чувство благодати Всесвятого Духа, даруемой от Бога ради веры духовной силе ума. Такую благодать Святого Духа сподобляются получить во время крещения те, которые веруют во Христа, – иные, чтоб творить знамения и чудеса, большая же часть, чтоб быть неподвижными на зло и легкодвижными на добро, и всеусердно с радостью и веселием проходить богоугодную жизнь. Таков чин у верующих во Христа.

Но да внимаем добре, чтоб не случилось быть вне сего чина кому-либо из диаконов, или иереев, или духовных отцов и руководителей душ христианских, и не постиг нас гнев Божий тем, что не станет у нас более ни огласителя, который бы оглашал учением веры, ни учителя, который бы учил, ни духовных мужей, которые бы восстановляли расстроивших-

ся Божественным воссозиданием, которое превосходит всякое слово человеческое. Ибо не следует никому, прежде причастия Божественной благодати, восходить на учительскую кафедру, чтоб не привлечь на себя Божия гнева, – так как из мудрых в слове, но не приявших Божественной благодати иные сделались начальниками ересей, другие побеждены были словами еретиков и пали в ров пагубы. Но как таковые не чувствовали силы возрождения, бывшего в них через Святое Крещение, то им надлежит прежде пойти к духовным мужам, чтоб посредством покаяния и других деяний, о коих мы сказали выше, – поста, молитвы, возложения рук опытных отцов духовных и строителей (экономов) великого сего таинства, а также и священного оглашения теми, которые умеют оглашать, – сподобиться получить возрождение и таинственное образование душевных сил и, укрепившись Божественною благодатию и силою, начать работать в вертограде Божием, да не будет тщетной вера их и исповедание их. Ибо когда вера их будет тщетна, то никакой пользы не принесет ни то, что именуют себя верующими во Христа, ни то, что покланяются Ему. Бог не для того соделался человеком, чтоб Ему покланялись и веровали, что Он Бог и человек – просто как случилось; но Он соделался человеком для того, что бы мы соделовались общниками Божеского естества, как и Он соделался общником человеческого естества, и, познав силу сего таинства и благодать восчувствовав, благодарили Его. Которые опытно познали принятую благодать, те суть

други Христовы, коим вверены тайны и которые проводят жизнь в духе Христовом. Те же, которые совсем не получили такой благодати, то есть некрещеные, и которые получили ее, но не познали ее, такие суть враги Божии. Ибо всякий, кто не причастен Божеского естества, то есть не имеет Божественной благодати, плотян есть и не может благоугодить Богу, потому что помышление плотское вражда на Бога есть, и плоть и кровь Царствия Божия наследити не может. Таковой услышит наконец и оное евангельское слово: *от неимущаго и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29). Благодать Божия беспредельна, всегда с преизбыточеством изливается и никогда не оскудевает. Если бы, скажем так, кто прожил тысячу лет и в эту тысячу лет каждый день была бы подаваема ему благодать, то он был бы преисполнен ею и погружен в нее, она же все пребыла бы целою, нисколько не умалившейся. Впрочем, само собою следует, что в том, кто получил благодать, она или умножается, если он подвизается, или умаляется, если понерадит; и если это нерадение продолжится, то мало-помалу она и совсем в нем оскудеет, и оставит его совершенно пустым. Оставит, а он долго еще будет думать, что имеет ее. Ибо благодать отходит сокровенно, как сокровенная по естеству и таинственная, потому, отходя, не дает ему чувствовать отступления своего, и он не сразу узнает об отступлении ее. Нам же даруй, Господи, сподобиться того, чтоб, получив благодать Божию, мы приумножали ее в себе, прилагая подвиги к подвигам, во Христе

Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово пятьдесят второе

1. Какие это неизреченные глаголы, кои слышал апостол Павел?

2. Что суть блага, ихже око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша?

3. Что есть Царствие Божие, и как оно действенно является в нас?

1. Владыка всяческих Христос каждодневно учит нас через Святые Евангелия, где иное говорит прикровенно, чтоб не понимали Его многие, когда говорит в притчах, из чего иное опять объясняет наедине ученикам Своим, говоря: *вам дано есть ведати тайны Царствия Божия, прочим же в притчах* (Лк. 8, 10); иное же говорит не обинуяся, для всех явно, как сказали Ему апостолы: *се, ныне не обинуяся глаголеши, а притчи ни коеяже не глаголеши* (Ин. 16, 29). Почему наш долг исследовать и узнать, в каких словах учил Господь не обинуяся и явно, и в каких учил прикровенно и приточно. Так, например, явно возвестил Он следующее: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44); *блажени плачущии, горе смеющимся* (Лк. 6, 21, 25); *покайтеся, приближибося Царствие Небесное* (Мф. 3, 2). И опять: *любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25). И: *аще кто хощет*

по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет (Мф. 16, 24). Много и других подобных мест, в коих Иисус Христос предлагает Свое учение не прикровенно и в притчах, а явно и без всякой прикровенной мысли. Приточно же Им сказано, например, следующее: *подобно есть Царствие Божие зерну горушну, еже прием человек вверже в вертоград свой: и возрасте, и бысть древо велие* (Лк. 13, 19). Опять: *подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущему добрых бисерей* (Мф. 13, 45). И еще: *подобно есть Царствие Небесное квасу, егоже вземши жена скры в сатех триехмуки, дондеже вскисоша вся* (Мф. 13, 33). Сие и многое подобное сему говорит Господь приточно, уподобляя Царствие Небесное таким предметам, и называет это притчами.

Отсюда помысли, прошу тебя, сколь велика премудрость Божия, что такими чувственными примерами, которые кажутся нам так невысокими, Он изображает пред нами и, как живописец какой, начертывает в уме нашем недомыслимое и непостижимое. Делает же Он это для того, чтоб неверы оставались слепцами, лишенными ведения таких благ, так как сделались недостойными того по причине неверия своего; а верующие, напротив, слыша и с верою приемля приточное слово, видели истину и ясно познавали событие в самих себе означаемых притчами вещей. Ибо притчи суть образы вещей духовных; а как и каких вещей суть они образы, послушай. Зерно горушное есть Дух Святой; человек есть каждый веру-

ющий, желающий приять зерно сие посредством делания заповедей; вертоград есть сердце верующего, внутрь которого ввергают то зерно (единое, говорит, а не много, потому что естественно неделимое и недробимое не может быть разделено на многие части, но пребывает всегда едино). Потом, когда храним себя со всяким вниманием и блюдением, зерно то дает росток; когда росток подымется, то делается явным; когда же еще подрастет и станет довольно великим, то познаваем бывает теми, в которых настолько разросся; а когда, наконец, станет как дерево и пустит от себя многие ветви, тогда радостью неизреченною исполняет того, кто сподобляется это возыметь в себе. Итак, как сад без посеянного семени не дает никаких полезных зелий, кроме одних терний и диких трав, и семя, не будучи посеяно, не прорастает и не приносит плода, но остается одно, как есть; совершенно таким же образом и наши души, если не примут в себя Божественного семени, пребывают бесплодными, исполненными терний, то есть грехов; равно и Божественное семя, прежде чем ввержено будет в души наши, пребывает в себе, как есть, ни умножения, ни умаления не приемлет и в нас ни ростка не дает, ни возрастает в древо. Ибо как возможно, чтобы то Божественное семя, не будучи посеяно в сердцах наших и не соединившись с нами, но пребывая особо от нас, как особо от сада находится семя, не посеянное в нем, – как, говорю, возможно, чтоб оно разрослось в нас, как разрастается в тех, в сердцах которых посеяно и с которыми соединилось?

Никак это невозможно, – как невозможно также и то, чтоб огонь зажег дрова, не быв подложен под них, или чтоб загорелись дрова без соприкосновения с огнем.

Но как слова Святых Евангелий иные говорятся нам примрачно и в притчах, а иные говорятся ясно, без прикровенности, так и слова апостолов не все говорятся явно, без прикровенности, но иные из них имеют нужду в большом толковании и изъяснении, потому что содержат сокровенную глубину мыслей. И если признаете благословным, возьмем в рассмотрение одно изречение святого апостола Павла и увидим, какие там сокрыты глубины Духа, ибо, по слову Божию, *Святой Дух вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. 2, 10). Какое же изречение имеем мы рассмотреть? – О неизреченных глаголах, какие слышал божественный Павел, когда был восхищен до третьего небесе.

И как у нас бывает, что если не отверзем собственных уст наших, то не может изыти вне слово наше, так и если не отверзутся уста Божии (то есть Дух Святой) через осияние и просвещение, какие бывают в нас (не говорю, чтоб Дух отверзался, но ум наш, когда осиявается и просвещается от Духа), Сын и Слово Божие не зрится и не бывает явен в чувстве зрения и слуха нашего (умного).

Изъяснив сие, заключаем, что неизреченные оные глаголы, какие слышал божественный Павел, не другое что суть (по моему скудоумному мнению), как сокровенные и воистину неизъяснимые и незримые, через осияние от Духа Свя-

того бывающие созерцания, и боголепные и недомыслимые уразумения пресветлой и пренедоведомой славы и Божества Сына и Слова Божия, какие, будучи открываемы, более ясными и более чистыми представляются тем, кои достойны того. Вот что, говорю, суть те неслыханные слышания неизреченных глаголов, то непостижимое постижение непостижимых вещей. Если апостол сказал, что слышал глаголы (то есть слухом), а мы, изъясняя сии глаголы, сказали, что это Сын Бога и Отца глаголется через Святого Духа, и вместе с тем через осияние Его открывается достойным, и таковое осияние, или откровение, бывает, сказали мы, посредством созерцания, а не посредством слышания, то да не покажется тебе сие странным и неверным. Но послушай разрешение сего недоумения и познай дело как есть, да не будешь неверен, но верен. Разрешение же это таково. Внимай!

Бог, Который есть первая причина всего прочего, един есть. И это едино – есть свет и живот, Дух и Слово, уста и глагол, премудрость и ведение, радость и любовь, Царство Небесное и рай, небо небес, как и солнце солнц, и Бог богов, и всякое другое добро, какое бы ты ни сказал, заимствуя мысль о нем от сих видимых вещей или от того, что выше всех их, – найдешь, что оно есть сие едино, о коем я сказал, и удостоверишься, что оно есть и именуется всеобъемлюще, существенно и господственно – Благо. Оно не имеет никакого совершенно подобия с видимым, но есть выше всякого видимого добра, несравненно и неизреченно. И нераздे-

лимо сие едино, как видимое разделено одно от другого, но пребывает одно и то же, без всякого изменения. Оно есть всеблаго, высшее всякого блага. – С другой стороны, и человек, созданный по образу и подобию Божию, почтен тем же образом бытия и имеет в единой душе и ум, и слово, и единое чувство, хотя оно, по пяти естественным потребностям тела, делится на пять чувств. В отношении к телесному оно нераздельно разделяется посредством пяти частных чувств – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, и, будучи изменяемо, неизменно, проявляет действенность свою – и видит (не само чувство, но душа посредством его), и слышит, и обоняет, и вкушает, и различает вещи по осязанию. В отношении же к духовному нет необходимости, чтоб это общее чувство разделялось на пять чувств, как бы на пять окон, – не требуются, говорю, ни очи, чтоб, открывая их, видеть тамошние вещи, ни уши, чтобы слышать слово, ни орган обоняния, чтоб обонять тамошние доброты, ни губы и язык, чтоб вкушать и различать сладкое от горького, ни руки, чтоб различать твердое и мягкое, тяжелое и легкое. Но оно выходит вне всего этого, что мы сказали, и естественно последует за умом, не разделяясь от него и несясь все всецело с ним; но пребывая всецело единым чувством, оно имеет с собою и в себе пять чувств (или точнее сказать – более), поколику все они едино суть. Теперь сообрази, прошу тебя, поточнее, что излагает слово мое. Душа, ум, слово суть едино, в единой сущности и едином естестве человека, – и это

едино чувствует, рассуждает, как разумное существо, понимает, памятует, совещается с собою, желает или не желает, избирает или не избирает, любит или ненавидит, и, – чтоб не удлинять слова, – это едино есть живущее (существо или сила), которое в одно и то же время и видит, и слышит, и обоняет, и вкушает, и осязает, и понимает, и знает, и говорит. – Слушай внимательно и вникай в силу того, что говорится тебе, чтоб мог ты понять, какие это неизреченные глаголы и как слышал их святой Павел, – каковы и открыты были ему, и видимы были им в Духе Святом.

Бог Творец всяческих един есть, и сие едино, как мы сказали прежде, есть всякое благо. С другой стороны, и душа, разумная и бессмертная, тоже едина есть. И она едина есть вся – чувство, совмещающее в себе все чувства, какие ни есть. Итак, когда единый всяческих Бог является через откровение единой разумной душе, тогда открывается ей всякое благо и в одно и то же время созерцается (ощущается) всеми вместе чувствами ее. Сие единое и всякое вместе благо и видимо бывает ею, и слышимо, и услаждает вкус, и облагоухавает обоняние, осязается, познается, говорит и говорится, знает и знаемо бывает, и что знает, сие сознается. Ибо кто познается Богом, тот знает, что познается, и кто видит Бога, тот знает, что и Бог видит его. Но кто не видит Бога, тот не знает, что Бог видит его, так как сам не видит Его, хотя хорошо видит все прочее. Итак, которые удостоились увидеть зараз всеми вместе чувствами, как одним из многих чувств,

сие всеблаго, которое и едино есть и многое, поелику есть всеблаго, те, говорю, поелику познали и каждодневно познают разными чувствами единого чувства разные вместе блага как единое, не сознают во всем сказанном никакого различия, но созерцание называют ведением и ведение созерцанием, слух зрением и зрение слухом, как и пророк Аввакум говорит: *Господи, услышах слух Твой и убояхся. Господи, разумех дела Твоя и ужасохся* (3, 1). От кого же это другого он услышал? Пророчествуя, он о Господе проповедал. Как же говорит: *Господи, услышах слух Твой?* И что хочет он открыть через удвоенное слышание, когда говорит: *услышах слух Твой?* Что другое, кроме того, что через осияние Святого Духа, или откровение от Него, познал удостоверительно Господа нашего Иисуса Христа, и опять, через сокровенное глаголание сего же Святого Духа научаем, познал все воплощенное Домостроительство Господне; и потом сие о Господе учение, которое приял от Духа Святого, он так усвоил себе, как бы оно было его собственное, и как бы видя Господа, как и в самом деле удостоверительно видел Его через осияние от Святого Духа, говорил Ему: *посреде двою животну познан будеши, внегда приближитися летом, познаешися, внегда приити времени, явишися* (3, 2). Так что учение, вместе и ведение, которое бывает через созерцание, действием Духа, он называет слухом, который слышал, о воплощенном Домостроительстве Господа. И тем, что сказал: Господи! показывает, что видел Его пред собою и собеседовал с Ним, ибо

какой человек беседует с тем, кого не видит? Ужели кто может, не видя земного царя пред собою, говорить ему: о, царю! услышал я определения, какие положила царская власть твоя? Никак. А пророк говорит, и говорит не только – *услышал слух Твой,* но еще и – *познан будеши,* и – *познаешися,* и – *явишися;* почему, как познавший со всею удостоверительностью весь совет Господа, говорит как бы Ему: то и то хочешь совершить Ты, Господи, как определило Царствие Твое. Да и все пророческие изречения наибольшей частью то же значат.

Итак, Божественному Писанию обычно таким образом называть слышание – созерцанием Бога, и созерцание – слышанием Бога. Так и божественный Павел неизъяснимые созерцания и осияния Святого Духа, учения и откровения, превосходящие меру человеческого естества и силы, необычно назвал глаголами, сказав и написав, что слышал неизреченные глаголы. Но вслед за сим он написал: *и за премногая откровения* и прочее. Итак, если божественный Павел сказал прежде, что слышал, то почему, после того, как услышал, называет он это откровениями, когда откровения бывают через созерцание, а не через слышание, как говорит и Давид: *открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18)? По чему другому, если не потому, что он, как мы сказали, слышание употребляет вместо созерцания, и созерцание вместо слышания? Также апостол Павел помянул, что восхищен был до третьего неба. И опять вопрос: как же сказал потом, что слышал? И это не по другой причине, как по той,

какую мы только что указали. Отсюда заключаем, что восхищением он обозначил, во-первых, созерцание, какое видел, потом таинства, которые были в сем созерцании, – и о том, что наияснейше открывало славу оную и Божество, воссиявшее ему, он сказал, что слышал то, – поколику это сообщало ведение, научало видевшего сие и открывало ему то, что для всех неизреченно и недомыслимо.

Итак, в отношении к духовным вещам, как мы сказали, и слышательное, и зрительное чувство есть одно, и из того, что здесь созерцает кто или слышит, не может он определительно сказать, что именно есть то или другое, судя по тому, как он то видит или слышит. Почему апостол и сказал, что того невозможно изложить человеческим языком. Нам, впрочем, надлежит подвизаться об очищении самих себя покаянием и смирением, чтоб соединить с единым благим и преблагим Богом все наши чувства, как одно, и тогда все то, чего не можем мы представить и изъяснить многими словами, все то зараз познаем и уразумеем, слыша зрением и видя слышанием, научаясь созерцанием и слушая откровением. Впрочем, есть еще и иное некое слышание в отношении к вещам наидуховнейшим. Какое же это? То, коим приемлется обетование благ, которые имеют быть нам даны. Как пророки, пророчествовавшие о первом пришествии Господа, хотя созерцали Его и знали точно, но как оно не было еще сбывшимся во дни их, а имело быть после, то они о том, что было им открываемо и показываемо относительно его, говорили, что

слышат то, так как это имело быть впоследствии. Так и святой Павел, поелику видел блага Царствия Небесного, какие имеют быть дарованы праведным, и поелику узнал и удостоверился до точности, что любящие Бога от всей души и соблюдающие заповеди Его имеют несомненно получить сии блага по втором пришествии Господнем и по воскресении мертвых, по обетованию Господа, то и сказал: *слышах неизреченные глаголы, яже не леть есть человеком глаголами.* – Но почему прежде назвал их благами, а потом называет глаголами? Потому, что блага оные воистину суть некие дивные и предивные словеса, через кои всякое разумное естество будет услаждаемо неисчерпаемым, вечно живым и живоносным услаждением, будет выну оживляемо Божественным оживлением и обвеселяемо. Ибо как Слово Бога и Отца есть Бог, то справедливо осияния и откровения Бога Слова именуются глаголами. Слово есть Бог, и глаголы Его суть лучи и блистания Божества, кои воссиявают от Бога, как молния, и наияснейше нам открываются.

Этих глаголов не могу я изъяснить или истолковать, но возлюбленный ученик Христов Иоанн Богослов, по данной ему от Бога благодати, сказал нечто в объяснение того, что слышал святой Павел, говоря: *возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не у явися, что будем: вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем, ибо узрим Его, якоже есть* (1 Ин. 3, 2). Святой Павел сказал, что слышал неизреченные глаголы, которые не может человек произнести. А Иоанн Бого-

слов говорит: *вемы, яко егда явится, подобни Ему будем и узрим Его, якоже есть.* Что самое и святой Павел говорит в другом месте: *ныне разумею от части, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. 13, 12). Видишь, как в отношении к духовным вещам одно и то же есть вместе и подобие, видение и познание? – Ибо Христос бывает для нас всем – и ведением, и мудростью, и словом, и осиянием, и созерцанием, и знанием; и любящим Его дает вкусить от благ Своих и в настоящей жизни отчасти, дает также им таинственно слышать и неизреченные некие глаголы, от большей части сокрытые. Ибо если Христос не будет для нас всем вместе, то будет следовать, что Царствие Небесное и блаженство его неполны и несовершенны. То есть, если Христос не будет для всех праведных вместе с тем, что сказали мы выше, еще и одеянием, и венцом, и обувью, и радостью, и сладостью, пищею, питием, трапезою, ложем, упокоением, неизреченной красотою и всем другим, что пригодно для услаждения, славы и радования, но будет недостаточествовать хотя в одном каком-либо благе и для одного только из имеющих обитать там, то лишение этого недостающего блага дает место печали, и, следовательно, печаль войдет в среду неизреченной радости веселящихся, а из этого явно станет, что ложно слово Писания, которое говорит: *отбеже болезнь и печаль и воздыхание* (Ис. 51, 11). Но этого никак не будет, а будет там всяческая во всех и всякое благо будет преизбыточествовать вместе со всеми благами, и насыщать сверх меры все чувства

призванных и сидящих на браке Христа Царя, и Сам Христос Бог будет вкушаем и пием, так как Сам Он есть всякий вид пищи, пития и сластей. Христос будет тогда видим всеми, и Сам Христос будет видеть все бесчисленные мириады святых, ни с кого глаз не сводя, так что каждому из них будет казаться, что Он на него смотрит, беседует с ним и приветствует его; и никто не будет опечален тем, будто Христос не обратил на него внимания и презрел его.

Христос, как мы сказали, будет тогда и венцом, имеющим увенчать главы всех святых. Не приемля никакого изменения, но пребывая неизменным, Он будет являть Себя инаковым для одного и инаковым для другого; будет уделять Себя каждому, как подобает и как он того достоин. Сам Христос имеет быть тогда для всех и одеянием, таким одеянием, каким облещись подвизался каждый – и облекся, находясь еще в сей жизни; и никак невозможно, чтобы кто-либо вошел на тот таинственный брак, не быв облечен в это пресветлое одеяние. Если же бы случилось такому, смешавшись с достойными, войти туда тайком (что, однако ж, никак невозможно), то он тотчас изгнан будет вон. И Владыка Христос, желая показать нам, что никому одетому в мрачные рубища невозможно пребыть на браке, истолковал это притчей, в которой сказав: *друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна,* прибавил потом: *связавше ему руце и нозе, вверзите его во тму кромешнюю* (Мф. 22, 12, 13). Полагаю, что Господь сказал таким образом не потому, что тот мрачно одетый вошел

на браки, утаившись от Бога, пред Коим ничего нет утаенного, но потому, что еще не пришло время открыть такое таинство и Он не хотел сказать прямо, что туда, на браки, невозможно войти никому, кто не одет в одеяние Божества Моего, почему и прикрыл слово о том под таким образом. Но апостол Павел прямо уже открыл сие, говоря: *якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго* (1 Кор. 15, 49). А каков образ небесного, о сем послушай, что говорит тот же божественный Павел: *Иже сый сияние славы Его и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3), – наиточнейший образ Бога и Отца. Итак, образ Отца есть Сын, и образ Сына есть Дух Святой. Видевший Сына видел Отца, и видевший Духа Святого видел Сына. Апостол говорит: *Господь же Дух есть* (2 Кор. 3, 17), и опять: *сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8, 26), вопия: *Авва Отче!* (Рим. 8, 15). Дух взывает: Авва Отче! – не потому, что Дух есть Сын, – да мимоидет от нас такая хула! – но потому, что Сын Божий видится и созерцается Духом Святым, и что ни Сын никому не открывается без Духа, ни Дух без Сына; но вместе с Духом открывается Сын, и Сам через Духа взывает: Авва Отче!

2. Ты же, возлюбленный, если не знаешь еще того, о чем я говорю, не отчайся и не скажи: того, о чем ты говоришь, я совсем не знаю и не могу тому научиться, и не чаю, чтоб мог когда-либо достигнуть до высоты такого ведения, созерцания и чистоты. Но опять не скажи и так: если невозможно

войти в Царствие Божие тому, кто еще в настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдет до созерцания Его и не достигнет того, чтоб Он обитал внутрь его (я же не могу успеть ни в чем таком), то какая мне польза и подвизаться ради этого, из-за этих подвигов лишать себя наслаждения настоящими благами? – Смотри, не говори такого слова и даже не думай так. Но если тебе угодно и если желаешь послушать моего совета, я, с помощью Духа Святого, истолкую тебе, в чем настоящий путь и способ спасения.

Итак, перво-наперво, от всей души поверь, что все сказанное мною есть совершенная истина, свидетельствуемая Божественными Писаниями, и что всякий верующий в Сына Божия долг имеет быть именно таковым, ибо нам дана область чадами Божиими быти, и если восхощем, нет к тому никакого препятствия. Для этого было все воплощенное Домостроительство и снисшествие Сына Божия на землю, то есть для того, чтоб нас соделать общниками и наследниками Божества и Царства Своего посредством веры в Него и соблюдения заповедей Его. Ибо если не уверуешь, что это бывает именно так, как я сказал выше, то, конечно, не станешь и искать того, а не взыскавши, не получишь. А Господь говорит: *ищите, и обрящете: просите, и дастся вам* (Мф. 7, 7). После же того, как уверуешь, последуй Божественным Писаниям и делай все, что они тебе говорят. Поступая так, найдешь все это, как написано мною, непогрешительным. И не только это, но найдешь и другое многое, большее этого, –

найдешь написанным в Божественных Писаниях. Что же это такое? – То, чего око не видало, о чем ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило, – блага, уготованные Богом любящим Его. И если ты несомненно поверишь тому, что я сказал, то всеконечно увидишь это и ты, как и Павел, и восхищен будешь в рай, куда вошел разбойник вместе со Христом, и услышишь там неизреченные глаголы.

Хочешь ли, я иным некиим образом объясню тебе, какие это блага, *ихже око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша?* – Полагаю, что всячески тебе желательно послушать, чего и сам Павел, видевший то, не сказал и не изложил. А почему не сказал он этого? Потому, думаю, чтоб не подвергать людей греху неверия, – что услышат и не поверят, так что если и ты не уверен, что поверишь тому, что имею сказать тебе, то лучше тебе не слышать о том. Ибо если услышишь и не поверишь, но преслушаешь слова мои, или, лучше сказать, слова Божии, то само это слово осудит тебя в день Суда – что слышал и не поверил. Почему, не колеблясь сомнениями, слушай слова мои, или, как пред сим сказал я, слова Божии. – Познай же искомое нами решение вопроса о неизреченных глаголах, слышанных святым Павлом в раю, что это суть вечные оные блага и что блага сии, которых око не видало, о которых ухо не слыхало и ум человеческий никогда не помышлял, которые, однако ж, Бог уготовал любящим Его, – блага сии не на высоте спрятаны, не в каком-либо месте заключены, не во глубине сокрыты и не в последних

пределах земли или моря обретаются, – но суть пред очами твоими. – Какие же это они? – Вместе с благами, усокровиществованными на небесах, есть Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, кои мы каждодневно видим, вкушаем и пием. Вот что суть блага оные! – И помимо их, пройди всю тварь, нигде не найдешь ты ни одного из тех благ, о коих я сказал. Если желаешь удостовериться в истине слов моих, стань сперва святым через делание заповедей Божиих, потом причастись Святых и Пречистых Тела и Крови Христовых, и тогда опытом точно познаешь силу слов моих. А чтоб тебе поверить удобнее этим моим словам, выслушай собственные слова Господа, которые сказал Он иудеям, а также и ученикам Своим: *аминь, аминь глаголю вам: не Моисей даде вам хлеб с небесе, но Отец Мой дает вам хлеб истинный с небесе. Хлеб бо Божий есть сходяй с небесе и даяй живот миру. Реша убо к Нему: Господи, всегда даждь нам хлеб сей. Рече же им Иисус: Аз есмь хлеб животный: грядый ко Мне не имать взалкатися, и веруяй в Мя не имать вжаждатися никогдаже. – Роптаху убо иудее о Нем, яко рече: Аз есмь хлеб сшедый с небесе. И глаголаху: не сей ли есть сын Иосифов, егоже мы знаем отца и матерь? Како убо глаголет сей, яко с небесе снидох?* (Ин. 6, 32–35, 41, 42). Внемли же себе и ты, чтоб не возроптать подобно иудеям и не сказать: не хлеб ли это – что на дискосе? и не вино ли то, что в чаше? Как же говорит сей, что сей видимый хлеб и сие видимое вино суть оные блага, которых око не видало и о которых ухо не слыха-

ло, и ум человеческий никогда не помышлял? Но послушай, что сказал Господь тем, кои роптали тогда и говорили такие слова: *Отвеща убо Иисус и рече им: не ропщите между собою. Никтоже может приити ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его, и Аз воскрешу его в последний день* (Ин. 6, 43, 44). Как бы говорил Он им: чего ради не верите вы и сомневаетесь в этом? Никто не может познать Божества Моего (ибо это означают слова: *никтоже может приити ко Мне),* если Отец Мой не привлечет его и не подымет до познания сего. Но привлечение здесь не какое-либо насилие или принуждение показывает, а призвание посредством откровения. *Ихже бо предуведе и предустави, тех и призва* через откровение Сына Своего (Рим.

8, 29, 30), восхищая их, некоторым образом, любовию Сына Своего, им открываемого. Яснее это показывают следующие за тем слова Господа: *есть писано во пророцех: и будут вси научени Богом. Всяк слушавый от Отца и навык, приидет ко Мне: не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сей виде Отца* (Ин. 6, 45, 46). Итак, только наученный Богом может уверовать в Сына Божия. И опять Господь говорит: *аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя, имать живот вечный. Аз есмь хлеб животный. Отцы ваши ядоша манну в пустыни, и умроша. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да, аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный, сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки: и хлеб, егоже Аз дам, Плоть Моя есть, юже Аз дам*

за живот мира. Пряхуся же между собою жидове, глаголюще: како может сей нам дати Плоть Свою ясти? Рече же им Иисус: аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе. Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво (Ин. 6, 47–55). Слышал, что Причащение Божественных и Пречистых Таин есть живот вечный и что тех, кои имеют в себе сей живот вечный, Господь воскресит в последний день? Не так это, чтоб другие остались в гробах, но так, что имеющие в себе живот воскреснут для вечной жизни, а прочие воскреснут для вечных мучений. И чтоб тебе понять, что это истинно, слушай, что далее следует: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем. Якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради* (Ин. 6, 56, 57). Видишь, что говорит? Слышишь, как ясно-ясно взывает Сын Божий, что через Причащение Пречистых Таин такое же имеем мы единение и жизнь со Христом, какое единение и жизнь имеет Он Сам со Отцом? Ибо как Он едино есть с Богом и Отцом Своим по естеству, так, говорит, и мы едино бываем с Ним по благодати, когда вкушаем Плоть Его и пием Кровь Его. И чтобы мы не думали, что все сие совершает видимый хлеб, Он говорил: *Аз есмь хлеб сходяй с небесе.* Не сказал только: *сшедый* (ибо это означало бы, что Он только один раз сошел), но что говорит:

сходяй с небесе, то есть Я всегда схожу и прихожу к тем, которые причащаются достойно. При этом, желая отвлечь ум наш от видимого, или, лучше сказать, желая возвести нас посредством видимого к созерцанию невидимой славы ипостасного Божества Своего, Христос Господь говорил: *Аз есмь хлеб животный,* и опять: *Отец Мой даст вам хлеб истинный,* не от земли, а *с небесе.* Говоря: *хлеб истинный с небесе,* показал тем, что хлеб, который от земли, не есть истинный, как не приносящий потребной пользы. И чтоб яснее это показать, говорит: *хлеб Божий есть сходяй с небесе и даяй живот миру.* Опять говорит: *сходяй,* и опять: *даяй живот.* Для чего? Для того, чтоб ты не подумал, что Он говорит о чем-либо телесном, и, причащаясь, не представлял что-либо земное, но самую эту малую часть, коею причащаешься, умными очами души своей созерцал обоженною, соделавшейся совершенно подобной хлебу, сходящему с небеси, который есть Бог истинный, – хлеб и питие бессмертной жизни; дабы не остаться тебе в неверии, с одним хлебом, который видишь чувствами своими, и таким образом не вкушать хлеб лишь земной, а не небесный, и не лишиться за то живота, яко не вкусившему духовно небесного хлеба, как говорит Сам Христос: *Дух есть, иже оживляет, плоть не пользует ничтоже* (Ин. 6, 63). Каких это не пользует? – Тех, которые говорят, что Он простой человек, а не Бог. И ты, верный, если причащаешься хлеба только, а не Тела обоженного, и если не веруешь, что при сем приемлешь в себя Самого Христа всего, как наде-

ешься приять от Него живот и иметь Его в себе ощутительно для чувства души твоей? Ибо слышишь, что говорит Он? *Ядый Мя,* то есть с неба сходящий хлеб, *жив будешь во веки.* И опять: *плоть не пользует, Дух есть, Иже оживляет.* Истинно Дух есть, Иже очищает нас и делает достойными Причастия Тела Господня. Ибо те, которые причащаются недостойно, суд себе ядят и пиют, не рассуждая Тела Господня, как говорит апостол.

Итак, елицы вернии, елицы познали силу таинств, о коих мы сказали и говорим, елицы вкусили хлеба небесного и с ним стяжали живот вечный, даруемый сим небесным хлебом, то есть Сыном Божиим, и стали пребывать в Нем и с Ним, – приидите, восхитимся духовно и мысленно и мы до третьего небесе, или, лучше сказать, до самого неба Пресвятой Троицы, да видим и слышим все то, что было изглаголано и что, однако ж, пребывает неизглаголанным, и да вкусим, да обоняем и да осязаем то добре руками души своей, то есть да познаем то истинно умным чувством и затем возблагодарим и прославим человеколюбивого Бога, говоря: препрославлен буди, Господи, благоволивший явитися и открытися в нас и во всех вообще, скажем так, братиях наших.

Отцы и братия, монахи вкупе и мирские, богатые и бедные, рабы и свободные, юноши и старцы, и всякий возраст и род, послушайте! Бог не ложен и не бессилен сотворить то, что обещал. Он не укоснит посетить все языки, и никому не возможно укрыться от очей Его или стерпеть явление славы

Его в день Суда. Ибо когда *небеса с шумом мимоидут, стихии же сжигаемы разорятся,* – как говорит святой Петр (2 Пет. 3, 10), тогда невозможно человеку стерпеть день пришествия неприступного Бога, живущего во свете неприступном, Который, всегда пребывая в нем (свете) и с ним приходя в мир, так имеет быть узрен всяким человеком. Тогда грешников обымет истинно великий страх и трепет, и нет скорби и печали, нет болезни и муки, которые могли бы сравняться с теми, какие испытают тогда грешники. Но которые веруете этому и желаете спасения себе, послушайте, что говорит Дух Святой: да возвратится вспять каждый из вас от злого пути, которым идет, то есть да оставит грехи, которые творит; научитеся добро творити; избавьте обидимого; взыщите притрудно Господа, и жива будет душа ваша; уклонитеся от зла и сотворите благо; цари, возлюбите облекаться паче в целомудрие, правду, истину и веру благочестивую, нежели украшаться царским венцом и царскими одеждами; патриархи, если вы не други Богу и не сыны Его, сойдите с тронов ваших и подите прежде самих себя научите от Божественных Писаний, и когда станете отображением Бога и уподобитесь Ему, тогда приблизьтесь со страхом и трепетом, и осяжите Божественная; если же не так, то когда явится Бог, тогда познаете, что Он есть огнь поядаяй не тех, кои возлюбили Его, но тех, кои не хотели приять Его, когда Он приходил просветить их. Властители, покоритесь и смиритесь; и богатые, станьте лучше бедными, потому что неудобно богатому вни-

ти в Царствие Небесное. И если богатому неудобно внити, то властителю и совсем невозможно внити. Да, невозможно: ибо Господь говорит ученикам Своим: *князи язык господствуют ими. Не тако же будет в вас, но иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга: и иже аще хощет в вас быти первый, буди вам раб* (Мф. 20, 25–27). Князем Писание называет того, кто ищет лишь себе чести и славы, и силою власти своей творит лишь свою волю. Но если Господь наш и Бог, снисшедший на землю для спасения нашего и нам во всем подавший спасительный пример, говорил: *снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38); то кто из верующих в Него может спастись, не творя воли Божией, а только свою собственную? И что я говорю – спастись? Таковому невозможно верным быть и христианином истинным именоваться. Это объявляет Сам Христос Бог наш, когда говорит: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44.) Почему всякий, ищущий славы Божией и во всяком деле всячески подвизающийся творить не свою, а Господню волю, никогда не возмечтает властвовать над кем-либо другим или представлять себя высшим кого, малого или большего, но чем большее дадут ему настоятельство и чем пространнейшее поручат управление, тем больше будет он иметь себя искренно низшим и меньшим и почитать слугою тех, коих имеет под своею властью. Но те, которые не имеют такого расположения, но ищут человеческой славы и

жаждут богатства и утех, такие (стыдно поистине сказать!) суть язычники, а не христиане настоящие, как изрек Божественный глас Иисуса Господа и Бога нашего: *всех сих языцы ищут:* вы же *ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Лк. 12, 30, 31).

3. Но знаете ли, какого Царствия велит Он искать нам? Того ли, которое находится на высоте небесной и имеет открыться по воскресении всех мертвых? И когда заповедует нам искать его, сколь далеким полагает Он его от нас? Слушай внимательно, да познаешь, какого Царствия искать велит нам Господь. Бог Творец и устроитель всяческих над всем царствует: и небесным, и земным, и преисподним; наипаче же царствует Он над нами правдою, ве дением и истиною. И вот сего-то Царствия искать велит нам Господь, то есть искать – да царствует и над нами Бог. Как же да царствует? – Да восседит поверх нас, как на колеснице, да держит руками Своими желания душ наших, как бразды, и находя нас послушными, да направляет нас туда, куда хочет, управляя желаниями нашими, как конями, по воле Своей, чтоб мы охотно покорствовали заповедям и повелениям Его и исполняли их. Этим способом царствует Бог в тех, в которых никогда не царствовал, после того как они очищаются посредством слез и покаяния и делаются совершенными духовной мудростью и разумом. Так и люди в мире сем бывают как Херувимы на небе, имея на раменах душ своих Бога. Кто же столь несмыслен и бесчувствен, чтобы не возжелал уви-

деть такую Божественную славу и не употребил всех усилий и подвигов стяжать ее, но лучше воспохотствовал стяжевать богатство, или славу, или власть мирскую? Или, лучше сказать, кто столь окаянен и умоисступлен, чтоб подумал, что кроме Царствия и славы Божией есть другое нечто более великое: слава ли, или царство, или богатство, или честь, или власть, или удовольствие, или другое что из того, что именуется и почитается благом на земле или на небе, чтобы, сравнив, избрать ему лучше это, а не то? Для имеющих разум поистине нет другого блага, кроме Царствия Божия.

Посему никто да не дерзает несмысленно отгонять от себя Христа, Который повсюду ходит ища, да царствует над всеми нами. Никто, прошу вас, да не лишает себя сего великого и вожделенного дара. Никто да не ниспадает от сей истинной славы. Никто да не оставляет Щедродавца Бога, Творца всего сущего, из-за временного богатства. Никто да не отрицается Владыки всяческих из-за пристрастия любви к родителям, друзьям и сродникам. Никто да не погубляет сладости истинной жизни из-за похоти плотской. Никто да не отчуждает себя от вечной и нескончаемой славы из-за славы временной. Но приидите, совокупимся все воедино и взыщем, да приидет и воцарится в каждом из нас Тот, Кто есть выше всякого начала и власти и всякого имени именуемого; каждый из нас да восприимет в себя всего Его и да имеет Его неотлучным от себя день и ночь, чтобы Он просвещал его Своим пресветлым и неприступным светом (тем светом, ко-

торый имеет тогда попалить врагов Божиих, когда Он приидет сотворить суд над ними, не верующими в Него, не приемлющими Его и не хотящими, да царствует Он над ними), сшествовал с ним внутрь жилища его, опочил с ним на одре его, объял его невидимыми объятиями Своими и облобызал неизреченным целованием; чтоб утешал его в болезни, отгонял печали и скорби, изгонял бесов, каждочасно подавал ему радость и слезы, сладчайшие меда и сота, врачевал душевные и телесные страсти, уничтожал страх смерти, изводил неизреченно источники жизни и после смерти возводил каждого из нас на небеса небес. Все сие надлежит тебе, возлюбленный, познать самым делом и испытать всем чувством души твоей, чтоб стяжать в себя Бога, Который возводил бы тебя вместе с Собою на небеса, теперь в сей жизни без тела, а после в другой жизни воскресил бы тебя и тело сие, соделав его вседуховным, и потом уже царствовал над тобою нескончаемые веки, тебя носил, и Сам тобою был носим, Сый над всеми Бог, Коему подобает всякое благодарение, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом, и пресвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово пятьдесят третье

1. О любви и о том, какова жизнь и каковы дела добродетельных мужей. 2. И ублажение тех, кои имеют сердечную любовь.

1. Братия мои возлюбленные! Хочу беседовать с вами о душеспасительных предметах и стыжусь (свидетель мне Христос – истина!) любви вашей, зная мое недостоинство. Потому желал бы (как ведомо то Господу) всегда молчать, и очей своих не поднимая, чтобы воззреть на лицо человека, так как обличает меня совесть моя, что определен, не будучи того достоин, быть руководителем всех вас, как будто знаю путь добродетели, – я, который не знаю даже того, что под ногами моими, и еще не вступал на путь Божий. Почему много скорблю, что я, смиренный, присужден руководить вас, честнейших меня, которых самому мне надлежало бы иметь своими руководителями, потому что я ниже всех вас и не имею слова, свидетельствуемого и подтверждаемого моими делами и жизнью моею, чтобы действовать на вас, воспоминая вам о законе Божием и о святой воле Его. Ибо знаю, что никогда ничего не делал из того, что хочу сказать вам, а мне хорошо очень известно, что Господь и Бог наш не того ублажает, кто только учит, но того, кто прежде творит, а потом учит. *Иже,* говорит Он, *сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Потому что и

те, которые слушают такого учителя, бывают готовы подражать ему, не столько получая пользы от слов его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы делами его действовать подобно ему. Этого я не имею, и совесть моя свидетельствует, что нет во мне ничего доброго. Но прошу и молю вас, братия мои возлюбленные, не смотрите на мою нерадивую жизнь, а на повеление Христа Господа и наставления святых отцов, так как эти богопросвещенные отцы наши никакого не предали нам правила, которого не исполнили бы наперед сами.

Итак, заповеди Христовы да будут единым общим для всех нас путем, который вел бы нас на небеса и к Самому Богу. Хотя слово объявляет много путей, много указывает способов, могущих привести человека в Царство Небесное, но в самом деле путей немного, а один путь, только он разделяется на многие пути, сообразно с силою и произволением каждого. Ибо каждый из нас начинает особыми делами и деланиями, как бы мы начинали движение из разных мест и городов, стремясь, однако же, прийти в одно и то же место, то есть в Царство Небесное. Когда слышим о деланиях и путях тех людей, кои жительствуют по Богу, то должны разуметь под этим духовные их добродетели. И те, которые начали шествовать ими, должны все одно иметь в виду и к одной стремиться цели, чтобы всем из разных стран и мест собраться в один город, то есть в Царство Небесное, и сподобиться соцарствовать Христу, покорствуя единому Царю, то есть Богу и Отцу.

Итак, один указали мы город; идущие же в него хотя идут из разных стран, но путь каждого одинаков со всеми другими: это любовь. Мы имеем святую и нераздельную троицу добродетелей – веру, надежду и любовь, и последняя – первая есть и большая всех, как предел доброт (нравственных). Ею удомостроительствована вера наша, на ней основана надежда и без нее ничто из сущего не происходило и никогда не произойдет. У этой любви много имен и дел много, и признаков ее преобильно, и свойств премногое множество. Но существо ее одно и для всех совершенно непостижимо: и для Ангелов, и для людей, и для всякой другой твари, нам, может быть, еще неведомой. Она неизъяснима словом, неприступна в славе, неисследима в советах. Она и вечна, ибо безвременна. И незрима она, ибо умопредставляется, но не постигается. Много красот у нее, нерукотворенного и святого Сиона, которые как только начнет кто узревать, престает уже утешаться привлекательными видимостями мира и любить славу его.

2. Позвольте же, братие, мне побеседовать несколько с сею любовию и приветствовать ее, чтоб сколько смогу удовлетворить тем приверженность мою к ней. Ибо привел я себе на ум красоту непорочной любви, и внезапу воссиял свет ее в сердце моем, и от сладости ее стал я восхищенным вне себя; престало действие телесных чувств моих, вышел я мысленно из настоящей жизни и забыл о всем, что есть в мире сем. Но не знаю, как она опять отступила от меня и оставила меня

одного оплакивать немощь свою. О любовь превожделенная! Блажен, кто возлюбил тебя, потому что такой не восхощет уже полюбить страстно никакой красоты человеческой. Блажен, кто соплелся с тобою Божественным вожделением, потому что такой отречется от всего мира и, со всяким сближаясь человеком, не осквернится. Блажен, кто пленился красотами твоими и насладился ими полным желанием, потому что такой освятится в душе пречистою кровию и водою, кои сочатся и каплют из тебя. Блажен, кто облобызал тебя всем сердцем, потому что такой изменится добрым изменением в духе своем и возрадуется душою своею, так как ты сама – неизреченная радость. Блажен, кто стяжал тебя, потому что такой не будет уже во что-либо ставить все сокровища мира, так как ты сама – воистину богатство, никогда не оскудевающее. Блажен и треблажен тот, кому подала ты десницу свою, потому что такой, при всем видимом бесславии, будет славнее всех славных и честнее всех чтимых. Похвален, кто тебя ищет, прехвальнее, кто тебя обретет, но блаженнее всех тот, кто возлюблен будет тобою, кого посадишь ты одесную себя, кто научен будет тобою, кто обитать будет в тебе, кто напитан будет от тебя бессмертною пищею, то есть Господом нашим Иисусом Христом.

О любовь Божественная! Где держишь ты Христа? Где скрываешь Его? Для чего взяла ты Избавителя мира и отдалила Его от нас? Отверзи немного и для нас дверь свою, да узрим и мы Христа, за нас пострадавшего, и возуповаем на

милость Его, потому что коль скоро узрим Его, то уже не умрем никогда. Отверзи нам – ты, соделавшаяся для Него дверью к воплощенному Его Домостроительству и понудившая не понуждаемые, а сами по себе богатно изливающиеся утробы щедрот Владыки нашего подъять грехи и немощи всех человеков, – и не отгоняй нас, говоря: не вем вас. Прииди к нам и познай нас, так как мы неведомы тебе. Возобитай в нас, чтоб, ради тебя пришедши, Господь посетил и нас, смиренных, сретаемый тобою, так как сами мы нимало того не достойны, чтобы, пришедши, Он пребыл немного, беседуя с тобою, а между тем позволил бы и нам грешным припасть к пречистым стопам Его, ты же замолвила бы притом доброе о нас слово и исходатайствовала отпустить нам долг грехов наших, да сподобимся через тебя опять поработать и послужить Ему, Владыке нашему. И Он восприял бы попечение о нас и препитал нас.

О святая любовь! Когда бы нам получить отпущение ради тебя и сподобиться вкусить благ Владыки нашего, коих сладости без тебя никто не может опытом дознать. Кто не возлюбил тебя, как должно, и кто не возлюблен тобою, как подобает, тот, может быть, и течет, но еще не постиг. О том, кто течет, сомнительно еще, постигнет ли, прежде чем кончится течение. Но кто тебя постиг или кого ты постигла, о том не может быть никакого сомнения, успех его верен. Ибо ты – конец закона, ты, объемлющая меня, согревающая меня и воспламеняющая сердце мое к безмерному возлюблению

Бога и братий моих. Ты наставница пророков, сшественница апостолов, сила мучеников, вдохновение отцов и учителей, совершенство всех святых и самого меня успособление к настоящему служению.

Но простите мне, братие, что я немного отступил от предмета слова сего. Приверженность моя к любви побудила меня к тому. Вспомнил я об ней – и возрадовалось сердце мое, и я устремился к пению чудес ее. Прошу же и вашу любовь, взыщите ее, сколько сил есть, с верою теките вслед ее, да постигнете, и даром не пропадет надежда ваша. Ибо все труды и подвиги, которые начала и конца своего не имеют в любви с духом сокрушенным, тщетны и бесполезны. Ученика Христова нельзя познать ни по какой другой добродетели, кроме как по любви, как говорит Сам Христос: *о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35). По любви Бог сделался человеком и пожил с нами. По любви претерпел Он волею все животворные страсти, чтобы избавить человека от узилищ ада и возвести на небеса. По любви апостолы совершили свое непрерывное течение и, сетью слова уловив всю вселенную, извлекли ее из глубины идолослужения на берег Царствия Небесного. По любви мученики пролили кровь свою, чтобы не потерять Христа. По любви с готовностью жертвовали жизнью своею за Святую, Соборную и Апостольскую Церковь богоносные отцы наши и учители вселенныя. По ней и я, вступив в предстоятельство над вами, подвизаюсь учить вас Божественным слове-

сам, да явлюсь подражателем оных учителей Церкви нашей, сколько это под силу мне, с готовностью подъять всякий труд и все претерпеть, чтоб только сделать со своей стороны все, что служит ко благу и назиданию вашему, и представить вас на мысленную трапезу Христову, как жертвы совершенные и всесожжения разумные. Вы – чада Божии, и Он предал мне вас, как малых детей на воспитание. Почему вы – утробы мои, очи мои. Вы – похвала моя и печать моего учительства, говоря словами апостола.

Восподвизаемся же, возлюбленные о Христе братия мои, о том, чтобы, как другими добродетелями благоугождаем мы Христу Господу, так благоугодить Ему и любовию, какую надлежит иметь нам между собою друг к другу, да радуется Бог нашему согласию и совершенству в любви; да радуюсь и я, смиренный, видя всегда ваше преспеяние в жизни по Богу, что она простирается все на лучшее и лучшее в вере, чистоте, в страхе Божием, в благоговеинстве, в духе сокрушения и смирения, в болезновании сердца со слезами, коими очищается душа и вся исполняется Божественным светом и Духом Святым. И да будет сия радость моя в благословение вам и приложение вечного и блаженного живота, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово пятьдесят четвертое

1. О совершенной любви, какое действие ее.

2. И о том, что если не попечемся приять благодать Святого Духа здесь, в настоящей жизни, то невозможно нам быть верными и христианами; не будем мы также чадами Божиими.

1. Если тот, кто, будучи злонравен, держит перед глазами мира вид человека добродетельного, чтоб прельстить и погубить многих, если, говорю, такой человек окаянен пред Богом, мерзок и достоин всякого осуждения пред людьми, то явно, что тот, кто, будучи бесстрастен, кажет себя миру страстным, как делали многие из древних отцов, чтоб послужить многим во благо и спасение, – прехвален и преблажен. Ибо как диавол, который отдалил человека от Бога и лишил его всех благ рая, тем, что, скрывшись в змия, посоветовал ему по видимости доброе и полезное, во истине же смертоносное, оказался богоборцем и человекоубийцею, так, напротив, тот, кто пред очами мира кажет себя не добрым и говорит некие слова, по видимости лукавые, имея в виду – узнать диавольские дела тех, кои кажутся лишь добродетельными и благоговейными, чтоб обратить их на путь покаяния и спасения, поистине есть подражатель Христов, споспешник воле Божией, спаситель и избавитель человеков.

Это, впрочем, могут делать только те, кои не привязаны к миру сему и никакого не имеют пристрастия к привлекательным видимостям его, но, совершенно отчуждившись от всякого мирского пристрастия, всецело соединились с Богом и имеют внутрь себя всего Христа, и делом, и искусом, и чувством, и ведением, и созерцанием. Худо, конечно, подсматривать за кем и любопытно разведывать, что говорит и что делает ближний наш, но это тогда только, когда кто делает это с худою целью, чтоб охулить его, или обесчестить, или ославить, повсюду разглашая, что видел или слышал. Но если кто делает это с доброю целью, чтоб исправить погрешности ближнего своего, с любовию к нему, благоразумием и знанием дела, молясь притом Богу о спасении его от всей души и со слезами, то это не худо. Знаю я человека, который употреблял многие способы и разные приемы, чтоб узнать, что делают жившие с ним, но делал это не для того, чтоб вред им какой причинить, но для того, чтоб потом поспособствовать им оставить худые дела свои и злые помыслы, привлечь к себе кого словом, кого каким-либо подарком, кого другим каким образом; и иногда плакал то об одном, то о другом, иногда бил себя в лицо и в грудь за спасение кого-либо, иногда сам принимал лицо согрешившего словом или делом и, воображая себя самого согрешившим грехом брата, исповедал грех сей Богу и молил о прощении, обильные проливая слезы. Знал и другого, который так много радовался о подвизающихся, исправляющих всякую добродетель и преуспе-

вающих в добре, как бы уверен был, что получит воздаяние за их добродетели и подвиги паче их самих, подвизающихся; и опять, о тех, кои согрешили словом или делом и оставались в грехе, так сильно скорбел и сокрушался, как бы не сомневался, что он один имеет дать ответ за всех их и быть вверженным во ад. Знаю я и такого, который так сильно желал спасения братий своих, что много раз с теплыми слезами умолял Бога, чтоб или и они спасены были, или и он вместе с ними предан был мукам. Движимый богоподражательною теплою любовию, он никаким образом не хотел спасен быть один без братий своих. Ибо так соединился с ними духовно союзом святой любви в Духе Святом, что и в Царство Небесное не желал внити, отделясь от них. О единение святое! О союз святой! О неизъяснимая сила души любому-дренной или, лучше сказать, богоносной, совершенной в любви к Богу и ближнему!

2. Кто не достиг еще в меру такой любви и не видит в душе своей никаких признаков оной, тот еще по-земному и на земле живет, или, лучше сказать, такой еще под землею кроется, как крот, ибо, подобно этому кроту, и он слеп и только слухом слышит тех, кои говорят поверх земли. Какое несчастье!

Рождены мы от Бога во Святом Крещении, соделались бессмертными, сподобились именоваться небесным именем и быть наследниками Богу, сонаследниками же Христу и гражданами небесными, – и еще не приняли чувством и не

познали искусом толиких благ. Но как не чувствует железо, как полагают его в огонь, как не чувствует бездушная кожа, как ее окрашивают, – таковы же и мы, когда, такими Божиими обложены быв благами, исповедуем, что никакого о них не имеем чувства. Представляя из себя христиан, показываем миру, что мы верные и совершенные христиане, хвалимся верою своею и столькими благами, от Бога в ней полученными; но на дела веры остаемся неподвижными и живем жизнью поистине окаянною и жалости достойною. В этом отношении мы похожи на актеров театральных, которые принимают образ царей и других великих людей, сами в себе будучи самыми бедными и ничтожными, или походим на блудниц, которые от природы некрасивы, но, поднарядившись и подкрасив себя румянами, воображают себя красавицами. Характеристические же черты и признаки христиан, рожденных от Бога, не таковы. Но как дитя, вышедши из чрева матери, чувствует воздух сей, не зная того, и тотчас само собою начинает кричать и плакать, так и тот, кто, быв рожден благодатию Всесвятого Духа, выходит из мира сего, как из мрачной некоей утробы, и входит в мысленный и небесный свет и некоторым образом проникает несколько в Божественный оный свет, – в то же время вдруг исполняется неизреченною радостью и испущает слезы без печали, помышляя о том, из какого рабства тьмы освободился он и в какой блистательный свет сподобился войти. Таково начало христианства! Те же, которые не видели и не испыта-

ли такого блага или, испытавши, потеряли, а взыскать снова его не взыскали от Бога, в терпении и долгом злостраданиии, в плаче и слезах, чтоб, очистившись делами покаяния, то есть постом, бдением, молитвою, сердечным сокрушением и прочим подобным, опять улучить оное потерянное благо, то есть благодать Святого Духа, и соединиться с ним, – таковые как могут, скажи мне, даже именоваться христианами, когда они совсем не таковы, какими следует быть христианам? *Рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть.* Тот же, кто родился от Духа и стал мужем совершенным и, однако ж, никогда не подумал, какую благодать потерял по причине недоброй жизни своей, и не сознал, что долг имеет обновиться духовно через покаяние и снова приять Божественную благодать для изменения жизни своей, и никакой о том не поимел заботы и попечения, – таковой как может быть духовным чадом Божиим? Или как может быть причислен к истинным христианам, кои суть духовные чада Божии? Разве сам собою тайком вмешается он в среду чад света и сядет вместе с ними за царскую трапезу? Но за это изгонят его вон как не сына света, а плоти и крови и, связав руки и ноги, ввергнут в огнь вечный, уготованный диаволу и аггелам его. И праведно. Ибо того, кто получил область быть чадом Божиим и наследником Царства Небесного и вечных благ и всякими способами научен, как, какими добродетелями и каких заповедей Божиих исполнением может достигнуть сей чести и славы, но презрел все

сие, предпочетши земное и тленное небесному нетленному и привременную славу поставив выше вечной, – как не отделить такого от прочих верных?

Посему умоляю вас, братия мои возлюбленные, пока имеете время и в настоящей еще находитесь жизни, подвизайтесь. Потщитесь соделаться сынами Божиими и чадами света, – что дарует нам рождение, свыше бывающее через покаяние; возненавидьте мир и все, что в мире; возненавидьте плоть и страсти, от нее рождающиеся; возненавидьте всякую похоть злую и лихоимание, даже до малейшей вещи. И это все легко будет нам сделать, если будем содержать в мысли, какую великую славу, радость и упокоение имеем мы получить через то. Ибо скажите мне, прошу вас, что другое на земле или на небе может быть больше, как быть сыном Божиим, наследником Богу, сонаследником же Христу? Поистине ничего нет. Мы же, предпочитая земное и привременное, не ища небесных благ и не любя их от всей души, явно показываем тем, которые видят нас, во-первых, – что мы неверные, как написано: *како можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44), потом – что мы поработились страстям и прилепились к земле и земному, совсем не хотим возвести ума своего к небу и Богу, но, бессмысленно преступая заповеди Его, испадаем от всыновления Ему. И кто, скажи мне, может быть бессмысленнее того, кто оказывает преслушание Богу и не подвизается быть сыном Его? Кто верует, что Бог

есть, тот помышляет о Нем все великое и преславное, исповедуя, что Он один есть Владыка, Господь и Творец всяческих и что есть бессмертен, вечен, нетленен, непостижим и неизреченен. Кто это знает и верует, что Бог есть таков, тому как возможно не возлюбить Его? Или как возможно не предать себя на подвиги (благоугождения Ему) до готовности самую жизнь принести Ему в жертву по любви к Нему, чтоб сподобиться быть не скажу сыном Его и наследником, но хоть одним из верных рабов Его, стоящих близ Него?

Если всякий подвизающийся и соблюдающий ненарушимо заповеди Христовы бывает сыном и чадом Божиим, то, конечно, он бывает и верным и перед всеми обнаруживает, что он христианин. Мы же, презирая заповеди Божии и преступая законы Его, за которые Он Сам сотворит нам отмщение, когда опять приидет со славою многою и силою страшною, делами своими показываем, что мы – не верные и верные только на словах. Не льститесся. Вера никакой не принесет нам пользы без христианских дел, потому что в таком случае она мертва, а мертвым невозможно приять жизнь иначе, как если они взыщут ее исполнением заповедей Божиих. Через исполнение заповедей Божиих возращается внутрь нас, как некий многочастный плод, любовь, милостыня, благоутробие к ближним, кротость, смирение, терпение искушений, непорочность и чистота сердца, посредством которой сподобляемся зреть Бога. И в чистом уже сердце воссиявает благодать и просвещение Святого Духа, который воз-

рождает нас, делает сынами Богу, облекает во Христа, возжигает светильник в душе нашей, делает нас чадами света, освобождает души наши от тьмы и отселе еще, в этой жизни, делает причастными вечной жизни, хотя мы того и не знаем. Почему да не дерзаем основывать упование спасения своего на частных некоторых являемых нами добродетелях, как то: на посте, бдении и спании на голой земле, и других разных злостраданиях телесных, с небрежением о показанном делании заповедей Божиих в той мысли, что можем и без него спастись с одними этими телесными добродетелями, потому что это невозможно, невозможно. Может удостовериться в этом всяк из примера пяти дев юродивых и тех, кои творили чудеса и знамения именем Христовым, но как не имели в душе своей любви и благодати Святого Духа, то услышат некогда от Христа Господа: *не вем вас, откуду есте, отступите от Мене, делателие неправды* (Лк. 13, 27). Можно удостоверяться в этом и из примера многих других христиан, которые ни жизни достойной имени своего не показали, ни дел христианских не совершили, ни чадами Божиими не сделались, но суть плоть и кровь, так как потеряли благодать, полученную через Святое Крещение, но не взыскали и не приложили попечения опять восприять ее через покаяние. Таковые никак не могут победить ни похотей плотских, ни страстей душевных; не могут они и ни одной добродетели совершить, как того хочет Бог, то есть благоугодно и совершенно, как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже.* Но

умоляю вас, братие мои, приложим, сколько можем, старание и подвиг, чтоб сподобиться получить благодать Святого Духа в настоящей жизни и через то достойными соделаться благ вечных, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает честь и слава во веки веков. Аминь.

Слово пятьдесят пятое

1. О тех, кои причастны бывают благодати Святого Духа.

2. И о том, что любящий славу человеческую никакой пользы не получит от прочих добродетелей, хотя бы все их исправил.

1. Если предстоящие земному царю рады бывают этому и как сами почитают то за великую славу и честь и хвалятся тем, так и другими хвалимы бывают за то и ублажаемы, то сколько более мы, соделавшиеся воинами Царя Небесного и восприявшие на себя служение Ему, имеем долг радоваться и веселиться, что сподобились сопричисленными быть к рабам Его и призваны работать во славу имени Его! Если же удостоимся когда-либо узреть и лице Его и стать в чин предстоящих Ему, то какой похвалы и какого ублажения не превосходит это? Но ежели кто еще соделается и другом Его верным и удостоен будет слышать беседу Его и глас Его владычний, то какой человеческий и какой язык может изобразить величие такой славы и такого достоинства? Если блага, уготованные от Бога любящим Его, коих око не видало, о коих ухо не слыхало и кои на сердце человеку не всходили, невозможно понять человеческому уму, потому что они выше всех видимых благ, то тем паче недомыслим, выше их

есть Бог, уготовавший их. Но те, которые сподобились видеть Его, предстоять Ему и беседовать с Ним и соделались общниками и сопричастниками Божества Его и славы, всеконечно суть выше тех благ, которые уготованы им от Бога, так как они восприняли в себя Самого Господа, уготовавшего такие блага. Что такие люди были и бывают доселе, не говорю после смерти, но и в настоящей еще жизни, в этом удостоверяет все Божественное Писание, о сем свидетельствуют все святые, подтверждая то собственною жизнью, и в числе их и блаженный Симеон Студит (коего память совершаем ныне). Свидетельствуют также о сем и те, кои прославляют святых в похвальных о них словах.

Сей преподобный отец наш Симеон столько просиял богоугодною жизнью, что высотою добродетелей своих и сверхсильными подвигами своими превзошел не только живших в его время, но и многих древних и богоносных отцов наших. Почему и сделался достойным многих похвал и величаний, прославляется и ублажается нами, сколько это под силу нам. Похвалу и ублажение святых составляют двоя сия – православная вера и добродетельное житие, и третье – дары Всесвятого Духа. Первым двум, вере и делам, споследует и третье – дары. Когда кто поживет богоугодно при православном мудровании и облагодатствуется и прославится Богом благодатию Святого Духа, тогда ему бывает похвала и ублажение от всей Церкви верных и от всех учителей ее. Но если кто не имеет непогрешительной веры и добрых дел, на того никак

невозможно низойти благодати Святого и поклоняемого Духа. Если же не внидет в какого человека благодать Святого Духа, чтоб обитать в нем явно и заведомо, то такого никак не следует именовать духовным человеком. А тому, кто не соделался духовным, как можно быть святым? И кто не стал святым, того за какое другое дело или за какой подвиг ублажать стать? Блажен един Бог, и тот, кто непричастен Бога или, лучше сказать, кто не имеет в себе Бога, как будет блажен? Мне кажется, что этому никак нельзя быть. Солнце без света как может называемо быть солнцем? И человек, не имеющий Духа Святого, как может именоваться святым? Господь сказал: *святи будите, яко Аз свят есмь* (Лев. 19, 2). Этим побуждает Он нас, грешников сущих, сколько возможно, подражать Ему посредством добрых дел и некоторым образом говорит как бы нам: бегайте всякого зла и творите всякое добро, всякую проходите добродетель и будьте святы, сколько возможно, если желаете иметь общение со Мною. Ибо Я Свят есмь, то есть чист и непорочен, и это, то есть чистота и непорочность, есть во Мне естественно. А вы сделаетесь святыми, если, исполняя заповеди Мои, очистите себя от скверны грехов своих и приимете от Меня благодать Всесвятого Духа. Это именно и означают слова *святи будите.* Человек тогда бывает свят, когда уклоняется от зла и творит благо, не потому чтобы освящаем был добрыми делами, ибо от дел закона не оправдится ни одна душа, а потому, что через делание добрых дел приусвояется и приуподобляется Свято-

му Богу. Слова *будите святи, яко Аз Свят есмь,* верую, что Господь сказал к тем наипаче, которые получили благодать Всесвятого Духа. Ими Он предостерегает их, чтоб, надеясь на благодать Святого Духа, не предавались беспечности и по причине беспечности не возвратились опять на худые дела, говоря как бы: ты, духовный человек, получивший благодать Святого Духа и через благодать сию приявший и Меня, не предавайся бездействию и беспечности, ибо бездействие порождает лукавство (самоугодие), а от лукавства рождается всякого рода зло. Итак, пребудь свят через непрестанное исполнение заповедей Моих, если желаешь, чтоб я всегда был в тебе и с тобою, а ты во Мне и со Мною. Поелику ум наш приснодвижен и не может оставаться в совершенном бездействии, то надлежит ввести его в попечение и ревность об исполнении заповедей Христовых. Жизнь человеческая объята заботами и попечениями, и нет возможности совершенно упраздниться от всех их, хотя многие всеусильно подвизались преуспеть в этом. Человек таким создан и в начале, как видится, ибо Адам в раю получил заповедь делати и хранити. Следовательно, нам естественно делание добрых дел, и те, которые предаются бездействию и лености, как бы ни были они до того духовны и святы, ввергают себя в неестественную страстность (самоугодие).

2. Как источник, из которого течет вода, если перестанет источать воду, уже не бывает более источником, а сухою норою или ровком, так и тот, кто всегда очищает себя деланием

заповедей Христовых, если после того, как очистится и освятится Богом, умалит несколько делание заповедей, тотчас соразмерно с тем умаляется и в совести. Кто же вследствие того сознательно поработится какому-либо, хотя бы то одному греху, тот совершенно теряет и самую чистоту, подобно тому как сосуд, полный чистой воды, весь оскверняется и от малого количества кала. Грех же здесь разумею я не тот, который и телом совершается, но всякое страстное влечение, бывающее невидимо в душе, с которым душа сослагается. И не попустите себе, братия мои, не поверить слову моему, но ведайте, что, хотя бы мы исправили всякую добродетель и не оставили ни одной заповеди Христовой, ни большой, ни малой, хотя бы творили чудеса, но если потом возлюбим только одну славу человеческую и взыщем ее, то погубим мзду всех прочих наших добродетелей. Ибо ища славы человеческой и предпочитая ее славе Божией, мы подлежим суду как идолопоклонники, поколику служим твари паче Творца. Но и тот, кто не ищет, а только принимает с радостью и самоуслаждением славу мира сего и, когда ему дают ее, сердце его радуется о ней, будет осужден, как блудник. Такой похож на человека, который, желая сохранить девство, чуждается женщин, не ходит к ним и не заводит с ними знакомства, но, когда к нему придет какая женщина, принимает ее с радостью и насыщается сластию смешения. То же самое бывает и при всякой другой похоти и страсти. В зависть ли кто вдается, или в сребролюбие, или в ненависть, или в другую какую худо-

бу, невозможно ему получить венец правды. Ибо Бог праведен и не попускает иметь общниками неправедных, Он бесстрастен и не сближается со страстными, свят и не входит в душу оскверненную и злую. Зол же всяк, кто принимает в душу свою семя злого диавола, плодоносящее в нем терния и волчцы греха, сии предвозжжения вечного огня адского. Таковы зависть, ненависть, злопамятство, сердитость, самомнение, тщеславие, гордость, лукавство, подозрительность, клевета и всякая другая срамная и низкая страсть, оскверняющая душу, как говорит Христос Господь.

Нам же, братие, не буди никогда принять по нерадению своему внутрь сердца семя злого диавола, плодоносящее такие плевелы; но да приносим всегда Христу Господу плоды от того, что сеется и возделывается в нас благодатию Святого Духа, да приносим то в тридесять, то в шестьдесят, то во сто, каковы: любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. И при этом да питаем себя хлебом ведения и да возращаем добродетелями, стремясь прийти в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, Коему всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово пятьдесят шестое

О вере, и к тем, которые говорят, что живущему в мире невозможно достигнуть совершенства в добродетелях. В начале слова – многополезная повесть.

Доброе дело проповедать перед всеми милость Божию и возвещать братиям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам. Знаю я человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не сыпал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но, приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, – и многоблагоутробный Господь за это одно спас его, как говорит божественный Давид: *смирихся, и спасе мя* (Пс. 114, 5). Короче сказать, поверил он словесам Бога, и за эту веру Господь приял его. Стяжать смирение много есть препятствий, преграждающих путь к нему, но уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое бы ставило преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар всеблагого Бога, который (дар) дал Он нам иметь естественно (вложил в естество), употребление его подчинив самовластью произволения нашего. Почему и скифы и варвары естественно имеют веру и верят словам один другого. Но чтобы показать вам

на опыте действие вседушной веры, послушайте, я расскажу вам в подтверждение сказанного некую повесть.

Жил в Константинополе некто по имени Георгий, юноша возрастом лет двадцати. Это – в наши дни, на нашей памяти. Он был красив лицом, и в его походке, в манере держать себя и в приемах обращения было нечто показливое, так что по сей причине делали о нем разные недобрые предположения те, которые смотрят на одну внешность и, не зная, что сокрыто внутри каждого, судят о других ошибочно. Он познакомился с некиим монахом, жившим в одном из константинопольских монастырей, человеком святым, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказал и то, что сильно жаждет спасения души своей. Честный старец, поучив его, как следовало, и дав ему небольшое правило к исполнению, дал еще и книжицу святого Марка Подвижника, где он пишет о духовном законе. Юноша принял эту книжицу с такою любовию и с таким благоговением, как бы она была послана ему от Самого Бога, и сильную возымел к ней веру, надеясь получить от нее великую пользу и великий плод. Почему читал ее с великим усердием и вниманием и, прочитав всю, великую получил пользу от всех глав ее. Но из всех глав три наипаче запечатлелись в сердце его. Первая: «Ища врачевания, пекись о совести (внимай ей), и что она говорит тебе, сделай то, и получишь пользу» (гл. 69). Вторая: «Ищущий (чающий получить) действенности Святого Духа прежде делания заповедей подобен купленному за деньги рабу, который в то

же время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатою за него денег подписали ему и свободу» (гл. 64, о хотящих оправдаться от дел). Третья: «Молящийся телесно и не имеющий еще духовного разума подобен слепцу, который взывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* (Мк. 10, 48). Другой же некто, прежде слепый, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим (Ин. 9, 35–38)» (гл. 13, 14, о духовных законах). Эти три главы очень ему понравились, и он поверовал, что через внимание к своей совести, как внушает первая глава, он получит уврачевание (немощей душевных); через исполнение заповедей достигнет действенности Святого Духа, как учит вторая глава, и благодатию Святого Духа прозрит умно и узрит неизреченную красоту Господа, как обещает третья глава. И уязвился он любовию к красоте сей, и хотя еще не видел ее, сильно возжелал ее и усердно взыскал в надежде узреть ее наконец.

При всем том, однако ж, он ничего особенного не делал (как уверял меня с клятвою), кроме того, что каждый вечер неопустительно исправлял то небольшое правило, которое дал ему старец, и не иначе, как исправив уже его, ложился в постель и засыпал. Но со временем совесть начала ему говорить: положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько-нибудь других псалмов, проговори сколько можешь большее число раз и «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Он охотно слушался своей совести, и что она внушала ему, де-

лал без размышления все так, как бы то повелевал ему Сам Бог; и ни разу не ложился он спать так, чтобы совесть обличала его, говоря: для чего не сделал ты того и того? Так всегда слушался он совести своей, никогда не оставляя без исполнения того, что сделать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала к обычному его правилу, и в немногие дни вечернее его молитвословие возросло в великое последование. Днем он находился в палатах одного патриция и на нем лежало попечение о всем потребном для людей, живших там. Вечером же каждый день он уходил оттуда, и никто не знал, что делал он у себя. Он же и слезы проливал из очей своих обильные, и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю; когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одну к другой и стоял неподвижно; и к Пресвятой Богородице читал молитвы с болезнью сердечною, воздыханиями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падал к пречистым ногам Его, как бы Он телесно присущ был ему, и умолял Его умилосердиться над ним, как некогда над слепым, и даровать прозрение душевным очам его. Поелику каждый вечер увеличивалась молитва его, то он наконец простаивал, молясь до самой полночи, и, однако ж, во все время молитвы ни разленения себе не дозволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный.

Однажды, как он стоял таким образом на молитве и говорил умом паче, нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному», – внезапно низошло на него свыше Божественное осияние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения, и не приходило тогда на мысль ему ничто из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь срастворен с невещественным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса, и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. И показалось ему, к изумлению его, что вскрай света того стоит помянутый выше святой оный и равноангельный старец, который дал ему небольшую ту заповедь о молитве и книжицу святого Марка Подвижника. Услышав это от юноши, я подумал, что ему много содействовала молитва старца и что Бог устроил такое видение, чтоб показать юноше, на какой высоте добродетели стоял старец оный. Когда прошло видение и юноша пришел в себя, то нашел себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления и плакал от всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостию великою. Наконец лег он в постель, но тотчас запел петух и показал, что была уже полночь. Немного спустя забла-

говестили в церкви к утрене, и юноша встал, чтоб прочитать, по обычаю своему, последование утрени. Так он совсем не спал в ту ночь: сон и на ум ему не приходил.

Случилось это, как ведает Господь, Который и соделал сие имиже весть судьбами.

Юноша же тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкою верою и несомненною надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице наставление. И никто не говори, что он делал это для испытания. Это и на ум ему не приходило. Кто испытывает, тот не имеет твердой веры; но юноша тот, отложив всякий страстный и самоугодливый помысл, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пищи и пития не вкушал в сладость или вдоволь.

Слышали, братия мои, что может сделать вера в Бога, свидетельствуемая добрыми делами? Поняли, что ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия? Познали, что ни мир и житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание? Ни безмолвие и удаление от мира не пользуют, когда властвуют леность и нерадение? Все мы, слыша о Давиде и удивляясь ему, говорим: один был Давид и другого такого не было; но вот смотрите, в юноше этом проявилось нечто больше, чем в Давиде.

Давид приял свидетельство от Бога, помазан в царя и про-

рока, получил Духа Святого и многие имел о Боге удостоверения. Почему, когда согрешил, и потерял благодать Святого Духа и дар пророческий, и отчужден был от обычного собеседования с Богом, – что дивного, если, вспомнив о благодати, от коей испал, опять взыскал он от Бога потерянные блага? Но этот юноша ничего такого не имел, а был связан мирскими делами, заботился только о временном, а о чем-либо высшем земли и подумать не имел времени, и, однако ж, – дивны судьбы Господни! – лишь только услышал малое нечто от оного святого старца и вычитал те три главы у аввы Марка, тотчас несомненно поверил слышанному и написанному и с непоколебимою надеждою ввел то в дело, – и с небольшим тем деланием, которое совершал вследствие того, сподобился возвысить ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа, Ее молитвами умилостивил Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такою силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видеть многие желают, но немногие сподобляются. Этот юноша ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяницы не носил, ни из мира не выходил телесно, только духовно – душевным настроением, и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивного оного Лота, бывшего в Содоме, или, лучше сказать, явился Ангелом в теле человеческом – человеком по видимости и Ангелом по умному строю. За что и сподобился увидеть сладчайший оный свет мысленного Солнца правды, Господа нашего

Иисуса Христа, каковой свет удостоверил его, что он имел восприять и будущий свет. И праведно: ибо любовь и сердечное его к Богу прилепление сделали его исступленным, отторгли дух его и от мира сего, и от собственного естества, и от всех вещей и сделали его всего светом от Святого Духа, при всем том, что он и жил среди города, и правил целым домом, и пекся о рабах и свободных, и делал все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого в похвалу юноше и для того, чтобы подвигнуть и вас прийти в такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтоб я сказал вам и другое что большее, чего, может быть, и слух ваш приять не сможет? Впрочем, что может быть больше и совершеннее страха Божия? Конечно, ничего нет.

Святой Григорий Богослов сказал: «Начало премудрости – страх Господень. Ибо где страх, там заповедей соблюдение; где заповедей соблюдение, там очищение плоти – этого облака, облегающего душу и не дающего ей чисто видеть Божественный свет; где очищение, там осияние, а осияние есть исполнение желания Божественного». Говоря так, он показал, что освещение Духом есть некончаемый конец всякой добродетели, и кто достигнет такого освещения Духом, тот покончил со всем чувственным и начал пребывать сознанием в одном духовном. Это, братия мои, суть дивности Божии. И Бог для того изводит в явь сокровенных рабов Своих, чтоб подражали им добротолюбивые и благие, а злонравные

остались безответными. Ибо и те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры, которую показывают к Нему, чтоб в день Суда ничего не имели сказать в оправдание свое те, которые не обретают спасения по причине лености своей и нерадения. Так истинен Тот, Кто обетовал даровать спасение ради веры в Него! Итак, братия моя возлюбленные, попечальтесь о себе самих и о мне, любящем вас и многократно проливающем слезы о вас. Ибо благоутробный и милостивый Бог повелел и нам быть благоутробными и милостивыми и печалиться как о себе самих, так и друг о друге. Веруйте от всей души в Господа, ненавидьте мир сей, как подобает, и не пекитесь о временных и неверных благах его, но приступите к Богу и прилепитесь к Нему. Ибо пройдет еще немного времени, и настанет конец мира сего и настоящей жизни; и горе тем, которые испадут от Царствия Божия. Меня душат слезы, и я плачу и скорблю от всего сердца, когда помышляю, что, имея такого великодаровитого и человеколюбивого Владыку, Который за одну искренно являемую к Нему веру дарует нам столь великие и дивные блага, и ум, и слух, и чаяние превосходящие, мы, не подумавши, подобно бессловесным животным, предпочитаем всему тому землю и земное, которое, по благоутробию Божию, даровано нам на потребу тела нашего, чтоб, между тем как оно было бы тем питаемо умеренно, душа беспрепятственно совершала тече-

ние свое к премирному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею от благодати Святого Духа, по мере очищения ее и обновления. Ибо для того мы, люди, созданы от Бога разумными, чтоб прославляли Его, благодарили и любили за невеликие блага, дарованные Им для настоящей жизни, и таким образом сподоблялись получить в будущей жизни блага великие и вечные. Но горе нам, что, не имея совершенно никакого попечения о будущем, мы пребываем неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонам или, лучше сказать, являясь хуже их. За это справедливо большему, чем они, должны мы подлежать мучению. Ибо мы больше облагодетельствованы, чем они: соделались христианами, получили столько духовных даров, веруем в Бога, Который соделался ради нас человеком и претерпел такие страдания и крестную смерть, чтоб избавить нас от заблуждения прелести и греха. Но что скажу на все это? Увы нам! На словах только веруем мы в Бога, а делами отвергаемся Его. Не во всяком ли месте именуется Христос – в городах, селах, киновиях и горах? Не всюду ли находятся христиане? Но разыщи, если это кажется тебе благословным, и расследуй до точности, исполняют ли они заповеди Христовы, и поистине среди стольких тысяч и мириад с нуждою найдешь одного, который и делом и словом есть христианин. Не сказал ли Христос и Бог наш: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. 14, 12)? Но кто из нас дерзнет сказать: я творю дела Христа и верую право во Христа? Не видите

ли посему, братия мои, как в день суда мы имеем оказаться неверными и быть преданы горшим мукам, чем те, кои совсем не знали Христа, то есть неверные? Одно из двух необходимо: или нам быть наказанными больше неверных, или Христу оказаться неверным слову Своему, что невозможно.

Написал я это не для того, чтоб помешать кому удалиться от мира, и не потому, чтоб предпочитал безмолвию жизнь среди мира, но чтобы удостоверить всех, которые будут читать настоящее сказание, что желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии. Напротив, предмет сего сказания таков, что еще более должен подвигать к отшельничеству. Ибо если тот, кто вращался среди мира и не думал никогда ни об отречении от мира, ни о нестяжательности, ни о послушании, такую милость получил от Бога за то одно, что от всей души поверил и призвал Бога, то какие блага получить подобает надеяться тем, которые, оставляя весь мир и всех людей, предают и самую жизнь свою на смерть за заповедь Божию, как Он повелел? Впрочем, кто начнет творить добрые дела с верою несомненною и с усердием великим и чувствовать пользу, от сего бывающую, тот сам собою познает, что забота мирская, пребывание и вращание среди мира служат великим препятствием для тех, которые желают жить по Богу. Бывшее с юношею тем, как мы сказали, есть нечто дивное и необычайное; и мы не слыхали, чтоб подобный добрый случай был с другим кем. Но если и был с немногими какими

или будет после, да ведают они, что если не удалятся от мира, то скоро очень потеряют полученное благо.

О том юноше после я узнал от него же самого еще и следующее. Я встретил его, когда уже он стал монахом и провел в монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я знал его очень хорошо: мы от юности были друзьями и воспитывались вместе. Так он и рассказал мне еще следующее: «После оного дивного видения и изменения, бывшего во мне, немного прошло дней, как со мною случились многие искушения мирские, по причине которых, во время совершения мною тех сокровенных по Богу деланий, я увидел в себе, что мало-помалу лишаюсь блага оного, и сильное возымел желание удалиться от мира и в уединении искать Христа, мне явльшегося. Ибо верую, брате, что для того Он и благоволил явиться мне, чтоб взять к Себе и меня, недостойного, отделив от всего мира. Но как я не мог этого исполнить тогда же, то мало-помалу забыл все, что пересказывал тебе прежде, и впал в совершенное омрачение и нечувствие, так что не помнил уже ничего из того, что сказывал тебе: ни малого, ни большого, до самомалейшего движения мысли или чувства. Затем впал я еще в большие зла, чем прежде, и пришел в такое состояние, как бы никогда не слыхал слов Христовых и не понимал их; но и на святого оного, который так милостив был ко мне и дал мне малую заповедь и книжицу святого Марка, смотрел я как на одного из случайных людей, нисколько не помышляя о том, что видел от-

носительно его. Это я сказываю тебе подробно, – говорил он далее, – для того, чтоб ты знал, в какую глубину пагубы ниспал я, окаянный, по нерадению своему, и подивился неизреченной благости Божией, явленной на мне потом. Не умею тебе сказать, как без моего ведома остались в бедном сердце моем любовь и вера к оному святому старцу, но думаю, что ради их после столького времени человеколюбивый Бог по молитвам его умилосердился надо мною и опять чрез него же исхитил меня из прелести и исторг из глубины зол. Я, недостойный, не совсем отдалялся от этого старца, но когда бывал в городе, часто заходил к нему в кел-лию и исповедовал ему бывающее со мною, хотя не исполнял заповедей его, бессовестный. Теперь же, как видишь, милосердый Бог презрел многое множество грехов моих и устроил мне сделаться монахом от того самого старца и сподобил всегда пребывать с ним вместе мне, поистине недостойному. После чего с великим трудом и с обильными слезами, при решительном отчуждении и отделении от мира, совершенном послушании и отсечении своей воли, многих других делах и приемах строгого самоумерщвления и неудержимом стремлении ко всему доброму, удостоился я опять увидеть, хотя некоторым образом примрачно, малый луч сладчайшего оного и Божественного света. Но такого видения, как то, которое видел тогда, даже доселе не сподобился еще я увидеть опять».

Это и многое другое говорил он мне со слезами. Я же, бедный, слушая такие святые слова его, подумал, что он весь

был исполнен Божественной благодати и был премудр, при всем том, что не был научен внешней мудрости. Получая ведение от делания и опыта, стяжал он точнейшее познание духовных вещей. Почему я просил его сказать мне, что это за вера, которая может производить такие дивные явления, и преподать мне то письменно, с приемом учительским. Он тотчас начал говорить мне о том, и что говорил, то и писать не поленился. Что именно, то, чтоб не удлинить без меры теперешнего моего слова, я напишу в других словах, в обрадование и услаждение тех, которые любят читать такого рода писания с верою.

Итак, прошу вас, братия мои, потечем с усердием и себе путем заповедей Христовых, и лица наши не постыдятся. Но как тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери Царствия Своего, по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа Всесвятого, и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его, так и вы несомненно получите дивные блага от Него, какие уготовал Он любящим Его, – здесь отчасти, как укажет мудрость духовная, а в будущем веке всецело, со всеми от века святыми, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово пятьдесят седьмое

1. О страшном Дне Господнем и о будущем Суде; какой это День Господень и кому открывается?

2. Он действует в нас и прежде смерти и открывается тем, в коих действует в настоящей жизни.

3. Вера во Христа одна не может нас спасти, если не получим сознательно благодати Святого Духа.

4. Как можно познать, что благодать Святого Духа получена? И толкование слов: «в начале бе Слово».

5. Ублажение тех, которые получили благодать Святого Духа.

1. Велико и неудобоизъяснимо слово о будущем Суде, так как касается не настоящих и видимых вещей, но будущих и невидимых. Почему и мне, хотящему беседовать о сем, и вам, имеющим слушать беседы мои, потребны многие молитвы, великое тщание и чистота ума, чтоб могли мы – я хорошо познать сей предмет и изложить его вам в беседе, а вы со вниманием выслушать, что будет говорено.

Предмет настоящего слова есть страшный День Господень, который называется Днем Господним не потому, что есть последний день дней сих, и не потому, что в него имеет приити Господь, как говорим мы о днях настоящего времени: день Пасхи, день Пятидесятницы, день царский, в ко-

торый царь имеет выйти и делать то и то. Но и днем Суда называется он не потому, что в него имеет быть суд. Не будет тогда так, чтоб иным чем-то был день тот и иным – Тот, Кто имеет прийти в него. Но Владыка и Бог всяческих, Господь наш Иисус Христос, имеет воссиять тогда сиянием Божества, и блистанием Владычним закроется это чувственное солнце, так что его совсем не будет видно, померкнут звезды, и все видимое свиется, как свиток, то есть отстранится, давая место Творцу своему. И будет один Он – и день вместе, и Бог. Тот, Кто теперь для всех невидим и живет во свете неприступном, тогда для всех явится таким, каков есть во славе Своей, и все исполнит светом Своим, и станет для святых Своих днем невечерним и нескончаемым, преисполненным непрестающей радости, а для грешников и нерадивых, подобно мне, пребудет совершенно неприступным и незримым. Так как они, когда жили в настоящей жизни, не потщились очиститься, чтоб узреть свет славы Господа и Его Самого приять внутрь себя, то и в будущем веке по всей справедливости Он будет им неприступен и незрим.

Ибо в начале всеблагий Бог, желая сделать, чтобы благое было делом и собственно нашим, даровал прародителям нашим самовластие (а через них и всем нам), чтоб они исполняли заповеди Божии не с печалью или по необходимости, но по охотному произволению, с радостью и усердием, от любви к Богу, и соблюдали их со всем вниманием, дабы потом было сочтено, что они стяжавают добродетели собственными сво-

ими трудами, принося их Владыке Богу как собственные дары, и посредством их стараясь достигнуть совершенного образа и подобия Божия и приблизиться к неприступному Богу, не быв пожжены и не умерши. Но поелику первозданные первые послушались врага диавола вольною волею и сделались преступниками заповеди Божией, то не только лишились надежды высшего и большего, именно, приблизиться к самому неприступному и немерцающему свету, но по причине греха подпали тлению и смерти, впали в мрачнейший мрак и сделались рабами князя тьмы, диавола. Потом и мы, потомки их, подчинились и поработились этому тирану, не по принуждению какому или насилию, но по собственному желанию, что ясно показали те, которые прежде Христа благоугодили Богу, предав волю свою Ему, Владыке своему, а не диаволу.

Человеколюбивый же Бог, желая избавить от рабства диаволова всех тех, которые благоугодили Ему и прежде Христа, и после Христа, которые имеют благоугодить до скончания века, благоволил соделать это Сам, Бог всесильный и незлобивый. Того, кого создал собственными Своими невидимыми руками по образу и подобию Своему, восхотел Он восстановить в то состояние, из коего он ниспал, не через другого кого, а через Себя Самого, соделавшись человеком, подобным нам во всем, кроме греха, чтоб почтить и прославить паче род человеческий. О, неизреченное человеколюбие и благость! Не только не предал Он вечным мукам нас,

преступивших заповедь Его, но какими мы соделались через преступление, таким благоволил соделаться и Он, то есть человеком тленным и смертным, – Он, Сый нетленный и бессмертный, и явился среди людей с плотию обоженной, а не единым Божеством. И по какой причине? По той, что пришел *не да судит мирови, но да спасется Им мир,* как говорит это Сам Он во Святом Евангелии Своем (Ин. 3, 17; 12, 47). Ибо явление Божества Его бывает судом для тех, кому являемо бывает. И никакая плоть не могла бы снести славы Божества Его, если бы Оно явилось одно без человеческого естества, не быв, то есть, соединено с Ним неизъяснимым образом. Если бы Божество явилось одно, то вся тварь исчезла бы совершенно; потому что тогда все почти были погружены в неверие. Божество же никому никогда не являлось без веры. Но если бы и явилось Оно иногда кому без нее, то будет страшно и трепетно, ибо в таком случае Оно не просвещает, а сожигает, не животворит, а мучит. И это видно из того, что пострадал блаженный Павел: не просветился он сиянием оного неприступного света, облиставшего его на пути, но омрачился паче и потерял даже естественный свет очей своих и не стал видеть. Дивный Павел, имевший быть великим учителем Церкви Христовой, который изрек потом: *Бог рекий из тьмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших,* и опять: *имамы же сокровище сие* (то есть воссияние в сердцах), – в то время не мог узреть и самомалейшего луча оного света.

2. Из сего верно научаемся, что для тех, коими обладают неверие и страсти, благодать Святого Духа неприступна и незрима. Но для тех, которые показывают достойное покаяние и начинают исполнять заповеди Христовы с верою и вместе со страхом и трепетом, она открывается и бывает зримою и сама собою производит в них суд несомненно такой, какой имеет быть, или, лучше сказать, она бывает для них днем Божественного Суда. Кто всегда сияет и освещается сею благодатию, тот истинно видит себя самого, что он такое есть и в каком жалком состоянии находится, видит тонкочастно все дела свои, которые совершал телом и какие действовались только в душе его. При этом он судится и воссуждается и Божественным огнем; вследствие чего, напояемый водою слез, орошается по всему телу и мало-помалу крещается весь, душою и телом, – Божественным оным огнем и Духом, становится весь чистым, весь – непорочным, сыном света и дня и более не сыном человека смертного. Почему таковой не будет уже судим на будущем Суде, так как уже был судим прежде, ни обличаем оным светом, потому что осветился им здесь прежде, и не внидет в оный огнь, чтоб быть жегомым вечно, потому что вошел в него здесь прежде и был судим, и думать не будет, что тогда только явился День Господень, потому что давно уже стал весь днем светлым и блещащимся от сообращения и беседы с Богом и перестал находиться в мире или с миром, но весь всецело стал вне его. Так говорит Христос Господь во Святом Евангелии: *Аз избрах вы от*

мира сего (Ин. 15, 19); и божественный Павел: *аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были, судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 31); и опять в другом месте: *яко-же чада света ходите* (Еф. 5, 8).

Итак, которые соделались чадами света и сынами будущего дня и могут всегда как во дни ходить благообразно, для тех никогда не придет День Господень, потому что они всегда с ним и в нем находятся. Ибо День Господень явится не для тех, которые уже осияваются Божественным светом; но он внезапно откроется для тех, которые находятся во тьме страстей, живут в мире по-мирски и любят блага мира сего; для них явится он вдруг, внезапно и покажется им страшным, как огнь нестерпимый и невыносимый.

Огнь сей явится не весь духовно, но, как бы сказать, бестелесно-телесно – так, как являлся Христос ученикам Своим по Воскресении. Евангелист говорит, что когда вознесся Господь на небеса, Ангелы говорили ученикам: *вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте его идуща на небо* (Деян. 1, 11). Если не будет так, то как возможно увидеть Его грешникам, неверным, еретикам и духоборцам, которые слепы душою и имеют очи души своей загражденными скверною неверия и греха? О сем святой Павел так писал к солунянам: *о летех и о временех, братие, не требе есть вам писати: сами бо вы известно весте, яко день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет. Егда бо рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них все-*

губительство, якоже болезнь во чреве имущей, и не могут избежати. Вы же, братие, несте во тме, да день вас, якоже тать постигнет: вси бо вы сынове света есте и сынове дне: несмы нощи, ниже тмы. Темже убо да не спим, яко-же и прочии, но да бодрствуим и трезвимся. И несколько ниже: *яко не положи нас Бог во гневе, но в получение спасения, да аще бдим, аще ли спим, купно с Ним живем* (1 Фес. 5, 1–6, 9, 10).

3. Но, возлюбленне, слыша: *сынове есте света и сынове дне,* не скажи в помысле своем, что мы, крещеные во имя Святой Троицы, верующие во Христа и поклоняющиеся Ему яко Богу, всеконечно есмы сыны света и дня, во всяком случае, хотя бы не чувствовали и не сознавали того в себе в самом деле. Нет, брате, не думай так, как я сказал, и не проводи остального времени жизни твоей в нерадении. Но испытай себя самого с точностью и помысли, сколько заповедей Господних преступил ты после крещения и сколько наделал грехов, по причине которых отступила от тебя благодать Святого Духа и ты из сына света и дня соделался сыном нощи и сидишь во тьме. И скажи в себе самом: если теперь, когда я еще нахожусь в мире сем, не вижу я света Божественной благодати и пребываю во тьме, то, наверное, и после смерти имею пребыть во тьме же; и всеконечно, как тать в нощи, придет на меня День Господень, и тогда внезапу обымет меня вечная пагуба. Так воистину есть, братия мои; пусть никто не обольщает вас суетными словами и никто не надейся на од-

ну веру во Христа. Слушайте, что говорит апостол Иаков: *вера без дел мертва есть. Якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20, 26). Те, которые исповедуют, что Христос истинен есть, и не соблюдают заповедей Его, будут почтены не только отвергшимися Христа, но и презревшими Его и праведно будут осуждены паче тех, кои совсем не ведали Христа. Кто бесчестит отца своего, как может быть почитаем сыном ему? И кто удаляется от света, как может пребывать во свете, как во дне? Нет, братие мои, нельзя сему быть. Если кто станет говорить, что никто не может исполнить всех заповедей, то да ведает он, что ложно клевещет на Бога, будто Он заповедал нам невозможное. Таковой будет осужден, как тот, кто сказал: *ведех тя, яко жесток еси человек: жнеши идеже не сеял еси, и собираеши идеже не расточил еси* (Мф. 25, 24), и как диавол, сказавший Еве: ведал Бог, что в какой день вкусите вы от древа познания, подобны Ему станете, того ради заповедал вам не вкушать от него (Быт. 3, 5). Ибо и он почитает Бога лжецом, обманщиком и завистливым. Лжецом – потому что, когда Господь сказал: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть,* Он не только говорит, что оно не легко, но еще утверждает, что оно даже неподъятно; обманщиком и завистливым, потому что, сошедши на землю, наобещал нам многое, но дать ничего не хочет, а завидует спасению нашему, почему заповедал нам соблюдать и делать дела невозможные, чтоб мы не могли их исполнить и Он имел будто благословный пред-

лог лишить нас тех благ, какие обещал. Но горе говорящим таковое, если не покаются! Владыка наш Христос ничего не заповедал нам тяжкого и неудобоисполнимого, но все заповеди Его удобны и легки. Объясню вам это следующим примером.

Некто служил врагу и отступнику царя христианского, одержал много побед над слугами сего царя и был в большой славе и чести у отступника оного и у воинства его. Царь христианский посылал к нему, приглашая возвратиться к себе и обещая великие милости даже до принятия его в соучастие в царствовании; но тот не только не соглашался перейти к царю, а, напротив, устроял еще сильнейшие нападения на него. С продолжением, однако ж, времени в один день пришел он в себя самого, раскаялся во всем соделанном и принял намерение бежать и самому по себе прийти к царю, рассуждая с собою, что хотя доселе не слушался царя, приглашавшего меня прийти к нему, при всем том верую, что если приду к нему теперь, то он не вменит мне, что я столько времени запоздал приходом к нему, ибо он, как слышу, очень снисходителен и человеколюбив, почему, наверное, простит и меня и исполнит все, что обещал прежде. Как задумал он это в своем уме, так и делом совершил: тотчас поднялся и пошел к царю и, пришедши, припал к ногам его, со слезами прося прощения. Тогда добрейший тот царь принял его, паче чаяния его, с величайшею радостью, дивясь перемене его и смирению, что вместо того, чтоб представиться с притязаниями и требовать

почестей за то, что показал такую к нему любовь и веру, он, оставя его врага и пришедши к нему, сам лежит у ног его, плача и сокрушаясь сердцем, что так поздно возвратился и наделал прежде столько зол. Почему, подняв его, пал на выю его и долго целовал его и очи его, полные слез, потом повелел принести венец, царскую одежду и обувь – все как у него самого – и облек во все это сам его, прежнего врага своего и противника, совершенно ни за что не упрекал он его из того, что он наделал, но радовался и веселился с ним день и ночь, обнимал его и целовал в уста и такую возымел к нему любовь, что даже и когда спать отходил, не разлучался с ним, но ложился вместе с ним, отовсюду окутывая его царскими покровами и блюдя его, как зеницу ока. Подобно сему и то, что делает с нами Бог; подобным же образом и человеколюбивый Бог приемлет и возлюбляет тех, которые каются от всей души, бегут от мира прелестного и от миродержителя диавола и приходят к Нему, истинному Царю и Богу, обнажившись от всех вещей мира сего. И все сие совершается легко. Если бывает что тяжело тут для иных, так это – оставить врага Божия диавола и все сатанинские дела его со всеми мнимыми благами мира сего, коими он прельщает их быть вместе с ним. Но тут совсем нет и следа возвращения к Богу. Вот я, поверьте слову моему, когда прибег к Богу, Спасителю моему, не встретил ничего скорбного или тяжкого и непонятного, но, если уже говорить вам правду и открыть любви вашей то, что я не хотел никому открывать, чтоб доставить некото-

рым из вас хотя малую какую пользу, когда имел я скорбь, тесноту и так именуемое злострадание, тогда наипаче ощущал, что все это производило мне вящшую радость и отраду через откровение и явление при сем лица Божия, – так что во мне совершалось то, что говорит святой Павел: *легкое печали нашея тяготу славы соделовает нам* (2 Кор. 4, 17) и что говорит Давид: *в скорби распространил мя еси* (Пс. 4, 2). От этой радости я ни во что вменял скорби и искушения, находившие на меня, взирая не на будущую, но на настоящую славу Господа нашего Иисуса Христа, какая проявлялась тогда тотчас во мне благодатию Святого Духа. От созерцания и причастия сей славы ни во что вменял я самые смертельные боли и всякую другую скорбь, более несносную из всего, что может найти на человека с болезнованием и страданием многим, забывая всякое мучительное томление тела моего. От сего же созерцания и причастия славы Христовой стал я почитать бремя заповедей легким и иго Христово благим. Печаль же великую и невыносимую имел я только о том, поверьте мне, что не находил благословной причины умереть любви ради Христовы.

Итак, братие мои возлюбленные, оставим все и побежим нагими, прибегнем ко Владыке Христу и, припадши к стопам Его, восплачемся перед благостынею Его, чтобы и Он, видя веру нашу и смирение, принял нас так же и даже лучше, чем сказанный царь своего врага, почтил нас и украсил собственною одеждою и венцом своим, то есть славою Сво-

ею, и сделал достойными небесного брачного чертога Своего. Ибо убежать от царя тленного и опять возвратиться к другому царю тленному же и удостоиться получить часть в царствовании земном не одинаково с тем, что я говорю, то есть с тем, чтоб взойти от земли на небо, получить славу вечную и Царство нетленное и соделаться общником Бога и сонаследником Царства Его, и не только царем, но и Богом по благодати, и вечно радоваться с Богом. Не будем же, братие, прошу вас, предпочитать сему ничего временного и земного, чтоб не лишиться славы и утешения Христова, но поревнуем очистить себя, чтоб еще здесь приять залог Царствия Небесного, или, лучше сказать, поревнуем стяжать Самого Бога, Царя всяческих, в коем всякое для всех благо.

4. Посему надлежит нам с точностью испытать самих себя, стяжали ли мы Господа Иисуса Христа внутрь себя, дабы уразуметь, дана ли и нам, получена ли и нами от Него *область*, как говорит Иоанн Богослов, *чадами Божиими быти* (Ин. 1, 12). И да внимает всяк словесам Святых Писаний, да вникает добре и в самого себя, чтоб не подпасть тщетной лести и не стать почитать себя верным, а после не оказаться неверным. Ибо возможно, почитая себя имеющим в себе Христа, выйти из настоящей жизни пустым от Него и быть осуждену как ничего не имеющему, с лишением и того, еже мнится имети, и ввержену в огнь гееннский. Но откуда можем узнать, имеем ли мы в себе Христа, и как можем исследовать самих себя в сем отношении до точности? Так:

возьмем слова Божественного Писания, положим их перед душами нашими, как зеркало, и станем сличать с ними во всем самих себя; тотчас и познаем, что такое мы воистине. Но внемлите, прошу вас, и с помощью Бога, дающего слово во отверзение уст моих, я изъясню вам несколько, каким образом можем мы узнать, имеем ли мы в душах своих Христа.

В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Сей бе искони к Богу. Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть. В Том живот бе, и живот бе свет человеком. И свет во тме светится, и тма его не объят (Ин. 1, 1–5). Говоря так, Иоанн Богослов открывает таинство нераздельной Троицы и Богом называет Отца, Словом – Сына, жизнью – Духа Святого, Который есть и свет; и опять все три Лица: Отец, Сын и Дух суть единый Свет, который светит во тьме, то есть в мире сем. Ибо Бог присущ всюду: во всей целости бытия, и будучи светом, все просвещает, и тьма Его не объемлет, то есть нечистота греховная отнюдь не приближается к Нему. Мир не препятствует Ему светить и просвещать, но и не познал Его, и не обрел Его, и не узрел Его. Почему Иоанн Богослов, чтоб яснее это представить, прибавляет далее: *бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир. В мире бе, и мир Тем бысть, и мир Его не позна* (Ин. 1, 9, 10). От начала, говорит, был всюду Бог, Который просвещает и животворит всякого человека, грядущего в мир. И прежде создания мира был Он. И все было у Бога, прежде проявления в бытии. Потом, когда создал Бог чувственный

мир сей, то не отдалился от него местом, потому что есть везде Сый и вся исполняяй, но из всего сущего в мире ничто не приблизилось к Нему по естеству и славе Божества Его. Бог, будучи не отдален от всего сущего, явно есть во всем, и однако ж, никто не знает Его, как говорит Господь наш: *ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже волит Сын открыти* (Мф. 11, 27). Итак, Бог, Который был в мире и не был познаваем от него, пришел, говорит, *во своя, и свои Его не прияша.* Своими называет Он мир и людей, сущих в мире, и потому, что есть Творец и Владыка их, и по сродству, в какое вступил с людьми через Свое вочеловечение. Размысли же добре о том, что мы сказали, и познай, что Бог Слово, в начале сый у Бога и Отца, имеющий жизнь в Себе и все создавший и сущий светом, просвещающим всякого человека, Он Самый, Который был прежде бытия мира и создал мир, Который есть в мире и не познается миром и не объемлется им, – Он пришел в мир и соделался человеком, да явится яко Бог и познается, как есть, тем, кои приемлют Его яко Бога с верою и соблюдают заповеди Его. Почему евангелист и говорит: *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его: иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины* (Ин. 1, 12–14). Нате! Вот вам зеркало, о коем я сказал прежде, эти самые слова! И посмотрите, прошу

вас, какая точность в словах евангелиста! Как ясно обозначает он признаки, по коим познаются верные, чтоб мы и самих себя могли познавать, и ближних своих! *Елицы же,* говорит, *прияша Его,* разумеется посредством веры, и исповедали Его Богом, а не человеком только, *даде им область* через крещение *чадами Божиими быти,* освободив их от тиранства диавола; так чтоб они не только были верными, но, если восхотят жить и по заповедям Его, чтоб к вере притяжали и святость через делание заповедей Его, как и в другом месте говорит Господь: *святи будите, яко Аз свят есмь* (Лев. 19, 2). И опять: *будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36). Потом евангелист показывает и способ, как таковые делаются чадами Божиими, говоря: *иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася.* Рождением здесь называет он духовное изменение, совершающееся и узреваемое через крещение Духом Святым, как говорит Сам неложный Господь: *Иоанн крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (Деян. 1, 5). Посему крещаемые Духом Святым бывают, как свет во свете, и знают Родившего их, потому что видят Его. А что рожденные благодатию Святого Духа имеют нужду быть питаемыми и Святым Причащением Пречистого Тела и Честныя Крови Господа нашего, о сем послушай, что говорит евангелист: *и Слово плоть бысть и вселися в ны.* И что слова сии говорят о Пречистых Тайнах, послушай Господа, Который говорит: *ядый Мою Плоть и пияй*

Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем (Ин. 6, 56). Когда же родимся мы духовно благодатию Святого Духа и соделаемся чадами Божиими и через Причастие Пречистого Тела и Честныя Крови Господа вселится в нас и станет обитать, как Свет, Христос, Сын и Слово Бога воплотившееся, тогда последует и сие: *видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца.* Ибо когда родимся мы духовно от Него, когда Он вселится в нас через Тайны и мы станем сознательно пребывать в Нем, тогда в тот самый час, как будет сие в нас, вдруг узреваем мы славу Божества Его, славу яко Единородного от Отца, то есть такую, какой никто другой не имеет, ни Ангел, ни человек. И поелику Отец и Сын Его Единородный едино суть, то явно, что и слава Их обоих едина есть, каковая открывается и познается (ведомою делается) всем, кому хощет Сын открыти через Святого Духа, от Отца исходящего.

Итак, братия мои, пусть всякий добре вникнет в силу слов сих и по ним испытает себя самого – приял ли Бога Слово, пришедшего в мир, и соделался ли чадом Божиим, точно ли родился не от плоти только и крови, но и от Бога, познал ли, что воплотившийся Бог Слово вселился в него, и увидел ли славу Его, *славу яко Единороднаго от Отца.* В ком все сие совершилось, тот воистину христианин есть; он видит себя вновь рожденным свыше и знает Отца, родившего его не словом только, но и делом благодати и истины. Станем, братия мои, пред сим зерцалом истины и будем избегать вредного и еретического учения тех, которые говорят, что ныне не от-

крывается в нас, верующих, слава Господа Иисуса Христа благодатию Святого Духа. Ибо благодать дается с откровением сим и откровение сие действуется благодатию. Почему ни Духа Святого не приемлет никто без того, чтоб Дух не открывался и не зрим был умными очами, ни откровения такого не узревает никто, не быв просвещен благодатию Святого Духа. Даже и верным не может называться тот, кто не получил благодати Святого Духа. Христос Господь говорил самаряныне: *пияй от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущия в живот вечный* (Ин. 4, 14). *Сие же,* как замечает евангелист по случаю слова Господа о питии воды от Него в другом месте, *рече* Господь *о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 39). Видишь ли, что те, которые не имеют Духа Святого, так чтоб Он действовал и глаголал внутрь их, не суть верные? Ибо неложен Христос, Который греха не сотворил и в устах Которого не обретеся ложь. Почему если Христос говорит, что даст Духа верующим в Него, то никакого нет сомнения, что не имеющие Духа не суть верующие в Него от чистого сердца.

Если же кто станет говорить, что каждый из нас, верующих, получил и имеет Духа, хотя не сознает и не чувствует того, таковой богохульствует, так как представляет лживым Христа, Который сказал: *будет в нем источник воды текущия в живот вечный,* и еще: *веруяй в Мя, реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. 7, 38). Итак, если неточный ключ

бьет, то, наверное, река, исходящая из сего источника и текущая, видима бывает для имеющих очи. Но если и это (будем говорить в тон тех, которые так мудрствуют) действуется в нас, а мы ничего такого не чувствуем и не сознаем в себе, то явно, что мы совсем не будем чувствовать и жизни вечной, которая бывает следствием того, и не увидим света Духа Святого, но пребудем мертвы, слепы, бесчувственны и в будущей жизни, как пребываем в настоящей. Таким образом выйдет, что надежда наша тщетна и течение наше – попусту, если мы все еще в смерти, то есть остаемся мертвы духом и не воспринимаем чувства вечной жизни. Но не так есть во истине, не так. Но что я говорил не раз, скажу и еще, и не перестану говорить: свет Отец, свет Сын, свет Дух Святой; трие Сии един Свет, безвременный, нераздельный, неслиянный, вечный, несозданный, неоскудевающий, неизмеримый, невидимый, поколику есть и помышляется сущим вне и превыше всего, которого ни один человек не мог никогда увидеть прежде очищения и не мог получить прежде узрения. Ибо прежде надлежит увидеть его и потом многими подвигами стяжать, так как многие видали, но не стяжали, подобно тем, которые удостаиваются увидеть великое и безмерное богатство в царских сокровищехранительницах и потом отходят ни с чем, как и прежде были. В начале многократно находит Божественное просвещение и осияние на тех, которые каются с теплотою сердца, но скоро и отходит. И если они вдадут себя всех всецело в подвиги даже до смерти, и

взыщут сего просвещения с болезнью сердечною, и представят себя Христу Господу достойными, чистыми, непорочными во всех делах, то снова получат его, и оно приидет опять к ним более совершенным. Если же они вознерадят и не захотят вдать себя в большие труды по причине животолюбия и покоелюбия своего, то бывают недостойны такого дара и не входят в живот вечный (не восприемлют начатков его) теперь, пока еще в теле находятся; не вошедши же теперь, явно, не сподобятся сего и по смерти, в другой жизни. Если тот, кто, получив талант, скрыл его, подвергся осуждению за то, что не преумножил его, то сколь большему подпадет осуждению тот, кто не только не преумножил, но и совсем потерял полученное им по нерадению своему? Итак, здесь, как говорит Божественное Писание, торжище, здесь подвиги и состязания. Здесь даются победителям, как залоги, венцы победные; равно как и для побежденных здесь полагается начало их посрамлению и мучению.

Приведи себе на память сорок мучеников и всех других страдальцев за Христа. Они подтверждают то, что я говорю. Сорок мучеников, еще находясь в озере, получили из рук Христовых венцы мученические; а тот, вошедший в баню, тотчас будто растопился от тепла и пошел в огонь вечный на мучения. Также святой Евстратий, предивный в добродетелях муж, когда был мучим за любовь Христову, говорил: теперь я познал, что храм Божий есмь и Дух Божий живет во мне. Отойдите от меня, делатели беззакония! А к мучителю,

судившему его, сказал: если б ты был здрав умом и душа твоя не была вся – земля и перст по причине страстей, я показал бы тебе, что Сей распятый Христос есть Спаситель, Искупитель и Благодетель наш. Видишь ли, как сей святой, когда вошел в подвиги мученичества и начал переносить терзания в борьбе своей, тогда познал себя самого, что он есть храм Божий, и стал видеть умными очами души своей, что Дух Божий ощутительно обитает в нем. Какое другое свидетельство могло бы быть яснее этого? Если иные скажут, что то были мученики, претерпевшие такие и такие страдания за Христа, и нам как можно уподобиться им, то скажу и я таким, – что и вы сами, если захотите, можете каждодневно проходить подвиг мученичества, подобно мученикам, можете страдать и терпеть за Христа каждый день, каждую ночь и каждый час. Как же это может быть? Если и вы установите брань с мысленными врагами нашими – демонами – и будете всегда противостоять греху и страстной воле своей. Те противостояли мучителям, а вы противьтесь демонам и пагубным страстям плотским, кои тиранически устремляются на душу нашу каждый день, каждую ночь и каждый час и понуждают нас делать то, что несообразно с богочестием и чем прогневляется Бог. Итак, если и мы противостанем всему такому, не послушаемся советов лукавых демонов и не станем творить волю плоти и помышлений и питать ее удовлетворением ее бесчинных похотений, то по всей справедливости будем и мы мучениками, противовоюющими греху.

И если, противясь диаволу, будем охотно переносить всякий труд ради заповедей Христовых, как мученики, противясь мучителям, переносили за Христа нестерпимые страдания, и при этом, приводя на память мучения и раны, подъятые мучениками, будем стеня воздыхать из глубины сердечной, помышляя, как далеки мы от подвигов их, и скорбя, что не удостоены подобно им пострадать за Христа, то несомненно удостоимся получить венцы, подобные их, по великой благости Бога, которую Он всегда являл и являет нам от начала и доселе. Ибо хотя при этом мы не будем подобны им в мужестве, но всячески можем уподобиться им в терпении и благодушии, с какими переносить будем труды и болезни, испытываемые в видах соблюдения заповедей Христовых. Они освятились подвигами мученичества, а мы надеемся спасены быть ради добрых дел и подвигов, какие проходим для стяжания добродетелей, – всецело по человеколюбию и благодати Божией; они освятились мученическими потами и болезнями, а мы – слезами и подвигами покаяния; они – через излияние крови своей, а мы – через отсечение воли своей и решимость на смерть, по коей готовы были бы каждочасно умереть ради заповеди Господа, не допуская себя преступить какую-либо из них даже единым словом.

Посему и мы все, братия мои, должны презреть настоящее, как и мученики, потому что никому не возможно получить нетленное, если он не вменит в уметы тленное, ни стяжать вечное, если он прилеплен к временному; никто также

из обладаемых в сердце какою-либо страстью, хотя бы то малейшею, не может иметь живущим в себе Христа благодатию Святого Духа, ибо Бог свет есть, как говорит Сам Он: *Аз есмь свет миру* (Ин. 8, 12). Если, может быть, ты думаешь, что Христос есть свет по плоти, то, по-твоему, выйдет, что когда Христос вознесся на небо и скрылся, тогда и свет отдалился от учеников Его, а следовательно, и от нас, и весь мир остался во тьме. Если же исповедуешь, что Он есть свет мира по Божеству, то как думаешь, что Он в тебе есть, и говоришь, что не видишь Его? Если скажешь, что Дух Святой в тебе заслоняется страстьми, то делаешь Бога описуемым и превозмогаемым от зла и тьмы, сущих в тебе, ибо злоумие и страсти и без дел греховных суть тьма. Итак, кто говорит, что имеет в сердце своем свет покрытым тьмою страстей и потому не видит его, тот утверждает, что свет (Божий) превозмогается тьмою (человеческою), и доказывает, что лжет Дух Святой, Который говорит через евангелиста Иоанна: *и свет во тме светится, и тма его не объят* (Ин. 1, 5). Дух Святой говорит, что свет не превозмогается тьмою, а ты говоришь, что он в тебе покрывается тьмою страстей? Познай же ты, говорящий сие, кто бы ты ни был, что явно грешишь в ведении, ибо если сознаешься, что тьма страстей покрывает находящийся в тебе свет, то прежде всего другого себя самого обличаешь, сам о себе удостоверительно говоря, что сидишь во тьме и состоишь под властью страстей и при всем том, что приял область чадом Божиим быть, то есть чадом света

и сыном дня, лежишь в праздности и бездействии во тьме страстей, не хочешь восподвизаться в делании заповедей Божиих и разогнать тьму страстей, но презираешь Христа, с небес сошедшего и ради твоего спасения соделавшегося человеком, и оставляешь Его лежать в нечистом сердце твоем, как в некоем блате. Посему вот что говорит тебе свет, то есть Христос: от уст твоих сужду тя, раб лукавый. Я, неприступный и для Ангелов, пришел, как ты говоришь, и вселился в тебя; и ты это знаешь, а между тем оставляешь Меня лежать погруженным во тьму твоих страстей и грехов, как сам же опять говоришь. Столько времени я терпел, ожидая, что вот-вот покаешься и начнешь творить заповеди Мои, а ты до самого конца не восхотел ни разу взыскать Меня и ни однажды не сжалился надо Мною, потопляемым и утесняемым в тебе, и не дал Мне, возжегши свет Мой в тебе, обресть тебя, драхму потерянную, и сделать, чтоб ты узрел Меня, как Я взираю на тебя, но оставил меня всегда быть покрытым страстями твоими. Отойди же от Меня, делатель беззакония, в огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Я алкал обращения твоего и покаяния, но ты не дал Мне вкусить сего и удовлетворить желанию Моему, – то есть не раскаялся в злых грехах своих. Был Я наг от добродетельных деяний твоих, и ты не одел Меня ими. Был Я в тесной, нечистой и мрачной темнице сердца твоего, и ты не восхотел посетить Меня и известь Меня на свет. Видел ты, как Я лежал в болезни собственного нерадения твоего и бездействия, и не при-

шел послужить Мне добрыми делами своими. Отойди же от Меня.

Вот что скажет Господь, вот что говорит Он и теперь тем, которые говорят, что имеют в себе Духа Святого, только Он сокрыт и закрыт тьмою страстей их и не зрится умными очами души их. К тем же, которые говорят, что знают Христа, но не видят света Божества Его, говорит Христос: если вы познали Меня, то, конечно, познали как Свет, ибо Я есмь воистину Свет мира. Но горе тем, которые говорят: «Когда приидет День Господень?» – и не подвизаются постигнуть его здесь, в настоящей жизни, ибо пришествие Господне и пришло, и приходит всегда в верных, и присуще во всех желающих. И если Христос есть Свет мира и обещал апостолам Своим быть с нами до скончания века, то как Сущий с нами имеет приити? Нет, не имеет Он приити к нам, потому что мы не сыны тьмы и ночи, чтоб пришел к нам Свет, но сыны Света и Дня Господня. Почему и пока живем в настоящей жизни, пребываем с Господом, и когда умрем, будем жить чрез Него и с Ним, по божественному Павлу (Рим. 14, 8). И святитель Григорий Богослов говорит: «Что для чувственных солнце, то для мысленных (духовных) Бог. Он будет и будущий век, и невечерний день, и Царство Небесное, и брачный чертог, и земля кротких, и Божественный рай, и царь и послужитель, как Сам сказал: *блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих. Аминь, глаголю вам, яко препояшется и посадит их и приступив послужит им*

(Лк.

12, 37). Всем этим и еще многим большим этого, чего и исчислить никому нельзя, бывает Христос для верующих в Него – не в будущей только жизни, но прежде в настоящей, а потом в будущей, только здесь в меньшей мере, а там в полной. Впрочем, верные отселе еще предзрят ясно будущие блага и приемлют залоги (или зачатки) их. Как не думают они, что получают здесь все обетования, так опять не такою питают себя надеждою, что имеют получить их все только там, а здесь, в настоящей жизни, бывают лишены и совсем непричастны будущих благ. Но поелику Бог удомостроил посредством смерти Своей и Своего Воскресения даровать нам Царство, нетление и вечную жизнь, то отселе еще, без сомнения, сподобляемся мы быть душою причастниками будущих благ, то есть быть по душе нетленными и бессмертными, быть сынами Божиими, сынами Света и дня и наследниками Царства Небесного, поколику имеем внутрь себя сие самое Царство Небесное. Все сие действительно отселе еще получаем не без чувства и ведения души, если мы не безыскусны в вере и не скудны деланием заповедей Божиих. Но телесно еще не получаем того, потому что это тело наше тленно, как было и тело Христово до воскресения. И поелику душа наша объемлется таким телом и им связуется, то мы не можем теперь восприять в душу свою всю Божественную славу, открываемую нам, но видя, как в зерцале, необъятное море оной славы, думаем, что видим одну каплю того моря славы.

Почему и говорим, что видим ныне как в зерцале и в гадании. Впрочем, видим при сем и то, что духовно, то есть по душе мы подобны Тому, Кого видим и Кто нас видит; по воскресении же приимем и тело духовное. Как Христос Божественною Своею силою сделал тело Свое иным, то есть духовным, и так воскресил его от гроба, так и мы, сделавшись прежде здесь подобными Христу по душе, тогда станем подобны Ему и по телу – человеки по естеству и боги по благодати, как и Христос, будучи Бог по естеству, соделался человеком, как есть человек, по великой Своей благости. Зная наверное сие таинство, как можем не возжелать смерти, когда, как говорит апостол, суще в теле сем, воздыхаем, откровения чая сынов Божиих (Рим. 8, 19–22)?

Но если праведные не бывают причастны вечных благ и не получают благодати Божией еще здесь, еще в настоящей находясь жизни, то Христос только пророк есть, а не Бог, и все, о чем говорит Евангелие, не есть дар благодати, а пророчество о будущих дарованиях; равным образом и апостолы получили пророчество, а не исполнение пророченного: и сами они ничего не получили, и другим ничего не преподали. Увы! Какое нечувствие и какая слепота у тех, кои держатся такого мнения! Ибо если так есть, как они говорят, то будет следовать, что вера наша – одни слова, коим нет соответствующего дела. Но если благодать Божия, спасительная всем человекам, явилась словом только, а не делом, и если мы думать станем, что таинство веры нашей есть именно та-

ково, то кто будет окаяннее нас? Если Свет мира есть Христос и Бог, а мы веровать будем, что ни один человек никогда не видел Его, то кто другой будет более неверующ, чем мы? Если Христос есть Свет, а мы говорим, что не чувствуем Его, когда облекаемся в Него, то чем будем отличаться мы от мертвых? Если Он есть лоза виноградная, а мы – ветви и, однако ж, не сознаем единения, какое имеем с Ним, то явно, что мы бездушны и бесплодны, – сухие древеса, гожие только для вечного огня. Если, по Божественному слову, те, которые вкушают Плоть Господа и пиют Кровь Его, имеют живот вечный, а мы, когда причащаемся, не чувствуем, чтоб при сем было в нас что-либо паче того, что бывает от обыкновенной пищи, и не сознаем, что получаем иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлеба, а не Бога. Ибо если Христос есть Бог и человек, то и святая плоть Его не есть плоть только, но плоть и Бог нераздельно и неслиянно, и поколику плоть, то есть поколику она есть под видом хлеба, видится телесными очами, а по Божеству не видится телесными очами, но видится мысленными очами души, то есть умом. Посему Господь и говорит: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в Нем* (Ин. 6, 56). Не сказал: Он пребывает с ними (то есть с плотию и кровию), а они с Ним; но – пребывает со Мною, то есть с Моею славою, с Моим светом и с Моим Божеством; как и в другом месте говорит: как Я во Отце и Отец во Мне, так Я в вас и вы во Мне (Ин. 14, 20). Итак, если мы думаем, что все сие бывает

в нас без того, чтоб мы то сознавали и чувствовали чувством души нашей, то кто возможет, как должно, оплакать нечувствие наше? Воистину никто.

5. Но блаженны те, которые прияли Христа, пришедшего, как свет, в них, бывших во тьме, потому что они стали сынами света и невечернего дня. Блаженны те, которые облеклись в свет Его в настоящей жизни, потому что облеклись уже в одеяние брачное и не будут связаны по рукам и ногам и ввержены в огнь вечный. Блаженны те, которые, будучи еще в теле, увидали Христа. Треблаженны те, которые увидали Его и поклонились Ему мысленно и духовно, потому что во век века не увидят они смерти. Блаженны те, которые каждодневно вкушают Христа с таким созерцанием и ведением, как пророк Исаия – угль горящий, потому что они очистятся от всякой скверны душевной и телесной. Блаженны те, которые каждочасно очами ума приемлют неизреченный свет, потому что они как во дне благообразно ходить будут и все время жизни своей проживут в духовном радовании. Блаженны те, которые еще здесь познали свет Господень, как Его Самого, потому что в будущей жизни они предстанут пред лицом Его с дерзновением. Блаженны те, которые всегда пребывают во свете Господнем, потому что они и в настоящей жизни суть, и в будущей жизни будут всегда братиями и сонаследниками Его. Блаженны те, которые в настоящей жизни возожгли в сердце своем свет и сохранили его неугасимым, потому что они во время смерти сретят

Жениха Христа, будучи светлыми и светлосиятельными, и вместе с Ним внидут в брачный чертог Его с возжженными светильниками. Блаженны те, которые никогда не допускали мысли, будто люди в продолжение настоящей жизни не получают удостоверения в своем спасении, но – в конце сей жизни или после смерти, потому что восподвизаются получить здесь такое удостоверение в своем спасении. Блаженны те, которые не сомневаются ни в чем сказанном и не подозревают, чтоб тут было что ложное, потому что они, если не имеют ничего такого, – что да не будет, – наверное, возревнуют стяжать то. Блаженны те, которые от всей души ищут внити во свет (Христов), презрев все прочее, потому что они, если и не успеют, пока в настоящей находятся жизни, внити в сей свет, всячески отыдут отселе с благими надеждами и внидут в него по мере своей. Блаженны те, которые всегда горько плачут о грехах своих, потому что их осенит наконец свет и горькие слезы их преложит в сладость. Блаженны те, которые просвещаются Божественным светом, и видят немощность свою, и постигают срамоту души своей, потому что они будут плакать во всю жизнь свою и омоются слезами своими. Блаженны те, которые приблизились к свету Божественному, и вошли в него, и соединились с ним и стали все свет, потому что они совершенно совлеклись оскверненной одежды грехов своих и не будут уже плакать горькими (но бесполезными) слезами. Блаженны те, которые видят, что одеяние души их светлосиянно, как Христос, потому что они каждо-

часно будут исполняемы неизреченною радостью и, удивляясь сему и изумляясь, будут сладчайшие проливать слезы, сознавая, что стали уже сынами и сопричастниками Воскресения. Блаженны те, которые всегда имеют отверстым мысленное око душевное и во время каждой молитвы своей видят свет, потому что они стали равночестны с Ангелами. Если же они таковы, еще в сей находясь жизни, еще будучи связаны тленною плотью, то каковыми же будут они по воскресении, после того как восприимут духовное оное и нетленное тело? Всеконечно, они будут тогда не Ангелам только подобны, но Самому Владыке Ангелов, Христу Господу, как написано: *вемы, яко, егда явится, подобни Ему будем* (1 Ин. 3, 2). Блажен тот христианин, который предстоит Богу в молитве так, что его видит Бог и он видит Бога и чувствует, что стал вне мира, в теле ли, или кроме тела, потому что он услышит неизреченные глаголы, *ихже не леть есть человеку глаголати,* и увидит то, чего око не видало, о чем ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило. Блажен тот, кто видит, что в нем вообразился Христос – Свет мира, потому что он наречется матерью Христа, имея в себе Христа как плод чрева, как Сам Он неложнейший обетовал, говоря: мать Моя и братья Мои, и друзья Мои *сии суть – слышащии слово Божие и творящии его* (Мф. 12, 48, 49), так что те, которые не хранят заповедей Божиих, сами своею волею лишают себя такой благодати; так как дело сие и было, и есть, и будет возможно, – и бывало, и бывает, и не перестанет бы-

вать во всех тех, кои творят заповеди Господни.

Впрочем, чтоб не оставить сказанного нами без свидетельства и не навлечь на себя подозрения, будто говорим что-либо от самих себя, а не от Божественного Писания, выставляя возможным невозможное, – приведем свидетельство о сем опять того же блаженного Павла, который есть уста Христовы и говорит: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос* (Гал. 4, 19). Но в каком месте или в какой части тела, думаете, полагает он, что вообразится Христос? В лице или в груди? Нет; в сердце нашем воображается Он, и не телесно, а бестелесно и как подобает Богу. Впрочем, как женщина, имеющая во чреве, знает о том ясно, так как младенец во чреве ее делает некоторые движения (взыграся), и нельзя ей не знать, что имеет плод во чреве, так и тот, кто имеет вообразившимся в себе Христа, знает движения Его и взыграния, то есть осияние и облистание Его, и видит внутрь себя воображение Христа. Как в зеркале видится свет светильника, так видится в нем Христос, однако ж не призрачно и не несущественно, каково то, что видится в зеркале, но в нем видится Христос, как свет, всущественно, невидимо видимым и недомыслимо постигаемым, во образе безобразном и в виде безвидном.

Так, братия, постигается непостижимое в вере нашей! Так зрится и несомненно умопредставляется Отец и Сын с Духом Святым теми христианами, к которым приходят Отец и Сын с Духом Святым и обитель себе в них творят, как гово-

рит Господь, в едином нераздельном свете познаваемые, как мы сказали. Впрочем, как тот, кто гонится за убегающим от него, хотя думает, что уже очень близок к нему, хотя кажется ему, что вот-вот сейчас схватит его, даже будто касается уже его концами пальцев своих, однако ж схватить его он никак не может, пока, по общей поговорке, будет между ними расстояние хоть на один волос, так и мы, если по нерадению нашему имеем хотя малый некий помысл, или раздумие неверия, или двоедушия, или боязни (за себя), или другую какую страсть, или имеем пристрастие к чему-либо временному, то, конечно, не удостоимся иметь в душе своей обитателем Бога и не взойдем на высоту такой славы. Ибо как для того, кто гонится за другим, и малейшее расстояние, хотя бы на один волос, бывает причиною, что он не может схватить его, так и в отношении к духовным вещам самомалейшая страсть бывает причиною того, что мы не удостаиваемся прийти в созерцание таин Божиих. И если мы не презрим совершенно самой жизни своей и тела своего с готовностью на самое мученичество, на то, чтобы предать всецело себя и жизнь свою на всякое мучение и всякую смерть, совсем изгнав из памяти все, что служит к поддержанию жизни тленного тела сего, то невозможно нам быть друзьями и братьями Христа, ни сопричастниками и сонаследниками Его и не придем мы никогда в созерцание и опытное познание сказанных таинств Божиих. Посему кто не сподобился еще достигнуть сего и получить такие блага, тот пусть обвиняет себя самого, а не

говорит, как *непщующий вины о гресех,* что это невозможно, или хотя и возможно и бывает, но помимо нашего сознания, то есть так, что мы не знаем того. Да удостоверится он из Божественных Писаний и да ведает, что дело сие возможно и истинно бывает и совершается заведомо нам, так что мы не можем не знать о нем, но по причине опущения и неисполнения заповедей Христовых каждый соразмерно с тем сам себя лишает таковых благ, каковые когда бы сподобиться получить всем нам, так чтобы вкусить их еще в настоящей жизни и уразуметь, яко благ Господь, и там узреть сего Господа всего и сорадоваться с Ним в бесконечные веки. Аминь.

Слово пятьдесят восьмое

1. О любви и вере. Как стяжать в душе своей любовь к Богу?

2. О воссиянии и созерцании света и о таинственной беседе Духа.

1. Послушаем, братие, Спасителя нашего и Бога, Который явно говорит нам во Святом Евангелии: *не приидох, да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. 12, 47); в другом же месте Евангелие показывает и способ спасения, говоря: *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16). Итак, кто верует сему от всей души и убежден, что Христос пришел не судить его, а спасти не за добрые его дела или труды и поты, но ради одной веры в Него, тому как можно не любить Его от всей души своей и от всего помышления своего? Особенно когда услышит, что Он претерпел такие страсти для спасения его и всех людей, – то есть как Он, Сын Божий и Бог, равночестный и единосущный Отцу, Сый превыше небес, содержащий всю тварь державною рукою силы Своея, снизшел с небес, вошел в утробу Девы и Богородицы, пребыл в ней девять месяцев и соделался человеком и как Он, Сый со Отцем Своим горе на небесах, благоволил долу на земли соделаться плодом чрева, прохо-

дя по порядку весь чин естества нашего, – и когда помыслит о прочих таинствах воплощенного Домостроительства Его и о страстях, какие претерпел за людей Он, бесстрастный по естеству, – то есть как неизреченно родился в вертепе, как повит был пеленами и положен бедно в яслях бессловесных животных Царь всяческих, как принесен был в храм, принят Симеоном на руки и благословлен им, как один из простых людей, как бежал в Египет и оттуда опять возвратился в Назарет и повиновался родителям Своим, как крестился от Иоанна в Иордане реке, как искушаем был диаволом в пустыне, как совершил такие чудеса, – и между тем не был за то предметом удивления, а паче предметом зависти, был поносим и осмеиваем злыми и нечестивыми людьми, которых бесстыжие уста мог заградить и тайно и явно, и иссушить языки их, и совсем истнить голоса их; как предан был Иудой, учеником Своим, как был взят и связан, как злодей какой, как приял ударение в ланиту от одного раба, как предан Пилату, как какой виновный, как осужден на смерть, как бичеван, осмеян, поруган, одеян в багряную хламиду, держал в руках трость, которою принимал от богоубийц иудеев удары по пречистой главе Своей, как был увенчан терновым венцом, как распят на кресте, который и нес Сам, носящий всяческая словом Своим, как вышел из Иерусалима и шел на Лобное место, как окружали Его воины и убийцы оные с бесчисленным множеством народа, следовавшего за Ним видеть кончину, как ужасались тому Ангелы с небес, как Бог

и Отец взирал на единосущного и сопрестольного Сына Своего, претерпевавшего все сие от нечестивых иудеев, как висел Он нагий на кресте, быв пригвожден гвоздьми по рукам и ногам, как напоен желчью с уксусом, – и все сие претерпел с великодушием неслыханным, молясь безначальному Отцу Своему – простить тем, которые распяли Его.

Когда человек помыслит о всем этом, как возможно, чтобы он не возлюбил Господа от всей души своей? Ибо когда вспомнит он, что Господь наш Иисус Христос, будучи Бог безначальный, Сын безначального Отца, сосущий и единосущный Всесвятому и поклоняемому Духу, сошел с небес, воплотился, соделался человеком и пострадал по любви к нему, все то, о чем мы сказали пред сим, и другое, большее того, чтобы избавить его от тления и смерти и сделать сыном Божиим и богом, подобным Ему, то – пусть он будет жестче камня и хладнее кристалла, возможно ли, чтоб не умягчилась душа его и не согрелось сердце его любовию к Богу? Я утверждаю, и так есть воистину, что если кто поверит всему этому от всей души и из глубины сердца, то тотчас стяжет в сердце своем и любовь к Богу. Ибо как говорят, что, когда раскроется маргаритная раковина и в нее войдет роса небесная и луч блистания молнийного, тогда в ней тотчас производится маргарит[1], так, разумей, зарождается и любовь к Богу внутрь нас. Когда душа услышит о сказанных выше страстях Христовых и мало-помалу поверит всему, тогда в

[1] Жемчужина – *Ред.*

силу веры воспринятой раскрывается, бывши прежде заключенною по причине неверия, и как только раскроется, тотчас входит внутрь сердца, как роса небесная, любовь к Богу вместе с неизреченным светом, как блистанием молнии, и бывает, как маргарит светлый и блещащийся, о коем говорит Господь, что обретший его купец пошел, продал все имение свое и купил его.

Итак, кто сподобится уверовать так, как мы сказали, и обрести внутрь себя умный маргарит любви к Богу, тот не может не презреть всего и не раздать бедным, что ни имеет, чтобы сохранить любовь к Богу твердою, полною и всецелою. Ибо когда он всему предпочитает любовь Божию, тогда и она день ото дня множится в душе его и бывает в нем чудом чудес неизреченным и неизъяснимым, которого ни ум понять не может, ни слово высказать. И бывает он в исступлении под действием этого непостижимого и неизреченного чуда, имея ум свой весь прилепленным к нему, и исходит всецело весь вне мира сего, не телом, но всеми чувствами своими, – так как и они вместе с умом устремляются к тому, что созерцается внутри души, и приходит в откровения и видения Господни, и слышит неизреченные глаголы.

2. Итак, тот, кто сподобится увидеть и услышать таковое и взойти до созерцания Бога, тому возможно ли после сего оставаться в сообращении с людьми или внимать тому, что представляют чувства его и помышления? Если удостоившийся иной раз предстать пред лицо смертного царя и бе-

седовать с ним забывает все прочее и бывает весь поглощен вниманием только к словам царя, сколь паче естественно быть таковым тому, кто сподобится, сколько это возможно для человека, увидеть Бога Творца, Владыку и Господа всяческих, и беседовать с Ним, и слышать голос Того, Кто имеет судить живых и мертвых? Возможно ли такому не быть исступленну и не изыти, воистину, вне мира сего и самой плоти своей? Возможно ли, чтоб он не возжелал навсегда пребыть с сим Царем Небесным и согласился отдалиться от Него и спуститься к мирским заботам и попечениям о вещах тленных и исчезающих? Не верю, совершенно не верю, чтоб кто-нибудь из разумных людей позволил себе это. Ибо явно, что блага мира сего обыкновенно сопровождаются печалями и трудами мучительными и болезненными, а та жизнь, коей живет кто в Боге: беседует с Ним и созерцает неизреченные оные блага, превосходит всякое блаженство и есть выше всякой славы, счастья, радости и утешения, поколику есть выше всякой чести, всяких утех и всех видимых благ настоящей жизни. Сколько упокоение на дорогой и мягкой постели превосходит лежание на какой-либо жесткой и неровной доске, столько же превосходит всякое веселие и наслаждение настоящей жизни радость и отрада, почерпаемые душою в общении и беседе с Богом. Почему многократно бывает, что когда кто по неведению или нерадению оставит Бога и Божественные созерцания и перейдет к заботам и суетностям мирским, то, как только почувствует горечь, какую имеют

дела мира, и безмерный вред, какой причиняют они душе, спешит как можно скорее возвратиться опять к Богу, от Коего отдалился было, осуждая себя самого без жалости за то, что увлекся земным, ринулся в терния мира и в огнь, поядающий души человеческие, почему бежит отсюда и прибегает опять к Богу, Владыке своему. И если бы Господь наш не был человеколюбив и не принимал нас, когда возвращаемся к Нему, если бы Он не был незлобив и гневался, а не хвалил нас за возвращение наше, то воистину не спаслась бы никакая душа ни святого, ни тем паче всякого другого. Почему все, скончавшиеся в святости и добродетели, даром спасены, а не за добрые дела и добродетели свои, и не они только, но и те, которые скончаются после сего, все даром спасены будут.

Поелику, таким образом, спасение подается нам, верным, не ради добрых дел наших, да не похвалится кто о себе, как говорит апостол, то совсем не следует нам полагаться на дела, разумею – на посты, бдения, спание на голой земле, алчбу и жажду, ношение вериг или умучение тела власяницами, потому что все это само по себе – ничто. Многие злонравные люди, большей частью из бедных, переносят это, но все остаются такими же, не оставляя своей худости и не делаясь хорошими. Полезно бывает и это для некоторых тем, что смиряет тело и умаляет его живость и возбудительность, но Господь не этого только требует, а сердца сокрушенного и смиренного – того, чтоб сердце наше всегда взывало к Нему со смиренным помыслом: кто есмь аз, Господи мой Боже, что

Ты благоволил сойти на землю, воплотиться и умереть за меня, чтоб избавить меня от тления и смерти и сделать общником и наследником Твоей славы и Божества? Когда будешь иметь такое смиренное мудрование и будешь в таких упражняться помыслах в уме своем, то тотчас придет к тебе Господь, обымет тебя и облобызает, дарует Дух правый в сердце твое, Дух избавления и прощения грехов твоих, увенчает тебя дарами Своими и сделает славным мудростью и ведением. Ибо что другое так любезно и благоприятно Богови, как сердце сокрушенное и смиренное и мудрование самоуничиженное? В таковом-то смиренномудрии души обитает и почивает Бог, и всякий навет врага против нее остается безуспешным; все греховные страсти исчезают в ней и, напротив, множатся плоды Духа Святого, как то: любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, смиренномудрие и воздержание от всех страстей; за сим потом следует Божественное ведение, премудрость Слова, бездна сокровенных помышлений и таин Христовых. Кто достигнет до такого состояния и окачествуется так, тот изменяется благим изменением и бывает земным Ангелом; телом сообращается он с людьми в мире сем, а духом ходит на небесах и сообращается с Ангелами и от неизреченной радости распространяется в любви Божией, к которой никто никогда не может приблизиться, если прежде не очистит сердца своего покаянием и многими слезами и не достигнет глубины смиренномудрия, чтоб приять в душу свою Святого

Духа, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает слава и держава вовеки. Аминь.

Слово пятьдесят девятое

1. Всякому христианину необходимо причастну быть благодати Святого Духа.

2. Невозможно, чтобы дела добродетели были тверды и прочны иначе, как благодатию Святого Духа, без коей никто не может ни успешно шествовать путем добродетели, ни пользовать других, ни принимать и разрешать чужие помыслы.

3. Триипостасное Божество по всему равно (то есть все Лица по всему равны).

1. Как светильник, хотя и елеем полон, и фитиль имеет, но если не зажжен огнем, остается весь темным, так и душа, по-видимому украшенная всеми добродетелями, если не сделается причастной света и благодати Святого Духа, есть еще погашенная и омраченная и дела ее еще нетверды, ибо надобно, чтоб они были обличены и явлены светом (Еф. 5, 13). Итак, у кого светильник души еще погашен и темен, для того потребен Божественный свет, который засветил бы в нем светильник души его и научил его обсуждать деяния свои, испрашивать прощения в погрешениях посредством исповедания и исправлять каждочасно, что сделает неправого и худого. Ибо как невозможно не спотыкаться тому, кто идет в темную ночь, так невозможно не погрешать тому, кто не уви-

дел еще Божественного света, как говорит Христос Господь: *аще кто ходит во дни, не потькнешся, яко свет мира сего видит. Аще же кто ходит в нощи, поткнется, яко несть света в нем* (Ин. 11, 9, 10). Говоря: *несть света в нем,* указал на Божественный и невещественный свет, потому что чувственного света никто не может стяжать и иметь в себе.

2. Итак, как нет совершенно никакой пользы тому, кто идет во тьме, держать в руках много незажженных, хотя исправных светильников, потому что и с ними он все же не может видеть ни себя самого, ни другого кого, так и тот, кто думает, что имеет в себе все добродетели (если это возможно), но не имеет света Всесвятого Духа, не может ни видеть хорошо и как подобает дела свои, ни вполне удостовериться, что они угодны Богу; не может также он других руководить и указывать им, в чем для них воля Божия; недостоин он и принимать чужие помыслы, и исповедовать других, пока не стяжет света Святого Духа, который бы светил внутри его. Христос Господь говорит: *ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет: и ходяй во тме не весть, камо идет* (Ин. 12, 35). Итак, если тот, кто ходит во тьме, сам не знает, куда идти, то как может он другим указывать дорогу? Если кто поставит незажженный светильник на свещнице, на коем нет другого света, который бы светил, то что пользы? Никому не следует так делать, но надлежит поступать так, как определил Бог всяческих в Святом Евангелии: *никтоже светильника вжег, в скрове полагает, ни под спудом, но на свещнице,*

да входящии свет видят (Лк. 11, 33). Сказав это, Он указывает и признак, по которому можно узнать, кто стал светом и имеет свет в себе, говоря: *светильник телу есть око* (Лк. 11, 34). Какое другое разумеет Он здесь око, кроме ума? Сие око не может быть просто, если не видит простого (чистого) света. Свет же простой (чистый) есть Христос. Итак, кто имеет в себе свет Христов, который бы светил в уме его, о том говорится, что он имеет ум Христов. Когда око твое, то есть ум твой, прост, то есть светел, тогда и бестелесное тело твое, то есть все части души твоей, будут светлы; и наоборот, когда ум твой лукав, то есть омрачен и погашен, тогда и вся душа твоя будет темна. Итак, рассуди добре, не тьма ли и свет, который в тебе? Вникни также добре, не думается ли тебе, что имеешь то, чего еще не стяжал? Добре рассмотри это, чтоб не обмануться и не подумать, что в тебе свет, тогда как это не свет, а тьма.

Внемлите же себе, братия мои, чтоб не случилось и с вами того, что тогда как думаете, что вы с Богом и имеете общение с Ним, потом окажется, что вы вне, отдалены от Него по той причине, что не зрите в настоящей жизни света Его. Ибо если бы Божественный свет возжег светильники ваши, то есть души ваши, то он сиял бы в вас явно, как сказал Господь наш Иисус Христос, что если ум твой светел, то и душа твоя не будет иметь ни одной части темной, но будет вся светла, подобно как когда светильник освещает тебя светом своим. Какое еще другое свидетельство большее этого могу я при-

вести тебе для убеждения тебя? Если не поверишь Владыке Христу, то как, скажи мне, поверишь мне, сорабу твоему?

Но что сказать мне тем, которые любят быть славными и именитыми, состоять иереями, игуменами, учителями и духовниками, желают принимать чужие помыслы и говорить, что достойны того, чтоб иметь власть вязать и решить, когда вижу, что они ничего не знают, что необходимо в порядке жизни по Богу, и других тому не учат и не вводят их в свет ведения, чтоб они знали и разумели, что необходимо требуется для спасения их? Что другое скажу, кроме того, что говорит Христос законникам: *горе вам законником, яко взясте ключ разумения: сами не внидосте и входящим возбранисте* (Лк. 11, 52). Поистине же ключ разумения что есть другое, как не благодать Святого Духа, подаваемая веры ради? Сия благодать отверзает заключенный и омраченный ум наш и сообщает ему истинное ведение и познание Божественного просвещения.

3. Дверь есть Сын, как говорит Сам Он: *Аз есмь дверь* (Ин. 10, 9). Ключ к двери сей есть Дух Святой: *приимите,* говорит, *Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся* (Ин. 20, 22, 23). А дом – Отец: *в дому Отца моего,* говорит, *обители многи суть* (Ин. 14, 2). Внемлите же тщательно силе слова. Если ключ не отверзет (почему Сам говорит: *сему дверник отверзает* (Ин. 10, 3)), дверь не отворится; а если дверь не отворится, то никто не войдет в дом Отца, как говорит Христос: *никтоже при-*

идет ко Отцу, токмо Мною (Ин. 14, 6). А что Дух Святой прежде отверзает ум наш и научает нас об Отце и Сыне, об этом опять Сам Христос сказал: *егда же приидет Утешитель, Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне, и наставит вы на всяку истину* (Ин. 15, 26; 16, 13). Видишь, что Отец и Сын познаются через Духа и, лучше сказать, в Духе. И опять говорит Господь: *аще не иду Аз, Утешитель не приидет к вам* (Ин. 16, 7). А когда приидет, *воспомянет вам вся* (Ин. 14, 26). И еще говорит: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите, и Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины.* И немного ниже прибавляет: *в той день* (когда, то есть, приидет Дух Святой в вас) *уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 15, 16, 20). И опять говорит: *Иоанн крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (Деян. 1, 5). И необходимо так: ибо кто не окрестится Духом Святым, тот не может быть ни сыном Божиим, ни сонаследником Христовым. Вот и Петру апостолу говорит Господь: *дам ти ключи Царства Небеснаго* (Мф. 16, 19). Конечно, не то сказал Он, что даст ему ключи медные или серебряные, но ключи, достойные дома оного, то есть Духа Святого. Если желаешь знать, каков дом оный, послушай, что говорит святой Павел в Послании к Тимофею:

блаженный и единый сильный, Царь царствующих и Господь господствующих, един имеяй безсмертие и во свете живый неприступнем (1 Тим. 6, 15, 16). Если таким образом

дом оный есть свет неприступный, явно, что и дверь дома того также есть неприступна. И ключ никак не может отверзть дверь, если и он не неприступен и не того же естества с нею, но будет сожжен дверью, как и дверь будет сожжена домом, если не будет того же с нею естества. И будет, что дом оный останется для всех неприступным и невходным. Тогда и вера наша престанет, если Святая Троица разделяется на приступное и неприступное, на большее и меньшее.

Вникните же получше в сказанное мною и, слыша примеры, взятые мною от вещей чувственных и вещественных, как то: дом, дверь, ключ, не печатлейте в уме своем никакого телесного образа, чтоб не впасть в недостойные Бога помышления, могущие походить на богохульство, но представляйте все сие в себе самих боголепно, возвышаясь до созерцания сокровенного в том смысла. Если же не можете понимать сего боголепно, то принимайте все одною верою, не позволяя себе слишком много пытать о сих предметах. Почему Дух Святый называется ключом? Потому что чрез Него и в Нем впервые просветляется ум наш, и мы, приходя в раскаяние, очищаемся от всякого греха, после чего получаем свет ведения, крещаемся свыше, возрождаемся и делаемся чадами Богу, к Коему и приемлем дерзновение взывать: *Авва Отче!* Как говорит апостол: *Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8, 26). И еще: *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6). Сей-то Дух показывает нам дверь, открывая, что она есть

свет. И опять дверь научает нас, что обитающий в доме есть также свет неприступный. Впрочем, не есть ин Бог, обитающий во свете, и ин свет – дом Его, как не есть ин свет Божества и ин Бог, но один и тот же есть и дом, и обитающий в нем, как один и тот же есть и свет, и Бог. Богословски же называется домом и Сын, как говорит Сам Он: *Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе* (Ин. 17, 21). И еще: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20). И Дух Святой равно называется также домом. Ибо там, где говорит Господь наш: Я и Отец *к нему* (любящему Мя и соблюдающему слово мое) *приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23), явно доразумевать надлежит, что это бывает через Духа Святого, о Коем говорит апостол, что Он устрояет себе в душах верующих обитель: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16). Говорит также апостол: *Господь же Дух есть* (2 Кор. 3, 17) не потому, что Дух есть Сын, – прочь такое хуление! – но потому, что Сын Божий видится и созерцается в Духе Святом. Но если Дух есть Господь, то явно, что и в отношении к Нему, как и к Господу, можно говорить: Отец в Нем, и Он в нас; и опять равно – мы в Нем, как Он с Богом Отцом, и Бог Отец в Нем.

Выражаясь точнее и с большею определенностью, скажу, что есть одно Лицо Святой Троицы, то же суть и другие два Лица, ибо Лица Святой Троицы тождественны и созерцаются в едином естестве, и существе, и царстве. Почему чем именуется одно Лицо, тем же по естеству созерцаются и дру-

гие два Лица, кроме того, что суть Отец, Сын и Святой Дух, яко Лица, то есть кроме свойства рождать Сына и изводить Духа, принадлежащего Отцу, – свойства рождаться, принадлежащего Сыну, и свойства исходить, принадлежащего Духу Святому. Эти только особенности имеют неизреченным образом место во Святой Троице, то есть эти свойства принадлежат особо каждому Лицу. И никак нельзя иначе помышлять, или говорить о них, или переменять имена их. По ним распознаются три Лица, и нельзя ни Сына полагать прежде Отца, ни Духа Святого прежде Сына, но надлежит говорить вместе так: Отец, Сын и Дух Святой, не делая никакого пресечения в них, ни даже до самомалейшей части времени или мгновения, ибо вместе с Отцом тотчас же есть и Сын рожденный, и Дух, исходящий от Отца. В отношении же ко всему прочему одно и то же имя или свойство созерцается и в каждом Лице, и во всех трех. Так, например, если назовешь – свет, то и каждое Лицо есть Свет, и все три опять суть един Свет – жизнь вечная, и каждое лицо равно есть жизнь, то есть и Отец, и Сын, и Дух Святой, и все три опять суть едина Жизнь. Бог есть и Отец, Бог есть и Сын, Бог есть и Дух Святой – каждое Лицо отдельно, и опять все вместе три Лица суть един Бог – Творец всяческих, как говорит и ветхозаветное Писание: *в начале сотвори Бог небо и землю. И рече Бог: да будет свет.* Под словом *Бог* разумеется здесь Отец (не паче ли – Бог, единый в трех?). И святой Давид говорит (уже раздельно о каждом Лице): *Словом Господним небеса утвер-*

дишася, и Духом уст Его вся сила их (Пс. 32, 6). Под *Словом* разумеется здесь Сын, а под *Духом уст* – Дух Святой (под *Господом* же – Бог Отец). Также Иоанн Богослов говорит во Святом Евангелии: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово* – очевидно, Сын. *Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин. 1, 1, 3). Познайте же, прошу вас, все сие, вы, именующиеся чадами Божиими и кажущиеся быть христианами; вы, учащие других пустыми словами и думающие, что вы выше других; вы, миряне, говорю, и монахи, и иереи, соберитесь все вместе с любовию к Богу, спросите ведающих и опытных мужей и взыщите первее узнать все сие с решимостью испытать все то и делом; а потом к сему приложите ревностное старание достигнуть того, чтоб отверзлись, наконец, очи души вашей – узреть Бога, и вы стали воистину чадами Божиими, подобными Богу и Отцу вашему делами и искусом, не словами только, внешним видом и одеждами. Когда сделаетесь таковыми и познаете добре таинства Божии, тогда принимайте и духовные достоинства (церковные чины), чтоб иначе не услышать: «увы!» и «горе!».

Примите сие во внимание вы, которые, прежде чем познаете тайны Божии, с великим рвением стремитесь взойти на степени достоинств, чуждых вам, которые приличны другим, то есть совершенным, а не вам, несовершенным. *Горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни! Горе полагающим тму свет, и свет тму* (Ис. 5, 21, 20).

Итак, возлюбленные во Христе братие мои, всех вас прошу, во-первых, положите доброе основание под здание добродетелей, то есть смирение, потом подвигами благочестия и добродетелей созиждите дом ведения таин Божиих, взыщите просветиться Божественным светом и чистым умом узреть, сколько сие доступно для людей, Бога и от Бога научиться совершеннейше таинствам Царства Небесного. И тогда уже с сим ведением, которое свыше от Отца светов подастся достойным, научайте и других братий наших, христиан, что есть воля Божия, благая, совершенная и угодная, и учением своим приносите народ, избранный Богу, Который благодатию Святого Духа поставил вас духовными отцами и учителями Церкви Своей, чтоб не быть нам изгнанными из брачного чертога Христова, как небрежникам, не позаботившимся одеться в одеяние брачное, но да явимся мудрыми домостроителями, добре раздающими духовное житомерие соклевретам своим. Но прежде всего позаботимся исправить жизнь свою и жить богоугодно, чтоб беспрепятственно могли войти в брачный чертог Христов светлыми, просвещенными чистым жительством и ведением небесным и исполненными Святого Духа и соцарствовать с Ним в Царствии Бога и Отца во Святом Духе. Ему слава вовеки. Аминь.

Слово шестидесятое

Первое богословское слово против тех, которые говорят, что Отец есть прежде Сына.

Говорить о Боге, исследовать яже о Нем, покушаться ясным представлять неуяснимое и понятным непостижимое для всех свойственно человеку самонадеянному и дерзкому. Между тем в эту погрешность впадают не только те, которые говорят что-либо о Боге от самих себя, но и те, которые с пытливостью исследуют и изучают, что сказали и написали против еретиков богословы Церкви нашей, не для того, чтоб получить от того некую пользу духовную, но чтоб стяжать похвалу от слушателей своих и именоваться богословами. Это очень печалит меня, печалит до изнеможения. Ибо я думаю, что сие покушение страшно и что те, которые дерзают на него, будут осуждены Господом.

А что дерзают они говорить противно Божественным догматам, есть следующее: по тому, говорят, одному Отец больше Сына, что Он есть виновник существования Сына. Если кто спросит их, как понимаете вы: Отец больше Сына, они отвечают: Отец больше Сына, то есть прежде Его, потому что Сын рождается от Отца. Вот что говорят новые суесловы и нескладные богословы, потому что не знают причины, по которой говорили так богословы против еретиков. Не ра-

зумея мысли и цели написанного, они суесловствуют и то, что неправо говорят, почитают верным и истинным. К таковым скажу я, как и должно, не от себя, но будучи научаем от Того, Кто научает всякого человека разуму: братия мои! если Пресвятая Троица, все создавшая из несущего во еже быти, была, есть и будет всегда неразделеною, то кто научил вас или кто придумал у вас, что в Ней есть меры и степени? Первое и второе? Большее и меньшее?

Кто дерзнул определять так в том, что незримо, непостижимо и совершенно неисследованно и недомыслимо? В том, что всегда пребывает соединенно и всегда есть равно одинаковым образом, невозможно быть одному прежде другого. Если же ты будешь настаивать, что Отец прежде Сына, так как Сын родился от Отца, Которого потому называешь и большим, то скажу тебе и я, что Сын прежде Отца, потому что если бы не был уже Он, то Отец не назывался бы Отцом. Если ты полагаешь, что Отец был прежде Сына, и предбывшим называешь Его, поколику Он есть виновник рождения Сына, то я этого не принимаю, то есть что Отец есть виновник Сына (в таком значении, яко предбывший). Ибо через это ты подаешь мысль, что Сына не было прежде, чем родился, и что хотя или не хотя родился Сын, и притом хотящу или не хотящу Отцу. Видишь, в какие неуместности, чтоб не сказать – хуления, впадаем мы от таких изысканий? Итак, или не говори, что Отец прежде Сына, – тогда и я охотно приму, что Отец виновник Сына, или если будешь говорить,

что Отец прежде Сына, то и я, *устрояя* слово свое *на суде* (Пс. 111, 5), не приму в таком случае, что Отец виновник Сына. Ибо, как мы сказали, между Теми, Кои всегда едино суть и суть равно одинаковым образом, одно не может быть причиною другого. Не думай же, что Отец был прежде Сына какое-либо время, и не говори, что Отец есть первейший или больший Сына. Отец ни насколько не был прежде Сына, потому что Сын совечен и собезначален Отцу, и Отец весь есть во всем равночестном Ему Сыне, как и Сын есть во всем единосущном Ему Отце. Как же можно говорить, что Отец прежде совечного Ему Сына? Если ты говоришь (просто), что Отец виновник Сына, то говорю то же и я; только не держи и не подавай мысли, что Бог и Отец был один какое-нибудь время, в каковое время не было Сына, и что Он родил Его после и стал виновником существования Его. Это одно отдаляет тебя от Бога и от истины, как нечестивого, и делает подобным тем еретикам, которые говорят, что Сын создан от Отца. Это в ум только свой вложить есть дело нечестивейшее и безбожнейшее. В телесном рождении людей мы говорим, что отец прежде сына; но к Божественному всегда сущему существованию и нерожденному рождению, неипостасной (не начинающей быть ипостасью) ипостасности и пресущественной существенности – уж и не знаю, как бы еще сказать иначе, – это совсем неприложимо. Обычно бывает так, что кто скажет – *первое,* тому необходимо потом назвать *второе* и *третье.* Но в отношении к Пресвятой Тро-

ице говорить так совершенно неуместно. Измерять неизмеримое, напрягаться выразить словом неизреченное и изъяснить неизъяснимое есть дело крайне скользкое и многобедственное. Итак, о Божественном и неизреченном рождении Сына и Слова говорим, что Отец есть виновник Сына, как говорим, что ум есть виновник слова, источник – потока, корень – ветвей; но никак не говорим, что Он прежде Сына, чтоб не размножить единого Бога, разделяя единое нераздельное Божество на три Бога. В отношении к нераздельной и неслиянной Троице невозможно ни помыслить, ни сказать: первое, второе, третье или большее или меньшее. Что есть и каково Божественное и пресущественное естество, это совершенно неизреченно, неизглаголанно и недомыслимо; уму человеческому невозможно понять этого.

Если хочешь, поведем речь и другим образом, чтоб убедиться, сколь непостижим Бог – Творец всяческих. Господь наш Иисус Христос говорит в Святом Евангелии: *Дух есть Бог,* то есть Отец (Ин. 4, 24). А блаженный Павел – уста Христовы – говорит: *Господь же,* то есть Сын, *Дух есть* (2 Кор. 3, 17). Итак, если Дух есть Бог и Дух есть Сын, то где же отчество и сыновство? И скажи мне теперь, что же первое и что большее в Божеском непостижимом естестве, так как ты, новенький и суесловный богослов, приписываешь сие ему и говоришь так о нем? Если положишь, что Дух прежде Сына и Отца, то вместе с Духом найдешь и всего Отца, и всего Сына, так как три Сии единосущны и нераздельны. Приди же

хоть после сего к мысли, что Божественное естество непостижимо и недомыслимо для нас, человеков. Еще Иоанн Богослов сказал: *в начале бе Слово,* а не Отец. Ты же глубже самого Иоанна постиг премудрость Божию и говоришь нам и всему миру: первый есть Отец, чтоб дать разуметь, что Сын есть второй по Отце и, опять, третий по Нем Дух Святой, проповедуя иное Евангелие – богохульства, как иной богослов, глубочайший Иоанна, более его близкий к Сыну и Слову Божию. Но скажи мне ты, проповедующий льстиво и лукаво догмат требожия, по какой причине наперсник Христов Иоанн Богослов не сказал: в начале бе Отец, но сказал: *в начале бе Слово?* Вот по какой: чтоб научить нас, что ни Бог Слово никому не был ведом яко Сын прежде снизшествия Своего на землю и воплощения, ни Бог не был ведом яко Отец, – не потому, чтоб Божество, создавшее мир, не было триипостасно, но потому, что Оно не было еще познаваемо таковым, так как не совершилось еще воплощенное Домостроительство Христово. Ибо уже после вочеловечения Бога Слова Бог и Отец познался нам истинным Отцом и Бог Слово, воплотившийся для спасения нашего, познался Сыном Божиим, по слову Отца, с небес изреченному: *Сей есть Сын Мой возлюбленный. Того послушайте;* и по слову Сына, сказавшего: *Отче праведный, и мир Тебе не позна, Аз же Тя познах* (Ин. 17, 25); и опять: *сказах имя Твое* человеком (Ин. 17, 26), и еще: *Отче, прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя* (Ин. 17, 1); также: *Аз и Отец едино есма* (Ин.

10, 30). Вникни, прошу тебя, в силу слов Господа. Он говорит: *Аз и Отец едино есма.* Себя поставил прежде Отца. Для чего? Чтобы показать равночестность и единославие, какие имеет Он во всем со Отцом, и то, что ни Отец не есть первый, хотя и есть виновник Сына, ни Сын не есть второй, хотя и родился от Отца, ни Дух Святой не есть третий, хотя и исходит от Отца. Ибо так как Троица есть едино из начала и сие едино именуется Троица по ипостасям, то следует, что из Сих Трех Ипостасей, или Лиц, ни одно не может быть первым пред другим. И ни одно из Них не было прежде другого, чтоб Тому, Которое было прежде, быть первым перед Тем, Которое от Него воссияло. Единая Троица есть едино Божество. Троицею Оно называется по Лицам, или Ипостасям; и поелику Бог нераздельно разделяется на три Лица, неслитно соединенные воедино, то и называется Бог – Троица. И ни одна из Сих Трех Ипостасей не была прежде другой отнюдь. Ни Отец не был прежде Сына, ни Сын – прежде Отца, ни Отец и Сын – прежде Духа Святого, чтоб один кто был первым пред другим. Все три Лица равно безначально соcущи и совечны.

Итак, Святая Троица есть единый Бог, неизреченный, безначальный, несозданный, непостижимый, неразделимый. И невозможно нам ни умом постигнуть Его, ни достойно определить словом. Но чтоб нам совсем не забыть Бога и, храня о Нем полное молчание, не казаться живущими, как какие-нибудь безбожники, для того снисходительно позволено

нам говорить о Боге и Божественном, сколько сие под силу человеческому естеству, говорить так, как научены мы божественными апостолами и богодухновенными отцами нашими, чтоб, воспоминая о Нем часто, славили мы Его благость и человеколюбивое Домостроительство, совершенное Им для нас. Но мы, как бы сведения не имея о том, что земля есмы и пепел, выходим за пределы меры своей и не трепеща исследуем, пытаем, гадаем, надумываем и в воображении своем произвольно построеваем то, что недомыслимо и неизреченно для самих Ангелов и для всех небесных чинов, – произвольно мудрствуем о Боге и говорим о том без всякого благоговеинства и страха, как бы какие неверные, нисколько не наученные тайнам Божиим. Скажи наконец мне ты, брате, который без стыда позволяешь себе исследовать и пытать, что касается Божеского естества, веруешь ли, что Бог Триипостасный безначален, неизречен, неисследим, невидим, ни для ума непостижим, ни для слова неизглаголан? И что Он не имел начала, ни дней, ни лет, ни веков, но был всегда и всегда пребывал таковым же? Да, говоришь, верю. Итак, если ты веруешь тому, что Святая Троица всегда была, как и воистину была, Бог един, Который, когда восхотел, привел из несущего в бытие небо и землю и все, что в них, прежде того создав все небесные воинства ангельские, после же всех тварей сотворив и человека, так что нет ничего ни на небе, ни на земле, ни в преисподних, что не было бы создано из несущего, один же только Триипостасный

Бог, Творец и Создатель всяческих, есть безначален и несоздан, присно Сый и прежде всех Сый, – если веруешь сему, то чего ради не заграждаешь сам себе уст своих, со страхом и трепетом поклоняясь Творцу всяческих, как делают сие все воинства ангельские, сущие на небесах, но, оставив рассматривать и исследовать себя самого, дерзкою и самоуверенною душой любопытствуешь о непостижимом естестве Бога? Не трепещешь, человече, как бы не ниспала с неба какая-либо стрела молнийная и не попалила тебя?!

Если Бог, триипостасно единый, несоздан есть и безначален, был всегда и прежде всего, видимого и невидимого, отелесенного и бестелесного, познаваемого нами и непознаваемого, что все получило бытие от Единосущной и Нераздельной Троицы, единого Божества, – то скажи мне, каким способом твари могут познать Творца, начавшие быть – всегда Сущего, созданные – Несозданного? Как они, от Него после получившие бытие, могут познать Его – безначального? Как могут они понять, каков Он и колик и как есть? Нет, нет, никак не могут они понять ничего из этого, разве только насколько восхощет Сам Творец, Который как дает всякому человеку дыхание, и жизнь, и душу, и ум, и слово, так благоволит человеколюбно даровать и познание о Себе, да ведают Его, сколько подобает. Иначе же твари, получившей бытие от Бога, никак не возможно постигнуть Творца своего. Впрочем, и это ведение, какое Он дает нам, верующим в Него, дает Он нам ради веры нашей, чтоб знание подтвер-

ждало веру, которая бывает без знания, и таким образом посредством знания утверждался в вере всякий, оглашенный словом, и убеждался, что есть Бог, в Которого уверовал он по одному словесному учению.

Такое ведение получают верующие посредством многообразных и многоразличных знамений, гаданий, зерцал, таинственных и неизреченных действий, Божественных откровений сокровенного, созерцания тварей и посредством другого многого, помощью чего каждодневно возрастает вера таковых верных и восходит в любовь и пламенное желание Бога. И не только это, но их еще Бог удостоверяет, как и апостолов, через апостольское присещение Святого Духа; и они совершеннее просвещаемы и научаемы бывают светом Духа Святого, что Бог непостижим, неизречен, несоздан, вечен и присносущ. От Духа Святого научаются они всякому разумению и познанию и всякому слову премудрости и ведения таинственнейшего; сверх того, получают силу творить чудеса, дар пророчества, роды языков и сказания языков – дар заступления и управления городов и народа, познание будущих благ, вкушение Царствия Небесного, сыноположение и самое облачение во Христа, с ведением таин Христовых и наипаче тайны Домостроительства Его во спасение наше. И вообще говоря, все сие и многое другое подобное, чего не знают неверные, мы, сподобившиеся соделаться верными, можем знать, мудрствовать о том и говорить, будучи научаемы и просвещаемы благодатию Пресвятого Духа.

Сим же способом удостоверяемся и утверждаемся в убеждении, что Бог, создавший всяческая, Он же создал и нас, персть взем от земли, и даровал нам ум, слово и душу мысленную, сотворил нас по образу и подобию Своему, отгнал от нас тьму неведения. И благоволил показать нам, хотя примрачно и некоторым образом как бы в тени, то, что выше нас, изъясняя сие с помощью того, что видится в нас самих. Так узнали мы, видим и веруем, что как Бог, создав тело, сотворил потом вместе (зараз) и душу, и ум, и самое внутреннейшее слово наше (ибо Писание, говоря, что Бог создал человека, персть взем от земли, и вдунул в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу, показывает, что вместе с душою были и ум наш, и слово, ни одно из них не было прежде других, так как все три вместе едино суть и дарованы нам в едином дыхании жизни), как, говорю, в сих трех ни одно не было прежде другого, так как все три единого суть естества и существа; так и в Святой, Единосущной и Единочестной Троице ни одно Лицо не было прежде другого. Бог Творец образа, то есть человека, выну триипостасен сый, никогда не имел ни одного из трех Лиц, которое было бы прежде других; но три Лица вместе суть един Бог, и опять сие единое, то есть Бог, равным образом всегда есть в трех Лицах.

Итак, исповедуем, веруем, свидетельствуем и утверждаем, перед теми особенно, которые не почитают дерзким испытывать относящееся до непостижимого Божества, что Пресвятая Троица, в которую мы крещены, есть Бог Триипостас-

ный, Отец, Сын и Дух Святой, как благодатию Святого Духа удостоверились мы из самого Божественного Евангелия; но как есть и что есть Святая Троица, все создавшая, сего мы, созданные от Нее, не ведаем. И если сего не ведаем, как и поистине не ведаем, а между тем дерзаем говорить и толковать о том, чего не ведаем, то скольким стрелам молнийным праведно ниспасть на нас, чтобы попалить нас? В самом деле, то, что непохоже ни на что из сотворенного, ни видимое, ни невидимое, но есть выше всего, как можем познать мы, твари тленные, чувственные, слепые и непросвещенные? И особенно когда грехи наши, как стена, стоят между нами и Богом и отделяют нас от Него? Каковую стену грехов наших если не разорим мы покаянием или не прейдем, то не только Бога не возможем познать, но не познаем даже и того, что мы человеки. Ибо пока стоит эта стена и преграда грехов наших и нас отделяет от света, как возможно нам, пребывая во тьме, познать самих себя или понять истинно, что мы такое, откуда взяв начало приходим в мир сей, куда идем и какого рода твари есмы? Не зная же самих себя, не тем ли паче не можем познать Того, Кто несравненно выше нас? Если бы мы познавали самих себя, то не стали бы с такою дерзостью говорить о Боге. Говоря же о Боге и Божественных вещах, мы, не просвещенные и Духа Святого не имеющие, тем самым показываем, что не знаем самих себя. Если б мы знали самих себя как следует, то никогда не подумали бы, что достойны даже на небо воззреть и видеть этот чувственный

свет мира или попирать ногами эту землю. Почему что может быть нечистее того, кто в гордостном самомнении покушается учить о тех, яже Духа суть, без Духа? И что сквернее того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но минуя сие, приступает богословствовать с одним лжеименным знанием и внешнею мудростью и рассуждать с дерзостью и самоуверенностью о сущем, и сущем всегда неизменно одинаково? Такой, если б не сделал никакого другого греха, – хотя это и невозможно, – за это одно делает себя повинным вечному мучению. Ибо всякий высокосердый нечист в очах Божиих. Некоторые же из таких до такого доходят несмыслия, что начинают говорить и думать, будто никакого не имеют греха. О безумие! Никого нет без греха, кроме единого Бога. *Вси согрешиша илишени суть славы Божия,* говорит божественный апостол (Рим. 3, 23). Если же, по сему Божественному слову, все согрешили и лишены славы Божией и никого потому нет без греха, кроме единого Бога, то говорящий о себе, что не согрешил, и сам того не чувствуя, равным себя творит Богу, будучи в действительности равен деннице, велеречившему: выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему.

Кто исповедует себя грешником, тот делом показывает искреннее покаяние, чистое исповедание грехов своих, веру к духовному отцу, приявшему помыслы его, покорность и послушание в принятии на себя низких и презренных дел, послужение меньшим братиям, помогание немощным и при

всем том вседушное смирение и нрав непритворный, нелукавый и нелицемерный. Если и ты от всей души и от всего сердца имеешь себя скуднейшим и ничтожнейшим паче всех людей, с каковым расположением в неразрывной состоят связи всегдашнее сокрушение и радостотворные слезы, от которых и с которыми ревностному подвижнику прибывают очищение души и познание таин Божиих, – то берись говорить о Божеских и человеческих делах, и я уверен, что все ощутят силу словес твоих. Все сказанное мною – дело и плод покаяния; и оно-то разгоняет неведение наше и приводит нас сначала к познанию человеческих вещей, самих себя и своего состояния, а потом к познанию и того, что выше нас, – вещей Божеских, тайн веры нашей, недозримых и недоведомых для некающихся. Этого познания никто не может стяжать, не исправив наперед сказанных мною добродетелей, хотя бы был первым философом в мире. А кто не стяжет такого познания, тот всю жизнь свою проведет в глубочайшей тьме неведения. Ибо хотя о Божеских вещах писано в книгах Писания и все о том читают, но не всем то открывается, а только тем, кои покаялись от всей души и добре очистились чистым и бесхитростным покаянием. В силу покаяния и по мере стяжаваемого ими очищения получают они откровение, и им явны бывают даже глубины Духа. От таковых-то источается слово ведения и премудрости Божией и потопляет мудрования противных врагов, как какая-нибудь многоводная река. Другим же всем это остается неведомым

и сокровенным, не бывая открываемо им от Того, Кто разверзает умы верных к постижению Божественных Писаний. Они же между тем, не видя, думают, что видят, и, не слыша внятно, думают, что слышат, и, не понимая читаемого, воображают, что понимают, неразумные. Так и всякий неверный думает, что мудрствует и верует право, при всем том, что и мудрствует, и верует неправо; ему кажется, что знает, при всем том, что не знает совершенно ничего; хоть он и знает что-нибудь, но знает не добре, что хуже всякого неведения. Таковы же, думаю, и те. Почитая себя мудрыми, они воистину сделались безумными, как бы из ума вышедшими, и проводят, бедные, дни жизни своей, не зная как должно ни одной из тайн Христовых. От их самомнения и гордыни да избавит нас Бог Израилев и да сподобит нас быть подражателями Своими!

Кто соступил со стези блаженного смирения и шествие творит вне ее, по правую или левую сторону, а не следует прямо за Господом нашим и Богом Иисусом Христом, тот как может войти в брачный чертог Христов вместе со Христом? Если же он не войдет туда, то как может увидать славу Христову? А если не увидит ее, как может возвещать о ней и явною ее творить другим? Или как дерзнет он говорить что-либо о том, чего не знает и чего не видел никогда? Если же покусится учить о таковых вещах, то найдется ли в мире другой человек, более его несмысленный? И не будет ли он бессловеснее самых бессловесных? Ибо, как видите, бессло-

весные животные сохраняют природу свою и чин свой, и ни одно из них не выходит из пределов своих. Но он, созданный руками Божиими и почтенный достоинством разумности и самовластием, не как должно употребил полученное им достоинство, не познал немощности своей, не пребыл в благах, дарованных от Бога естеству его, и не устоял в пределах своих, не познав меры своей. Как денница, или после него и Адам, вышли из пределов своих и, возгордившись перед Творцом своим Богом, восхотели и сами стать богами, так – увы! – поступил и он, вышел из пределов естества своего, возжелал того, что выше меры его, не захотел восходить на высоту духовного ведения путем смирения и христоподражательного жития, но с великою гордостью набрал оттуда и отсюда, как плинфов, словес лжеименного знания, затвердил их частым повторением и стал износить перед другими с славолюбием, человекоугодием и великим самомнением, мечтая, что стяжал столп богословия и духовного ведения, и воображая, что находится на небесах или даже выше еще небес, стоит там и разглагольствует о Творце неба и земли и всего, что в них. Такого кто станет называть человеком, или ставить наравне с животными, или думать, что он имеет хоть какое-либо чувство? Если Адам, созданный по образу Божию и сподобившийся жить жизнью равноангельною и бессмертною, за преступление одной заповеди Божией не только потерял то ангельское жительство, но праведно лишен и жизни вечной, и осужден на смерть, тление и клятву, то что

пострадают все те из происходящих от него, которые, нося еще образ его, перстного, прежде чем очистятся, покушаются богословствовать?

Но скажи мне, прошу тебя, кто бы ты ни был, не желающий учиться тому, что касается Бога и Божественных вещей, а покушающийся паче учить о том, – скажи мне, вышел ли ты из ада, то есть из греха, и вступил ли на поверхность земли? Также как случилось тебе выйти из сего ада, по каким ступеням восходил ты оттуда и кто были твои помощники и споспешники? Был ты смраден и источал тление или, лучше скажу, смерть господствовала в тебе и ты был мертв, – скажи же мне, каким способом ожил ты? Как победил ты смерть греховную и убежал из рук ее? И опять после того, как, вышедши из ада, вступил ты на землю, скажи, каким способом избавился ты от тления и клятвы? И еще, как поднялся ты с земли и востек на небо? На какую колесницу воссел ты или какое облако взяло тебя от земли? Открой нам все это и расскажи; и тогда мы примем тебя, если и о Боге будешь вести беседу со страхом, мирно и сдержанно. Если же без того, о чем я сказал (что все таинственно всегда происходит с теми, кои взошли в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова), и прежде исполнения заповедей Христовых дерзостно покусишься ты беседовать о Боге, то мы отвратимся от тебя, как от вышедшего из ума и бесноватого. Ибо и пророк Илия не без огненной колесницы взят с телом на небо, и Владыка наш Христос не без облака вознесся от

земли. Хотя и Илию Бог мог преложить от земли на небо без огненной оной колесницы, и Владыка наш Христос мог взойти на небеса без облака и сопровождавших его Ангелов, однако ж не сделали этого, чтоб тем научить нас, что ум наш всеконечно имеет нужду в ином некоем, кто бы возвел его на небеса, показал тамошние виды и открыл тайны Божии. Ибо как птице нельзя летать без крыльев, так и уму нашему невозможно востечь в те области, из коих он ниспал, если не имеет Духа Святого, который бы возвел его туда и сшествовал ему. Кроме того, Илия взят на небо огненною колесницею и Господь вознесся на облаке с Ангелами еще для того, чтоб как Свое вознесение, так и вознесение раба Своего Илии подтвердить не словами только, но и делами и тем научить и нас не прельщаться одними словами и не всякому верить человеку, который называет себя духовным, но удостоверяться прежде из жизни его и от дел его, согласны ли слова его и дела его с учением святых отец, и тогда уже принимать его и слушать слова его как слова Христовы. Если же слова его и дела несогласны с учением святых отец, то не следует принимать его, а, напротив, отвращаться от него, хотя бы он воскрешал мертвых и иные многие творил чудеса; особенно когда увидим, что он не принимает никаких внушений, коими хотят убедить его изменить свое неправое мудрование, а остается упорно в своей прелести, воображая, будто жительство свое имеет на небесах. Богодухновенному учению мы от начала научены апостолами Христовыми и божественными

отцами нашими, почему отвергаем все пустые и бесполезные суесловия тех, которые все время свое проводят в пытании и исследовании того, что непостижимо для самих Ангелов, и держим исповедание веры нашей сохранно невредимым и неколеблемым – так, как приняли его вначале от самих апостолов. Мы веруем в Отца и Сына и Святого Духа, Троицу неслиянную и нераздельную, в Которую крестились, Коею живем и от Коей в зависимости состоим и здесь, и в вечные веки. От сей Святой Троицы имеем мы как бытие, так и благобытие. Когда бы с Нею прейти нам и в другую жизнь, туда, где всех веселящихся жилище и хор выну празднующих духовным празднеством. Сей Троице подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово шестьдесят первое

Богословское второе. Против тех, которые покушаются богословствовать, не имея благодати Святого Духа.

Кто получил от Бога благодать выну иметь хвалу Божию во устах своих и кто отверзает уста свои и привлекает – приемлет – Дух жизни, тот подвизается каждый час делать это в больших и больших размерах, чтобы тем обильнее воспринимать и Слово жизни, которое есть хлеб животный, сходящий с неба, и о котором Бог сказал через Давида: *расшири уста твоя, и исполню я* (Пс. 80, 11). Кто сподоблен от Бога быть таковым и всегда питаться и укрепляться хлебом животным, тот может иметь во владычественном *(уме)* души добре воображенным и некоторым образом напечатленным помышление о Боге, так что оно всегда пребывает в душе, может, как говорит блаженный Павел, всегда радоваться, непрестанно молиться, о всем Бога благодарить (1 Фес. 5, 16, 17, 18). Такой ест ли, пьет ли, все творит во славу Божию, будучи всегда питаем и укрепляем хлебом животным. У такого человека сердце бдит, когда он спит; и когда он не спит, сердце его ни на одно мгновение не отдаляется от Бога. Об этом свидетельствует святой Павел там, где говорит: *прилепляяйся Господеви, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17).

Ибо *Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24). Кто таким образом соединился с Богом и стал едино с Ним, тот не может уже более грешить, будучи всегда с Богом. Так говорит святой Иоанн Богослов: *весте, яко Он* (Сын Божий) *явися, да грехи наша возмет, и греха в Нем несть. Всяк, иже в Нем пребывает, не согрешает: всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его* (1 Ин. з, 5, 6). И еще: *всяк рожденный от Бога греха не творит* (1 Ин. 3, 9), будучи чадом Его.

Почему удивляюсь я тем немалочисленным людям, которые прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая Божеских вещей, философствуют о них и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся без благодати Святого Духа, дающего смысл и разум, – трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что, тогда как Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что перед очами нашими, с дерзостью и бесстрастием Божиим приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Святого Духа, просвещающего и научающего всему. Грешим мы даже тем самым, что допускаем при таком положении своем желание говорить что-либо о Боге. Ибо если трудно познать самого себя, и в настоящее время, в роде сем, весьма и весьма немногие знают себя и могут потому фило-

софствовать, так как любовь к истинной философии иссякла по причине нерадения, овладевшего нами, и по причине мирских забот, господствующих в нас, предпочитающих небесному и вечному земное, привременное и ничтожное, и даже совсем несущее, то есть грехи, если, говорю, трудно познать себя самого, не тем ли паче трудно познать Бога? Это не только трудно, но даже совсем неразумно и бессмысленно пытать и исследовать естество и существо Божие. Чего же ради вы, о человеки, не заботитесь паче о том, чтоб увидеть себя в лучшем состоянии, но, небрежа о своем исправлении, пытаете то, что касается Бога и Божеских вещей? Нам надобно прежде прейти от смерти в живот, приять в себя свыше семя Бога живого, родиться от Него духовно, стать чадами Ему, восприять в души свои благодать Святого Духа – и тогда уже, под действием просвещения от Святого Духа, приступать беседовать о том, что касается Бога, сколько то доступно для нас и сколько просвещаемы будем от Самого Бога.

Между тем ты, желающий богословствовать именно таким образом, веруй от всей души в Бога единого, Который не получил бытия от другого кого, потому что прежде Его не было ничего, ни Сам Себя не сотворил, как думали некоторые крайне несмысленные, потому что невозможно тому, что не существует, произойти от себя самого. Веруй в Бога, единого в Трех ипостасях, Отца, Сына и Святого Духа, Который безначально был прежде всех веков, всегда есть и будет

присно во веки веков. Кто православствует и истинномудрствует, тот не может сказать об ипостасном и Триипостасном Боге, что Он не ипостасен, то есть без ипостасей есть. Но будучи и от того, что в себе самом видит, научаем, и от того, что выше его, вразумляем, чтит поклонением и славит едино Божество в трех Единосущных Лицах. Ибо кто не омрачил и не расстроил в себе страстями еже по образу дарованное ему Богом, тот, во-первых, знает и понимает себя самого, именно, что от Бога Творца получил душу живую и ипостасную и что она в нем троечастна, то есть душа, ум и слово, и, таким образом от себя самого заключая, умом своим мудрым и светлым домышляется и о том, что касается Бога. Кроме того, и от Духа Святого, свыше просвещающего, просвещается он и научается, что Бог Отец, все из несущего создавший Словом Своим и силою Духа Своего содержащий, безвременно и безначально рождает единосущного Ему и от Него нимало не отделяющегося Сына Своего, вместе с Коим исходит и Дух Святой, Который есть единосущен с Сыном из единосущного Отца. Таким образом добре мудрствуя и исповедуя о Боге, показывает он, что воистину есть по образу создавшего его Бога, поколику имеет душу разумную, мысленную и бессмертную, одаренную умом и словом. Кто же не мудрствует таким образом, тот, наверное, обличает себя самого, что безумен и бессловесен, то есть не имеет ни ума, ни слова. Ибо если он отступается от исповедания Божеских тех особенностей, то по каким другим характерам будет он

по образу создавшего его Бога? Если же исповедует и утверждает, что эти три – душа, ум и слово – есть в нем, Творца же своего Бога бессловесно и безумно лишает того, что мы сказали о Нем, то, мне кажется, он в таком случае ничем не разнится от язычника и идолопоклонника. Я же верую, что как душа не была и не есть прежде ума, ни ум прежде слова, рождающегося от него, но в один момент все три имеют бытие от Бога, и ум рождает слово и через него изводит и являет вне желание души, таким же образом и Бог Отец не был прежде Сына и Духа Святого, но как ум есть в душе и имеет близ себя слово, так и Бог Отец есть во всем Святом Духе и имеет в себе всего Бога Слово, рожденного из Него. И как невозможно в человеке быть слову или уму без души, так невозможно полагать Сына со Отцом без Святого Духа. Ибо как возможно Богу живому быть без жизни? Дух же Святой есть жизнь.

Итак, надлежит тебе исповедовать о Боге Отце, что Он рождает Сына, но не был прежде Сына; и о Сыне, что Он рождается от Отца, но не так, чтоб проявился после Отца; и о Духе Святом, что Он исходит от Отца, но и Сам есть совечен и единосущен Отцу и Сыну. И поклоняйся всему Духу Святому во всем собезначальном Отце, и всему Отцу во всем совечном Сыне, и всему Сыну во всем единосущном Духе, единому, триипостасному, совечному и сосущному, нераздельному и неслиянному существу и естеству, как единому началу всего сущего и единому Богу, Творцу всяческих, да

научишься познанию того, что выше тебя, от того, что есть в тебе самом, и не забываешь образа, какой сподобился ты получить от Бога. Ибо и собственный твой дух, или душа твоя, вся есть во всем уме твоем, и весь ум твой – во всем слове твоем, и все слово твое – во всем духе твоем, нераздельно и неслиянно. Сие есть образ Божий и сим обогащены мы свыше, то есть чтоб быть нам подобными Богу и Отцу и иметь в себе образ Того, Кто создал нас. Посему и когда делаем какому-либо человеку поклон, то единое почтение свидетельствуем ему, как имеющему ум, душу и слово, не разделяя их и не предпочитая одно что-либо из сих трех преимущественным почтением; но как он имеет в себе сии три нераздельно и неслиянно, то кланяемся ему и почтение воздаем не как сущему три сия, но как единому человеку, по общему образу Творца Бога. Таким же образом должно тебе относиться и к Богу, даровавшему тебе сии свойства, и благочестно поклоняться Святой, Единосущной и Собезначальной Троице, яко единому Богу, помышляя, какими благами почтил тебя Бог, создавший тебя по образу Своему.

Исповедуем равночестного, равномощного и единосущного Отца с Сыном и Духом, Троицу Святую, как единое начало, власть и господство, подобно как и собственный наш ум равночестен, равномощен и единосущен с словом и душою, поколику есть одного с ними естества и существа. Сие есть честь, дарованная нам от Бога, да познаем Бога и благоговейно чтим Его, яко Отца и Творца, Коим рождены и со-

зданы. Теперь, если человек лишится одной какой из показанных трех принадлежностей, то уже не может быть человеком. Отыми у человека ум – отымешь вместе с умом и слово, и выйдет человек безумный и бессловесный. Отыми у него душу – отымешь вместе с нею и ум, и слово. Также если отымешь одно внутреннее слово, то расстроишь все естество человеческое. Ум, который не рождает слова, не может и отынуды принять слова, ибо как возможно отынуды услышать слово тому, кто сам стал глух и бессловесен и выступил из чина естества своего? Как естественно имеем мы в себе дух дышащий, коим дышим и живем, так что пресекись дыхание – мы тотчас умрем, так и ум наш естественно имеет в себе силу словесную, которою рождает слово, и если он лишен будет естественного ему порождания слова – так, как бы он разделен и рассечен был с словом, естественно в нем сущим, то этим он умерщвлен будет и станет ни к чему негожим. Так ум наш получил от Бога естественную ему принадлежность всегда рождать слово, которую имеет нераздельною и всегда с собою соединенною. Если ты отымешь слово, то вместе с словом отымешь и ум, породителя слова. Теперь помысли о первообразе своем – и по сему примеру с точностью уразумеешь, что кто отрицается от Сына Божия, тот отрицается и от Отца, родившего Его. Кто же отрицается Отца и Сына, тому возможно ли не отрещись и Духа Святого, хотя бы и не хотел того?

Итак, кто называет одно какое-либо из трех Лиц большим

или меньшим других, тот еще не извлек ума своего из глубины страстей, чтоб мочь умными очами узреть и познать себя самого и по себе самому уразуметь, что как в нем самом ум не больше и не меньше души, душа – ума, слово – ума и души, таким же образом не больше и не меньше Отец Сына, Сын – Отца, Святой Дух – Отца и Сына, но собезначальны суть и равночестны. Больше и меньше и на мысль не следует никому принимать в отношении к Святой и равночестной Троице. О, человече! Ты почтен от Бога паче всех других тварей достоинством разума, которым властвуешь и царствуешь над ними, почему надлежит тебе то, что выше тебя, уразумевать из того, что есть собственно в тебе самом, из того, что есть в тебе образ Божий, коим был ты удостоен. Как ум человеческий познается через посредство слова (хорошо повторять одно и то же, чтоб крепче утвердиться тебе в мыслях и добре познать сокрытые в тебе тайны Царства Небесного), а душа опять познается через посредство ума и слова, так и Бог Отец познался и познается нам верным через Единородного Сына Своего, и Дух Святой – через соприсносущных Ему Отца и Сына. Как когда ум рождает слово, то вместе с тем явным делается для слышащих через живое слово или через письмена и желание души, как общее обоим, и уму и слову, и три сии – ум, слово и душа – не сливаются в едино и не рассекаются на три, но все три вместе и каждое особо зрятся в единой сущности, так надлежит благочестно помышлять и в отношении к Святой, Единосущной и Нераз-

дельной Троице и исповедать, что Отец неизреченно и недомыслимо рождает Сына и Слово, Которое имел в начале в Себе и Которое нераздельно имеет и по рождении, – что Сын рождается от Отца, с Коим всегда есть нераздельно и соприсносущно, и никогда не отделяется от Него, и что Дух Святой исходит от Отца и есть соединен и сраслен с единосущными Ему Отцом и Сыном, с Коими и споклоняем и спрославляем есть от всея твари; и еще, что три Сии Лица Пресвятой Троицы имеют одну волю. Так познается и открывается Пресвятая Троица благодатию Святого Духа, по благоволению Отца, через Сына всем просвещаемым свыше. При сем надлежит веровать, что пресущная сущность единого Божества Сих трех Лиц (повторяю опять то же: в освящение себя таким поминанием и словом) есть триипостасна, и, веруя так, явно вместе с нами исповедать, что три ипостаси ее, соединены быв естественно, ни во едино не сливаются, ни на три не разделяются. В каждом из сих трех Лиц мысленно созерцаются и другие два, в едином существе, естестве и славе, – и три Сии Лица есть един Бог, Творец и Вседержитель всего видимого и невидимого.

Кто верует, что Бог есть Творец всех тварей, из несущего создавший все: небесное, земное и преисподнее, тот, зная Творца своего, пребывает в пределах своих и, от красоты тварей восходя умом своим к Создателю, воспевает и славословит Его как Творца всего сущего и не пытается постигнуть непостижимое естество Божие. О себе самом знает он,

что есть творение Его, подобное всем другим, как мы сказали; о Самом же Творце всего Боге знает, что Он несоздан, безначален, непостижим, неизъясним, неисследим, всегда Сый и прежде всего Сый, ибо не было времени, в которое не было бы Бога, потому что Он создал времена и веки и был прежде всякого начала; в отношении к Нему ни начало не мыслится, ни конец не узревается, но Он есть безначален и начало всего сущего и имеет быть присно в бесконечные и нескончаемые веки. Он неприступен, невидим, неизглаголан, недомыслим для всех, от Него созданных тварей, небесных и земных. Его не знали и мы, прежде заблуждавшие и верившие во многих богов, служившие твари и поклонявшиеся идолам. Но Он, как человеколюбивый и многомилостивый, сжалился над невежеством нашим и настолько снисшел к немощи нашей, сколько требовалось, чтоб мы познали, что Святая Троица есть единый Бог совершенный, Коему подобает благочестно поклоняться во Отце, и Сыне, и Святом Духе.

Но что есть по существу в Троице воспеваемое Божество, Каково по виду, в каком месте есть, Каково по величию и как есть по единению, сего не только люди не могли домыслить, но и сами Ангелы не могли постигнуть непостижимое и пресущное естество. Не указывай мне на наши богословия, потому что в них на основании Слова Божия изложили богословы нашей Церкви только то, что служит к обличению еретических нелепостей, а не то, что изъясняло бы Божеское

естество. Почему содержи в мысли паче то, что поелику Божеское естество неприступно, то, конечно, и непостижимо, а что непостижимо, то и неизглаголанно. Сколько раз бывает, что и то, что понимаем, не можем выразить словом как должно? То же, о чем все Божественное Писание свидетельствует, что Оно невидимо и недомыслимо, какой человек или какой Ангел может изъяснить и описать понятно? Конечно, никакой. Никак невозможно человеческому уму понять и окачествовать каким-либо именем то, что не есть что-либо из сущего. И все Божественное Писание всеми содержащимися в нем о Боге мыслями и речениями представляет только, что Бог **есть,** а не то, **что** Он есть. И то еще явно открывает оно о Боге, что Он всегда есть, и что Бог Сый и присно Сый есть Триипостасен, Всемогущ, Вседержитель, Всевидец, Творец и Промыслитель всяческих, вседовольный, преестественный, и что Он столько познается нами, сколько может кто увидать безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малой в руках зажженной свечой. Много ли, думаешь ты, увидит этот из всего того безбрежного моря? Конечно, малость некую, или почти ничего. При всем том он хорошо видит воду ту и знает, что пред ним море, что море то безбрежно и что он не может его все обнять взором своим. Так есть дело и в отношении к нашему богопознанию.

Представлю вам и другой пример к уяснению сего предмета. Предположим, что найдется какой-либо человек, который никогда не видел воды и не пил ее, почему и не знает,

что такое есть вода, а ты рассказываешь ему о воде, живописуя ему источники, реки и моря. Слушая это, он, конечно, попросит тебя сказать ему, какова природа воды, каков вид ее, каково качество и количество ее, откуда берет она начало, как течет и как, непрестанно текучи, никогда не истощается. Скажи же мне теперь, что бы ты ответил ему? Я думаю, что, хотя бы ты был очень высокого ума и очень многосведущ, но никак не можешь тому, кто никогда не видел и не пил воды, растолковать и дать понять, что такое вода, откуда она берет начало и как течет. Если же мы не можем ничего определенного сказать о текучем естестве воды, которую и видим, и пьем, и осязаем, и вопрошающим нас не можем растолковать, какова природа воды, откуда она, из каких стихий слагается, то какой Ангел или какой святой может научить тех, кои не знают Бога и свойств Его, что есть сей Бог, создавший всяческая, каково существо Его и слава? Никто не может это разъяснить, совершенно никто.

Впрочем, тот, кто сподобился мало некако узреть Бога тем способом, о коем мы сказали прежде, не имеет нужды в научении от другого, потому что имеет всего Бога, Который обитает, движется и глаголет внутрь его и научает его неизреченным Своим тайнам, по святейшему слову Самого Бога, Который говорит: «Тайна Моя Мне и Моим». Да, иного способа к тому, чтобы Бог открылся в ком-либо, не может быть, кроме точного исполнения заповедей Его, если, то есть, кто не будет нерадеть об них и презирать их ни в

каком совершенно деле, но будет хранить их, соблюдать и исполнять со всем усердием и ревностью. И те, которые будут жительствовать таким образом, не далеко будут от Царствия Божия, но по мере ревности и усердия, какие покажут в исполнении заповедей, восприимут мзду созерцания Бога, большую или меньшую, скорейшую или медленнейшую, соответственно подъемлемым подвигам, и соделаются сынами Богу и богами по благодати во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово шестьдесят второе

Богословское третье – о том, что есть Отец, то же есть и Сын, и что есть Сын, то же есть и Дух Святой, и что три Сии суть един Дух, единочестный, единосущный и единопрестольный.

Бог присновоспеваемый и славимый, то есть безначальный Отец, собезначальный Сын Отца и Дух Святой, соприсносущный и единосущный Отцу и Сыну, есть едино естество и слава, Троица Единосущная, единое Божество, равночестная и триипостасная Сущность, начало всего сущего и вседетельная сила, единопрестольная и единославная, вседержительное господство и царство. Сей Бог единый, когда созерцается и веруется в единстве естества, единично и поклоняем бывает от нас яко Бог единый; когда же исповедуется Троицей, троично и от нас воспевается, то есть в трех раздельных Лицах, как научены мы Господом нашим Иисусом Христом, единым из Лиц Триипостасного Божества, Который заповедует апостолам Своим крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа, чем показывает, что иное Лицо Пресвятой Троицы есть Отец, иное – Сын, иное – Дух Святой. И опять, когда в другом месте Евангелия говорит Он: *Отец Мой болий Мене есть* (Ин. 14, 28) или: *о Себе ничесоже творю* (Ин. 8, 28), то тем показывает, что ино Лицо есть Отец

и ино Сын. Когда также говорит: *и Аз умолю Отца моего, и иного Утешителя даст вам* (Ин. 14, 16), *Духа истины, Иже от Отца исходит* (Ин. 15, 26), то тем показывает, что Дух Святой, яко иной Утешитель, есть Лицо ино от Отца и Сына. Но теми же словами Господа благодать Его дает нам разуметь всяческое единство Триипостасного и Единосущного Божества и царства, торжество присносущной жизни и нераздельное единство трех ипостасей, так что где воспевается Отец, там есть и Сын со Святым Духом; где именуется Сын, там есть и Отец с Духом Святым; и где прославляется Дух Святой, там есть и Отец с Сыном.

Будучи, таким образом, просвещены благодатию Духа Святого, что три Лица Пресвятой Троицы единосущны суть и равночестны, то есть что ипостаси их неслиянно и нераздельно пребывают вкупе в Божеском естестве и существе едином для всех их, мы, когда возносим ум свой к Богу Отцу, благодатию Святого Духа, восторгающего нас горе через Сына, Бога Слова, и простираем к Нему руки и очи свои, говорим: Отче наш, Иже еси на небесех! И опять, когда приступаем воздать молитвы Единородному Сыну Отца благодатию Духа Святого, подающего нам ведение и разумение, говорим: Единородный Сыне, соприсносущное Слово Бога и Отца, единый Сын из единого Отца, Бог из Бога, Безначальный из Безначального, Присносущий из Присносущего, Вечный из Вечного, Свет из Света, Жизнь из Жизни, Неприступный из Неприступного, Непостижимый из Непо-

стижимого, Неизреченный из Неизреченного, Неизменный из Неизменного, Недомыслимый из Недомыслимого, очисти грехи наши! Также, когда призываем Духа Святого, говорим: Душе Святый, несказанно от Отца исходящий и на нас, верных, через Сына нисходящий, Дух жизни и ведения, Дух святости и совершенства, Дух благий, премудрый, человеколюбивый, утешительный, преславный, питающий вместе и напояющий, милующий, просвещающий, укрепляющий, Божественный Дух терпения, Дух – податель радости, веселия, целомудрия, мудрости, ведения, кротости, незлобия, беспопечения о мирских вещах, созерцания благ небесных, Дух – отгнатель лености, нерадения, рассеянности и лукавства, Дух – показатель Божественных таин, обручение Небесного Царствия, источник пророчества, кратер учения, дверь покаяния, истребитель грехов, Дух любви, мира, веры, воздержания, – прииди и вселися в ны и пребудь с нами неотлучно и нераздельно, освяти, обнови и просвети сердца наши, яко единосущный, равночестный и сопрестольный Сыну и Отцу, делающий богами по благодати тех, кои приемлют Тебя, истребляющий всякий грех и приносящий вместе с нисшествием твоим всякую добродетель, не от-вне имея приносимое Тобою, но естественно будучи всякое благо, и тех, коих избираешь в обитель Себе, делая существенно вместителями всякого добра.

Так приносим мы песнь трем Лицам Святой Троицы, не как разделяющие на трех богов единое Божество, которое

есть единый Бог, нераздельный, но как поклоняющиеся вместе со Отцом Сыну и Духу, вместе с Сыном Отцу и Духу и вместе с Духом Отцу и Сыну. Прославляя Сии три Лица, мудрствуем, что едино есть естество единого Триипостасного Божества, единосущное, равномощное, единовольное, соприсносущное, собезначальное, неслиянное и нераздельное.

Мы не разделяем нераздельного единства Божества, не помышляем, якобы в Нем есть нечто иное, и иное, и иное, якобы Отец есть иного естества, и Сын – иного, и Дух Святой – иного, и не допускаем несмысленно сущностей и естеств неподобных и друг другу чуждых, но веруем, что сии три Лица Божества – един есть Бог, Который разделяется нераздельно по ипостасям и единится неслиянно по единости единого естества – весь единый в трех ипостасях и весь троимый в пресущной единости. Один и тот же Бог есть три по ипостасям и едино по единости существа и естества. Так открыл нам Сам Единородный Сын Отца Господь наш Иисус Христос, то есть что Сей Самый Сын со Отцом и Духом единочестны суть и единосущны и сопрестольны, говоря: *Аз и Отец едино есма,* и в другом месте показывая, что и Дух Святой неотменен от того же естества, когда говорил: *Дух истины, Иже от Отца исходит.* Ибо как из источника воды исходит такая же вода, так и от Бога Отца исходит Бог Дух. Сказано: *Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24). Итак, если Отец есть Дух, явно, что и Сын, рожденный от Него, есть Дух; почему

святой Павел и говорит: *Господь же Дух есть* (2 Кор. 3, 17). Дух есть и Дух Святой, исходящий от Отца и через Сына подаемый нам, недостойным. Мы говорим: посылается и дается Дух Святой – не в том смысле, якобы Сам Он не хотел того, но в том, что Дух Святой через Сына, одно из Лиц Святой Троицы, совершает как собственное Свое хотение то, что благоугодно Отцу, ибо Троица Святая нераздельна по естеству, существу и хотению, но по ипостасям именуется лично – Отец, Сын и Дух Святой; и три Сии един есть Бог, имя же Ему – Троица. Он, будучи превыше всякого именуемого имени, слова и глагола, превышает постижение всякого ума и не есть нечто из всего сущего от Него, яко пресущественно изъятый из круга того.

Но помысли, как Святое Писание говорит, что три едино суть. Ибо хорошо говорить одно и то же, потому что помышление и беседа об одном и том же услаждает того, кто умеет находить в сем боголепное удовольствие, – и Божественное слово освящает душевные чувства его. Дух есть Бог Отец, как говорит Господь наш. Дух есть и Сын, как рожденный от Него. Если Бог есть Дух, и Дух есть Господь, как говорит апостол, и Господь в Божественном Писании именуется Духом, то един Дух есть Бог, в трех Лицах познаваемый, как сказал о сем Сын, показывая, что Триипостасный Бог есть единый Дух, равномощный, единопрестольный, единосущный; почему три Сии Лица и наименованы единым Духом, чтоб ты не думал, что между тремя Лицами Святой Троицы

есть какое-либо неравенство, что одно Лицо больше, а другое меньше или что есть в них какое-либо разделение, так чтоб одно Лицо было вне другого. Бог именуется Триипостасным – Отец, Сын и Дух Святой – не для того, чтоб ты помышлял, будто есть какое-либо отособление и неравенство во Святой Троице, но чтоб научить тебя сими наименованиями, что есть в Боге три Лица, или три сии ипостаси, и только. После же того как познаешь сие, будучи научен и просвещен, как мудрствовать о Боге, не ищи уже более и не исследуй ничего выше сего, но, приняв сие с верою, стой в том, содержа и исповедуя, что все другое, что выше сего, совершенно непостижимо.

Если хочешь вдаться в размышление о том, что свойственно Божескому естеству, то есть как есть Бог, что есть окрест Бога, что из Бога и что в Боге, послушай, что скажу тебе. Бог есть свет, и свет беспредельный; и что в Боге, свет есть, единимо будучи по единости естества и нераздельно разделяемо по лицам. Разделяя нераздельное, скажу тебе о каждом из сих лиц особно. Отец есть свет, Сын свет и Дух Святой свет, три – един свет, простой, несложный, безвременный, соприсносущный, равночестный, равнославный. Также и то, что от Бога, свет есть, так как подается нам от света, именно – жизнь свет есть; бессмертие – свет; любовь, истина, мир, дверь Царствия Небесного, само сие Царствие – свет есть; брачный чертог, рай, сладость райская, земля кротких, венцы жизни, самые ризы святых

– свет есть; Христос Иисус, Спаситель и Царь всего, – свет есть; хлеб Пречистого Тела Его – свет; Воскресение Его – свет; лицо Его – свет; рука, перст, уста, очи Его – свет; глас Его – свет, поколику исходит из света; благодать Всесвятого Духа – свет; Утешитель – свет; бисер, зерно горчичное, виноград истинный, квас, надежда, вера – свет есть. Все сие и другое, что слышишь от пророков и апостолов о неизреченном и пресущном Божестве, есть существенно единое безначальное начало, в единости троичного света поклоняемое. Так надлежит тебе помышлять. Ибо един есть Бог, во Отце, Сыне и Духе Святом, будучи свет неприступный и предвечный, который имеет многие наименования и именуется всем тем, что мы сказали, и не только именуется, но и действенно производит то в нас, как научили нас опытно тому наученные.

Желая показать тебе и другие светы Божии наряду с теми, о коих сказано, говорю, что благость Его свет есть, милость – свет, благоутробие – свет, целование Его – свет, доброта – свет, жезл и утешение – свет. Хотя и о нас говорится многое подобное, но о нас говорится как о людях, а о Нем как о Боге. Не поленюсь пояснить тебе сие примерами: Бог именуется Отцом – отцами называются и люди; Христос именуется Сыном Божиим – сынами человеческими называемся и мы; Духом Божиим именуется Святой Дух – духами называются и наши души. Бог есть жизнь – жизнь имеем и мы; Бог есть любовь – любовь имеют между собою и многие грешники.

Итак, что же? О любви человеческой можешь ли ты сказать, что она есть Бог? Да не будет. И мир, какой имеем мы между собою, когда не бранимся и не ссоримся из-за чего-либо, можешь ты назвать миром, превосходящим ум? Никак.

Также и то, если не скажешь кому-либо ложного слова, Божиею истиною назовешь ты это? Конечно, нет. Слова человеческие текучи и пусты. Слово же Божие есть живое и действенное. Равным образом и истина Божия есть паче ума и слова человеческого, Бог непреложный, сый и живый. Наконец, и вода сия, какую имеем мы, не есть как оная вода живая, и хлеб сей, какой обыкновенно вкушаем, не есть как оный хлеб животный. Но, как сказали мы выше, все оное есть свет, и Бог есть единый свет, и кто причащается сего света, тот вместе с причастием его причащается и всех тех благ, о коих поминали мы, бывает кротким и смиренным и готовым на всякое добро, потому что и эти доброты вместе с другими свет суть, и кто возымел свет, тот вместе со светом имеет и сии качества. Тогда Бог подвигает на всякое добро душу, в которой обитает, и бывает для нее всяким добром, и душа та, которая имеет Бога обитателем в себе, не скудеет ни в каком добре, но бывает полна и преизбыточествует всегда всеми оными неизреченными благами Божиими, веселясь и спребывая с чинами Небесных Сил. Каковые блага Божии когда бы сподобились богатно получить и все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне

и присно и во веки веков. Аминь.

Слово шестьдесят третье

1. О тех, кои думают, что имеют Духа Святого, без всякого совершенно сознания и чувства действия Его, – и о тех, которые говорят, что в настоящие времена ни один человек не может узреть славы Святого Духа.

2. О том, что у святых нет ни малой зависти, когда и мы всячески стараемся преуспеянием в добродетелях сделаться подобными им.

3. Как можно зреть Бога?

4. Кто достиг такой меры, чтобы зреть, по возможности своей, Бога, тот еще в настоящей жизни научается знать, какое блаженство будет даровано святым в будущей жизни.

5. Что пророки и апостолы возвещали то, что видели, будучи просвещаемы Духом Святым, всегда с ними пребывавшим.

6. Кто преступает или криво перетолковывает слова Его, тот погрешает против Духа Святого.

1. Се, опять хочу я беседовать о тех, кои говорят, что имеют Духа Святого, без всякого сознания того, и думают, что они приняли Его в себя от Божественного крещения, почему утверждают, что имеют в себе сокровище благодати, хотя, познавая себя, не могут не видеть, что пусты от него. Имен-

но, хочу беседовать о тех, кои признаются, что совершенно ничего не восчувствовали во Святом Крещении, и между тем полагают, что с того времени возобитала внутрь их благодать Божия и пребывает в них доселе; и не об этих только, но и о тех, кои говорят, что никогда никакого не имели они явного и осязательного чувства благодати Святого Духа, а полагают, что приняли и имеют в себе сию благодать, не по опыту, а по вере единой, мысленно, как слышали и научились от Божественного Писания. Они обыкновенно говорят: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся,* говорит апостол. Так как мы крестились во Христа, то явно, что мы и облеклись во Христа. Я же говорю им: так как вы облеклись во Христа, то скажите мне, что есть Христос? Он есть, конечно, Бог истинный, соделавшийся человеком на тот конец, чтоб нас соделать богами. Но тот, кто облекается в Бога, чувствует, конечно, во что он облекся. Как голый телом, когда наденет какую-либо одежду, чувствует то и видит, что это за одежда, так и обнаженный душою, когда облекается в Бога, чувствует то и познает. Если облекающийся в Бога не чувствует, что есть то, во что он облекся, то следует, что он не жив, ибо только мертвые не чувствуют, когда их одевают. Почему боюсь, не мертвы ли и не голы ли истинно те, которые говорят так.

Потом они предлагают еще следующее изречение апостола Павла: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19). Но говоря это, они не понимают цели, для чего так сказано. Они умству-

ют; кто говорит другому кому: не угашай лампады, тот говорит это, конечно, о не горящей лампаде, а о возжженной и светящей свойственным ей светом. На это мы говорим им: Дух тот, о Коем вы говорите, что Он возжжен в вас и светит светом Своим, видите ли вы ясно возжженным и светящим в душах ваших, как сему само собою следует быть? Но они не только не отвечают на это, но тотчас изменяют лицо свое и обращают его в другую сторону, как будто слышат какое богохульство, нестерпимое для них. Потом, приняв вид более кроткий, отвечают, говоря: и кто же посмеет сказать, что он видит или когда-либо видел Святого Духа? Перестань богохульствовать и не говори этого, ибо Писание Божественное говорит, что *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18). О слепота и нечувствие! Скажи мне, человече, кто сказал это? *Единородный,* говорит, *Сын Божий сый в лоне Отчи,* той сказал сие. Правду говоришь ты и истинно есть свидетельство твое, но оно идет против тебя. Ибо если я докажу, что Сей Самый Сын Божий и Бог Слово говорит, что это возможно, то что имеешь ты тогда сказать? Слушай же, что говорит Христос: *видевый Мя виде Отца* (Ин. 14, 9). И это сказал Он не тому, кто смотрел на тело Христово, но тому, кто созерцал Божество Его. Ибо если подумаем, что Христос Господь сказал это тому, кто смотрел на тело Его, то будет следовать, что и распеншие Христа видели Отца, поелику видели Христа по телу; и не будет после сего никакого различия между верным и неверным и никакого преимущества у первого пред

последним, но все одинаково улучили желанное блаженство, все увидели Бога. Но не так есть на деле, не так, – как сказал опять тот же Христос, когда беседовал с евреями: *аще Мя бысте ведали, и Отца Моего ведали бысте* (Ин. 8, 19).

А что возможно нам видеть Бога, сколько видеть Его доступно человекам, послушай, что говорит Сам Христос: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Что скажешь ты на это? Но я наперед знаю, что ты скажешь. Скажешь: да, точно узрят Бога чистые сердцем, но не здесь, а в будущем веке. Поелику ты не веришь в те блага, какие подает нам Бог в настоящей жизни, и не имеешь ревностного желания получить их и себе, то и прибегаешь к мысли о будущем веке. Но скажи мне, возлюбленне, чающий в будущем веке узреть Бога, как возможно быть тому, о чем говоришь ты? Если Христос сказал, что при чистом сердце узрим мы Бога, то всеконечно следует, что во всякое время, как только очистит кто сердце свое, узрит он и Бога. Ты сам, если очистишь когда-либо сердце свое, увидишь, конечно, Бога и познаешь истину слов моих. Но как ты никогда не полагал в уме своем сделать это (очистить сердце) и не верил, что истинно так бывает (что чистые сердцем узревают Бога), то понебрег об очищении сердца своего и не сподоблен узреть Бога. Скажи мне, возможно ли в настоящей жизни сердцу стать чистым? Если возможно, то следует, что всякий чистый сердцем в настоящей еще жизни узревает Бога. Если же скажешь, что Бога узревают только после смерти, то должен сказать, что и

чистота сердца бывает только после смерти. Таким образом с тобою может случиться, что не узришь Бога ни в нынешнем, ни в будущем веке. Ибо после смерти не будешь уже ты иметь возможности делать богоугодные дела, чтоб посредством их сделать сердце свое чистым. Но и Господь нам что говорит? *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. И Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Когда обещается сие явление Христа Господа, в нынешней жизни или в будущей? Явно, что в настоящей жизни. Ибо где со тщанием исполняются заповеди Божии, там бывает и явление Спасителя нашего Иисуса Христа. После сего явления Спасителя приходит и совершенная любовь. Ибо если не будет явления Христа в нас, то мы не можем ни веровать в Него, ни любить Его как должно.

Написано: *не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20). Кто же не может любить Бога, тот, конечно, не может и веровать в Него. Послушай, что говорит апостол Павел: *ныне пребывают вера, надежда, любы три сия, больше же сих любы есть* (1 Кор. 13, 13). Итак, поелику вера сочетана с надеждою, а надежда сопутствует любви, то явно, что кто не имеет любви, не имеет надежды, а кто не имеет надежды, не имеет и веры, – то есть кто не имеет веры, тот и не надеется, а кто не надеется, и не любит. Ибо как возможно быть любви, когда нет причин, ее производящих, то есть веры и надежды? Как невозможно, чтоб держалась крыша без здания, на котором

бы она утверждалась, так невозможно, чтоб в душе человека обрелась любовь Божия, когда нет в ней веры и упования. А кто не имеет любви, тот и от прочих добродетелей не получит никакой пользы, как утверждает тот же Павел.

О том, что можно и как можно узревать Бога в настоящей жизни, послушай опять божественного Павла, который говорит: *видим ныне якоже зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу: ныне разумею от части, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. 13, 12). Но те, как только услышат это, говорят: то был Павел. Я же говорю им на это: не был разве и Павел человек, во всем нам подобострастный? Те опять отвечают: о, прегордый и самонадеянный человек! Кто когда являлся подобным Павлу? И ты дерзаешь сравнивать с Павлом нас, грешных! Отвечая им на это, не я, а сам же апостол Павел велегласно взывает и говорит: *Христос прииде в мир* – слушайте! – *грешныя спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15). Итак, он первый из грешников спасаемых; стань и ты вторым, стань третьим, стань четвертым, стань десятым, стань одним из тысяч и мириад спасаемых, – и сопричислишь себя к апостолу Павлу, и тем почтишь Павла, как сам он говорит: *подражателе мне бывайте, якоже и аз Христу* (1 Кор. 11,), и еще в другом месте: *хощу, да вси человецы будут, якоже и аз* (1 Кор. 7, 7).

2. Таким образом, если хочешь похвалить или почтить Павла, надлежит тебе подражать ему и стать подобным ему в вере. Вот когда ты истинно почтишь его! И он примет тебя

и будет хвалиться тобою, вменяя себе в славу, что ты склонился на слова его и последовал ему и стал, как и он. Если же, – говоря, что было бы бесчестием для Павла думать, что другой кто может стать, как и он, – ты презираешь спасение свое и нерадишь о нем, то знай, что насколько ты прельщаешь себя таким образом, настолько отвращается от тебя святой Павел и недоволен тобою. Хочешь ли, чтоб я доказал тебе, что ты гораздо более почтишь его, и обрадуешь, и прославишь, если постараешься сделаться более великим и более близким к Богу, чем он? Слушай, что говорит сам Павел: *молил бых ся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти* (Рим. 9, 3). Видишь? Он предпочитает сам отлучен быть от Христа, чтоб только ты спасся; а ты говоришь, что он сочтет для себя бесчестием, если я захочу и возревную стать, как он? Нет, брате мой, не так. Нет зависти у святых Божиих. Не ищут они преждевозлежания и большей пред другими чести и славы. У них, у всех этих от начала до конца веков друзей и любителей Божиих, одно преждевозлежание, одно предпочтение, одна слава, услаждение и упокоение – выну зреть Бога. Те же, которые зрят Бога, чужды всякого любопытства; они не могут отвратиться от лицезрения Божия, чтоб посмотреть на что-либо от мира сего, или на какого-либо человека, или подумать о чем-либо, несообразном с их устроением, но совершенно свободны от всякого любопытства, и ум их не отходит к чему-либо другому; почему они, пока таковы, пребывают

непадательными и не возвращаются опять на худое.

3. Но прошу тебя сказать мне: те, которые написали о том, что сказано пред сим, откуда это узнали? Равно и тот, кто теперь пишет об этом, откуда знает то? Скажи ты, чье все это? Конечно, говоришь, это человеческое, дело человека суть слова сии. Но говоря так, показываешь, будто знаешь внутреннее состояние души другого человека. А святой Павел что говорит? *Кто весть от человек яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем?* (1 Кор. 2, 11). Но если трудно для человека знать с точностью внутреннее человека, яко человека, то как возможно ему познать, что есть в ком Божеское, то есть те изменения и состояния, какие бывают во святых под действием созерцания Бога? С другой стороны, если слова те суть, как ты говоришь, дело человека, яко человека, то явно, что и мысли, содержащиеся в тех словах, суть дело человеческое. Но то, что содержится в тех словах, не должно быть называемо мыслями (νοηματα, чем-либо умозрительным), а созерцанием истинно сущего, ибо мы говорим о том по созерцанию. Почему и сказываемое должно быть именуемо паче повествованием о созерцаемом, а не помышлением ((νοημα). Помышлением должно называть думание, рождаемое в уме, по поводу какого-либо желания или дела, еще не сделанного, то есть думание о том, как сделать какое-либо добро или худо, еще не сделанное, которое из думания потом переходит и в дело, так что помышление есть начало дела, какое имеет быть совершено нами, как и о Боге говорит

Григорий Богослов: «Во-первых, измышляет Бог небесные силы, и мысль стала делом». Итак, удостоверься, что слова наши не о не сущем и не явленном говорят, но о том, что уже состоялось и что от видения и созерцания сего заимствуется сказание, какое мы делаем о том; подобно тому как когда кто хочет, например, рассказывать о доме каком, или о поле, или о царском дворце, или о зрелище, надо наперед видеть и хорошо рассмотреть все такое и потом уже с знанием дела рассказывать о том. Кто может сказать что сам от себя о каком-либо предмете, которого прежде не видал? И откуда ему взять сказать что-либо о том, чего совсем не видал? Да и всеконечное есть бессмыслие и невежество говорить о том, чего не видел и не знаешь. Если таким образом о видимом и земном никто не может сказать что-либо верное, не видев того своими глазами, то как можно сказывать и извещать что-либо о Боге, о Божественных вещах и о святых Божиих, то есть какого общения с Богом сподобляются святые и что это за ведение Бога, которое бывает внутрь их и которое производит в сердцах их неизъяснимые воздействия, как можно сказать о сем что-либо тому, кто не просвещен наперед светом ведения?

Но когда слышишь о свете ведения, не думай, что это есть только ведение без света, потому что это не называется сказанием или словом ведения, но светом ведения, или ведательным светом, поколику свет сей рождает в нас ведение, ибо невозможно иным способом познать кому-либо Бога,

кроме созерцания света, посылаемого от сего самого Света (то есть Бога). Как тот, кто рассказывает другим о какой-либо стране или каком человеке, рассказывает то, что видел и что знает, а те, которые слушают его, не могут по одному слуху познать того человека или ту страну так, как знает их видевший и рассказывающий, так и о Небесном Иерусалиме, о Боге, невидимо в нем обитающем, о пресветлой славе лица Его, о действии и силе Святого Духа, то есть света, никто ничего не может сказать верного, если не увидит наперед умными очами души своей сего света и не познает точно осияния и действия его внутрь себя самого. Тот же, кто слышит из Божественного Писания о тех, кои видели Бога благодатию Святого Духа и говорят о Боге, тому одному научается, что видит написанным в Писании, почему не может сказать о себе, чтобы познал Бога чрез одно слышание написанного. Ибо как можно познать того, кого не видишь? Если не можем мы чрез одно видение познать человека, которого видим, то как возможно нам познать Бога чрез один слух? Свет есть Бог, и созерцание Его есть как свет; почему чрез узрение света бывает первое ведение, которым познается, что есть Бог.

Как в отношении к человеку, о коем сначала слышит кто, а потом видит его, бывает, что слышавший тогда лишь, когда уже увидит его, познает, что это тот самый человек, о коем он слышал, или даже и этим способом не может он удостовериться в сказанном, потому что, сколько бы ни говорил тебе кто о другом, не можешь ты, увидев его, по одному этому

слуху познать и увериться, что это тот самый человек, о коем ты слышал, но колеблешься и спрашиваешь или его самого, или другого кого, кто его знает, и тогда удостоверяешься, что это тот самый, – так точно бывает и в отношении к Богу, что когда увидит кто Бога, Ему явившегося, то видит свет и, видя его, дивится, но не узнает тотчас, Кто есть Тот, Кто явился ему, и не осмеливается вопросить Его, ибо как ему спрашивать Его, когда не может очей своих поднять, чтоб получше рассмотреть, что это такое, но смотрит с великим страхом на стопы того, кто явился, зная лишь, что есть кто-то, явившийся ему. Но если близко от него находится тот, кто прежде сказывал ему, что видел Бога, то идет к нему и говорит: о, отче! я видел то, о чем ты говорил мне. Тот спрашивает его: что ты видел, чадо мое? Видел я, отче, свет некий сладчайший, но что это была за сладость, не могу выразить. Когда говорит он это, сердце его трепещет от радости и ликует и пламенеет любовию к Тому, Кто явился ему. Потом опять начинает он говорить со многими теплыми слезами: как явился мне, отче, свет оный, тотчас исчезла келлия моя, исчез мир, отбегши, как кажется, от лица Того, Кто явился мне, и остался я один со светом оным, – и не знаю, отче, в теле ли я был там тогда или вне тела; тогда не понимал я, был ли облечен в это тело и носил ли его; впрочем, сознавал, что я существую и что есть во мне неизреченная радость и любовь и пламенение сердца великое, и слезы рекою текли у меня, как и теперь текут, как видишь. Тот говорит ему в

ответ: это Тот, о Коем я говорил тебе; и с этим словом тотчас опять узревает Его. С сего времени более и более очищается он и, очищаясь, приемлет дерзновение и спрашивает Самого явившегося, говоря: Ты – Бог мой? Тот отвечает: Я Бог, соделавшийся человеком для тебя, чтоб и тебя сделать богом, – и вот, как видишь, сделал и буду делать. Если таким образом пребудет он в плаче и слезах и в смиренном к Богу припадании, то начинает мало-помалу более познавать, яже суть Божия, и, достигнув сего, уразумевать волю Божию святую, угодную и совершенную. Ибо если не узрит кто Бога, то не может и познать Его; а если не познает Его, не может познать и святую волю Его.

4. Когда приходит таким образом человек в большую меру совершенства и наиболее приближается к Богу, тогда из того, что совершает в нем Бог, познает он и то, что совершал Он и во всех прежних святых и что имеет совершать в последующих, – познает также, просвещаем будучи от Самого Бога, что это за венцы и что за воздаяния, какие имеют получить святые в другой жизни, удостоверяясь, что они превосходят всякий ум и всякое слово человеческое, – познает еще и то, какими имеют стать после общего воскресения как он, так и все святые. Всего сего чаемого святые не получают, однако ж, в настоящей жизни (хотя некоторые злословят, будто я говорю, что святые все получают здесь). Ибо если положить, что они здесь получают все блага Божии, то, по слову их, следует отрещись и самого воскресения мертвых,

и суда, и воздаяния и самоохотно отвергнуть упование будущих благ. Но я не только не имею такого мудрования и не говорю так, но, напротив, анафематствую и тех, которые говорят это. Я говорю и исповедую, что в настоящей жизни святые в некоей только мере получают залоги будущих благ, все же обетованное вполне имеют они, уповаю я, получить после смерти (и общего воскресения), как говорит божественный Павел: *ныне разумею от части. Егда же приидет совершенное, тогда, еже от части упразднится* (1 Кор. 13, 12, 10); и Иоанн Богослов: *ныне чада Божия есмы, и не у явися, что будем: вемы же, яко, егда явится, подобни Ему будем* (1 Ин. 3 2). Продолжу теперь свою речь вопросоответно и некако спрошу сказавшего сие: о возлюбленне и друже Христов! Скажи мне, откуда знаешь ты, что имеешь быть подобен Богу? От Духа, говорит, Которого Он дал нам, – от Сего познаем, что мы чада Божии есмы и Сам Христос в нас есть. Он Сам сказал мне сие таинственным гласом (1 Ин. 3, 24).

5. Но обратимся опять к нашему предмету. Сказали мы, что помышлением (νοημα) называется, когда в уме нашем родится слово или задумание какого-либо дела доброго или худого – приобрести, например, что-нибудь, или поблагодетельствовать кому-либо, или, напротив, сделать зло; сказание же (διηγησι), а не помышление есть, когда рассказываем о том, что было или что мы видели. Сказали мы также, что ничего верного нельзя сказать о вещах, делах, зрелищах, людях, которых мы не видели и не знаем, – нельзя сказать,

каковы они по свойствам, виду и положению; если же и скажет кто что-либо о них, то справедливо назвать такого баснотворцем. Итак, пророки и апостолы, сказавшие нам о Дне Господнем, о преславном и страшном пришествии Его, что Он придет, как тать в нощи и как болезни рождающей и что Он огнем открывается, откуда узнали это и нам сказали? Конечно, они или слышали то от кого, или сами видели: иначе как же они могли говорить о том, чего сами не видали и о чем ни от кого другого не слышали? Если слышали, скажи, от кого слышали (я еще не говорю теперь, что они сами видели и сказали, а только, что слышали), – скажи, если знаешь, откуда узнали они об этом? Если ты не знаешь, что на это сказать, то послушай и познай, что от Духа Святого они это слышали и сказали, как Господь наш Иисус Христос говорил им: *Утешитель, Дух Святый, Егоже послет вам Отец во имя Мое, Той вы научит всему и воспомянет вам вся, яже рех вам* (Ин. 14, 26). А что Дух Святой, когда пришел, научил их и сказал им даже и то, чего не сказывал Христос, об этом послушай, что говорит опять Христос: *еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне: егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину: не от Себе бо глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать, и грядущая возвестит вам* (Ин. 16, 12, 13). Понял ли ты теперь, откуда они узнали то, что написали о дне оном страшном, о втором пришествии Господа и о том, что имеет последовать затем как для праведных, так и для грешных?

Так и о всем другом, чего не видим мы, они написали, видевши то от просвещения Духом Святым.

Но скажи мне, прошу тебя, Дух Святой что есть? Известно, что Он есть Бог истинный, от Бога истинного исходящий. Итак, ты, последуя догматам Церкви, говоришь, что Дух Святой есть Бог, как видишь написанным в писаниях святых; почему утверждаешь, что те, которые имеют Духа Святого, имеют в себе Бога, всегда с ними пребывающего, как сказал Христос апостолам: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите. И Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век* (Ин. 14, 15, 16). Знаешь теперь, что Дух Святой и пребывает, и обитает (во святых) в век века, ибо Господь наш, говоря: *да будет с вами в век,* показывает, что Дух Святой всегда, непрестающе и нескончаемо, есть и будет с ними неразлучно и в настоящей жизни, и в будущей. А что Духа Святого видели божественные апостолы и все другие, сподобившиеся приять Его, послушай, что вслед за приведенными словами говорит Христос: *Дух истины, Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его: вы же знаете Его, яко в вас пребывает и в вас будет* (Ин. 14, 17). А что и Христа видят те, Которые любят Его и заповеди Его соблюдают, послушай о сем опять Самого Христа, Который говорит: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21).

6. Да ведают же все христиане, что Христос есть нелож-

нейший и истинный Бог и воистину, по обетованию Своему, является любящим Его и исполняющим заповеди Его и вместе с явлением Своим дарует им Духа Святого, и что опять через Духа Святого пребывают с ними и Отец и Сын. Такие мужи – духоносцы, когда говорят, не сами от себя говорят, и кто говорит, что они сами от себя говорят, явно подает мысль, будто человек может знать, что в другом человеке, и не только это знать, но и то, яже суть Божия. Если же и не говорят они этого, то всячески лжецами и баснословцами почитают тех, кои говорят от Духа Святого, полагая, что они сами от себя учат тому, чего не видели и о чем не слышали. Но да ведают они, что хотя те, духоносцы, говорят словами, сходными с словами древних богоносных отцов, но, несомненно, говорят от Духа, собственно в них пребывающего; почему те, которые не верят им и хулят их, грешат против Духа Святого, говорящего в них.

Уразумел ли ты наконец, о возлюбленне, что положено Царствию Небесному быть внутрь тебя и всем благам вечным – в руках твоих. Восподвизайся же увидеть, стяжать и приять в себя сии блага вечные, чтоб не лишену быть их и не быть пусту, думая, что имеешь их. Плачь, моли, припадай, как некогда слепец, и говори: помилуй мя, Сыне Божий, и отверзи очи души моей, да узрю Тебя, Бога моего, – свет мира, и да соделаюсь и я сыном Божественного дня. Не оставь меня, Благий, лишенным Божественной благодати Твоей, как недостойного. Яви мне, Господи, Себя Самого, да уразумею,

что Ты любишь меня, яко хранящего Божественные заповеди Твои. Посли мне, Благоутробне, Утешителя, да научит меня, яже о Тебе, и откроет, яже суть Твоя. О, Боже всяческих! Воссияй во мне свет истинный, да узрю славу Твою, которую имел Ты у Отца, прежде мир не бысть. Пребудь, как обетовал Ты, и со мною, да буду и я достоин пребывать с Тобою, и тогда да вниду в Тебя разумно и да стяжу Тебя внутрь себя разумно, то есть с чувством души моей. Восхоти, Невидимый, вообразиться внутрь меня, да вижду красоту Твою и доброту Твою несравненную, да ношу всегда единый образ Твой, Пренебесне, и забуду все видимое и земное. Даруй мне, благоутробне Господи, славу, какую дал Тебе Отец, да буду подобен Тебе, как были и все рабы Твои, и да буду с Тобою всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Ей, брат мой возлюбленный, поверь мне, что так есть воистину и что такова вера наша. Верь, брате, что это и есть – возрождену быть и обновлену и жить жизнью, яже о Христе. Не слышишь, что говорит святой Василий Великий в слове своем на праздник Светов (Богоявления)? О, человече! Ужели не желаешь ты соделаться новым из ветхого, каков ты, как говорит апостол Павел: *аще кто во Христе, нова тварь: древняя мимоидоша, се, быша вся нова* (2 Кор. 5, 17)? Что это – *вся нова?* Скажи мне. Или изменилось небо, земля, солнце, звезды или другое что из видимого и стало ново? Но этого сказать ты не можешь, потому что апостол о нас это говорит, что мы мертвы и восстаем, тленны и прелагаемся

в нетленных, смертны и превращаемся в бессмертных, земны и становимся небесными, плотски, от плоти рождаемые, и делаемся духовными, будучи возрождаемы и воссозидаемы благодатию Всесвятого Духа. Вот что есть, брате мой, новая во Христе тварь, о коей говорит апостол! И это каждый день совершается в истинно верующих и избранных; и, как мы многократно говорили, истинные христиане сознательно причастны бывают всего этого, хотя только отчасти, пока еще суть в теле, с верною, однако ж, надеждою, что по смерти вполне наследуют и преизобильно вкусят и душой и телом все эти блага, которых здесь причащаются только отчасти. Если, как учит нас Сам Христос, мы вкушаем Христа, пием Его, облекаемся в Него, видим Его и видимы бываем от Него, если Он пребывает в нас и мы в Нем, так что Христос бывает обитателем в нас, а мы в Нем, мы бываем обителью для Христа, и Он – для нас, если мы сыны Его и Он Отец наш, если Он свет, сияющий во тьме, и мы видим Его, по слову Евангелия: *людие седящии во тьме видеша свет велий* (Мф. 4, 16); если, говорю, все сие, как учит нас Божественное Писание, бывает в нас в настоящей жизни, то, если, как вы говорите, этого не бывает в нас в жизни сей или бывает таинственно, без того, чтоб мы чувствовали то и сознавали, – чем разнимся мы от мертвых?

Не будьте же, братия мои, столь неверы и не впадайте в такой ров пагубы. Но если доселе и не чаяли вы, что чувством восприимете такие блага и сознательно получите их в

сей жизни и потому не старались стяжать их, то хотя отселе удостоверьтесь и поверьте, что это истинно и согласно с Божественными Писаниями. Перечитайте все Писание со вниманием и удостоверьтесь, что еще в настоящей жизни дается нам, сознательно для нас, печать Святого Духа. Когда же уверитесь в сем, тогда тако тецыте, да постигнете, и подвизайтесь, не яко воздух биющии (1 Кор. 9, 26), то есть со всем усердием старайтесь получить блага сии, о коих мы сказали, и подвизайтесь не тщетно и не бесплодно, но с тою целью, чтобы стяжать благодать Святого Духа. К сему еще, *просите, и дастся вам, толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7), – в сей ли жизни или в будущей. Не стыдитесь также учиться сему у других; еще – кайтесь, плачьте, поститесь, молитесь, воли своей отрицайтесь через послушание, – и посредством сего и подобного сему теките, подвизайтесь, ищите, толцыте, просите и не обращайтесь семо и овамо, пока не постигнете, пока не возьмете в руки, пока не отверзется вам дверь, пока не внидете внутрь брачного чертога, не узрите Жениха Христа, не услышите: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю* (Мф. 25, 21), пока не соделаетесь сынами света и дня. Но прежде чем увидите, прежде чем получите, прежде чем испытаете все сие, не обольщайте себя самих, в прельщении полагая, что есть нечто, ничтоже суще. От сего некоторые из вас сидят спокойно и беззаботно, так как совесть не обличает вас за то, что, не получив Духа Святого, думаете, будто вы – духоносцы, и тече-

те несмысленно – принимаете чужие помыслы, исповедуете других, делаетесь, как не следовало бы, иереями, духовниками, игуменами, восхищаете священство с презорством и бесстрашием и употребляете бесчисленные способы и хитрости, чтоб завладеть митрополиями, епископствами и игуменствами, чтоб пасти народ Господень. Но внемлите, прошу вас, мудрствуйте небесная, ищите Божественного, стремитесь к горнему и ничего другого не заботьтесь стяжать, кроме того. Ей, молю вас, презрим все видимое, отринем все человеческое, отреем все страстное, да получим настоящие и будущие блага силою Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и всесвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово шестьдесят четвертое

О богохульстве. Кто говорит, что в нынешние времена невозможно получить Духа Святого, и кто хулит действия Святого Духа, говоря, что такие действия от диавола, тот вводит новую ересь в Церковь Божию.

Поелику Господь наш Иисус Христос говорит во Святом Евангелии: *всяк грех и хула отпустится человеком, а яже на Духа хула не отпустится человеком ни в сей век, ни в будущий* (Мф. 12, 31, 32), то надлежит нам исследовать и познать, что это за хула, которая бывает на Духа Святого. На Духа Святого хула есть, когда кто действия Духа Святого приписывает диаволу, как говорит святой Василий Великий (Краткое правило 273). Когда кто видит, что какой-нибудь брат христианин совершает чудеса или имеет какое-либо дарование Святого Духа, как то: сокрушение сердечное, или слезы, или смирение, или разумение Божеских вещей, или другое что такое, что подает Дух Святой любящим Бога, – и говорит, что это – прелесть диавола, тот хулит Святого Духа. Также и тот, кто говорит, что сподобляющиеся воздействия Божественного Духа, как сыны Божии и исполняющие повеления Бога и Отца их, состоят в прелести от диавола, и этот хулит Духа Святого, действующего в них, как и евреи хулили Сына Божия, когда, видя, как демоны были изгоняемы Христом,

хульно говорили с великою продерзостью, что Он о веельзевуле, князе бесовском, изгоняет бесов. Но иные, слыша сие, не слышат и, видя сие, не видят, и о всем том, относительно чего Божественное Писание свидетельствует и удостоверяет, что оно бывает от Духа Святого и от Божественного воздействия, как из себя вышедшие и все Божественное Писание отвергшие, и все ведение, подаемое сим Писанием, из ума извергшие, не трепещут говорить, окаянные, что такие действия бывают от опьянения и демонов. Будто неверные и совершенные невежды, не ученные Божественным тайнам, они, когда услышат о Божественном осиянии или освящении души и ума, или о созерцании и бесстрастии, или о смирении и слезах от действия и благодати Святого Духа, тотчас, как бы не имея сил стерпеть великого блистания и силы словес сих, омрачаются паче очами души своей, чем просвещаются, и с великою продерзостью решают, что это от прелести бесовской, и не трепещут, окаянные, ни суда Божия, ни вреда, причиняемого тем, кои слышат их. Мало того, они не колеблются утверждать, дерзкие, что в настоящие времена ничего такого не бывает от Бога ни в ком из верующих; а это есть крайнее нечестие, паче, нежели ересь. Ересь бывает, когда кто уклоняется от какого-либо догмата православной веры; но кто говорит, что теперь нет людей, которые бы любили Бога и сподоблялись приять Духа Святого и креститься от Него, то есть возродиться благодатию Святого Духа и соделаться сынами Божиими, с сознанием, опытным вкушением

и узрением, – тот низвращает все воплощенное Домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и явно отвергает обновление образа Божия, или человеческого естества, растленного и умерщвленного грехом. Обновлением я называю воссоздание нашего естества, которое совершил Христос Господь, преложив его из тления в нетление и из смертности в бессмертие.

Мы исповедуем, что как невозможно спастись никому, кто не крестится водою и Духом, так и тому, кто согрешает по крещении, если не покается и опять не восприимет благодати Святого Духа и не будет воссоздан и обновлен свыше, невозможно спастись, как утверждает сие Господь, сказав Никодиму: *аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия* (Ин. 3, 3), и опять апостолам: *Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (Деян. 1, 5). Итак, кто не познал (осязательно) благодати Святого Духа, которую приял через Святое Крещение, когда был малым младенцем, и, быв крещен по вере, осквернил себя бесчисленными грехами и потом отвращается и от второго крещения – покаяния, того, говорю, которое дается свыше, по человеколюбию Божию, благодатию Святого Духа, тем, кои взыскивают ее покаянием, – тому как возможно обрести каким-либо образом спасение свое? Не обретет он его никогда. Почему говорю вам и не перестану говорить этого никогда: которые осквернили первое крещение преступлением заповедей Божиих, подражайте покаянию Давида и

всех святых и покажите истинное покаяние со всем рачением и всеми добрыми делами, да приидет опять в душу вашу благодать Святого Духа. Ибо если снизойдет на вас благодать Святого Духа, то это будет для вас некоею купелью световою, которая, как скоро приимет вас в лоно свое таинственно и возродит благодатно, соделает вас нетленными и бессмертными из тленных и смертных, каковы вы, и из сынов человеческих соделает вас сынами Божиими и богами по благодати, да будете сродниками святых и сонаследниками и вместе с ними внидете в Царство Небесное, чем соделался и преподобный отец наш Симеон Студит, Благоговейник, молитвами которого и некоторые из учеников его сподобились получить Святого Духа, по великой и неизреченной благодати Божией. Это говорю я не по другой какой причине, как для того, чтоб воспроповедать готовую и ко всем вам благость Божию и расположить и вас восподвизаться о получении такого же блага. Ибо знак любви по Богу есть не скрывать блага, но объявлять о нем братиям своим и их подвигать к тому, чтоб того же взыскали, обрели и стяжали. Почему, как видите, вопию к вам, взывая словами пророка Давида: *приступите к Нему и просветитеся, и лица* совести вашей *не постыдятся* (Пс. 33, 6). Чего же ради, братия мои возлюбленные, ниспали вы совсем в нерадение и леность, в сласти и похоти плотские и говорите, что не можете очиститься от грехов покаянием, приблизиться к Богу, получить благодать Святого Духа и чрез нее возродиться, сделаться богоподоб-

ными и сынами Божиими по благодати? Нет, это не невозможно. Невозможно это было прежде воплощенного Домостроительства Христова; но после того как благоволил Владыка всех и Бог соделаться человеком, по всему нам подобным, кроме греха, то соделал и все сие для нас возможным и удобным и дал нам власть быть сынами Божиими и сонаследниками Ему, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Слово шестьдесят пятое

О покаянии и о том, что когда кто творит все подряд заповеди Божии, то преуспевает в добродетели и делается совершенным.

Тот человек, который, презрев все земное и самую жизнь свою, желает приступить к совершению истинного покаяния по заповеди Христовой, будучи уверен, что сам по себе не может как должно совершить сие спасительное дело, пусть взыщет опытного отца духовного и, нашедши, припадет к нему со страхом и трепетом, слушается его во всем, что он ни скажет ему, со всем вниманием, от него научается, что следует делать, проходя путь покаяния, научается и духовному деланию всяких добрых дел. Я сказал, что ему надо иметь страх и трепет: это для того, чтоб не лишиться ему того великого блага, какое имеет получить от него, и не быть осуждену в вечный огнь адский как неуспешному и неискусному делателю заповедей Божиих. Ибо если он слова духовного отца своего будет принимать так, как бы они исходили из уст Самого Бога, с уверенностью, что от них жизнь, если исполнит их, и смерть, если преступит, то будет соблюдать их с точностью и вниманием великим. Если такое положит он начало делу своему и несомненную будет содержать веру в данные нам Богом обетования, то станет преуспевать по Бо-

гу день от дня и, по чину шествуя путем заповедей, возрастать в духовном жительстве и по благодати Господа нашего Иисуса Христа соделается наконец мужем совершенным.

Послушай же со вниманием, какие обетования даровал нам Господь наш Иисус Христос. *Радость бывает на небеси,* говорит Он, *о едином грешнице кающемся* (Лк. 15, 10), и опять: *грядущаго ко Мне* – сим разумеется: путем покаяния – *не изжену вон* (Ин. 6, 37); еще: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет* (Ин. 7, 37); и в другом месте говорит: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28); также: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя, а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим – и к Нему* – Я и Отец чрез Духа – *приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23); и опять еще: *аще вы зли суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, Иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13). На сии-то обетования Христовы надлежит надеяться, как мы сказали, с верою несомненною и творить все заповеди Христовы с великим и теплым усердием. Первая заповедь Евангелия есть следующая: *покайтеся, приближися бо Царствие Небесное* (Мф. 4, 17). Еще: *просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7, 7, 8). Желая же показать нам, как и какими делами надлежит нам искать, да обрящем, Христос сказал нам: *иже хощет в вас первый быти, буди всем раб,*

всем слуга и всех меньший. Иже бо вознесется, смирится: и смиряяйся вознесется (Мф. 23, 12; Мк. 9, 35).

Итак, кто имеет в уме своем все сие, сказанное нами, и все подобное сему, тот день и ночь занимается тем, обсуждает, как что лучше сделать, и делает то со всем усердием и тщанием, и таким образом мало-помалу забывает мир и яже в мире – деньги, имущества, родных и, соответственно тому, единится и сочетавается с духовным, то есть чем более отдаляется от мирского, тем более прилепляется к духовному. Преуспевая же таким образом день ото дня, он замечает, как мало-помалу истощаются злые помыслы, прежде не дававшие ему покоя, и отбегают от него; потом познает, как сердце его умягчается, сокрушается, приходит в смирение и рождает смиренномудрые помыслы; а когда восчувствует все сие, тогда посредством всего сего, и также через многие скорби и искушения, приходит в сокрушение и слезы; и чем более смиряется, тем более сокрушается, потому что смирение рождает плач, а плач питает матерь свою, то есть смирение, и возращает его. Когда же делание плача соединяется с исполнением заповедей Божиих, тогда оно омывает – о чудо! – и очищает душу от всякой скверны и изгоняет из нее всякую страсть и всякую похоть плотскую и мирскую. Таким образом наконец человек делается свободным от всякого мирского похотения и от всех страстей как телесных, так и душевных. Как человек, скинув одежды свои, делается совершенно нагим, так и душа скидает, будто одежду какую, пер-

во-наперво нечувствие, которое божественный Павел называет покрывалом, каковое покрывало нечувствия не на сердцах только неверных евреев лежит, но и в каждом человеке, со всем усердием и всею силою не творящем заповедей Евангелия, находится это покрывало (то есть нечувствие) и покрывает ум его, так что он не может подняться от земного и знать как должно Сына и Слово Бога, то есть Христа. Далее как тот, кто обнажается телесно, видит раны, если какие есть на теле, так и этот видит тогда чисто страсти души своей, как то: славолюбие, сребролюбие, памятозлобие, братоненавидение, зависть, за-виствование, любопрительность, самомнение и все другие страсти – и на все эти страсти душевные налагает заповеди Христовы как врачебные вещества, а как прижигания выжигающие налагает искушения и скорби. И таким образом смиряется, плачет, ищет помощи Божией с великим рвением; и тогда явно видит, как благодать Всесвятого Духа приходит в него и искореняет и уничтожает страсти одну за другою, пока не освободит душу от всех их, ибо благодать Святого Духа не от одной или от двух страстей освобождает душу, но совершенно от всех чисто-начисто. Вместе со страстями, о коих мы сказали, она отгоняет и всякую леность, нерадение и беспечность, всякое неведение, забвение и чревоугодие, всякое сластолюбие и похотение злое. И таким образом обновляет человека и по душе, и по телу, так что таковой думает, что не носит уже смертного и дебелого тела, но некое духовное и невещественное, спо-

собное восхищенным быть на небо, подобно святому Павлу. И не это только совершает в нем благодать Всесвятого Духа, но не позволяет уже ему внимать чему-либо чувственному и мирскому и делает то, что он видит все это, как бы не видел, ибо тогда ум соединится с мысленным и Божественным, исходит совершенно вне всего чувственного, при всем том, что будто смотрит на то.

Когда наконец приходит таковой в это доброе состояние, о коем божественный Павел говорит: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20), – *не смотряющим нам видимых, но невидимых* (2 Кор. 4, 18), тогда осиявается и просвещается, каждодневно возрастает духовным возрастанием, отметает все свойственное младенческому несмысленному мудрованию и преуспевает в совершенствовании себя, *дондеже достигнет в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). По мере же возрастания своего, то есть по мере своего преуспеяния в добродетелях, изменяются и душевные силы его и действия, и он делается мужественнейшим и сильнейшим в исполнении заповедей Христовых; и чем больше преуспевает в делании заповедей Божиих, тем более очищается, осиявается и просвещается и сподобляется видеть откровения великих таин, коих глубины не видел никогда и совершенно не может видеть никто из тех, кои не воcподвизались прийти в такую чистоту. Под таинствами разумею я то, что все видят, но не постигают. Но тот, кто просвещается Духом Святым, обновляющим всяческая, стяжевает но-

вые очи и новые уши и не смотрит уже просто, как человек, на чувственное чувственно, но, как ставший выше человека, смотрит на чувственное и телесное духовно, как на образ вещей невидимых; и слушает он не глас или гласы человеков, но единое живое слово Бога, хотя оно изрекается посредством слова человеческого. Такая душа приемлет через слух только живое слово Бога, как знаемое ей и желанное, и ему только позволяет войти внутрь себя, и когда оно войдет в нее, лобызает его с радостью, как сказал Христос: *овцы Моя гласа Моего слушают* (Ин. 10, 27), чуждого же гласа не знают (Ин. 10, 5). Прочие же все человеческие слова она хотя слышит, но не принимает их и не позволяет им входить внутрь себя, но отвращается от них и отгоняет их заблаговременно, а иной раз и совсем не чувствует присутствия их и их толкания в уши, но бывает для них как глухая, ничего не слышащая – не слышит их и не принимает, при всем том, что слышит.

Когда соделается он таковым, тогда вселяется в него Бог и бывает для него все, чего ни желает он, и даже паче того, что желает. Ибо Бог есть всякое благо, и в какую душу вселяется, ту исполняет всяким благом, сколько возможно вместить человеческому естеству, – таким благом, коего око не видало, о коем ухо не слыхало и которое на сердце человеку не восходило, – человеку тому, который не сделался таким, какого изобразили мы выше. Когда Бог вселится в такого человека, то научает его всему – и относительно настоящего, и относи-

тельно будущего, не словом, а делом и опытом, практически. Он снимает покрывало с очей души его и показывает ему, чего хочет Сам и что полезно для него; о прочем же внушает ему не исследовать, не совопросничать и не любопытствовать. И того, что показывает ему Бог, не может он видеть без глубокого благоговения и страха, но приникая и воззревая в глубину богатства премудрости и разума Божия, трепещет и ужасается, помышляя о себе, кто есть и какие тайны сподобился видеть. Видя безмерное человеколюбие Божие, приходит он в исступление, сознавая и чувствуя, сколь недостоин смотреть на такие предивные таинства; почему не дерзает пытливо рассматривать их или исследовать, что они суть, но лишь взывает с великим страхом и трепетом, говоря: кто есмь аз, Господи, и что – дом отца моего, что Ты доверил мне и благоволил показать такие таинства мне, недостойному, и соделал паче чаяния, чтоб я не только видел такие великие блага Твои, но и предивно стал причастником их?

Такой человек, как ставший выше всякой твари, не имеет уже желания возвратиться вспять и рассматривать твари. Стяжав и в себе имея Владыку Ангелов, не любит уже он исследовать сущности и естество Ангелов, служителей Божиих, зная притом, что Богу неугодно, чтоб он любопытствовал о том, что превышает силы человека, ибо если нам повелено не пытать разумом догматов Писания, то тем паче совсем не подобает нам любопытствовать о том, что выше написанного.

Такой человек зрит Бога, сколько это возможно для человеческого естества и сколько благоугодно Богу, подвизается зреть Его непрестанно здесь и молится, да сподоблен будет выну зреть Его и по смерти своей; рад он зреть только Его одного и не чувствует потребности смотреть на что-либо другое. Почему и желания не имеет отрываться вниманием от Владыки своего Бога, от Коего преисполняется светом и приемлет жизнь вечную, и смотреть на подобных себе рабов Его.

Таковой человек, поелику зрим бывает, осиявается и просвещается Богом и сам зрит великую и всякий ум превосходящую славу Божию, то и не желает более, чтоб его видели другие и догадывались, что такое он есть и в какой находится славе. Души святые бывают свободны от тщеславия. Будучи украшены пресветлою и царскою ризою Всесвятого Духа и преисполнены преимущею славою Божиею, они не только не заботятся о славе человеческой, но и когда окружают ею их люди, никакого совершенно не обращают на нее внимания. Ибо душа, зримая Богом и сама зрящая Бога, никак не пожелает обратиться посмотреть на другого какого человека, не пожелает и того, чтоб видел ее кто-либо другой.

Посему умоляю вас, братия мои, будем не словами только одними изучать несказанные блага Божии, что, впрочем, и невозможно и для тех, которые учат, и для тех, которые слушают. Ибо ни те, которые учат, не испытав делом, о мысленных и Божественных вещах, не могут дать явных дока-

зательств и пояснений примерами и представить истину в практических применениях; ни те, которые слушают, не могут от одних только слов понять, что им говорят. Но надлежит со многими болезнями и трудами подвизаться прийти в состояние созерцания тех невидимых вещей и научиться понимать их из деяний и опытов. Тогда из таких опытов научимся мы и просвещены будем и относительно словес о сих благах, да прославится Бог в нас ради такого Божественного состояния, – и мы посредством знания таких вещей да прославим Бога, и Бог да прославит нас, во Христе Боге нашем, Коему слава, со Отцем и Святым Духом, вовеки. Аминь.

Слово шестьдесят шестое

1. О покаянии, и что для очищения души недостаточно одного раздания имуществ, если не стяжем и плача.

2. Об изгнании Адама из рая, и что если б он покаялся по преступлении заповеди Божией, то не был бы изгнан из рая.

3. Какое благо принесло ему покаяние, какое принес он по изгнании?

4. Как надлежит каяться тому, кто хочет истинно покаяться.

5. О втором пришествии Господнем.

6. Обличение тех, которые живут не худо, но не с добрым расположением, а притворно.

1. Доброе дело – покаяние, и велика польза, бывающая от него. Ведал сие Господь наш Иисус Христос Бог, всяческая провидящий, и сказал: *покайтеся, приближибося Царствие Небесное.* Желаете ли и вы научиться и познать, что без покаяния нам невозможно спастись? Покаяние же я разумею такое, которое бывает от всей души и от всего сердца. Послушайте апостола, который говорит: *всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает* (1 Кор. 6, 18). И опять в другом месте: *всем явитися нам подобает пред судищем Христовым, да прии-*

мет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10). Но на это иной может сказать: благодарю Бога, я не осквернил тела моего никаким срамным делом (чего я, всякий грех соделавший, сказать не могу), – и говоря так, иметь некое от сего утешение, что-де чист от плотского греха. Но Владыка наш Христос в притче о пяти девах юродивых дает решительное удостоверение, что от одной чистоты телесной никакой не получим мы пользы, если не будем иметь и прочих добродетелей. Те пять дев имели и немного елея в сосудах своих, то есть некоторые внешние добродетели, причастны были и некоторых дарований, от чего и лампады их горели некоторое время; но за нерадение свое, невежество (в делах духовных) и леность были осуждены на вечное мучение. Они не позаботились очиститься от скрывавшихся в душе их страстей, которые приводимы были в движение бесами, и даже не познали их как следует. Оттого под бесовскими воздействиями были растлеваемы сердца их через сосложение с помыслами, с которыми скрытно имели смешение, бывая пленяемы ими и побеждаемы.

Но какие это бесовские действия? Страсти – зависти, ревнивости, ссоры, спорливости, осуждения и клеветы, ненависти, гнева, огорчения, злопамятства, тщеславия, человекоугодия, самоугодия, сребролюбия, плотской похоти, коею услаждались и посредством сласти творили блуд в помыслах; к сему еще – страсти неверия, бесстрашия (перед Богом), боязливости (не знать перед чем), уныния, печали, проти-

воречия, лености, сонливости, самомнения, высокомудрия, гордости, объядения, любоимания, безнадежия и все прочие тонкие и скрытные страсти греховные, приводимые в движение демонами.

Блаженный апостол Павел взывает подобно Христу и говорит: *мир имейте* (бія>хєтє, гоните) *и святыню со всеми, ихже кроме никто-же узрит Господа* (Евр. 12, 14). По какой причине сказал он: *гоните,* то есть всегда ищите мира и святыни, непрестанно ищите? По той, что невозможно в один час соделаться нам и стать святыми. Надобно начинать с меньшего и, постепенно преуспевая, восходить к более и более совершенной святыне и чистоте. И хотя бы мы прожили в этой жизни тысячи лет, никак не возможем достигнуть полного совершенства святыни, но долг имеем подвизаться ради ее непрестанно, так, как бы теперь только положили начало. Это самое показывает святой Павел, когда о себе говорит: *гоню, аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. 3, 12).

Посему умоляю вас, братия мои, внимайте тому, что мною говорится вам, и послушайте слов грешного брата вашего. Приидите, поклонимся и припадем к благому и человеколюбивому Богу нашему, предварим лице Его во исповедании и восплачемся пред Ним, сотворшим нас, ибо Он Господь наш, мы же людие Его и овцы пажити Его, и не отвратит Он лица своего от нас. Только покаемся от всей души и отринем не злые только дела, но и самые лукавые и нечистые помыслы

сердца нашего, уничтожим их совершенно. Ибо Божественное Писание говорит: *расторгните сердца ваши, а не ризы ваши* (Иоил. 2, 13). Что пользы, скажи мне, если мы будем раздавать бедным имущество свое, а от зла не отстанем и греха не возненавидим? Что также пользы, если мы делом не будем совершать какого-либо плотского греха, а в сердце будем питать срамные и нечистые помыслы, совершая таким образом грех тайно в душе своей и обладаемы будучи нечистыми страстями душевными? Отринем же, молю вас, вместе с сребром и златом и обычное нам рабство страстям; не будем стоять в нерадении, как доселе, но восприимем подвиг отмыть скверну страстей слезами покаяния.

Как если царь какой, сидя на троне своем с короною на главе и в царских одеждах, по своей воле возьмет что-либо нечистое и своими руками вымажет тем свое лицо и замажет чувства свои до невозможности видеть, слышать и обонять, а потом, раскаявшись, что так сделал, положит очиститься от этой скверноты, но не войдет тотчас в жилище свое, чтоб омыться водою и, отмыв ту нечистоту, опять чистым, каков был прежде, воссесть на престол свой, а вместо того, чтоб отмыть эту нечистоту, станет раздавать бедным сокровища свои и богатство свое, то хотя бы он раздал все движимое и недвижимое имущество свое, не получит от этого никакой пользы, если не отмоет водою нечистоты своей, и все смотрящие на него, когда он, имея на лице своем такую нечистоту, обращается с синклитом своим и с князья-

ми своими, будут иметь его в посмешище, так невозможно получить какую-либо пользу и тому, кто так же раздаст все богатство свое и сделается совсем нищим, если не оставит греха, не отвратится от зла и не очистит души своей покаянием и слезами. Пусть какой-либо человек, нагрешивший и чувства души своей закрывший нечистотою греховных сластей, раздаст бедным все богатство свое и оставит славу чинов своих, великолепные дома, рабов, родных, друзей и знаемых и, обеднев таким образом, нищим и ничего не имущим придет и сделается монахом, но при всем том ему, пока жив, потребны и слезы покаяния, которые совершенно необходимы, чтоб омыть и очистить ими скверну грехов, особенно если он, как и я, нечист не кое-какими, а большими и многими грехами.

Итак, если хотим очистить души свои от скверн греховных, то для этого недостаточно только раздать бедным имущества свои, но потребно еще плакать и проливать слезы от всего сердца. Я так думаю о себе, что если не очищу скверны грехов моих слезами моими, но отыду из настоящей жизни оскверненным, то праведно буду предан поруганию и Богом и Ангелами и ввергнут в неугасимый огнь вместе с демонами. Да, братия мои, так есть воистину. Ничего не внесли мы в настоящую жизнь, чтоб, когда согрешим, дать то Богу для искупления грехов наших, как и Евангелие говорит: *что даст человек измену за душу свою?* (Мф. 16, 26). Се суд правый! Се праведное и истинное смирение, как гово-

рит и Дух Святой устами Давида: *не приму от дому твоего тельцов, ниже от стад твоих козлов. Яко Мои суть вси зверие дубравнии* и пр. (Пс. 49, 9, 10). И еще: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 18, 19). Опять и Христос говорит: *не мните, яко приидох разорити закон, или пророки: не приидох разорити, но исполнити* (Мф. 5, 17). Ибо ветхий закон не мог врачевать души от невидимой болезни страстей греховных земными врачевствами, то есть телесными оправданиями, дарами, жертвами, всесожжениями и прочим. Почему и Предтеча Иоанн говорит: *се, Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1, 29). Также и апостол Павел: *закон духа жизни о Христе Иисусе освободил мя есть от закона греховнаго и смерти* (Рим. 8, 2).

Желаете ли знать, как Христос исполнил закон и пророков, как говорит Сам Он? Послушайте. Закон говорит: не убий, а Христос: не гневайся; закон: не прелюбодействуй, а Христос: не похотствуй; закон: не клянись ложно, а Христос: совсем не клянись. Рассуди теперь: кто не гневается, тому как возможно убить? Кто не допускает похотствования, тому как возможно соблудить? Тому, кто совсем не клянется, как можно поклясться ложно? Итак, Христос Господь законом Духа, то есть Евангелием, отсекает от души корни грехов; и это есть исполнение закона – то, чтоб кто не за какое-нибудь дело оправдывал себя или считал себя праведным, но

чтоб во всем и пред всеми был как мертвый, чтоб уже совершенно ничем не смущаться и не тревожиться и не вздорить с теми, которые опечаливают его чем-либо прискорбным, но жить вполне по заповедям Христа Господа и исполнять ревностно Его повеления. Все заповеди Христовы даны нам в противность грехам; в этих заповедях надлежит жить и их ревностно исполнять всякому, кто желает сподобиться Царствия Небесного; для всего же прочего надо быть бездейственну и мертву. Христос Господь говорит: *аще пребудете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут, егоже аще хощете, просите, и дастся вам* (Ин. 15, 7). Последуем же слову Христову с усердием и ревностью, пока достигнем того места, где пребывает Христос. Христос где Сам пребывает, туда влечет и последующих Ему и помещает их во святом святых, как великий Архиерей, – там, куда, как человек подобный нам, Он вошел первым, как Сам говорит: *никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною. Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14. 6). И еще: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною: да видят славу Мою, юже дал еси Мне* (Ин. 17, 24). Распнемся же и мы со Христом, то есть будем претерпевать всякое искушение, какое ни найдет на нас, и умертвимся по любви к Нему для всех удовольствий мирских, чтобы жить с Ним. Будем вместе с Ним шествовать путем, ведущим на небо, храня чистыми сердца свои, ибо когда будем шествовать путем заповедей Его и последовать Ему, не обращаясь вспять, тогда никакого вреда не возмо-

жет причинить нам враг наш диавол, особенно если будем шествовать с мудрым руководителем и добрыми спутниками. Убоимся примера бесплодной смоковницы, проклятой Христом за бесплодие, и принесем Христу достойные плоды чрез покаяние. Не дадим себе воздремать нерадением души своей и не попустим влаяться туда и сюда в прелестях мира, в то время когда надлежит трудиться в делании заповедей Божиих, чтоб не погасить светильника, возжженного и светящего под действием плодов покаяния, и не уподобиться пяти юродивым девам. Но делами добрыми и богоугодными будем преумножать талант благодати Христовой.

Ибо для всех вообще, не для монахов только, но и для мирян, возможно всегда каяться и плакать, молиться Богу и преуспевать во всех добродетелях. А что то, что я говорю, истинно, подтверждает слово мое и святой Иоанн Златоуст, великий столп и учитель Церкви, в беседе, в коей истолковывает пятидесятый псалом, где говорит, что и для того, кто имеет жену и детей, рабов и множество слуг, большое богатство и почести, и кто велик и славен по мирским делам, возможно не только каждодневно плакать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродетели, и приять Святого Духа, соделаться другом Богу и сподобиться созерцания Его. Таковы были жившие прежде Христа: Авраам, Исаак, Иаков, Лот, Моисей, Давид – оставлю прочих, потому что их было премного, а в новой благодати во время воплощенного Домостроительства Христа, Бога нашего, апостол Петр, ры-

барь неученый, проповедавший Христа по всей вселенной. Впрочем, всех их кто исчислит, когда они – паче песка морского? Много было царей, князей и лиц властных (не говоря уже о бедных), которые с большим иждивением строили города, дворцы, храмы Божии, богадельни, странноприимницы, сохраняющиеся доселе. Имея же все сие при жизни, они пользовались тем благочестно и богоугодно, не как господа и властители, а как слуги Божии, распоряжаясь тем, что дал им Бог, так, как было угодно Богу. Они пользовались миром, как говорит святой Павел, но не злоупотребляли. Почему, и живя в мире, они были славны и знамениты, и в другой жизни в Царствии Небесном в нескончаемые веки будут славнейшими и светлейшими. Так и мы, если бы не были нерадивыми и беспечными презрителями заповедей Божиих, но усердными, ревностными и внимательными исполнителями их, то не имели бы нужды оставлять имущества свои, удаляться от мира и делаться монахами. Но чтоб тебе лучше убедиться в этом, послушай, что будет говориться далее.

2. Бог в начале создал человека царем всего земного, и не только земного, но и того, что находится под кровом небесным, ибо и солнце, и луна, и звезды созданы для человека. Итак, будучи царем всего этого видимого, человек терпел ли от этого какой-либо вред для добродетели? Нет, не терпел. Напротив, если бы он всегда благодарил за сие Бога, создавшего его, и все это Ему посвящал, то паче преуспевал бы в добродетели. И если б он не преступил заповеди Божией, то,

конечно, не потерял бы царства своего, какое имел, и не ниспал бы от славы Божией. Но как преступил заповедь Божию, то праведно изгнан из рая, и стал жить в трудах и хлопотах, и умер в изгнании.

И послушай, скажу тебе нечто такое, чего никто еще не высказал с полною ясностью. Говорит Божественное Писание: *сказал Бог Адаму: Адаме, где еси?* (Быт. 3, 9). Для чего говорит это Творец всяческих? Конечно, для того, чтоб расположить Адама прийти в чувство, сознать грех свой и покаяться. Для того и говорит: Адаме, где еси? Как бы говорил: Адаме, войди в самого себя, познай наготу свою и уразумей, какое одеяние и какую славу потерял ты; Адаме, где еси? Некоторым образом Он как бы возбуждает его и говорит: о Адам, приди в себя и исповедай со смирением грех свой. Выдь оттуда, где ты скрываешься. От Меня ли думаешь укрыться? Скажи: согрешил. Но он не говорит этого (или, лучше сказать: я, бедный, не говорю этого, потому что это собственная моя есть страсть), а что говорит? *Глас слышах Тебе ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся* (Быт. 3, 10). Бог же что сказал ему на это: *Кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* (Быт. 3, 11). Видишь, возлюбленный, благоутробие Божие? Что когда Бог сказал Адаму: где ты, и Адам не исповедал греха своего, а сказал: *глас слышах Тебе ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся,* – Он не разгневался на него тотчас и не отвратился от него, но опять

спрашивает его, говоря: *кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси?* Понял ли ты глубину премудрости Божией – что когда Адам сказал: *наг есмь,* Бог говорит ему: что говоришь ты, что наг, а грех свой скрываешь? Не думай, что Я вижу только тело твое, а сердца твоего и помышлений твоих не вижу. Ибо Адам обманулся и действительно подумал, что Бог не знал о грехе его, некоторым образом так говоря в себе: скажу, что я наг; Бог, не зная причины этого, спросит: отчего же ты наг стал? А я отвечу ему: не знаю. Так я обману Его и опять получу прежнее покровение. Если же и не получу сего, по крайней мере Он не изгонит меня теперь же из рая и не вышлет в другое место. Вот что подумал Адам, как и ныне делают то многие, и первый я сам, скрывая грехи свои. Но Бог, не желая, чтоб грех Адама отяжелен был этою несознательностью, говорит ему: откуда узнал ты, что наг, если б не вкусил от древа, от которого запрещено было тебе вкушать? Он как бы так говорил ему: и ты думаешь укрыться от Меня? Не знаю будто Я, что ты сделал? Чего же не говоришь: согрешил? Скажи, несчастный: ей, Владыко! Истинно согрешил я, преступив заповедь Твою, послушал совета жены своей и большой сделал грех, поступив по слову ее и преступив Твое собственное. Помилуй мя, Боже, и прости. Но он не говорит этого, не смиряется, не сокрушается; сердце его ожесточено, каково и у меня, бедного. Если б он сказал это, то опять остался бы в раю и не подвергся бы тем лише-

ниям, какие испытал потом. Одним этим словом: согрешил – он искупил бы все множество лет, какие пробыл в аде.

Вот что я обещал тебе сказать! Но послушай еще и далее, и поймешь, сколь истинно слово мое. Бог сказал Адаму: *в оньже аще день снесте от него* – от древа запрещенного, – *смертию умрете* (Быт. 2, 17) – смертию то есть душевною, что и совершилось тотчас, – человек совлекся одежды бессмертия; и ни Бог не сказал ничего более (того определения), ни совершилось ничего после того особенного. Бог, провидя, что Адам имел согрешить, и желая простить его, если покается, не сказал ничего более сказанного. Но Адам отрекся от греха своего и не покаялся, даже и будучи обличаем Богом, ибо сказал: *жена, юже дал еси со мною,* та прельстила меня (Быт. 3, 12). Увы ослепленной душе его! Сказав так, он сказал как бы Богу: Ты Сам виноват, потому что меня прельстила жена, которую Ты дал мне. Что самое стражду ныне и я, бедный и несчастный, когда не желаю смириться и сказать от всей души, что сам я виновен в своей погибели, но говорю, что вон тот-то побудил меня сделать или сказать то и то, он мне посоветовал и сбил с пути. Увы бедной душе моей, говорящей такие слова, полные греха! О, бесстыднейшие и неразумнейшие слова души бесстыдной и неразумной! Итак, после того, как Адам сказал это, говорит ему и Бог: *в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси: яко земля еси и в землю пойдеши* (Быт. 3, 19). Он как бы так сказал ему: Я говорил тебе покаяться,

чтоб остаться в прежнем твоем состоянии; но как ты жесток сердцем и нераскаян, то удались от Меня. Этого отдаления тебя от Меня будет достаточно для твоего наказания: ты земля и в землю пойдешь. Уразумел ли ты теперь, что Адам за то, что не покаялся и не сказал: согрешил я, изгнан из рая, осужден проводить жизнь в трудах и потах и отойти в землю, из которой взят? Потом, оставя его, Бог подходит к Еве, желая обнаружить, что и она праведно осуждается вместе с Адамом на изгнание, так как не хотела покаяться, и говорит ей: что это ты сделала? Чтобы хоть она сказала: согрешила я. Ибо по какой другой причине сказал бы ей Бог такие слова, кроме разве для того, чтоб побудить ее сказать: о Владыко, по неразумию моему сделала я это, бедная и несчастная, и преслушала Тебя, Господа моего, помилуй меня и прости мне! Но она не сказала этого, а что?

Змий прельсти мя. О, нечувствие окамененное! И ты, Ева, – после того, как согласилась беседовать со змием, говорившим тебе слова, противные Владыке твоему и Богу, предпочла его Богу Творцу твоему, нашла лучшим заповеди Господа твоего совет его и почла его более истинным, чем заповедь Божия, – не сознаешься, что сделала худо, и не каешься?! Так, поелику и она не захотела сказать: согрешила я, то и она изгнана из рая сладости и отдалена от Бога. Вникни же в глубину таин человеколюбивого Бога и познай из сего, что если б они покаялись, то не были бы изгнаны из рая и осуждены возвратиться в землю, из коей взяты. Как же это?

Послушай.

3. Поелику, будучи изгнаны из рая, они тотчас начали алкать и жаждать, зябнуть и дрожать, нести труды и поты и претерпевать все те тяготы и прискорбности, которые претерпеваем и мы ныне, то скоро восчувствовали, в какое горькое низошли состояние и какому великому подверглись бедствию. Тогда познали они и свое жестокосердие и нераскаянность, и Божие к ним неизреченное снисхождение и благоутробие. Почему, ходя и сидя вне рая, они каялись и проливали слезы, били себя в лицо и исторгали власы главы своей, оплакивая прежнее свое жестокосердие. И это делали они не один, или два, или десять дней, но всю жизнь свою. Ибо как можно было не плакать, воспоминая оного кроткого и благоволительного Владыку, оную неизреченную сладость рая, те неописанные доброты и красоты цветов райских, ту беспечальную и беструдную жизнь и сообращение с Ангелами? Как бывает в мирской жизни, что слуги, приставленные каким-либо именитым господином служить ему, пока соблюдают внимание, почтительность и послушание господину своему, имеют пред ним дерзновение, пользуются его благосклонностью и любовию и живут у него в покое и довольстве; а когда возгордятся и начнут отступать от воли господина своего и презирать сослуживцев своих, то не только теряют дерзновение свое пред ним, но и его благосклонность и любовь и по его приказанию изгоняются в страну далекую, где подвергаются бесчисленным нуждам и скорбям, и чем

более страждут и бедствуют, тем более чувствуют горесть своего положения, воспоминая потерянное ими покойное и довольное житье; так то же самое пострадали и прародители наши, жившие в раю и наслаждавшиеся великими его благами. Они познали величие сих благ и цену им, когда потеряли их, быв изгнаны из рая; тогда же познали они и всю великость понесенного ими зла. Почему непрестанно горевали и плакали, призывая благоутробие Божие.

Что же делает Бог, скорый и готовый на милость и косный на наказание? Он провидел, что они наконец смирятся и раскаются, потому предопределил и особый способ к отменению своего на них праведного приговора, но не тотчас привел в исполнение сие предопределение, а свои назначил для сего и время, и место, и образ, чтоб научить нас любомудрствовать и не восставать против Творца своего и Бога. Как предопределил, так потом и сделал, и тем, которых изгнал из рая за продерзость перед Ним и нераскаянное сердце, поелику смирились и оплакивали себя, устроил путь к возвращению потерянного. Именно: для сего Сам Единородный Сын и Слово безначального Отца снисшел с небес на землю и не только соделался человеком, подобным им, но и благоволил понести смерть насильственную и позорную, потом нисшел в ад, извел их оттуда и восстановил. Итак, Христос столько, как каждодневно слышишь, пострадавший за них, чтоб возвратить их из такого далекого изгнания, ужели бы не сжалился над ними, если б они покаялись тогда в раю?

Как можно, чтобы не сжалился над ними Тот, Кто по существу человеколюбив и благоутробен и Кто создал их для того, чтоб они наслаждались благами рая и прославляли Благодетеля своего?

Но чтоб тебе лучше познать сие и поверить слову моему, слушай и еще. Если б они покаялись тогда, когда находились еще в раю, то получили бы опять только рай и ничего более. Но поелику, изгнаны быв из рая за нераскаянность, потом раскаялись, много плакали и бедствовали, то Владыка всяческих Бог за труды их и поты, за бедствия, претерпенные ими, и за доброе их покаяние, благоволил паче почтить их и прославить, чтоб заставить их забыть все понесенное ими зло. И что же делает? Смотри, сколь велико человеколюбие Его! Сошедши во ад и изведши их оттуда, Он не ввел их опять в тот же рай, из которого они изгнаны, но возвел на небо небесе и, когда воссел одесную Бога и Отца Своего, спосадил их с Собою. Помысли же, какою великою почтил Он честью Адама, который был раб Ему по естеству и сподобился быть отцом Ему по благодатному Домостроительству?

Видишь, на какую высоту вознес его Владыка наш Христос за его покаяние, смирение, плач и слезы! О, сила покаяния и слез! О, море человеколюбия неизъяснимого и милосердия неисследованного!

4. И не только Адама почтил Бог и прославил, но и нас, сынов его, которые, то есть, воспподражали его покаянию, слезам, плачу и всему, о чем сказали мы, – и даже доселе про-

славляет Он и чтит, как Адама, тех, которые каются, как следует, и делают то, что делал Адам, еще и тех, которые отныне и напоследок будут так делать и каяться, миряне ли они или монахи, будет Он прославлять, как его, как Сам сказал Он, истинный Бог наш: «Истинно говорю вам, не оставлю их никогда, но как братий Моих и друзей, отцов и матерей, сродников и сонаследников моих покажу их, прославил и прославлю их и на небеси горе, и на земли низу, и животу их и радованию и славе не будет конца».

Скажи же мне, брат мой, какую пользу принесла прародителям нашим оная беструдная и беспечальная жизнь, какую имели они в раю, когда они вознерадели, презрели Бога неверием Ему и преступили заповедь Его? Ибо если б верили Ему, то Ева не сочла бы змия вернейшим Бога, Адам не поверил бы Еве паче Бога, и они поостереглись бы вкусить от древа запрещенного. Но вкусили и не покаялись, и за это изгнаны из Рая. Впрочем, и от изгнания опять они получили не вред, а великую пользу. Это в силу Домостроительства спасения нашего. Ибо Владыка наш Христос снисшел с небес, смертью Своею разрешил узы нашей смерти и снял осуждение, перешедшее на нас от преступления прародительского, силою Святого Крещения возродил нас, воссоздал и избавил от сего осуждения и сделал нас в мире сем совершенно свободными, чтобы враг наш диавол уже не действовал в нас и на нас насильственно и принудительно, почтил нас самовластием, какое даровано было нам в начале, и дал силу против

врага, чтоб желающие удобно побеждали его паче всех святых, бывших до воплощенного Домостроительства Христова. Но и когда умирают такие, не нисходят во ад, как древние, а восходят на небеса и сподобляются получить тамошнее упокоение и вечную радость – теперь в некоей лишь мере, а по общем воскресении вполне и всецело.

Итак, пусть никто не выдумывает извинений своим грехам и не говорит, что мы, в силу преступления Адамова, подлежим всецело действию (несопротивительному) диавола и принудительно влекомы бываем на грех. Которые думают и говорят так, считают, верно, что воплощенное Домостроительство Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа было бесполезно и всуе, каковое слово есть слово еретиков, а не православных. Ибо по какой другой причине нисшел и воплотился Христос и для чего другого пострадал Он, если не для того, чтоб разрешить осуждение, происшедшее от греха, и освободить род наш от рабства диаволу и от действия в нас (властного) сего врага нашего? То и есть истинное самовластие, чтоб никоим образом не быть властвуему от другого кого. Мы все рождаемся грешниками от праотца нашего Адама согрешившего, преступниками от преступника, рабами греха от раба греха, подклятвенными и мертвыми от подклятвенного и мертвого, и из-за Адама, приявшего действие лукавого диавола, его советом подвигнутого на грех, поработившегося ему и потерявшего самовластие, и мы, как чада его, подлежим действию и властному господству диа-

вола и бываем рабами ему. Для того Господь наш снисшел с небес, воплотился и соделался человеком, подобным нам во всем, кроме греха, чтоб уничтожить грех, – зачат был и родился, чтоб освятить зачатие и рождение людей; воспитываем был и возрастал мало-помалу, чтоб благословить всякий возраст; начал проповедовать, соделавшись уже совершенным мужем, тридцатилетним, чтоб научить нас не забегать вперед и не упреждать ни в чем тех, кои больше нас по уму и добродетели, то есть более нас разумны и добродетельны, особенно если мы еще молоды и несовершенны рассуждением и добродетелью; сохранил все заповеди Бога и Отца Своего, чтоб разрешить всякое преступление и нас, преступников, освободить от осуждения; соделался рабом, прияв зрак раба, чтоб опять нас, рабов диавола, возвести в господское достоинство и сделать господами и властителями самого диавола, прежнего тирана нашего, что и подтверждают святые, изгоняющие диавола как слабого и немощного и слуг его, не только в жизни, но и по смерти; повешен был на кресте и сделался клятвою, как говорит пророк: *проклят всяк висяй на древе* (Втор. 21, 23), чтоб разрешить всю клятву Адамову; умер, чтоб умертвить смерть, и воскрес, чтоб уничтожить силу и действо диавола, имевшего власть над нами посредством смерти и греха.

Так Господь наш, ввергши в среду смертоносного яда греховного неизреченное и животворящее действо Божества Своего и плоти Своей, освободил род наш от действа диаво-

лова и, очищая нас Святым Крещением и животворя Причащением Пречистых Таин Честного Тела Своего и Крови, делает святыми и безгрешными, – но и опять оставляет иметь нам самовластие, чтоб не казалось, что мы служим Владыке нашему Христу по принуждению, но по собственному нашему произволению. Почему, как в начале Адам в раю был свободен и безгрешен и по самовластной воле своей послушался врага, прельстился и преступил заповедь Божию, так, напротив, и мы, возрождаемые Святым Крещением, освобождаемые от рабства и делаясь свободными, если не послушаемся по своей воле врага нашего диавола, то этот лукавый никаким способом не может поселить в нас какое-либо зло. Теперь, если прежде закона и пришествия Христова без пособия тех средств, о коих мы сказали, многие и очень многие угодили Богу и явились непорочными, из которых праведного Еноха Бог почтил преложением, а Илию вознес на небо на огненной колеснице, то мы какое можем дать оправдание, если после явления благодати, после такого и толикого благодеяния, после уничтожения смерти и греха не являемся святыми, если по возрождении Святым Крещением, какое мы получили, состоя под охранением святых Ангелов, коими ограждены, и под действием благодати Святого Духа, коего сподобились, не оказываемся даже подобными тем, кои были прежде благодати, то есть прежде Христа, но пребываем в нерадении, презираем и преступаем заповеди Божии? А что мы, если понерадим о своем спасении, будем на-

казаны паче тех, кои грешили прежде Христа, это показал апостол Павел, говоря: *аще глаголанное Ангелы слово бысть известно, и всякое преступление и ослушание праведное прият мздовоздаяние, како мы убежим, о толицем нерадивше спасении* (Евр. 2, 2, 3).

5. Итак, всякий из нас, в какое бы ни впал прегрешение, пусть не обвиняет Адама, но порицает себя самого и пусть показывает, подобно ему, истинное и достойное покаяние, если желает сподобиться Царствия Небесного. Если же не хотите всячески подвизаться, чтоб соблюсти себя безгрешными и сохранить заповеди Христовы, или, если, не сохранив их и согрешив, не хотите каяться до конца жизни вашей и горько оплакивать грехи свои, но пребываете в жестокосердой нераскаянности, то вот что говорит Господь к тем, которые не хранят заповедей Его или не каются тотчас, но отлагают день от дня, которые не верят и не слушают словес Его, после таких и толиких чудес, после воплощенного Домостроительства и такого света истины, распространенного по всему миру: «Сотрясется под ними земля и расторгнется на многая, не терпя носить на хребте своем неблагодарных, жестоковыйных и непокорных Мне, и узрят они падение свое, приближающееся к стопам их, и вострепещут. Ибо когда земля потрясется и небо подвигнется и с треском как свиток свиется от страшных ужасностей тех, тогда ужаснутся непреклонные и бесчувственные сердца их, как у зайца в час заклания; померкнет свет, спадут звезды, солнце и луна

угаснут над ними, а из ограждений (коры) земли взыдет огнь преизливающийся, как волны морские». Как во время потопа отверзлись хляби небесные и низошла вода и мало-помалу покрыла все множество людей, так и тогда отверзутся основания земли и изыдет огнь, не мало-помалу, а весь вдруг и покроет всю землю, подобно морю огненному. Тогда что будут делать те, которые говорят: оставили бы лишь меня в настоящей жизни, и я Царствия Небесного не захотел бы? Что будет с теми, кои ныне смеются и говорят так? Чем защититься им тогда? Могут ли они сказать, что не слышали, или что нас никто не научил, или что мы не знали имени, власти, крепости и силы Владыки всяческих? Нет, не можем мы сказать ничего такого. Ибо на это скажет нам Владыка наш Христос: о, окаянные! Сколько раз Я возвещал вам волю Мою чрез пророков, апостолов и всех почти рабов Моих? Я Сам сколько учил вас, открывая вам всякую истину? Не слышали вы разве Моего Евангелия, которое говорит: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4)? Я взывал, а вы не слушали. Я взывал: *блажени плачущии,* а вы смеялись, переглядывались, разговаривали один с другим и длили празднословие свое и затем звали друг друга на пиры, работая чреву своему. Не говорил ли Я, что *тесен и прискорбен путь, вводящий в живот* (Мф. 7, 14), и что нудится *Царствие Небесное и* только *нуждници восхищают е* (Мф. 11, 12)? А вы разваливались на мягких постелях и изобретали всякого рода упокоения плоти своей. Не говорил ли Я, что

хотящий быть первым пусть будет последним и всем раб и слуга? А вы предпочитали председания и преждевозлежания, власти и чины великие и не хотели со смирением послужить бедному, убогому и всеми брошенному. Не говорил ли Я: *елика аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Мф. 7, 12)? А вы исполняли только свои хотения и похоти, лихоимствуя, похищая, обижая, и вообще угождали только себе самим. Не говорил ли Я: *аще тя кто ударит в ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39)? А из вас одни только смеялись, слушая это, а другие даже и слышать этого не хотели, говоря, как нехорошо и несправедливо Я предписал это. Не говорил ли Я: *аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два* (Мф. 5, 41)? А вы, сами никогда этого не исполняя, заставляли только так делать братий своих. Не говорил ли Я: *блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради* (Мф. 5, 11)? А вы не сносили даже слова несколько сурового не только от равных вам, но и от больших вас. Не говорил ли Я: *радуйтеся и веселитеся* во время гонений и скорбей? А вы любили паче похвалы, честь и славу, и когда случалось вам испытать скорбь какую, не рады бывали и самой жизни своей. Не ублажал ли Я нищих? А вы никогда от души не хотели сделаться нищими. Не говорил ли Я, что кроткие наследят Царствие Небесное? А вы были как звери дикие в отношении к тем, которые не исполняли малейших желаний ваших; когда же видели, что они не исполняли заповедей Моих, то-

гда сочувствовали им и были снисходительны и кротки, говоря, что Господь повелел быть снисходительными к таким и кроткими. Не говорил ли Я вам: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44)? А вы говорили, что это дело апостолов и великих святых, ибо кто другой может так делать? Бедные и несчастные! Почему же сами вы не делались святыми? Не слышали разве, как Я говорил: *святи будите, яко Аз свят есмь* (1 Пет. 1, 16)? А вы оставались в грехе и в нечистотах похотных.

Женам же особо скажет Он: не слышали вы, как в церкви читали жизнь и деяния святой Пелагеи, которая была прежде блудницею, а после сделалась святою? Жизнь и деяния преподобной Марии Египетской, которая тоже была блудною и нечистою, а потом соделалась земным ангелом? Жизнь святой Феодоры, которая впала в прелюбодейство, а потом явилась чудотворицею? Не слышали также жизнь Евфросинии девы, преобразившейся в Смарагда? И еще жизнь Ксении, воистину странной и дивной? Не слышали, как они оставили родных, богатство и самых обручников своих и, Мне послужив в бедности и смирении, соделались святыми? Почему же и вы не подражали им – блудницы блудницам, распутницы распутницам, замужние замужним, девы девам?

Опять и мужам, царям и властителям скажет Он также: не слышали вы, как Давид согрешил, и когда пришел к нему пророк Нафан и обличил его, не противоречил ему, не раз-

гневался и не скрыл греха своего, но тотчас встал с престола своего и, падши на землю пред всеми, сказал: согрешил я пред Господом моим, и во всю жизнь свою не переставал день и ночь плакать, проливать о том слезы? Не слышали, что тот же Давид говорил: *от гласа воздыхания моего прильпе кость моя плоти моей. Уподобихся неясыти пустынней.*

Пепел яко хлеб ядях, и питие мое с плачемрастворях (Пс. 101, 6, 7, 10)? И опять: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю омочу* (Пс. 6, 7)? Не слышали, как еще говорил он: *Господи Боже мой, аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею, аще воздах воздающим ми зла: да отпаду убо от враг моих тощь, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит* (Пс. 7, 4–6)? Почему же и вы не подражали ему и подобным ему? Уж не подумали ль вы, что вы славнее и богаче его, и потому не восхотели смириться предо Мною? Бедные и несчастные! Вы при всем том, что тленны и смертны, хотели быть единодержавными, и если где-либо оказывался кто такой, который не подчинялся вам, вы тотчас восставали на него, как на ничтожного раба своего, при всем том, что он сораб ваш и вы ничего не имеете преимущественного пред ним, – как же вы не хотели работать и покоряться со страхом и трепетом Мне, Творцу своему и Владыке? И когда вы делали зло тем, которые погрешали против вас, то что подумывали о том, в чем

сами погрешили против Меня? Что нет никого, кто бы взыскал кровь онеправдываемых вами? Или что нет никого, кто бы видел все, что вы делаете втайне? Или забыли вы Меня, Творца своего и Бога, и подумали, что уже никого нет больше вас? Или не чаяли вы, что имеете некогда предстать предо Мною обнаженными и против воли своей? Не слышали вы, что Я говорил: *иже хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга: и иже аще хощет в вас быти первый, буди всем раб* (Мф. 20, 26, 27)? Как же не вострепетали вы и не пришли в чувство, чтоб сознать ничтожество свое и смириться, боясь пасть в гордость от суетной славы мира сего, преступить заповедь Мою и преданными быть в неугасимый огнь адский? Не слышали разве вы, как Давид, когда поносил его Семей, называя убийцею, не только не разгневался, но сознал себя худшим его и запретил тем, которые хотели убить его?

Итак, вот и Моисей, и Иисус Навин, и Давид, и многие другие прежде воплощенного Домостроительства, и еще множайшие после него ныне, как видите, прославляются вместе со Мною. Многие из них были царями, властителями, богатыми, как и вы, но жизнь свою провели в страхе Божием, в правде и смирении, не воздавая никому злом за зло, хотя многократно были бесчестимы и презираемы не равными только себе, но и низшими, и Мне оставляя сделать за них отмщение; а в чем согрешали предо Мною, в том каялись от всей души и плакали о том со страхом и трепетом всю жизнь свою, ибо слышали, что будет день второго при-

шествия Моего и суда и веровали тому. Вы же презрели заповеди Мои, как какого-нибудь ничтожного и бессильного лица. Так с теми, с которыми вы предпочитали обращаться, которых слова слушались, которых дела делали и которым последовали, с теми вместе получите и уготованное им, то есть геенну огненную.

Таким же образом и грешным патриархам противопоставит Он патриархов святых – Иоанна Златоуста, Иоанна Милостивого, Григория Богослова, св. Игнатия, Тарасия, Мефодия и всех прочих, которые были образами и подобиями истинного Бога не только словом, но и делом. И грешным митрополитам противопоставит Он митрополитов святых – Василия Великого, Григория, брата Василиева, Григория чудотворца, св. Амвросия, Николая и, словом сказать, всякого патриарха, всякого митрополита и всякого епископа грешного сопоставит Он с апостолами и святыми отцами, просиявшими прежде их в тех же епархиях, и, поставив всех их одних против других, то есть праведных против грешных или, как сказано, овец одесную, а козлищ ошуюю, скажет последним: не в тех же ли местах проводили жизнь и вы, как и те, Мне угождавшие и служившие? Не на тех же ли кафедрах сидели и вы? Почему же не подражали вы делам их? Как не убоялись вы держать и вкушать Меня, чистого и непорочного, нечистыми руками и еще более нечистыми душами своими? Как не ужасались и не трепетали вы, делая сие? Зачем тратили вы достояние бедных на собственные свои удоволь-

ствия и на своих родных? Зачем продавали вы Меня за серебро и злато, подобно Иуде? Зачем покупали вы Меня как какого раба непотребного и Мною пользовались на удовлетворение пожеланий плоти вашей? Почему как вы не почтили Меня, так и Я не попечалюсь о вас. Отыдите от Меня, делатели греха, отыдите!

Так-то наконец осуждены будут отцы отцами, рабы и свободные – рабами и свободными, богатые и бедные – богатыми и бедными, женатые – женатыми, неженатые – неженатыми и, просто сказать, всякий грешник в оный страшный день Суда увидит подобного себе против себя в жизни вечной и в неизреченном оном свете и будет осужден им. Как бы сказать, всякий грешник будет видеть против себя подобного ему праведника, то есть царь – царя, начальник – начальника, блудник нераскаянный – блудника покаявшегося, бедный – бедного, раб – раба; и вспомнит, что и он был человек, и он имел душу и тело и все другое, как и тот имел в настоящей жизни, такое же достоинство, такое же искусство, такой же промысл, однако ж не хотел подражать ему; и зажмет рот свой, не имея ничего сказать в защиту себе. Когда миряне грешники увидят в Царствии Небесном мирян праведных, грешные цари – царей праведных, богатые и женатые грешные – богатых и женатых святых, и все другие грешники, имеюшие находиться в аде, подобных себе находящимися в Царствии Небесном, тогда покроются стыдом, подобно оному богачу, который, палим будучи огнем неугасимым, уви-

дел бедного Лазаря покоящимся на лоне Авраама.

Мы же, монахи, такие, то есть, которые, подобно мне, ленивы, нерадивы и грешны, что мы постраждем тогда? Какой стыд, какие муки обымут нас, когда увидим тех, которые в жизни сей имели жен и рабов и рабынь, веселящимися в Царствии Небесном вместе с женами и детьми своими? Когда увидим тех, которые исправляли разные должности и обладали богатством, угодившими Богу? Или, короче сказать, когда увидим всех тех мирян, которые исправляли всякую добродетель и жизнь свою проводили в покаянии и слезах, со страхом Господним, стоящими в веселии светлости праведных? Когда помыслим, что мы, которые оставили отцов и матерей, братьев и сестер и весь вообще мир для спасения душ своих, некоторые же из нас оставили чины, богатство и все другие блага мира сего и, удалившись из мира, сделались нищими и монахами для стяжания Царствия Небесного, за свое нерадение и леность и за поблажку худым похотям своим сами себя довели до того, что нас отбросили ошуюю вместе с блудниками и прелюбодеями и со всеми жившими непотребно в мире сем: тогда – увы нам! – какой страх и трепет и какой стыд покроет нас?! Поверьте мне, братие, что этот стыд будет для нас мучительнее всякого мучения грешных мирян. Когда я, отвергшийся мира и всего мирского, стану наряду с грешными мирянами, которые имели жен и детей и были озабочиваемы делами мирскими, чтоб равной вместе с ними подвергнуться муке, а они, обратившись

и увидев меня вместе с собою, скажут: и ты, монах, оставивший мир, здесь вместе с нами стоишь? Как же это, как? Тогда чем имею защититься пред ними и что сказать им? Кто может, братия мои, описать как следует словом ту великую скорбь, какою я имею объят быть тогда? Конечно, никто. Да и что сказать, и чем защититься?

Оставили мы, монахи, мир и все, что в мире, но не отвратились от него всею душою, между тем то и есть истинно удаление от мира и всего мирского, когда кто, убегши от мира, возненавидит все мирское. И что есть мир? Послушай. Не есть он ни серебро, ни злато, ни лошади, ни мулы, ни яства, ни вино, ни хлеб; потому что все, что необходимо для поддержания телесной жизни, употребляем и мы, монахи: едим и пьем, сколько потребно. Не есть он ни дома, ни поля, ни виноградники, ни загородные жилища, а что же есть? Грех, пристрастие к вещам и страсти. А *яже в мире* что суть? Пусть это скажет нам Иоанн Богослов, возлюбленный ученик Христов: *не любите мира, ни яже в мире: яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1 Ин. 2, 15, 16). Почему, если мы, удалившись от мира и оставивши его, не соблюдаем этого, что нам пользы от одного удаления? Из какой бы части мира мы ни вышли и в какую бы страну ни переселились, везде встретим те же вещи и те же нужды; потому, будучи человеками, куда ни пойдем, нигде не можем жить иначе, как живут человеки, яко человеки. Где

бы мы ни находились, везде нам необходимо потребное для тела и, кроме того, везде встретим жен, детей, вино, всякого рода плоды и прочее. Так уж устроена жизнь наша. Итак, от всего этого не убежишь; а от чего убежать можно? От пристрастия к сему. Тогда и от греха легко избежать. Если же мы имеем похоть плоти, похоть очес и парение помыслов, то как, находясь среди всего этого, избежать нам греха и не подвергнуться уязвлению от стрел его? Но я знаю очень хорошо, что многие и в древние, и в нынешние времена сохраняли и сохраняют себя неуязвленными от него и, находясь среди вещей и дел мирских, среди попечений и забот житейских, проводили и проводят жизнь в совершенной чистоте и святости, следуя указанию святого Павла, который говорит: *время сокращено есть прочее, да имущии жены, яко не имущии будут… И купующии, яко не содержаще: преходит бо образ мира сего* (1 Кор. 7, 29–31). Посему и о прочем разумевай, то есть кого бесчестят и обижают и тем подвигают на гнев, тот пусть не гневается; кого хвалят, тот пусть не держит в уме своем того, что говорят в похвалу ему; кто побуждается сделать кому отмщение, тот пусть будет в мире как мертвый всем сердцем своим и прочее. Кто раз сделался таковым, тот прочее пусть усердно ревнует о том, чтоб уже и всегда соблюдать себя беспечальным далее о самой жизни тела. Таковыми были и во всякое время бывают те, которые усердно подвизаются.

Если мы не подвизаемся сделаться такими и проводить

такую жизнь, то что скажем тогда на будущем суде? Что презрели славу и богатство? Но Господь скажет нам: но вы не оставили зависти, спорливости и задора. А что это отстраняет и отделяет нас от Бога, об этом говорит апостол Иаков: *аще зависть горьку имате и рвение в сердцах ваших* (есть и доброе рвение, когда кто ревнует другому с доброю целью, то есть чтоб и самому делать то добро, которое видит в брате своем), *не хвалитеся, ни лжите на истину. Несть сия премудрость свыше низходящи, но земна, душевна, бесовска. Идеже бо зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь* (Иак. 3, 14–16). Немного после опять говорит он: *просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. 4, 3), и к сему прибавляет: *прелюбодеи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любы мира сего вражда Богу есть?* (Иак. 4, 4).

И подумай, не сказал он, что мир только есть враг Богу, но и любы мира; потому что из-за нее бываем мы прелюбодеями и прелюбодейцами. А что это истинно, послушай Самого Христа Господа, Который говорит: *всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). И в другом месте сказано: *не пожелай, елика суть ближняго твоего* (10-я заповедь). Из сего явно, что не тот только удаляется от Бога и бывает врагом Ему, кто делом совершает грех, но и тот, кто любит его и похотно желает какой-либо вещи, то есть имеет пристрастие и привязанность к чему-либо земному и мирскому, потому что в

этом и состоит *любы мира.* Почему, пусть кто наг и лишен всего земного и мирского и явно не делает никакого греха, но имеет любовь и пристрастие к сему, то он враг Богу, как говорит и Иоанн Богослов: *аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем* (1 Ин. 2, 15). Но и Господь наш Иисус Христос говорит: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоея, и всею крепо-стию твоею, и всем помышлением твоим* (Лк. 10, 27), так что кто имеет расположение, пристрастие и привязанность к чему-либо другому, тот уже не исполняет сей заповеди.

Мы же, бедные и несчастные, оставили то, что велико, славно и высоко в мире, а, сделавшись монахами, любим кто рясы светлые, кто другие одежды красивые, кто пояса, кто обувь, кто яства и пития сладкие, кто ножи и прочие орудия или другие вещи, еще более ничтожные, из-за которых отпадаем от любви к Царю всех Христу и становимся врагами Ему, не чувствуя того. Почему если не покаемся в этом как должно и не отторгнем от души нашей всякой злой похоти и всякого лукавства, спорливости, задора и гордости, то всеконечно осуждены будем в огнь вечный вместе с мытарями, блудниками, грешниками и с теми богачами, которые жили нечисто. Восприимем же подвиг, братия мои, и начнем творить всякую добродетель, всякое же худо и всякую страсть отвергнем от всей души, возненавидим всякую вещь, и большую и малую, которая подвергает опасности души наши, и будем употреблять только такие, которыми не был бы зани-

маем ум наш и не услаждалось сердце, чтоб не попасть ошуюю вместе с грешными мирянами из-за таких ничтожностей и не увидеть братий наших и отцов стоящими одесную Бога и нас осуждающими, – не увидеть, говорю, грешным игуменам каждого монастыря игуменов, Богу угодивших в тех же монастырях, грешным диаконам – таких, которые просияли как светила в таком же диаконстве, грешным послушникам и рукодельникам – таких, которые, тем же занимаясь или проходя еще и низшие послушания, явились святыми и за то увенчаны наряду со святыми мучениками; осквернившим юность свою плотскими грехами не увидеть сохранивших сию юность в чистоте; мужам, падшим по нерадению своему, не увидеть таких, которые терпели брань плотскую от юности до престарения и, однако ж, сохранили целомудрие свое; старикам, до конца жизни творившим дела несмысленных детей, не увидеть таких, которые в старости покаялись или даже сделались монахами и в короткое время, под действием страха Божия, отсекли злой навык, укоренившийся с юношеского возраста; которые смеялись – таких, которые плакали; которые безвременно ели и пили до сытости и пресыщения – таких, которые и в определенное время не вкушали вдоволь; которые проводили время в утехах и веселиях – таких, которые всегда были печальны и унылы, воспоминая страшный день Суда и грехи свои; которые, оставя богатство и славу, пришли и сделались монахами и, однако ж, нисколько не хотели подчиняться и смиряться – таких,

которые пришли к нам от бедноты, но пожили с нами в смиренном послушании и за смирение свое соделались светлейшими и славнейшими многих царей и патриархов, стоящих там же вместе с ними одесную.

6. Что же, братия мои возлюбленные, поняли, что я сказал вам? Знаете теперь, какой стыд имеет тогда покрыть нас? Напечатлели в уме своем и восприяли в чувство час оный? Или опять повторить мне то же самое в собственную свою и подобных мне нерадивцев и ленивцев пользу? Ведь и с нами то же самое будет в оный страшный день Суда; многие из братий наших окажутся стоящими одесную Бога в славе великой, а многие окажутся стоящими ошуюю и будут осуждаемы ими. Да и как не быть им осужденными? Когда два человека, занимающиеся тем же мастерством, или два юноши, чистые от всякого греха и бедные, отвергшись мира, сделаются монахами, и один из них по собственному произволению делает всякую добродетель, а другой – всякое худо, то как первого не одобрить, а второго не осудить? И разве не видим, что это всегда почти бывает между нами? Одного видим послушным, внимательным, смиренным, с братиями обращается он как раб Бога, а не человеков, служит братиям верно и почтительно, мудрование имеет смиренное и сокрушенное, о себе же самом так судит и говорит: я, честный отче (мне не раз приходилось слышать это от таковых), и в мире жил в большой нужде и тесноте, и с большими трудами добывал себе пропитание, – как же мне не радеть о послу-

шании, пришедши сюда, и даром есть хлеб монастырский? За это Бог взыщет с меня в день Суда. Но как я пришел сюда работать Богу, то и буду трудиться, сколько могу, чтобы плод трудов моих превосходил трату на мое содержание, буду слушаться настоятеля моего и всех братий моих до смерти, без роптания, так, как бы слушался Самого Христа, и постараюсь ни в чем не оказаться ослушником пред ними. Другого же видим тщеславным, невнимательным, непослушным, и с собою рассуждает он все противоположно первому и говорит: вот дал мне Бог жилище, хлеб, вино, яства разные с избытком, стал я равен с прежними и первым пред теми, которые имеют прийти после меня; я брат всем им, хотят ли они того или не хотят: так буду есть, пить, спать вдоволь, потому что какая мне нужда трудиться и работать, чтоб другие получали пользу от моих трудов? А если прикажут мне что-нибудь работать, я скажу им, что немощен, не могу; и если будут принуждать к тому, отвечу: хоть задушите меня или выгоньте, не могу работать, и нахмурюсь, будто плачу, вскрикну и скажу: вот колена подгибаются, и в глазах потемнело; по такой причине я получу разрешение есть с утра, как захочу; или буду ворчать, браниться, поперечить и роптать при всяком послушании, какое мне ни дадут, и всячески они соскучат возиться со мною и оставят меня в покое и не хотя; а если дадут мне иной раз какое небольшое послушание, то я совсем не буду радеть о нем; сказать к примеру, если заставят меня смотреть за мулами, то сначала проговорю, что

не умею ходить за ними, а потом нарочно буду оставлять их без пойла и корма, тогда поневоле или оставят меня, или дадут мне помощника, на которого я и свалю весь труд, сам же сделаю что-нибудь для вида и залягу; если велят мне быть хлебопеком, то я, чтоб не показаться ослушником, буду уверять их притворно, что не умею печь хлебы, и скажу, что ни разу не видал, как печется хлеб, но пойду и испеку им такой хлеб, что будет как камень, и они, не могши есть его, не будут более принуждать меня к такому послушанию; если пошлют меня прислуживать на кухне, то я не послушаю игумена и, не поклонившись даже ему, скажу: «Господи, помилуй! Меня это ты, отче, из всех выбрал, чтоб приставить к такому низкому послушанию? Разве нет других братий в монастыре?» Так думает он сказать, чтоб отделаться и от этого послушания. Затем пересматривает все послушания и на все заготовляется отвечать: не умею, не могу, а если принудят, исполнять их кое-как и портить. Как замышляет, так потом и делает, или еще и хуже того.

Итак, вот имеем мы пред глазами своими двух братьев, из которых один во всем покорствует с благодушным послушанием и с сердцем смиренным, без лености, ропота и лукавства, а другой поступает совсем противоположно тому. Теперь, когда придет смерть и возьмет их обоих такими, как есть, и в день Страшного Суда этот лукавый и ленивый, поставлен будучи ошуюю Владыки Христа нагим и связанным, обратится и увидит одесную Его того собрата своего, собе-

седника и сотрудника, вместе с ним сделавшегося монахом, что он весь одеян светом и славою, подобно Самому Христу; что имеет он сказать тогда? Поистине, братия мои, нечего ему будет сказать тогда; но, стеня и трясыйся и скрежеща зубами, пойдет он в вечный огнь адский.

Таким же образом и каждый из нас, грешных, будет осужден своим святым – неверные будут осуждены верными, согрешившие и непокаявшиеся будут осуждены согрешившими, может быть, даже больше их, но показавшими великое и теплое покаяние. Почему прошу вас всех, если знаете за собою, что сделали что худое и в чем-либо согрешили и грехами своими уязвили и умертвили души свои, попекитесь от сего же часа исправиться, покажите достойное грехов ваших покаяние и всячески восподвизайтесь сделаться достойными стать одесную Иисуса Христа, Спасителя нашего и Бога. Если хоть и малые какие знаете за собою погрешности, отбросьте и их сколько можно скорее, чтоб за эти малости, как вам кажется, и вам не пришлось стать ошуюю. Не считайте эти малости малыми и ничтожными, но имейте их за великие. Ибо кто погрешает по своей воле в малом и бережется от большего, тот большему подпадет наказанию – так как, победив большее, побеждать себя допустил меньшему. К тому же и одной страсти достаточно, чтоб ввергнуть нас в ад, как сказали мы выше, приведши во свидетели самых апостолов, Иоанна и Иакова. Чтоб подтвердить это еще и примером, спрошу вас: кто имеет брань с десятью или двенадца-

тью врагами, если, когда начнется война, с самого начала победит и убьет всех первейших противников своих наиболее мужественных, но, видя, что остались еще один или два слабеньких и немощных, выступающих против него с робостью, не устремится на них издали и, схватив, не свяжет или не убьет их, то не будет ли он убит ими? Если он, в гордости своей сбросив оружия, завалится спать, презирая тех двух слабеньких, то не устремятся ли на него эти двое или даже и один, чтоб связать его и взять в рабы себе или и убить и сделать посмешищем пред всеми людьми, которые праведно будут говорить: по делам ему, что попался в рабство или убит; это ему за гордость и беспечность? Я же скажу лучше – за неразумие и бессмыслие его. Ибо не столько достоин он похвалы за мужественную вначале борьбу и победу, одержанную над более сильными врагами, сколько порицания, презрения и отвержения за что, то попустил одолеть себя тому одному слабому.

Таким же образом, братия мои возлюбленные, и мы никакой не получим пользы, если, победив большие страсти, останемся побежденными от меньших, именно: если сохраним от осквернения плоть свою, если не будем поддаваться гневу, зависти и корысти, но будем порабощены объядению, винопитию, или сну, или лености, или прекословию, непослушанию, или ропоту. Что пользы для нас воздерживаться только от злых дел, о коих мы сказали? Если мы возьмем тайком лишь кусок хлеба или другое что и съедим без

благословения настоятеля, или если по своей воле, без болезни и крайней нужды, не пойдем на службу церковную, кто может сказать, что мы свободны от греха? Того, у кого все тело было в ранах и потом вылечено, нельзя назвать совершенно здоровым, если у него осталась еще хоть одна небольшая ранка; но того следует называть надлежаще здоровым, кто изгладит, если возможно, самые знаки ран, бывших на теле. Итак, перестанем считать малости малостями, но, слыша, что многие были осуждены за них и сильно наказаны, будем воздерживаться всеми силами от них, чтоб избежать вреда, причиняемого ими. Пусть никто из вас, братия мои, не остается связанным какою-либо из малостей, как и всякою другою страстью, но отныне же пусть положит начало покаянию. Не стыдись никто обнаружить победу над собою, исповедав грех свой, если когда побежден будешь какой страстью, да посрамится враг диавол и прекратит свои нападения. Не дадим господствовать над собою ни зависти, ни гневу, ни ярости, ни вздорности, от которых обыкновенно происходит срамословие и ругательство. Да не господствует над нами тщеславие, гордость и высокоумие, чтоб низвергнуть нас во глубину ада. Далеко от себя отгоним все сие и вместо того стяжем всякую добродетель.

Спросите, кто же может усмотреть все эти маленькие прегрешения, чтобы воздерживаться от них и не провиниться ни в одном из них, когда их бесчисленное множество? Я скажу вам, кто благодатию Божиею может не провиниться в них.

Кто всегда помнит грехи свои и помышляет о будущем Суде, кается и плачет, тот преодолевает и препобеждает все вообще страсти. Ибо он подымается силою покаяния столь высоко, что никакая страсть не может достать его и схватить душу его, парящую горе. Но если ум наш не возвысится и не достигнет меры бесстрастия покаянием, слезами и духовным смирением, происходящим от слез, то нам невозможно быть свободными от сказанных страстей. Мы будем уязвляемы непрестанно то одною, то другою страстью и снедаемы ими, как дикими зверями, и здесь, и по смерти за них не сподобимся Царствия Небесного и ими же терзаемы будем всю вечность. Посему умоляю и не перестану умолять всех вас, духовные братия мои, не нерадите о спасении своем, но подвизайтесь всячески приподняться немного от земли, потому что, если совершится над вами это чудо, что вы (духовно) как бы повиснете в воздухе над землею, то, восхитившись чудом сим, вы уже не захотите более сойти на землю или стоять на ней. Землею называю я мудрование плотское, воздухом мудрование духовное. Сказанное мною значит, что когда ум наш освободится от лукавых помыслов и страстей и мы, в силу сего, вкусим свободу, какую даровал нам Христос Бог наш, тогда мы не захотим уже низойти в прежнее рабство греха и плотского мудрования. Но будем всегда бодренны и трезвенны и будем непрестанно молиться, как заповедал нам Господь наш, говоря: *Бдите и молитеся* (Мф. 26, 41), пока не внидем в блаженное Царство Небесное и не получим обето-

ванных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава во веки веков. Аминь.

Слово шестьдесят седьмое

1. О покаянии. Какой подвиг душевный и какую болезнь сердечную имеет тот, кто кается с духом сокрушенным и смиренным?

2. Что говорит он и как молится человеколюбивому Богу?

3. О страхе Божием.

1. Есть ли в мире человек, который, будучи отравлен смертоносным ядом и терпя страшные боли внутри, мог бы приводить себе на ум и заботиться о какой-нибудь маленькой ранке на коже тела своего? Внутренняя боль естественно заглушает у него всякую другую боль, и великое томление сердца не дает ему подумать о внешних ранах или взглянуть на них. Бывает даже, что он от великой боли и несносного мучения руками своими раздирает одежду свою и, забыв о ранах на теле, ногтями своими еще больше разрывает их, забывает родных и друзей и не оборачивается, чтоб посмотреть на человека, который бы случайно бранил его с ожесточением, не печется уже об имении и оставляет расхищать богатство свое всякому кто хочет, даже хлеба не ест и вина не пьет по причине безмерной боли своей, и тем, которые приглашают его к тому, с гневом отвечает: подите все прочь от меня, смерть сокрушает душу мою – еще немного,

и, может быть, она совсем возьмет ее от меня; да я и не хочу больше жить в настоящей жизни, потому что смерть лучше жизни, какою я теперь живу в таких мучениях. Не имея покоя, катается он по постели своей или сбрасывается на пол с большим криком и рыданиями, не обращая внимания на тех, которые смотрят на это безобразничанье, ни на тех, которые слышат крик его и осуждают его; очи его – два ручья, они больше изливают слез, нежели сколько смотрят. Такой человек ублажает всякого человека, как Ангела, ублажает и живых, и умерших, и тех, кои еще не родились в мир сей, и всякое бессловесное животное и всякое пресмыкающееся, – все это ублажает он и говорит: воистину благословенны все твари Божии, потому что не имеют моих страданий, но проводят жизнь в здоровье и радости. Я один имею такую тяготу и такое бремя грехов, за которые отныне уже осуждаюсь в огнь вечный и еще на земле сей испытываю несноснейшие мучения. Всякую другую душу почитает он благочестною и благоговеет пред нею, как пред святою, и сторонится от всех, как нечистый. Не различает он праведного от неправедного, но всех равно имеет святыми, и чистых и нечистых; только самого себя отчуждает от всех тварей, сущих под небесем, сидит на гноище безмерных своих прегрешений, как бы в некоей находясь тьме неведения и печали, коей нет конца, и очищает нагноившиеся раны свои не черепком, как Иов, а ногтями рук своих, по причине великой боли сердца своего. Иов хотя был поражен в теле, но душа его была под по-

кровом и охраною Божиею, а у него и душа вместе с телом отравлена и уязвлена грехами, почему раны такого человека несравненно болезненнее ран Иова. После сего оставляют его родные по плоти и все други и знаемые, каких имел он в мире. Они, посидевши с ним немного и поплакавши, усматривают безутешность и безмерность печали его и, подумав, что он есть некая мерзость, расходятся по домам своим. Тогда, оставшись один и видя вокруг пустоту и заброшенность свою, еще большею поражается он скорбью и болезнью сердечною и от безмерной душевной боли начинает плакать и в безнадежии так вопиять ко Вседержителю Господу:

2. «Ты все видишь, Господи, и ничего нет, чего бы не видел Ты. Я, хотя и есмь дело рук Твоих, однако ж дел по заповедям Твоим не делал, но по великому неразумию своему делал всякое худо, не помышляя, что Ты, Творец мой и Бог, сколько благ, столько же и правосуден. Ныне же, приведши сие на память, вострепетал я и не знаю, что делать. Чувствую осуждение Твое и слова оправдания не нахожу в устах моих. Не имею я никакой добродетели и не сделал никакого дела покаяния, достойного того, чтоб за него простить мне хоть одно праздное слово уст моих. К тому же, кто и все имеет добродетели и делает всякие добрые дела, делает то, как раб и должник; за грех же свой никакого во всем этом не найдет он заменения: тут единая милость Твоя предваряет. Грех есть смерть, и кто из умерших чрез него может воскреснуть сам собой? Воистину никто. Один Ты умер и воскрес, пото-

му что греха не сотворил и не обретеся лесть во устах Твоих. Так, Владыко Вседержителю, наделавши много злых дел, каюсь я; но одно покаяние несильно оправдать меня. Покаяние есть познание грехов своих; снимает их милость Твоя. Ты видишь, Вседержителю Господи, что я ничего теперь не имею, кроме тела; но никакой нет для меня пользы от этого оставления всякого богатства. Я весь – одна рана; не осталось во мне никакой надежды спасения – и ад готов поглотить меня живого. Ты Один можешь спасти меня и уврачевать болезни сердца моего. Рука Твоя сильна на все; она досязает до самых глубин бездны, и все творится по мановению Твоему. Не дерзаю говорить: помилуй мя, Господи, потому что недостоин милости Твоей, как праведно достойный всякого мучения. Ты же, Господи, знаешь все, и как знает человеколюбие Твое, сотвори со мною, недостойным и самой жизни».

Почему благоутробный Бог скоро услышит его и без промедления подаст ему утишение болезней его и свободу от скорби его. Ибо Бог человеколюбив и не терпит видеть, чтоб творение рук Его находилось в такой великой нужде и в такой нестерпимой печали. С таким человеком, который неопустительно делает все сказанное, равно как и с теми, которые слышат сие с верою и подражают сему истинному образу покаяния, Бог сотворит великую и неизреченную милость Свою и изменит болезнь его в радость и печаль сердца его в веселье, расположив изблевать яд дракона, пожиравший внутренность его. С сего времени и потом не вспомнит

уже он прежних трудов своих и болезней и ни одного из тех зол, какие перестрадал, не обратится также, чтоб взыскать денег или вещей, какие оставил во время болезней покаяния своего, и ничего подобного не пожелает. Всевышний Бог даст ему здравие, которое будет для него лучше всех сокровищ земли. Это здравие будет приносить сердцу его неизреченную радость, несравненно большую прежней скорби его; а радость сия опять будет отгонять от сердца его всякую болезненность, причиненную внешними прискорбностями. Человек этот познает, что с сего времени и потом сердце его не чувствует ран тела своего и что внешняя скорбь не приближается к радости, которая бывает внутрь сердца его. Узнавши же это, он еще более возрадуется; между тем как сродники его и друзья, видя все внешние скорби его и не зная пришедшей к нему сокровенной радости, воздыхают по нем и говорят: «Этот человек никогда не испытывал радости в жизни своей; жизнь его полна скорби и печали, и дни его ничем не разнятся от дней осужденников, которых наказывают в судилищах за злые дела их». Он один, зная, что время жизни его стало полно радости и веселия и что радость сердца его посмевается смерти и ад не одолеет ее, потому что она не имеет конца, радуется сему тьмами тем раз более всех царей земли и всех тех, которые имеют здравие и красоту телесную, и всех богачей, облекающихся в порфиру и виссон, и всех, которые ублажаются в сем мире устами, глаголющими лжу. Знает человек тот, что бедность при радо-

вании оном лучше всего мира и благ его, ибо все, что есть в теле его и в мире сем, покроет земля и поглотит смерть; а радости той, которую приял он по причине здравия души своей, ничто такое не может взять от него, потому что она не от мира сего. Эта радость породилась в нем не от славы человеческой, ни от богатства многого, ни от здравия телесного, ни от похвал людских, ни от другого чего, сущего под небесем, но уготовилась горькою болезнью души его и сретением действа Святого Духа Божия, сущего превыше небес. Почему смерть не будет иметь над нею власти, потому что в ней не найдется ничего достойного укора, но будет она как очищенное вино, которое против солнца светится насквозь, и чистейше являет цвет свой, и радует и осиявает лицо того, кто пьет его против солнца.

Впрочем, в том, что сказал я, одно кажется мне неудобопонятным – не знаю, что больше радует меня: созерцание или услаждение, то есть красота ли и радостотворное блистание чистых лучей солнца или питие и вкушение вина, которое имею в устах моих. Хочу смотреть на то, то есть на лучи солнца, а меня влечет это, то есть вино сокрушения, кажущееся сладчайшим; и когда опять обращусь к тому, то есть к свету Божественной благодати, опять большее ощущаю услаждение от сладости вкушения вина; не насыщаюсь ни зрением тех лучей солнца, ни питием сего вина. Когда кажется мне, что насытился питием, тогда красота ниспосылаемых лучей заставляет меня еще больше жаждать, и я ока-

зываюсь опять алчущим и жаждущим; и чем больше усиливаюсь наполнить утробу мою, тем в десять раз больше палим бываю жаждою и вожделением блестящего пития того.

Таким образом, всякий, судимый сим добрым судом покаяния, не будет уже бояться никакого другого суда или мучения, не будет страшиться и искушений, находящих на него, ибо жаждание его (духовное) не престанет ввек и питие оное сладкое, светлое и блестящее не пресечется никогда; а эта сладость, подаемая питием, и это радостотворное блистание, исходящее от солнца, отгоняет от души всякую печаль и делает человека всегда радующимся; и никто не может повредить ему, никто не может воспрепятствовать ему напаяться вдоволь от источника спасения. Миродержитель, господствующий над миром злобою своею, властитель земного, начальник тьмы, лукавый диавол, царствующий над всеми водами морскими и играющий миром, как иной играет малою птичкою, держимою в руках, не посмеет и со всем воинством своим, и со всею силою своею приблизиться к нему и прикоснуться даже к пяте ноги его, а не только смело взглянуть на него. Ибо блистание вина и лучи солнца сильно сияют в лице того, кто пьет его, проходят во внутренности его и передаются рукам, ногам и всем членам его и делают его всего огнем сильным во всех частях его, чтоб опалять врагов, приближающихся к нему. И бывает он любимцем Света, другом Солнца и возлюбленным Ему сыном, в силу чистого и светлого вина того, изливающегося в него подобно лучам солнца

и света. Питие сего вина бывает для него питанием и очищением скверны загнивших плотей его, а очищение сие – совершенным здравием; здравие же такое не позволяет ему вкусить другой какой-либо вредной снеди, но производит в нем некое безмерное и теплейшее вожделение пить одно то вино, чтоб питием таким очищать себя паче и паче и тем созидать свое здравие, ибо красота здравия и благодать благообразия, приносимого здравием, не знает насыщения.

3. Таковым наконец делается, чада мои возлюбленные, тот, кто согрешил пред Вседержителем Богом и приходит в чувство страха, то есть устрашается будущего Суда, отвержения и гнева Божия. Страх Божий и чувство праведного Его воздаяния истнивают плоть и сокрушают кости, подобно камню, некоею машиною спускаемому и сильно давящему виноград, прежде истоптанный в точиле. Ибо обыкновенно прежде ногами истоптывают виноград, а потом сдавливают его камнем, чтоб выжать последние соки его. Так и страх Божий делает то, что человек становится попранием всех людей, а когда сотрется вконец гордыня его и тщеславное мудрование плоти его, тогда ниспадает на него свыше мысленный камень, легчайший и благой, то есть святое смирение, и выжимает из него всю сырость плотских удовольствий и страстей и делает благоугодною и добротною душу, таким образом смирившуюся и сокрушившуюся; при сем орошает ее слезами, истекающими, как река, и ее самую делает источником, источающим живую воду, врачующую раны грехов и

отмывающую смрадные крови их, и человека того всего делает белейшим паче снега.

Блажен человек, слышащий слова сии, принимающий их с верою и творящий их. Он обретет великие блага, превосходящие и ум, и слово, и помышление, и ублажит убогую руку мою, написавшую сие, и прославит щедрого и милостивого Господа, преподавшего сие посредством скверного моего языка и нечистых уст моих в образец покаяния и обращения и в показание незаблудного и истиннейшего пути тем, кои от всей души желают спастись и наследовать Царство Небесное в Самом Боге и Спасителе нашем, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово шестьдесят восьмое

1. О трех образах внимания и молитвы.
2. О первом образе.
3. О втором.
4. О третьем.

Есть три образа внимания и молитвы, коими душа возвышается и преуспевает или низвергается и гибнет. Кто эти три образа употребляет в свое время и как следует, тот преуспевает; а кто употребляет их неразумно и не вовремя, тот низвергается.

Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душою. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми перед сим вело брань внимание, ибо одно оно не может их побивать.

На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем; а если не внимаем, чтоб хранить ее чистою, но оставляем неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными.

Итак, поелику есть три образа внимания и молитвы, то надлежит нам показать отличительные свойства каждого образа, чтоб любящий спасение избрал лучшее.

О первом образе внимания и молитвы

Отличительные свойства первого образа таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои, и очи свои, и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых и кратко все, слышанное в Божественных Писаниях, собирает в ум свой и рассуждает о том тогда, во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы).

Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что) мало-помалу (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это (то есть так думать о сем образе молитвы) есть знак прелести, ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует.

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (то есть сделается исихастом, у нас – затворником), то ему едва ли можно не исступить из ума (будет он находиться в крайней опасности пострадать сие). Но если и случится, что

не исступит он из ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или бесстрастие. На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?

Из сказанного нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от сего первого образа внимания и молитвы (если почитать его последним пределом совершенства в молитве). Если же и случится кому из употребляющих сей образ не пострадать никакого из тех зол, о коих мы сказали, по причине сожительства с братьями (потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно), то все же он всю жизнь свою проведет, не преуспевши (в духовной жизни).

О втором образе внимания и молитвы

Второй образ есть такой – когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства

свои, собирает все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира сего, и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстью. Отличительная черта сего дела та, что оно происходит в голове: мысли с мыслями борются.

Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может он мирствовать в себе никогда и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить и венец правды. Такой человек подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте, который слышит голоса врагов своих и принимает удары от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и для чего бьют его. Потому что сам он пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он и не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую имеет он в помыслах своих, причиняют ему сей ущерб (то есть не дают ему видеть это), и нет ему возможности ускользать от врагов своих демонов, чтоб они не поражали его. Тщетно подъемлет он труд, несчастный, и даже совсем теряет мзду свою, если при этом, и сам не замечая того, возобладан бывает тщеславием, воображая, что надлежаще внимает себе. В гордости своей презирает он других и осуждает их, а себя самого хвалит, меч-

тая при сем, что достоин быть пастырем словесных овец и руководить других, и походит он на слепца, который берется водить других слепцов.

Таков второй образ (внимания и молитвы)! И всякий, желающий себе спасения, должен знать ущерб, причиняемый им душе, и добре внимать себе. Впрочем, он лучше первого, как лучше ночь лунная ночи темной, в которую не светит луна.

О третьем образе внимания и молитвы

Третий образ воистину дивен есть и неудобоизъясним и для тех, которые не знают его опытно, не только неудобопонятен, но кажется даже невероятным; и они не верят, чтоб подобная вещь бывала на деле. И в самом деле, в наши времена сей образ внимания и молитвы встречается не у множайших, а у весьма немногих; и, как мне думается, благо сие убегло от нас вместе с послушанием. Послушание, если кто возымеет его к духовному отцу своему в совершенстве, делает его беспопечительным относительно всего, так как он всю печаль свою однажды навсегда возверг на духовного отца своего; почему, будучи далек от всякого пристрастия мирского, он является способным к тому, чтоб быть весьма ревностным и неленостным делателем сего третьего образа молитвы, если, впрочем, нападет и на духовного отца истинного, который сам не состоит в прелести. Ибо кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и

на духовного отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнью и творить волю свою, но умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего, – такой какою привременною вещью может быть побежден и порабощен? Или какое попечение и какую заботу может иметь? Вследствие сего этим третьим, бывающим вместе с послушанием образом внимания и молитвы, все козни и хитрости, какие бы ни употребляли демоны, чтоб увлечь ум его к помыслам многим и разнообразным, бывают уничтожаемы и рассееваемы, ибо тогда ум такого человека, будучи свободен от всего, имеет благовремение без всякой помехи исследовать наносимые демонами помыслы, и с великим удобством отгонять их, и чистым сердцем приносить молитвы свои Богу. Таково начало истинной жизни (духовной)! И которые не полагают такого начала, всуе трудятся, сами не зная того.

Начало сего третьего образа не то, чтоб воззревать на небо, воздавать руки свои горе, иметь ум свой в том, что на небе, – это, как мы сказали, есть принадлежность первого образа и недалеко от прелести, и не то, чтоб хранить умом своим чувства и на это обращать все свое внимание, а на внутренние брани душевные, причиняемые врагами, не смотреть (они смотрят и борются, но все в голове, и не остерегаются их), – это принадлежность второго образа, и кто употребляет это, попадает в рабство демонам и не может сотворить отмщения сим поработителям своим, но враги и непрестанно

борют его явно и тайно, и делают его тщеславным и гордым.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом: после (установления в сердце) совершенного послушания, какое, как мы сказали, должно тебе иметь к духовному отцу своему, и все прочие дела свои делай с чистою совестью, как бы ты был пред лицом Бога, ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским).

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоевает Бога и неприятно Ему.

В отношении к духовному отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его.

В отношении к другим людям соблюдешь совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому.

И в отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистою, употребляя их всегда как должно, – именно пищу, питие, одежду.

И вкратце: все делай так, как бы ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и

уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо.

Действуя таким образом, ты уровняешь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (быть в сердце – отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. (В этом все; трудись так, пока вкусишь Господа.) Когда же наконец ум там, внутрь сердца, вкусит и чувством ощутит, яко благ Господь, и усладится тем (наш труд; вкушение же сие есть действо благодати в смиренном сердце), тогда не захочет уже он отдаляться от места сердечного (тогда скажет и он те же слова, какие сказал апостол Петр: *добро нам зде быти...)* и всегда уже будет взирать туда, внутрь сердца, и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые диаволом (се третий образ внимания и молитвы, как ему следует быть!). Для тех, которые никакого не имеют сведения о сем деле и не знают его, оно большей частью кажется трудноватым и утеснительным; но те, которые вкусили сладости, какую оно имеет, и усладились ею в глубине сердца своего, эти взывают с божественным Павлом и говорят: *кто ны разлучит от любве Христовы?* (Рим. 8, 35).

Почему святые отцы наши, слыша Господа говорящего, что *из сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы* и что *сия суть скверняща человека* (Мф. 15, 19, 20), слыша

также, что в другом месте Евангелия заповедуется нам очищать внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 26), – оставили всякое другое духовное дело и стали всецело подвизаться в этом одном делании, то есть в хранении сердца, будучи уверены, что вместе с этим деланием удобно стяжут и всякую другую добродетель, а без него не могут установиться ни в одной добродетели. Это делание некоторые из отцов назвали сердечным безмолвием; другие назвали его вниманием, иные – трезвением и противоречием (помыслам), иные еще рассмотрением помыслов и хранением ума. Они все в нем преимущественно упражнялись и им сподобились получить Божественные дарования. Его разумеет и Екклесиаст, когда говорит: *веселися, юноше, во юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен* (Екк. 11, 9) и чист, удаляя сердце свое от помышлений злых. О сем же самом говорит он и в другом месте, – что если найдет на тебя прилог диавольский, то не позволяй ему войти в место твое, разумея под местом сердце (Екк. 10, 4). И Господь нам говорит во Святом Евангелии: *не возноситеся* (μη μετεωριζεσθε – не носитесь, как метеоры, – Лк. 12, 29), то есть не носитесь умом своим туда и сюда. И в другом месте Он же говорит: *блажени нищий духом* (Мф. 5, 3), то есть блаженны те, которые не стяжали в сердце своем никакого пристрастия к миру, но бедны всяким помыслом мирским. И все святые отцы много писали об этом. Кто хочет, пусть читает писания их и увидит; пусть прочитает, что написал Марк Подвижник,

что сказал святой Иоанн Лествичник, преподобный Исихий, Филофей Синайский, Авва Исаия, Варсонофий Великий и другие многие.

Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым или миротворцем, ни перенести гонение за правду. И обще говоря, нет возможности стяжать добродетели иным каким-либо способом, кроме сего внимания. Почему паче всего другого о нем надлежит тебе приложить старание, чтобы собственным опытом изведать, что я говорю тебе. Если желаешь научиться и тому, как следует это делать, я скажу тебе об этом.

Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого: *беспопечение* о всем, даже благословном, а не только неблагословном и суетном, или иначе: умертвиться всему; *совесть чистую* во всем, так, чтоб она не обличала тебя решительно ни в чем; и совершенное *беспристрастие,* чтоб помысл твой не клонился ни к какой мирской вещи. Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце)[2]. Там имей

---

[2] При сем святой Симеон указывает некие внешние приемы, кои иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покривляют само делание. Так как сии приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть ни что иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существенного не дающее, то мы их пропускаем. Существо дела есть – прибрести навык стоять умом в сердце, в этом чувственном сердце,

ум свой, стараясь всячески обрести место, где сердце, чтоб, обретши его, там уже всецело пребывал ум твой. Ум, подвизаясь в сем, улучит место сердца. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С сего же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо помысл, прежде чем войдет он внутрь и помыслится, или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, то есть *Господи Иисусе Христе, помилуй мя!* С сего также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божией помощью сам из опыта узнаешь посредством внимания ума и держа в сердце Иисуса, то есть молитву Его – *Господи Иисусе Христе, помилуй мя!* И некто из отцов говорит: «Сиди в келлии своей, и она научит тебя всему».

Вопрос. Но почему же первый и второй образы внимания и молитвы не могут доставить сего?

Ответ. Потому что мы не так употребляем их, как следует. Святой Иоанн Лествичник, уподобляя сии образы как бы лествице некоей о четырех ступенях, говорит: иные укроща-

---

но нечувственно. Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем. Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнее сего достигнуть хождением перед Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, то есть сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хощет Господь. Лучший пример – Максим Капсокаливит.

ют страсти и смиряются; иные поют, то есть молятся устами; иные упражняются в умной молитве; иные восходят в созерцание. Которые берутся восходить по сим ступеням, не начинают с верхних, чтоб нисходить к нижним, а от нижних идут к верхним – ступают на первую, потом на вторую, далее на третью и наконец на четвертую. И вот каким образом может, кто желает, подняться от земли и взойти на небо: во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти; во-вторых, упражняться в псалмопении, то есть молиться устами, потому что когда умалятся страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную перед Богом; в-третьих, молиться умно, и в-четвертых, восходить в созерцание. Первое свойственно новоначальным, второе – преуспевающим, третье – подходящим к последним степеням преуспеяния, а четвертое – совершенным.

Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей; а они не другим каким способом умаляются в душе, как хранением сердца и вниманием, ибо, как говорит Господь наш, от сердца исходят помышления злые, которые сквернят человека; там и потребны внимание и хранение. Когда же страсти, посредством сопротивления им сердца, усмирятся совсем, тогда ум приходит к возжеланию Бога и ищет содружиться с Ним, для чего умножает молитву и в ней преимущественно проводит время. От сего возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все

помыслы, которые вращаются вокруг, чтоб войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань – с великим шумом восстают злые демоны и посредством страстей производят мятеж и бурю в сердце; но именем Иисуса Христа все сие потребляется и разливается, как воск в огне. Однако ж и быв изгнаны и вышед из сердца, они не успокаиваются, но опять покушаются возмутить ум совне через чувства; впрочем, ум и тут очень скоро восстановляет в себе и начинает чувствовать тишину, обычно в нем бывающую, потому что они не имеют силы возмущать самую глубину ума, а возмущают только поверхность его. Но совсем избавиться от брани и не быть боримым злыми демонами ум все еще не может. Это – достояние совершенных, тех, которые всецело отрешаются от всего и непрестанно пребывают во внимании сердечном.

Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на небо воззревать чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, как подобает.

Впрочем, воззревать на небо чувственными очами надо сколько можно реже, страха ради злых в воздухе находящихся демонов, которые потому и называются духами воздушными, многоразличные прелести производящими на воздухе, – и нам надлежит быть внимательными. Бог одного от

нас требует – того, чтоб сердце наше было очищаемо посредством внимания. А затем будет по слову апостола: «Если корень свят, то явно святы и ветви, и плод» (Рим. 11, 16). Если же кто не в таком порядке, как мы сказали, станет возводить очи свои и ум свой на небо и воображать что-либо мысленное, то он увидит мечтания, что-нибудь ложное, а не истинное, по той причине, что сердце его нечисто. Так первый и второй образ внимания и молитвы, как мы не раз говорили, не приводят человека в преуспеяние. Почему как, желая построить дом, мы не кровлю прежде возлагаем, а после полагаем основание, потому что так нельзя, но прежде кладем основание, потом строим дом и тогда уже возлагаем кровлю, так надлежит нам поступать и в отношении к духовному: прежде положим основание, то есть станем хранить сердце и изгоним из него страсти, потом построим духовный дом, то есть прогоним мятеж, воздвигаемый в нас злыми духами посредством внешних чувств, и навыкнем пресекать сию брань как можно скорее, и тогда же возложим и кровлю, то есть совершенное отрешение от всего, чтоб всецело предаться Богу, – и тем закончим духовный дом свой во Христе Боге, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово шестьдесят девятое

О покаянии и начале добродетельной жизни; также о том, что должно делать каждодневно тому, кто кается; еще – о сокрушении и слезах.

Братия мои возлюбленные, послушайте слов моих, с радостью примите совет мой, который даю я вам на благо вам, и со всяким усердием постарайтесь исполнить то малое, что скажу в общую для меня и для вас пользу, ибо исполняя то, что кажется малым, мало-помалу преуспеваем, восходим к большему и делаемся совершенными во Христе мужами. Цель же слова моего такая.

По выходе из церкви не рассеивайтесь умом своим по суетным и бесполезным вещам, чтобы диавол, пришедши и нашедши вас занятыми такою суетою, не похитил тотчас из сердец ваших памятования слышанных вами в церкви душеполезных словес, как птицы расхищают семена пшеницы, трудолюбно посеянные на поле, но еще не сокрытые в землю, и вы опять не остались пустыми от спасительного учения. Но кто имеет какое-либо рукоделие или другое какое послушание, иди к рукоделию своему или на послушание свое, поникши взором в землю и себе внимая. Сидя же за рукоделием или исполняя послушание, говори самому себе: «Увы мне, бедному! Сколько времени прожил я, носясь умом ту-

да и сюда, предаваясь суете, празднословию и смехам! Горе мне! Чего ради так непотребствую? Чего ради так осуечаюсь? Слушаю Божественные Писания, но даже доселе не дал им принести мне пользу, какую обычно приносить им. Какой плод принесла мне настоящая жизнь? Столько и столько уже лет прошло жизни моей – и кто знает, доживу ли до завтра? Столько лет ел я и пил, наполнял чрево мое яствами, винами и всякими сластями, украшался светлыми одеждами, предавался утехам и веселию во вред душе своей; столько и столько наживая денег, тратил их на пустые и ничтожные вещи, часто ходил в бани, намащался драгоценными мастями, ездил на дорого убранных конях, давал многорасходные обеды, завидовал ближнему своему, осуждал, впадал в плотские грехи, присвоял чужое, лгал, между тем широкий имел круг друзей и знаемых и славное себе стяжал имя в мире сем, ложился на мягких постелях, всячески упокоевая сие земное тело мое, и спал без меры. Что из всего этого принесло мне доселе какую-либо пользу? И какую имеет принести пользу в час смерти? Если Бог, имеющий власть всякой плоти, повелит завтра умереть, поистине никакой не принесет пользы все сие. Позабочусь же, наконец, хотя последние дни жизни моей не провести в суете, но отныне положу начало своему исправлению, оставлю все худые дела свои и, как велят святые отцы, стану делать противоположные им дела добрые: вместо многоядения стану поститься, и притом так много, чтоб от поста и говорить с кем-либо не имел силы; утесню

чрево свое алчбою и жаждою, и тогда, конечно, сам собою укротится и неукротимый язык мой, тогда поникнет голова, насупится взор, печалью покроется лицо, и я избавлюсь от неудержимой продерзости в словах и движениях и от парения помыслов и легко пресеку злой навык носиться умом туда и сюда, шутить и смеяться; одеваться стану в одежды смиренные, а прежние, многоценные и светлые, раздам бедным, раздам им и все деньги, которые имею в руках. Какая мне нужда заботиться теперь об этом, когда я решаюсь всего себя посвятить Богу, питающему всех? Не стану более ездить на конях и мулах, отрекусь от друзей и сродников, ибо кто любит другого кого паче Христа, тот недостоин Его, как говорит Сам Он. Не буду более ходить в бани, не стану спать на мягких постелях и буду со всем желанием ложиться на землю, где сухо и жестко, чтоб против воли поменьше спать, располагая себя к такому лишению то убеждением, что, если и умру, не потерплю вреда, то помышлением: да разве я достоин жить? Если стану так поступать, то легко буду пробуждаться в полночь и, припадая к Богу, горько оплакивать грешную душу свою, взывая к Нему со слезами и воздыханиями.

Владыко, Господи Иисусе Христе, Царь неба и земли! Знаю, что паче всякого человека, даже паче всякого неразумного животного и пресмыкающегося, согрешил я пред Тобою, страшным и неприступным Богом моим, и несмь достоин обрести какую-либо у Тебя милость. По сей причине и не

дерзнул бы я прибегнуть и припасть к Тебе, Человеколюбче Царю, если бы не слышал святого гласа Твоего, глаголющего: *хотением не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. 18, 23; 33, 11), и еще: *радость бывает на небеси о единем грешнице кающемся* (Лк. 15, 7), и если б не помнил притчи о блудном сыне, которую слышим от Тебя во Святом Евангелии, именно, как Ты прежде, чем блудный сын, покаявшийся и шедший к Тебе, приблизился к Тебе, истек к нему как благоутробный отец и, падши на выю его, облобызал его. Вспомнив это, возымел и я дерзновенное упование на безмерное благоутробие Твое и, пришедши, пал пред Тобою с болезнью, печалованием и стенаниями сердца моего.

Зле изъязвлен я, омрачен и обесчувствен и в жалком положении лежу в бездне грехов моих. Но отныне даю обещание, что не оставлю Тебя, Господи мой, до последнего издыхания моего, не возвращусь вспять к прежним грехам моим и не стану более делать злых и суетных дел моих. Ты же, Господи Боже мой, знаешь немощь мою и крайность, мое малодушие и вкоренившиеся влечения, которые имеют силу тиранствовать надо мною, томить и теснить меня. Молю убо Тебя, не оставь меня и помоги мне. Не попусти, Благий, врагу нашему диаволу посмеяться надо мною, ибо отныне я раб Твой».

Вот о чем надлежит всегда помышлять, брате, тебе, восхотевшему покаяться, оставить прежнюю жизнь и положить

начало шествию истинным путем покаяния. При этом и вот еще что надобно тебе соблюдать: не вкушай пищи до вечера. Когда же придет время и ты поешь немного, тогда, вошедши в келлию свою, сядь на лавку и размышляй в уме своем о всем, что сказано перед сим. Во-первых, поблагодари Бога, что сподобил тебя достигнуть конца дня и начала ночи; потом себя самого просмотри, вспоминая, сколько грешил ты пред Богом, Творцом своим, и сколько Он долготерпел на тебе, сохраняя твою жизнь и подавая тебе все потребное для тела – ястие, питие, одежду, кров и жилище, и как не прогневался Он на тебя, не возгнушался тобою за грехи твои и не предал тебя смерти или демонам на истребление. Когда же передумаешь все сие добре, постели рогожу твою наземи, положи небольшой камень в возглавие и приготовь таким образом место, где имеешь лечь на сон.

Теперь послушай, я открою тебе иной подвиг теплого покаяния, который в короткое время породит в тебе сокрушение и слезы, хотя бы ты был каменносердечен, жесток на плач, неподатлив на сокрушение. Не почти, однако ж, странным и необычным для верующих то, что скажу тебе, прежде чем испытаешь то. Сие ведай, что, кто сохранил себя по крещении не оскверненным от греха, для того не требуется особый подвиг покаяния, так как он не впал ни в какой грех, но силою Божиею чист есть и нескверен. Но кто по крещении осквернил себя непотребными делами и грехами и тело свое, которое есть храм Божий, блудно соделал жилищем

похотей, страстей и демонов, для того потребен не тот только подвиг покаяния, о котором я имею сказать тебе, но потребны и многие другие покаянные подвиги и приемы самоумерщвления и самоозлобления, чтоб умилостивить Бога и возвратить себе то Божественное достоинство, которое потерял по причине своей греховной жизни. Да удостоверит тебя в этом слово о покаянии святого отца нашего Иоанна Лествичника, в котором показано много таких подвигов.

В чем же состоит тот подвиг покаяния, который я отечески советую тебе? Слушай, брате мой, смысленно и не соблазняясь. После того как приготовишь рогожу, как я сказал, на которой имеешь лечь спать, стань на молитву, как какой осужденник, и прочитай прежде *Трисвятое* и *Отче наш,* что произнося, припомни, кто ты и Кого именуешь отцом. Дошедши же до *Господи, помилуй* и желая воздеть руки горе, воззри на небо очами своими, взгляни потом на руки свои и, собрав ум свой внутрь себя, припомни, сколько злых и срамных дел наделал ты этими руками, и убойся, говоря в себе самом: увы мне, нечистому и скверному! Не воззрел бы Бог немилостиво на то, что я так бесстрашно простираю руки свои к Нему, и, вспомнив, сколько зла наделал я ими, огнь низвергши, не попалил меня?

Почему обратив руки свои назад, как бы они там были связаны, как бывает у ведомого на смерть осужденника, и воздыхая из глубины души, скажи жалостливым голосом: помилуй мя, Господи, не достойного жизни сей, а достойно-

го всякого мучения, – и другое что сказать просветит тебя благодать Божия. Воспоминая же при сем злые дела свои, бей себя, сколько можешь, без жалости, говоря: о лукавый и треокаянный! Как дерзнул ты сделать такие и такие злые дела? И опять стой и молись, призывая помилование Божие. Затем бей себя по лицу, дери себя за волосы, таская их, как бы они принадлежали другому кому, врагу твоему и навет-нику, говоря: зачем наделал ты такие и такие злые дела? После того как ты таким образом достаточно отдерешь себя, стань смиренно, сложив руки свои пред собою и прочитай со вниманием два или три псалма. И опять начни размышлять о том, что сказали мы выше. И, может быть, умилосердится над тобою Бог и даст тебе слезы и сокрушение. Если даст, стой тогда на том же месте, пока не прекратятся слезы. Если же не придут слезы, пожалей о том и скажи себе: сокрушение и слезы даются достойным и тем, которые приготовились к тому; ты же давно ли это стал молиться о том или положил работать Господу? Или какими добрыми делами приготовил себя к принятию их? Не довольно ли для тебя того одного, что тебе дается еще пожить? Скажи это и воздай благодарение Богу. Потом запечатлей знамением Честного Креста лицо свое и грудь свою и, припадши на рогожу, засни.

Когда проснешься, не переворачивайся на другой бок, но встань тотчас и твори молитву тем образом, какой я тебе указал. Ложиться же опять совсем не ложись, но если останется время, почитай что-нибудь, пока придет час службы церков-

ной. Тогда иди вместе с другими в церковь и, пришедши туда, стой со страхом и трепетом, как бы ты стоял на небе между Ангелами, почитая себя недостойным находиться вместе с братиями. Внимай добре, чтоб не озираться туда и сюда и не подсматривать за братиями, как кто стоит или поет, но внимай лишь себе самому, службе и грехам своим, воспоминая при сем и молитву, какую творишь в келлии своей, то есть *Господи Иисусе Христе* и пр. В продолжение службы не обращайся ни к кому с каким-либо праздным словом и не выходи из церкви прежде отпуста. Если возможно, не садись даже и во время чтения (из святых отцов), но отойди в какое-либо скрытное место, стой и слушай, как бы устами чтеца говорил к тебе Сам Сый над всеми Бог. Если определят тебя совершать чтение, читай внятно и с умилением, помышляя в себе, что ты недостоин читать братиям Богодохновенные Писания. Когда же, кончив чтение, будешь класть обыкновенные поклоны на оба хора, не делай этого небрежно и с презорством, но почитая всех братий как бы сынами Божиими и Ангелами, так низко поклоняйся, чтоб голова твоя доходила почти до пола, и говори тайно в себе самом внутрь сердца своего: молитесь о мне, святые Божии, и простите меня, грешного и недостойного неба и земли. Также если велят тебе канонаршить, не канонарши небрежно и лениво, а обдуманно и с великим вниманием, как бы передавая гласом своим, как рукою, Божественные глаголы братиям своим, пред лицом Царя всяческих Христа. Бойся ока-

зать презрение к какому-либо брату и не преподать ему животворного хлеба, то есть слова Божия, чтоб не быть, как презрителю, изгнану не только из церкви, но и из Царства Небесного. По отпусте же, выйдя из церкви и направляясь к келлии, готовься к делам дня и для того просмотри, как провел ты вчерашний день, и если окажется, что в чем-либо погрешил, исправь то ныне.

Если будешь ты всегда поступать таким образом, не прерывая, то Христос Господь не замедлит явить тебе милость Свою. Я ставлю тебе в этом порукою благоутробного Бога, я – хотя и очень дерзновенно говорить так – я обещаю тебе это от лица человеколюбивого Бога. Пусть я умру, пусть предан буду вечному огню адскому вместо тебя, если презрит тебя Господь и оставит. Только не делай того, что я тебе сказал, с раздумыванием и двоедушием. Что это за раздумывание и двоедушие? Внимай и познаешь. Раздумывание есть, когда кто помышляет в уме своем и говорит внутри сам себе: помилует ли меня Бог или нет? Это «или нет» есть признак неверия. Если же ты не веришь, что Бог большую еще окажет тебе милость, нежели сколько чаешь, зачем и молишь Его о помиловании? Двоедушие есть, когда кто не всецело предает себя на смерть для стяжания Царства Небесного, но все еще попечение имеет о теле своем и о житейском. Вот только чего должно оберегаться кающемуся от всего сердца – чтоб не лишить себя каким-либо образом жизни и не сделаться самоубийцей, сказать к примеру, чтоб не бросить-

ся с какой стремнины или другого чего не сделать разрушительного для жизни телесной. О прочем же – чем питаться и чем поддерживать жизнь тела – пусть совсем пресечет всякую заботу, веря слову Спасителя, Который говорит: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33). *Сия вся* – то, что необходимо для тела. Кто подвизается и проводит жизнь, как заповедует Святое Евангелие, тот может питаться всегда и жить одним хлебом и водою – и быть при этом еще крепче и здоровее тех, которые едят много разнообразных яств. Почему и апостол Павел говорил и говорит всегда: *имуще пищу и одеяние, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 8). И еще: *сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога возставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9).

Се, возлюбленный брате, я показал тебе, как надлежит приступить к Богу и какой подвиг покаяния надо показать пред Ним. Не оставляй же ничего из того, что я сказал тебе, до последнего твоего издыхания и не забывай доброго совета, мною, грешным, тебе данного. Ибо хотя я и ничего не стоящий человек, но благодать Божия просветила меня сказать то для спасения твоего. Если ты с помощью Божией исполнишь то, то познаешь и другие более великие таинства, научаем будучи благодатию Всесвятого Духа, и за такие дела и подвиги дастся тебе не только источник слез, но и отчуждение и отсечение всех страстей. Кто, взыскав покаяния и сокрушения, станет ревностно разузнавать, что способству-

ет и содействует сокрушению, плачу и слезам, и исполнять то с готовностью и тщанием и при этом не будет высоко себя ставить в каком-либо отношении и творить какую-либо волю плоти, того такой образ действования скоро приведет к преспеянию, чистоте и бесстрастию, сделает его достойным приять благодать Святого Духа и подобным явиться великим отцам нашим: Антонию, Савве, Евфимию.

Вот что подобает тебе делать, если любишь покаяние и сокрушение! Если же не хочешь меня послушать и для стяжания их возыметь всегдашним и постоянным делом то, что я тебе сказал, по крайней мере, не хули того ни ты, ни другой кто, говоря, будто это невозможно. Не говори также: я исповедался и исповеданием очистил грехи свои; я столько уже лет ищу спасения; я столько иждил имущества и раздал денег на бедных, питал алчущих, поил жаждущих и все свое достояние расточил на нуждающихся; я ходил на Святую гору (Афон), был у святого Гроба Господня, восходил на Елеон, посещал Синай и теперь живу особо в уединенном месте, держу пост в такие и такие дни, творю столько-то молитв и прочее. За все это надеюсь спастися – и довольно для меня. Ни, о брате мой, кто бы ты ни был, говорящий сие, – ни, не обольщай себя, утешаясь такими суетными помышлениями, неразумно сплетаемыми тобою. Все это хорошо, и очень хорошо. Но знай, возлюбленный, что это только семя. И рассуди теперь сам, что скажу тебе примерно: ты очистил место, взорал, вздвоил и встроил землю и засеял ее; но проросло ли

семя из глубины земли сердца твоего? Вырос ли стебель и заколосился ли? Забелели ли нивы душевной земли твоей и готовы ли к жатве? Срывал ли ты колосья и тер ли их в руках своих, чтоб видеть, каков плод трудов твоих? Увидевши его, вкусил ли? Вкусивши, насытился ли и подкрепился ли? Если все это ты увидел, сознал, испытал, восчувствовал, кланяюсь тебе, лобызаю ноги твои и самые следы ног твоих, почитая себя недостойным поцеловать тебя в лицо. Радуйся и веселись, ибо явно, что ты пожинаешь с великою радостью, что посеял с немалым трудом и потом. Если же не имеешь и не чувствуешь в себе ничего из того, что я тебе говорю, и даже не знаешь, посеялось ли какое доброе семя на земле сердца твоего, то какая же, скажи мне, прибыла тебе польза от того, что ты окружил почти всю землю и достиг до последних краев моря? Поистине никакой не получил ты от того пользы, даже и от того, если притом раздавал деньги. Ибо если я весь мир помилую из того, что не мое, – скажу, впрочем: пусть и мое, – себя же самого оставлю нагим и скудным внутреннею добротою духовною и, умерши, предстану таким пред Страшным Судилищем Спасителя, то какая мне польза от всего прочего? Нам надлежит выйти из мира и тела одеянными и украшенными всякою духовною добротою, если желаем достойно восседать за царскою трапезою на брачной вечери вместе с друзьями Царя. Что же это есть такое, во что я и все вообще христиане должны облещися, чтобы не оказаться тогда нагими? Есть, братия мои, Христос Бог наш.

Если же, опять скажу, я пройду всю землю, как один дом, и не оставлю ни одного села, города и церкви, не вошедши в нее, не помолившись и не осмотревши тщательно всего, что представится глазам моим, а потом лишен буду Царствия Небесного, то не лучше ли было бы для меня совсем не родиться, не дышать этим воздухом и не видеть этого солнца очами своими? Поистине было бы лучше.

Что же мне делать, чтоб не лишиться Царствия Небесного? Если стану делать все, о чем сказано выше, то получу Духа Святого. Сей Дух есть семя Христа. Силою Его мы все, бедные и тленные человеки, соделоваемся сродниками Христу. Семя сие, если падет на добрую землю, то приносит приплод где в тридцать, где в шестьдесят, а где в сто. И сей-то Дух Святой есть Царствие Небесное; все же прочее без Него ни к чему не служит. Таким образом, брате мой, если мы не помилуем самих себя, если не сделаем душ своих очищенными покаянием и преисполненными света, то никакой не принесут нам пользы все другие дела, как говорит Господь наш Иисус Христос: *кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Или что даст человек измену за душу свою?* (Мф. 16, 26). И опять: *обретый душу свою погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 10, 39). Итак, если я не погублю души своей тем образом, о коем сказал, предавая себя на смерть из любви ко Христу, и опять, если я обрету ее, любя настоящую жизнь и не ища жизни вечной, то какая мне польза от всего прочего,

други мои и братия? Поистине никакая. Никакой не принесет нам это пользы и от огня вечного не избавит, если не позаботимся о душе своей и не будем за нею присматривать, оставя все другое и всех других людей. Как же следует заботиться о душе своей, об этом я скажу в другом слове, чтоб настоящее не вышло без меры великим.

Ты же, Боже и Творче мой, благоволивший соделаться Учителем нас, грешных, Сам научи меня сказать, как должно, и для себя самого, и для братий моих, рабов Твоих, что потребно для спасения души. Ибо Ты еси путеводитель и просвещение душ наших. Ты отверзаешь уста наши и даешь слово с силою многою нам, проповедующим Евангелие Твое, и Тебе славу воссылаем, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семидесятое

Как надлежит присматривать за собою и вникать в свое состояние и как должно сличать дела свои с заповедями Христа Господа?

Как я обещал вам сказать, как надлежит присматривать за собою, то и хочу ныне исполнить сей долг свой, считая себя притом обязанным всегда доставлять любви вашей определенную пищу слова.

Присматривать за собою значит вникать в себя, примерно так разглагольствуя с самим собою: не обладает ли мною какая-либо страсть, большая или малая, а я о том и не думаю? Ибо, как слышу в Божественных Писаниях, если кто хоть одну какую имеет страсть, то он в Царствие Божие не внидет.

Так говорит апостол Иаков: *иже весь закон соблюдет, согрешит же во единем, бысть всем повинен* (Иак. 2, 10). Может быть, я понерадел когда-либо о той или другой заповеди или и теперь нерадею о той и небрегу исполнять эту? А Христос Господь говорит: *иже аще разорит едину заповедей сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Также когда кто читает или слушает Божественное Писание, о себе самом пусть подумывает при том и при помощи его, как зеркала духовного, тщательно рассматривает душу свою, есть ли в ней то, о чем го-

ворит Писание. Так, скажем для примера, слыша, что Христос Господь говорит: *покайтеся, приближися бо Царствие Небесное* (Мф. 4, 17), пусть определительно дознает, покаялся ли искренно и хранит ли всегда покаянные чувства? И еще при встрече разных случайностей пусть наблюдает, что происходит в душе его, и через то определяет, какова она. Так, например, наблюдая, что бывает у него на душе, когда бранят его или бесчестят или иным каким образом оказывают ему презрение, он верно познает, есть ли в нем смирение или нет. Ибо кто имеет смирение, тот все скорбное переносит с радостью, и сердце его ни мало не уязвляется ничем таким. Смирен и тот, кто хотя уязвляется немного этим, но не допускает себя до смущения, и за это малое чувство уязвления сердца оскорблением, то есть что опечалился немного, а не с радостью принял случившееся, осуждает себя и укоряет; и вошедши в келлию свою и себя самого рассуждая, сокрушается и плачет и, припадая к Богу, исповедуется Ему, как бы погубивший все труды свои.

Потом опять, когда слышит: *блажени плачущии* (и рассудите, прошу, не сказал: *плакавшие,* но – плачущии, то есть те, которые всегда, каждый день и каждый час плачут), должен подумать, плачет ли он каждый день, ибо если он смирен действием покаяния, то, конечно, не пропустит ни одного дня и ни одной ночи без слез, плача и сокрушения.

То же пусть сделает и слыша *блажени кротции.* И кто может слезить и плакать каждый день – и оставаться гневли-

вым, а не быть кротким и тихим? Ибо как пламя огненное погашается водою, так гнев душевный гаснет от плача и слез; а если кто долгое время пребудет в плаче, то раздражительность души приходит в совершенную неподвижность, и душа тогда уже совсем не гневается. Потому всякий должен и с этой стороны осмотреть себя, истинно ли он кроток. Истинно кроткий только преступления заповедей Божиих не может сносить ни в каком человеке, но и при этом он плачет о преступающих сии заповеди и грешащих, и так же искренно, как бы сам грешил.

Опять и то пусть испытает о себе, алчет ли он и жаждет правды Божией. Ибо взыскавшему Бога нельзя не алкать и не жаждать правды, так как правда есть Бог, Который, как слышишь, именуется Солнцем правды. Итак, алчущий и жаждущий правды алчет и жаждет Бога, то есть Его единого желает и к Нему единому горит любовию; все же прочее, мир и все, что в мире, *вменяет в уметы* (Флп. 3, 8) – и чести человеческие, и похвалы почитает как бы пристыжением, не принимая их в ум и совсем их не чувствуя.

Также слыша: *блажени милостивые,* пусть испытает, милостив ли он. Но кто такие милостивые? Те ли, которые раздают бедным деньги и кормят их? Нет, не это одно делает милостивым; надобно, чтобы при сем была милостивость сердечная. И те милостивы, которые обнищали из любви ко Христу, нас ради обнищавшему, и не имеют, что дать бедным, но, вспоминая о бедных, вдовах, сиротах и больных

и нередко и видя их, снедаются жалостью об них и плачут, уподобляясь Иову, который говорит о себе: *аз же о всяком немощнем восплакахся* (Иов. 30, 25). Они, когда имеют что, с искренним радушием помогают нуждающимся, а когда не имеют, дают им всеубедительные наставления о том, что способствует спасению души, повинуясь слову того, кто сказал: *нелестне научихся, без зависти преподаю* (Прем. 7, 13).

Таковы истинно милостивые, ублажаемые Господом Иисусом Христом. Они такой милостивостью, как лествицей, восходят к совершенной чистоте душевной. Почему и Господь наш вслед за ублажением милостивости сказал: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят.* Ибо, как Бог и законоположник наш, Он знает, что если душа не придет в такое настроение, то есть не соделается милостивою, как мы сказали, не будет всегда плакать, не станет совершенно кроткою, не возжаждет Бога, то она не может избавиться от страстей и соделаться чистою, как чисто зеркало. Но если не сделается она такою, то никак не узрит она чисто внутрь себя лица Владыки и Бога нашего. Та же душа, которая сделается чистою, всеконечно зрит Бога и содружается с Ним; и бывает тогда мир между Творцом нашим Богом и душою тою, тогда как прежде она враждебна была к Нему. Почему после сего она и ублажается Богом, яко миротворица.

Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. То есть блаженны те, которые сознательно содружились со Христом, пришедшим дать мир дальним и ближним, то

есть праведным и грешным, примирить с Отцом Своим нас, врагов Его, и совокупить воедино разделенное между собою, для каковой цели Он воспринял нашу человеческую плоть, чтобы преподать нам Духа Святого. Итак, явно, что те, которые зрят Бога, содружились с Ним, достигли желаемого мира и соделались сынами Божиими. Вот и смотри, содружился ли ты с Богом? Содружился, если любишь брата своего, и не содружился, если не любишь брата. Ибо если ты не любишь брата, которого видишь, то как можешь любить Бога, Которого не видишь? Если же не можешь любить Бога, явно, что ты и не содружился еще с Ним. Почему, братия мои, восподвизаемся всею нашею силою узреть Бога, содружиться с Ним и возлюбить Его вседушно, как Он заповедал.

Наконец, слыша: *блажени изгнани правды ради,* испытывающий себя смотрит, потерпел ли он какое-либо гонение за заповедь Божию, так как, по апостолу, *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гонимы будут* (2 Тим. 3, 12). Господь наш говорит далее: *блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех.* Чего же ради после всех положил Он гонимых и поносимых и властно повелевает им, говоря: *радуйтеся и веселитеся?* Того ради, что только тот, кто покажет покаяние, достойное грехов его, а от покаяния сделается смиренным (повторю опять все то же), каждодневно плачет, бывает кроток, от всей души алчет и жаждет Солнца правды, бывает

милосерд и сострадателен до того, что все страдания, скорби и болезни других считает как бы своими, очищается плачем и зрит Бога, содружается с Ним, бывает воистину миротворцем и удостаивается наименоваться сыном Божиим, – только тот, кто сделается таковым, может, и когда бывает гоним, бием, поносим, оклеветаем и слышит всякий злой глагол про себя, с радостью и неизреченным веселием претерпеть все сие. Зная сие, Владыка наш и Бог гонимых ублажил после всех и так решительно сказал к ним: *радуйтеся и веселитеся*. Кто же не сделается таковым, ужели не может снести все сие? Нет, не может.

Итак, братия мои, будем непрестанно испытывать и исследовать себя самих, со всем вниманием и тщанием, каждый день и каждый час, если возможно, и приводя на ум заповеди одну за другою, по каждой из них осматривать и обсуждать себя самих. Если найдем, что исполнили какую, возблагодарим Господа Бога нашего и постараемся соблюдать ее и в последующее время. Если же окажется, что не исполнили какой, покаемся в том и восподвизаемся исполнять ее, чтоб иначе, презревши ее, не нарещися *меньшими в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Если мы таким образом станем восходить мало-помалу от одной заповеди к другой, как по лествице, то, наверное, достигнем до самых последних пределов христианского совершенства, до самых врат неба, где Христос Господь наш, сретив нас, скажет нам: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упо-*

кою вы (Мф. 11, 28). Когда достигнем мы сего и узрим Господа, сколько возможно человеку узреть Его, и восприимем от Него Царствие Небесное, которое есть Дух Святой, тогда всегда уже будем иметь Его в себе, как сказал Сам Он, и докончим жизнь свою в веке сем, как Ангелы Божии, или, лучше сказать, как сыны Божии. Каковаго сладчайшего блага буди сподобитися всем нам благодатию и благоволением Бога, в Троице поклоняемого, Емуже слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят первое

О новоначальных монахах.

Монах новоначальный, недавно отрекшийся от мира и от всего, что в мире, и вступивший в подвиг монашеского жития, если удалился из мира ради Бога и истинно желает научиться сему искусству искусств, а не хочет, чтоб удаление его из мира оказалось тщетным, должен с самого начала со всем усердием и тщанием творить дела добродетели. В руководство к сему я хочу дать некое письменное начертание начатков сей науки наук, то есть монашеской жизни, для новоначальных, недавно оставивших мир и вступивших в обитель, в это подвизалище, как в школу какую. И вот какие советы даю я им и имеющим прийти после них, по преданию, которое и я принял от отцов наших.

Надлежит ведать, что совлекшийся перстного человека с мудрованием его, под образом совлечения мирских одежд, и облекшийся в человека небесного, под образом принятия монашеского образа, долг имеет, вставая в полночь прежде утрени, совершать определенное ему для сего молитвенное правило и потом идти в церковь к утрене вместе со всеми братиями и там великое иметь внимание ко всему последованию службы, внимая шестопсалмию, Псалтири и положенным чтениям из отцов; причем пусть не позволяет себе рас-

пускать члены тела своего и стоять бесчинно или прислоняться к стенам и колоннам; руки надобно ему иметь впереди благоговейно сложивши, и ногами стоять на полу обеими равно, голову держать неподвижно, не обращая ее туда и сюда, но наклонив долу; умом пусть не сеивается, не любопытствует, что делает тот или другой, и не подвигается к нерадивцам, которые тайком говорят и шепчутся между собою, – но пусть хранит очи свои и душу свою от блуждания туда и сюда и сколько можно напряженно внимает одной молитве, чтению, поемым тропарям и читаемым словесам Божественного Писания, не пропуская без пользы ни одного слова и заботясь питать всем этим душу свою, чтоб, пришедши в сокрушение и смирение, восприяла она просвещение от Святого Духа.

Еще, братия мои, и отцы, и чада, умоляю вас всех вместе и даю вам это, как душеспасительное правило, потщитесь положить начало такому делу добродетели, или, лучше сказать, делу Божию (за которое получим от Бога и воздаяние по мере трудов своих), чтобы, если возможно, ни одна служба не проходила без слез. Ибо если навыкнешь ты, брате мой, это делать, то в короткое время преуспеешь, возрастешь духом и достигнешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Когда станешь ты понуждать себя к тому, чтоб не проходило ни одной службы церковной без слез, то со временем так навыкнешь сему доброму делу, что слезы сделаются для тебя как бы естественными. Тогда душа твоя нач-

нет питаться и псалмами, какие будешь читать или слушать, и тропарями, и воспринимать в себя Божественные мысли их, и ум твой посредством читаемого восходить горе и возвышаться в созерцание мысленного. Тогда станешь наконец плакать с великой сладостью и, находясь в церкви, чувствовать, что находишься будто среди святых Ангелов.

Положи также для себя в неизменное правило никогда не выходить из церкви прежде, чем иерей скажет самую последнюю молитву (то есть отпуст – *молитвами святых отец* и пр.), без крайней какой нужды или потребности телесной, но всегда с терпением простаивать до конца на своем месте, как говорит Божественное Писание: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). За это сначала будешь ты получать помощь от Бога, не чувствуя того сам, потом со временем станешь ощущать сию Божию помощь и чувством души твоей, а спустя немного после этого будешь зреть ее в Божественном некоем просвещении.

Когда кончится служба утренняя, ты, по выходе из церкви, не заводи праздных разговоров с тем или другим и умом своим не рассеивайся туда и сюда, но спеши прямо в келлию свою и, там совершив определенную тебе для сего молитву, берись или за свое рукоделье, или за данное тебе послушание, или за чтение. Никогда не оставайся совершенно праздным в келлии своей, чтобы праздность не научила тебя всякому злу, о котором не нахожу нужным говорить тебе. Но и по монастырю не кружись и не любопытствуй, как кто зани-

мается своим рукодельем или исполняет свое послушание. Храни молчание и от всех устраняйся, что и есть истинное странничество. Сколько сил есть, себе лишь внимай и рукоделию своему. Не ходи ни к кому в келлию, кроме разве духовного отца твоего и того, к кому пошлет тебя настоятель или другой какой распорядитель по монастырю. Но и при этом, ходя, куда послан, смотри не говори и не слушай ничего, не касающегося дела, за которым был послан, и, кончив его, поскорее возвращайся назад. Если, переходя туда и обратно, увидишь, что где-либо сидит брат один или вместе с другими и они ведут беседу не в подобающее время, сделай им поклон и пройди мимо молча, а к ним не подходи и не садись вместе с ними, вспомнив слова псалмопевца Давида, который говорит: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста и на седалищи губителей не седе* (Пс. 1, 1). Ибо таковые поистине суть губители, то есть тлетворные душевредители, как и святой Павел говорит: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33). Так не садись, брате мой возлюбленный, с теми, которые празднословят, и не говори им: дайте и мне послушать, о чем вы говорите. Но, как я сказал, сделав им поклон, проходи мимо и иди далее по послушанию своему, храня молчание и странничество (держи себя в чувстве и в отношениях к другим, подобно чуждому страннику). Молчание сохранишь, если будешь говорить сам в себе: и что хорошего имею сказать я, столь малосмысленный и дурной, что и говорить-то недосто-

ин, недостоин даже и к людям причисляться? А странничество и то, чтобы устраняться от других, сохранишь, если будешь думать и говорить в себе: кто я такой – ничтожный, ни к чему не гожий, деревенщина, бедняк, – чтобы сметь мне пойти в келлию к кому-либо другому? И кто, увидев меня, не отвратится от меня и не возбрезгует мною как мерзостью? Разве, когда приду к кому, не может он сказать о мне: чего хочет этот гадкий, келлию мою что ли пришел осквернить? Если положишь пред собою грехи свои, то можешь от всей души думать и говорить о себе все это, как я сказал. Пусть вначале и не сможешь ты от всей души говорить так в себе о себе, но мало-помалу, при помощи Божественной благодати, достигнешь и этого, то есть чтоб истинно таковым считать себя. Только послушай меня, смиренного, и начни с Богом говорить и делать, как я сказал, и Бог не оставит тебя, ибо Он много любит тебя и желает, чтоб ты пришел в познание истины и спасся.

Так проведши время до Литургии, иди потом, брате мой, опять в церковь и стой там, как я определил тебе стоять во время заутрени, не забывая и о плаче. Стой со страхом и трепетом, как бы ты очами своими видел, как Сын Божий воплощенный приносит Себя в жертву за тебя, – и если ты достоин и получил позволение от своего духовника, приступи со страхом и вместе с радостью и причастись Пречистых Таин, а по отпусте иди вместе со всеми братиями в трапезу.

Здесь, если тебе определено прислуживать, исполняй свое

послужение с такою чистою и нелестною любовию, как бы ты служил Самому Христу, а не человекам, и имей всех братий как святых или, как я уже сказал, как Самого Христа и подавай им все потребное с такой любовию, как бы отдавал им душу свою и всего себя произволением, будучи убежден, что получаешь освящение от послужения, которое не есть для них. Если же сядешь за трапезу вместе с другими, смотри, с бесчинною дерзостью не протягивай руки своей к яствам прежде, чем начнут есть старейшие тебя, и прежде, чем иерей благословит трапезу; начавши же есть вместе с братиями и отцами твоими, соблюдай великую скромность и молчание и отнюдь ни с кем не говори, но внимай чтению, чтоб, как питаешься телесно яствами, так питаться и душевно Божественными словесами святых отцов, ибо как ты двояк, из души и тела состоишь, то надлежит тебе и питаться как душевно, так и телесно; тело свое, как чувственное и земное, питай чувственною и земною пищею, а душу, как духовную и Божественную, питай Божественною и духовною пищею словес Божиих. При этом не любопытствуй, какие положены на трапезе части, где большие и где меньшие, но какая дана будет тебе часть, ту и ешь с благодарением и воздержанием, избегая полного насыщения и помышляя, что ты недостоин сидеть за общею трапезою братий, говори сам в себе: кто я, нищий и ничего не стоящий, что удостоен сидеть и есть вместе с такими святыми? Говоря же так, в уме своем от всей души имей себя грешником, и как какой-либо бедняк, оде-

тый в рубище, если попадет в среду лиц важных, богатых и пышно одетых, стыдится и не смеет подойти и приблизиться ни к кому из них, так всегда держи себя и ты среди братий, – выбирай всегда последнейшее место, стыдясь сесть выше кого-либо, так как все другие богаты добродетелями и один ты наг и беден всякою добродетелью, почему недостоин обращаться с ними и даже смотреть на них. Также, с самого начала, как только приступаешь ко вкушению пищи, вспомни о грехах своих и говори опять сам в себе: не будет ли мне в осуждение есть эти лежащие предо мною яства? От юности моей я не сделал ничего угодного Богу, создавшему их и давшему их нам в пищу, и святых заповедей Его не исполнял, – как же я, достойный всякого осуждения, осмелюсь вкушать от благ Его? С каким лицом стану есть и пить и соутешаться вместе со святыми отцами сими я, злой и непотребный раб, отдалившийся от Владыки своего, прежде чем покаюсь и получу прощение от человеколюбивого Бога, как едят и пьют другие, которые или совсем не грешили, или нагрешивши покаялись и получили от Бога прощение? Нет, не стану я есть, как и они, но столько приму пищи и пития, чтобы лишь жить, и тем поутесню, поумучу и показню себя, чтоб Бог, свыше видя мое самоутеснение и произвольную прискорбность, помиловал меня и простил мне многие грехи мои. Так всегда рассуждай и помышляй в уме своем. Определи также себе правилом никогда не наедаться досыта, но есть гораздо меньше потребного и выдерживай положенное; равно опре-

дели и меру воды для питья, одну или две чаши, и пей в один определенный час дня. Когда сидишь за столом, не слушай помысла, который будет внушать тебе принимать пищу по выбору, и сколько можно остерегайся протягивать руку к тому, что кажется хорошим, но ешь то, что положено пред тобою. Но опять, если из того, что находится пред тобою, будут ли то овощи или другое какое кушанье, тебе что-либо особенно нравится и помысл будет говорить тебе: возьми то и съешь, подвизайся, сколько можешь, не быть побеждену таким помыслом и не касайся того. Ибо Адам не за другое что изгнан из рая, как за то, что плод древа показался ему красивым и добрым для вкушения, и он вкусил его. Почему те, которые желают опять возвратиться в тот рай или, лучше сказать, в Царство Небесное, долг имеют хранить воздержание, даже в употреблении овощей, без придумывания предлогов к противному, чтоб иначе мало-помалу от этих малых не дойти и до великих вредных похотений. Если сидящие с тобою братия будут предлагать тебе есть и пить больше, ты ничего другого не отвечай им, как сложив руки и голову наклонив, приподнимись и скажи кротким и тихим голосом: простите мне. И не в этом только случае, но и во всяком другом так отвечай. Так – ни сам ты не давай другому кому от избытков твоих (остатков за столом), ни от другого кого не бери ничего.

Если не пьешь вина, и не бери его – даже под предлогом дать его другому брату, исключая того случая, когда придет

к тебе по нужде странник. Никогда ни с кем не позволяй себе вкушать прежде общей трапезы, или полдничать, или пере-ужинывать вновь по какому-либо поводу, потому что от этого много худого происходит, и это – диавольские сети, которые кажутся будто хорошими, но внутри содержат смертоносный яд. Этих сетей избежит тот, кто поверит мне и соблюдет слова мои. С помощью благодати Божией он пребудет неискусимым и невредимым от диавола. Те, которые любят жизнь мирскую под монашескою одеждою, низвергаются и падают в пропасти, сами того не чувствуя. Ты же, брате мой превозлюбленне, восхоти соблюсти сказанное мною до готовности, если потребует нужда, даже умереть за то. Ибо другим образом не возможешь ты избежать беса чревоугодия.

Знай, впрочем, и то, что когда станешь исполнять это, то диавол не спустит тебе этого, но подымет против тебя всех нерадивых и ленивых, которые и начнут осуждать тебя, поносить, пересмеивать и причинять премногое множество всякого рода неприятностей, чтоб заставить тебя бросить доброе намерение и прекратить такие дела, ведущие ко спасению души. Но ты не смотри на это; ибо если ты будешь терпеливо переносить все такое, то обретешь великую помощь и обильное утешение от Бога и Спаса нашего.

Если, когда другие сидят за столом и едят, ты или прислуживаешь, или так сидишь, или другое что делаешь, смотри, не забудь говорить себе в уме своем: если б и я покаялся

как следует и получил отпущение грехов своих, то, конечно, и я ел бы и утешался вместе с братиями моими, но как я, несчастный, срамными делами своими сделал себя ничего не стоящим, то праведно восприемлю по делам моим. И говоря это, обуздывай сколько можешь чрево свое.

Никогда не ищи и не желай первоседания, но ненавидь его от всей души, так как оно есть причина гордости. И смирение твое возвысит тебя, и то, что ты ищешь последнее занимать место, сделает тебя первым, ибо написано:

всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется (Лк. 18, 14).

Когда, наконец, встав из-за трапезы вместе с братиями, возблагодаришь Бога и иерей сделает надлежащий отпуст, тогда иди молча прямо в келлию свою и, затворив дверь, бери книгу в руки и почитай немного. Потом, если будет летнее время, ляг на рогожу свою и сосни немного. Если ты бережешься от насыщения и трапезуешь очень скромно, употребляя лишь хлеб с водою и овощи, и то в меру, то не проспишь долго, а скоро проснешься. Если же время будет зимнее, то, почитавши немного, берись за свое рукоделие и сиди за ним, пока ударят к вечерни.

Тогда иди в церковь и стой со страхом и великим вниманием во все последование вечерни, отнюдь ни с кем не разговаривая.

По окончании вечерни, если можешь воздерживаться и ничего не есть и не пить, положив себе за правило однажды

в день принимать пищу, будет лучше, ибо от этого великую получишь пользу и помощь для ночной своей молитвы и бдения. Если же не можешь, то съешь только один паксимад (хлебец в две обычных просфоры, большей частью сухой) и выпей одну чашу воды, исключая разве немощи какой.

Затем, воздав Богу молитвы повечерия вместе с прочими, поклонись в ноги настоятелю, как бы к стопам Христа Спасителя припадая, и, приняв от него благословение и к святым иконам приложившись, иди молча в келлию свою, отнюдь ни с кем не заводя разговоров.

Вошедши в нее, затвори дверь и бери книгу в руки. Прочитавши листа три, встань на молитву и молись Богу безмолвно, чтоб никто не слыхал тебя. Внимай, однако ж, чтобы стоять с бодренною душою, заключая помыслы свои в молитву и не давая им уклоняться к разным делам и вещам. При этом руки скрести пред собою, ноги держи ровно и неподвижно, глаза зажмурь, чтоб ни на что не смотрели и не рассеивали ума твоего; ум же свой и все сердце свое вознеси горе, на небеса, к Самому Богу, со слезами и воздыханиями испрашивая у Него милости. Имей определенные духовным отцом твоим псалмы, которые более сокрушительны, возбуждают слезы покаяния и под силу тебе. Псалмы, коленопреклонения и время стояния должны быть у тебя определены по мере силы твоей, чтобы совесть не обличала тебя и не говорила, что у тебя есть сила и еще постоять и пославословить Бога. Имей также и другие определенные молитвы, содержа-

щие благодарение и славословие Богу, которые и прочитывай, такие-то утром, а такие-то вечером. Кончив молитву, опять почитай немного, потом сядь за рукоделие и просиди до третьего часа ночи (нашего – девятого). После сего встань и, прочитав «Нескверная», ложись на рогожу свою, запечатлев крестным знамением все тело свое. Проспав до полуночи, вставай и делай далее, как я определил тебе выше.

Ко всему сему приложи исповедание помыслов своих духовному отцу своему, если можно, каждый час; если же это невозможно, не пропускай, по крайней мере, ни одного дня без исповедания их. Тотчас после утрени испытай себя добре и открой своему отцу духовному, что с тобою случилось, имея к нему твердую веру и нисколько не умаляя ее, хотя бы весь мир осуждал его и поносил; хотя и тебе самому будет что-либо в нем казаться укорным, не поддавайся соблазну, слыша, что говорит Христос Господь: *не судите, и не судят вам* (Лк. 6, 37).

Если будешь так подвизаться каждый день, то будь уверен, что Бог не умедлит посетить тебя свыше, но послет тебе помощь от святого жилища Своего, и к тебе приидет благодать Всесвятого Духа. Так, мало-помалу преуспевая, будешь ты расти возрастанием духовным, пока придешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, просвещаем будучи от Духа Святого светом разума и сам светя, как солнце, светом тем, которые живут вместе с тобою, и прославляя словом и делом Бога, давшего тебе благодать Святого и Жи-

вотворящего Духа Своего. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят второе

1. Об отречении от мира и отсечении своей воли.

2. Что всякому надо найти себе опытного руководителя, чтоб научиться от него добродетели.

3. Что надобно иметь веру к духовному отцу.

4. О зрении света, коим просвещается всякая душа и преуспевает в любви к Богу.

1. Возлюбленные мои братия! Много раз изъявляли вы желание слышать слово Божие от меня, последнейшего и худейшего, но я не имел времени; говорить же любви вашей о достодолжном и нужном как бы мимоходом я не хотел. Се ныне время благоприятно, и я с любовию приступаю к беседе с вами, не с тем, однако ж, чтоб учить вас, потому что этого я недостоин, но лишь чтоб напомнить вам о том, что полезно для души вашей, что возбуждает к удалению от мира, к побеждению страстей, к любви Божией и к совершенному бесстрастию.

Так как я имею беседовать к людям, вожделевающим и жаждущим спасения своего, то мне подумалось, что приличнее всего начало слову моему положить словесами Самого источника всякой премудрости, Господа нашего Иисуса Христа, Который и для новоначальных есть основание веры твердое и известное, и для средних – надежда непостыжда-

ющая, и для совершенных – любовь ненасытимая и неиссякающая. Каждодневно слышим мы святой глас Его, говорящий: кто не оставит отца, и матери, и братьев и всего имения своего, и не возьмет креста своего и вслед Мене грядет, *несть Мене достоин* (Мф. 10, 37; Лк. 14, 26). Таким образом, Писание научает нас и опыт подтверждает, что крест следует за подвигами самоотвержения и добродетели, разумея под ним скорби, искушения и, наконец, самую произвольную смерть, которую надлежит подъять возжелавшему быть последователем Христовым. В те времена, когда властвовали тираны и гнали христиан, многие с радостью претерпели смерть с такими страданиями и с такими разнообразными мучениями. Но ныне, когда, по милости Божией, христиане наслаждаются совершенным миром, крест и смерть ничто иное есть, как совершенное умерщвление и отсечение своей воли. И тому, кто творит свою волю, – пусть будет это даже в малом чем – невозможно последовать Господу нашему и соблюсти Его заповеди. Почему, желая сказать вам, как бы одному брату, слово спасительное, начинаю так.

2. Брате! Часто и со всем усердием моли Бога показать тебе человека, могущего добре поруководить тебя; и кого укажет тебе Бог, тайно ли – действием благодати Своей, или явно – через какого-нибудь раба Своего, иди к нему и имей благоговеинство пред ним, смотря на него как на Самого Христа. Ибо как имеешь ты долг слушаться Бога, так надлежит тебе слушаться и его, чтоб научиться достодолжному. И

смотри, что он ни скажет тебе, исполняй то без колебания, хотя бы то, что он прикажет тебе, казалось не совсем уместным и полезным. Лучше тебе быть и именоваться учеником ученика, нежели проводить жизнь своеобразно и собирать бесполезные плоды своей воли.

3. Итак, когда услышишь ты от него: изыди от земли хотения твоего и от рода мудрования своего, не колеблись и не стыдись последовать сему, побеждаем будучи тщеславием. Если же скажет тебе: иди в землю послушания, которую я тебе покажу, теки, брате мой, туда изо всей силы, не давая сна очам своим, и не попускай побеждать себя лености и нерадению. Ибо, может быть, и тебе явится там Бог и соделает тебя отцом многих духовных чад и дарует тебе землю обетования, которую наследуют только праведные. Если он прикажет тебе взойти на гору молитвы, восходи с готовностью. Я уверен, что там узришь ты Христа преобразившимся и воссиявшим паче солнца светом Божества Своего. И ты, может быть, падешь ниц, не стерпевая смотреть на то, чего никогда не видывал, услышишь свыше глас Отца, увидишь облак осеняющий и пророков предстоящих и возвещающих, что Он есть Бог и Господь живых и мертвых. Если он скажет тебе, чтоб ты шел вслед его, обтекай с ним грады с дерзновением, и много получишь пользы, если будешь смотреть только на него и ни на что другое. Если увидишь, что он будет есть с блудниками, мытарями и грешниками, не помышляй, что тут есть что страстное и человеческое, но думай, что в

нем все бесстрастно, и свято припоминай апостольское слово: *всем бых вся, да всяко некия спасу* (1 Кор. 9, 22). Видя даже собственными глазами, как он будто снисходит до человеческих страстей, не верь тому отнюдь, потому что и они (свои очи) обманываются, как я это сам делом испытал, но последуй ему и верь словам его без сомнения помышлений.

Не смотри на тех, которые вместе с тобою, и не берись сказать за кого-либо: Господи, сей же что? Но паче себе всегда внимай, имея смерть пред очами своими и тщательно присматривая, какою бы добродетелью прославить Господа. Не гордись учителем своим, когда за него будут слишком чтить тебя, хотя бы много было готовых слушаться тебя ради имени его; но тому наипаче радуйся, если имя твое напишется на небе смирения. Если увидишь, что демоны трепещут даже тени твоей, не думай, что это бывает вследствие твоей добродетели, но относи то к молитвам отца своего, и тогда демоны еще более будут бояться тебя ради смирения твоего.

Если отец твой прикажет тебе сесть за трапезу с собою, прими то с благодарностью, но храни благоговейное уважение и почтительность к нему с молчанием; не позволяй себе начать есть что-либо без его благословения; не дерзай и другому кому подать что без позволения и приказания его. Если и то прикажет он тебе, чтоб ты сел ниже всех, смотри не подумай сказать ему, что хочу сесть одесную или ошуюю тебя, с уверенностью полагая, что эти места уготованы для других, – и прими последнейшую часть, веруя, что сим

способом стяжевается первейшая; ибо слышишь, что говорит Христос, что кто хочет быть первым, пусть будет последнейшим всех (Мф. 20, 27). И еще паче возлюби учителя своего за то, что дает тебе способ посредством вещей малых и незначительных стяжевать большее и важнейшее. Не протягивай также вместе с ним руки твоей в чашу прежде всех, ибо знаешь хорошо, кто некогда дерзнул это сделать (Иуда).

Если он захочет умыть ноги твои, постыдись его, как Господа и учителя, и не допускай сего. Но когда услышишь от него: нет тебе и части со мною, если не умою ног твоих, дай проворнее ему омыть даже и все тело твое, да познаешь из того, что делается для тебя, великую высоту боготворного смирения. И тогда, если есть у тебя совесть и смысл, ты большую получишь пользу, нежели как если бы сам умыл ноги духовному отцу своему.

Если он скажет: один из вас предает меня, или смутит меня, смотри не скрывай лукавства, но если знаешь что подобное за собою, исповедуй то. Но если и не знаешь ничего, припади к стопам его со слезами и спроси: не я ли, отец мой? Потому что мы много согрешаем по неведению, и не знаем того. Не говорю тебе: припади к персям отца своего, потому что это неполезно тебе. Хотя Иоанн, по великой любви своей к Христу, имея большее к Нему дерзновение, припадал к персям Его, однако ж и он вместе с другими получил повеление именовать себя непотребнейшим рабом, когда исполнит все заповеди.

Если видишь, что учитель твой творит чудеса и прославляем бывает за то, верь тому и радуйся и благодари Бога, что улучил такого учителя. Опять когда увидишь, что его бесчестят, а иногда даже и удары наносят ему завистники его, не соблазняйся тем, но и ножа не поднимай, чтоб, подобно пламенному Петру, урезать ухо дерзнувшему похулить отца твоего или нанести ему удар. Довольно для тебя не умалить своей к нему веры и любви и, если можешь, сказать твердое слово в оправдание его. Если, убоявшись как человек, скажешь при сем: не вем человека сего, сознай потом вину свою и восплачь о том горько, – и я уверен, что он первый опять привлечет тебя к себе.

Если увидишь, что он страждет страсти от злых людей и приемлет распятие, яко злодей, то, если можешь, умри и ты с ним; если же не можешь умереть с ним, не будь, по крайней мере, едино с теми злыми людьми, как предатель, и не принимай участия с ними в пролитии крови неповинной; но, хотя как раб малодушный, уклонившись немного и оставив одного своего пастыря и учителя, соблюди свою к нему веру. Если освободится он от уз, иди опять к нему и имей еще большее к нему благоговение, как уже к мученику. Если же умрет в искушениях и мучительствах, выступи с дерзновением, найди тело его и почти его паче, нежели когда оно было живо, помазав его миром и похоронив с великой честью. Ибо хотя не воскреснет оно в третий день, всячески, однако ж, воскреснет в день последний вместе со всеми. И веруй,

что предстоит он Богу с дерзновением, и если будешь усердно испрашивать его ходатайства, он поможет тебе в сей жизни, избавляя тебя от всего противного, а когда умрешь, примет тебя там и уготовит тебе обитель вечную.

4. Если, после всего сказанного нами, он позовет тебя особо и скажет: убезмолвись и сиди здесь, отнюдь не выходя вне, дондеже облечешися силою свыше, послушай его с твердым упованием и великою радостью. Такой учитель, брате мой, неложен и истинен. Воистину и на тебя низойдет сила Всесвятого Духа, как тогда низошла на апостолов, не в чувственном видении огненном, не с шумом великим и дыханием бурным (ибо тогда на апостолах это было для неверных), но она явится в тебе мысленно, как умный свет, со всякою тихостью и обрадованием, каковой свет есть предначатие света вечного, воссияние и луч вечного блаженства. И тотчас исчезнет всякий страстный помысл, изгонится всякая душевная страсть и всякая немощь телесная уврачуется. Тогда откроются очи сердца твоего и узрят то, что начертано в блаженствах. Тогда как в зеркале увидит душа твоя и самомалейшие твои прегрешения и придет в величайшее смирение; созерцая же беспредельную славу Божию, исполнится неизреченной радости и всякого веселия и, погрузившись в сию неизреченную дивность, изведет источники слез. Так изменяется весь человек и познает Бога, сам прежде быв познан от Бога. Сия единая благодать Всесвятого Духа делает то, что человек презирает все земное и небесное, настоящее

и будущее, скорбное и радостное, делает его и другом Богу, сыном Вышнего, богом по благодати.

Сие я написал любви твоей, чтоб ты прочитывал то, когда хочешь; и если поверишь, что сие промыслительно и на пользу тебе возвещает Дух Святой через меня, смиренного, то сбудется с тобою все, что мы сказали, и другое многое, что мы опустили. Всему сему непосредственно научит тебя Сам Христос. Если же покажется это все тебе невероятным и не понравится, прости мне. Я советую тебе то, чему научился у своих отцов; ты же последуй тем, о коих знаешь, что они лучше меня. Внимай, однако ж, брате! Не случилось бы тебе последовать худшим, хотя ты и не того желаешь. Потому что умеющие добре пасти и врачевать разумные души поистине очень редки, и особенно в настоящее время. Бывало немало таких, которые делали вид, будто постятся, совершают бдения, прилежат молитве, а это было лицемерие одно; много есть и таких, которые действительно так поступают: являют внятно и благоговеинство, говорят долгие проповеди изустно (без книги и тетрадки) и с легкостью всегда предлагают поучения собранию народному; но очень мало таких, которые бы плачем и слезами искоренили страсти и стяжали основные добродетели. Основными же добродетелями мы называем *смирение,* истребляющее страсти и насаждающее небесное и ангельское бесстрастие; *любовь,* никогда не стоящую (на одном) и не падающую, но непрестанно множащуюся и растущую, прилагая стремление к стремлению и рвение

к рвению; и совершенное *рассуждение,* добре руководящее последующих ему и безбедно проводящее их по мысленному морю. Это рассуждение надлежит и тебе взыскать у Бога и умолить Его даровать тебе оное, и особенно теперь, чтоб мог ты верно определить свое состояние и соответственные тому взять на себя подвиги, да обрящешь Христа, Который бы и в настоящее время содействовал тебе, и впоследствии богато излил на тебя полноту осияния Своего. Сие рассуждение избавит тебя от опасности последовать за волком вместо пастыря или вступить в такое стадо, которое больно какою-либо болезнью душевною и страстью, или основаться одному в уединении прежде времени, чтоб не попасть в зубы душегубительного волка-диавола и не быть поглощену им, или не заболеть болезнью на болезнь и страстью на страсть и не умереть душевно, или, уединясь преждевременно, не пасть и не стяжать, увы, и горе, ибо горе единому, егда падет. Тот же, кто обретет доброго учителя и всецело предает себя ему, не будет уже иметь заботы ни о чем таком, но будет проводить жизнь свою в совершенном беспопечении, – и несомненно улучит спасение во Христе Иисусе, Господе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово семьдесят третье

О том, что должно охотно повиноваться старшим, не забывать данных Богу обетов и не роптать по причине церковных служб.

Вспоминайте, братия мои, заповедь Божию, которая говорит: *не судите и не судими будете,* и отнюдь не любопытствуйте, что делает один и чем занят другой. Относительно же иереев Божиих и духовных отцов своих вы должны поступать так, чтоб то, что они говорят вам, исполнять, по делам же их (если они не в порядке) не поступать, как говорил Христос Господь (об иудейских священниках): *вся, елика ащерекут вам блюсти, соблюдайте и творите: по делом же их не творите: глаголют бо и не творят* (Мф. 23, 3). Посему, как рабы Христовы, послушайте и меня, недостойного; не смотрите на мое малодушие и нерадение, но попекитесь, прошу вас, о душах своих, подвизаясь охотно исполнять Божии заповеди, и не ропщите на меня, что должны бываете в полночь вставать на службу, вспоминая о Давиде, который говорит: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс. 118, 62), но паче благодарите Бога и того, кто вас пробуждает на славословие Его, радуясь и веселясь, что сподобляетесь славословить Бога вместе с Ангелами. Кто ропщет за обыкновенными службами, тяготится

ими и не соблюдает радения о них во все продолжение славословия Божия, тот поистине не познал, как много сладки в гортани любящих Бога словеса Божии и насколько слаще они паче меда и сота в устах пришедших в познание Его, но совсем плоть есть, и мудрование имеет плотское, и чувство плотское, и не может вкусить и духовно восчувствовать блага, какие даровал нам Бог; все, которые по Богу, дела кажутся ему горькими, и не знает он как следует, что есть: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Кто не знает сего, тот чужд любви и сладости Христовой. Кто же не испытал любви и сладости Божией (увы мне! Мое это собственное горе, потому что заповедь имею чужое почитать своим), тот враг Божий и чужд Царствия Небесного. Ибо на кого другого может он надеяться? Или чью другую стяжать любовь, чтоб в ней находить утешение, в настоящей ли или в будущей жизни?

Так, кто прекословит, ропщет и клянет тех, которые заставляют его воспевать и славословить Бога, тот какое найдет оправдание в день Суда, сделавшись пагубным соблазном и для себя, и для других? Поверьте мне, духовные братие мои, что когда я слышу это и вижу кого-либо из вас негодующим за это, то так сильно скорблю и так поражаюсь в сердце, что мне кажется, будто я в аде, – не чувствую уже никакой другой радости в мире, но тягощусь самою жизнью, плачу и рыдаю, как бы сам подвергался окончательному приговору осуждения; а между тем, когда умоляю вас, вы меня не слушаете, когда укоряю – отворачиваетесь, когда обличаю

– ненавидите, когда наказываю – гоните, как врага; и делая это, никакого не могу найти себе успокоения. Думаю иногда, перестану так делать и стану смотреть только за своими собственными грехами; но как только захочу так поступить, возгорается будто огонь в сердце моем, и я опять нахожу себя в том же скорбном состоянии; ваши грехи опять печалят меня паче, нежели сколько печалят каждого его собственные грехи, – и я горю как в огне из-за вас, считая жизнь свою несчастнейшею.

Удивляюсь, как дошли мы до такого нечувствия, что делаем все такие дела, которые губят души: пляшем и ликуем над собственною погибелью и радуемся, что туго-натуго вяжем души свои страшными грехами; тех же, которые стараются разрешить нас от этих уз, снедаем и, если кто станет препятствовать нам сделать что-либо во вред душе своей, на того лаем, как псы разъяренные, и поносим его, – и не успокаиваемся, пока не доведем до конца задуманного худого дела и не сгубим души своей. Потом, со временем привыкши к таким худым делам, делаемся некоторым образом как бы естественно злыми и желания уже не имеем, чтобы развеян был покрывший нас мрак и мы пришли в чувство.

И бывает вследствие сего, что на словах мы монахи, а на деле стали хуже всех мирян: обещались алкать и жаждать и другим подвергать себя прискорбным лишениям, а между тем не стыдимся кричать и браниться из-за куска хлеба, который, может быть, и требуем-то не в определенное для

принятия пищи время; вступили в монастырь в видах отречения от всего еже в мире, от родителей, братий и друзей, а между тем не перестаем заботиться о том, чтоб питать их, и притом монастырским хлебом; убежали от мира, как от врага, а между тем любим мирских и мирское паче души своей. Спрашиваю тебя, брате, скажи мне: когда пришел ты в монастырь, веровал ли, что есть воскресение, суд и воздаяние за дела каждого? Исповедовал ли, что есть Бог, имеющий воздать каждому по делам его? Или ничего этого не держал в уме своем? Скажи мне, когда становился ты монахом и стоял пред лицом стольких свидетелей, имел ты в намерении исполнять те обещания, которые тогда давал, и те соглашения, в которые вступал со Христом? Или делал это с лукавством, притворяясь, будто желаешь послужить монастырю, поработать на братию, в намерении же держа только есть и пить вдоволь, всячески угождать покою плоти и проводить жизнь беспечную и беструдную? Если пришел ты с тем, чтобы быть рабом Христу и братом нам, то соблюдай, прошу тебя, и заповеди Христовы, ревнуя работать Ему всеусердно, чтобы делами показать, что ты истинный христианин, и нам будь братом боголюбивым, стараясь во всем подобиться нам и неся все прискорбности и лишения вместе с прочими братиями, как добрый воин Христов, чтобы вместе с ними и увенчану быть, прославлену и обрадовану в вечной славе. Если же пришел ты с лукавством, не с тем, чтобы быть истинным монахом, но чтоб только есть и пить, находя все

это готовым, то послушай, и я скажу тебе, какие будут для тебя от того последствия. Знай, во-первых, – и это есть наибольшее и наиважнейшее, – что ты не содружился со Христом, но враг Ему еси и наветник. Да и как не наветник, когда одно держишь на уме, а другое обещаешь устами, думая укрыть то от Бога, от Которого ничто укрыться не может? Он с такою решительностью заповедует всем: не пекитесь о завтрашнем дне, что есть, что пить и во что одеться; а ты затем делаешься и монахом, чтоб иметь деньги и прочие вещи, которых, может быть, не имел ты, когда был мирянином? Апостол Павел учит: *имеюще пищу и одеяние, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 8); а ты не довольствуешься тем, что необходимо, но желаешь иметь больше того, для чего крадешь и присвояешь себе монастырские вещи, – работать ленишься, а между тем во всем, что касается упокоения и утешения тела, желаешь быть братом, равным со всеми теми, кои много потрудились в деле Господнем? Если видишь иных братий подвизающимися от всей души в постах, бдениях и прочих лишениях телесных или в плаче, в непрестанных молитвах, во всенощных стояниях, в псалмопениях и песнях духовных, говоришь, что не можешь этого делать, прячешься и не ходишь даже на обычные церковные службы, думая, однако ж, что тем пользу приносишь себе самому?

Какое крайнее ослепление! Какое неразумие! Какая прелесть в помыслах твоих! И еще хуже всего этого то, что если сретит тебя какое-либо самомалейшее искушение или ес-

ли огорчит тебя чем-либо ничтожным игумен, желая испытать тебя, то ты готов бываешь сбросить даже одежду монашескую, как и мне случалось встречать немало таких, которые говорили: да разве я пришел сюда за тем, чтоб быть кому-либо рабом или чтоб мною тут помыкали? О, бессмыслие! Но разве ты, брате, не пришел, чтоб подвизаться против невидимых врагов наших, демонов? Разве не пришел вести брань со страстями своими? Если не хочешь ничего терпеть и никаких не подъемлешь лишений, то зачем и стал воином Христовым? Зачем сопричислился к братиям, кои все суть воины Христовы? Затем разве, чтоб только получать содержание, есть и пить и потом, развалившись, будто в харчевне, бариться? Если думаешь так, горе тебе в день Суда, когда придет праведный Судия воздать каждому по делам его и взыскать с монахов те соглашения и обещания, которые дали Ему в присутствии стольких свидетелей пред святым Престолом и святыми Ангелами. Ибо когда спрашивает нас иерей: что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святому собратству сему, желая ли иноческого образа и ангельской жизни? Что отвечаем мы на это?

Не говорим ли: ей, честный отче? А иерей что опять говорит на это? Ведай, брате, что поелику пришел ты сопричислиться к рабам Царя Христа, то уготовь себя на искушения, потому что отныне враг наш диавол начнет наипаче воздвигать всякие козни против тебя. Почему будь готов алкать, жаждать, зябнуть, принимать бесчестия, оплевания,

осмеяния, заушения и претерпевать все скорбное, бывающее в жизни по Богу. И мы что отвечаем? Не обещаем ли все то охотно перестрадать и перетерпеть? Да и на всякий вопрос, какой предлагает нам иерей, не говорим ли мы: ей, честный отче? Не исповедуем ли пред лицом Бога и святых Ангелов, что будем соблюдать воздержание, бдение, молитву, повиновение даже до смерти настоятелю и всем братиям? А теперь дошли до такого жалкого состояния и проводим жизнь свою с таким бесстрашием пред Богом и с таким пренебрежением Его заповедей, как будто никого нет, кто имеет взыскать с нас за такие данные нами обещания?! И ни во что ставим не только братий, но и самых настоятелей наших, и ропщем, и прекословим, и клянем, и делаем почти все только такое, что ненавидит Бог и что сильно ввергнуть души наши в огнь адский?

Слыхано ли, чтоб где-либо было такое лукавство и злотворство? Или какой диавол может изобрести другой к погибели душ наших способ, вернейший этого? Или, лучше сказать, что другое худшее сами демоны могут придумать и устроить к погибели нашей?

И демоны, видя, что мы порабощены воле плоти, отчуждились от благодати Святого Духа и умертвили души свои, – ибо удаление души от Бога есть смерть для нее, – видя это, для какой еще другой причины станут они и с своей стороны воздвигать брань против нас? Ибо вся брань, какую поднимают против нас демоны, на тот конец бывает, чтоб

удалить от нас благодать Святого Духа. Но мы, как вижу, еще прежде чем они стали воевать против нас, уже обнажили себя от такой благодати Божией тем, что не исполняем заповедей Божиих и не имеем ревности взыскивать Бога от всей души нашей. Ибо если б мы взыскали Его, то не проводили бы жизни своей в таком нерадении. Если б мы имели попечение о небесном, то не заботились бы столь много о земном. Если б мы помышляли о нетленном, то не были бы столько привязаны к тленному. Если б мы возжелали вечного, то не любили бы так привременного. Если б мы тщательно старались творить добродетели, то не чуждались бы учителей добродетели. Если б мы с радостью брались за пост, то никогда не роптали бы по причине скудости яств и питий. Если б мы подвизались и воздерживались от страстей, то не были бы столько порабощены удовольствиям. Если б мы имели истинную и твердую веру, то не делали бы дел, свойственных неверным. Если б мы имели в сердце своем страх Божий, то не противились бы истинным рабам Божиим при всяком богоугодном деле. Если б мы имели смирение, то не презирали бы рабов Божиих. Если б мы сподобились стяжать истинную любовь, то познали бы и Бога и ради любви ко Христу предпочитали бы не только быть бесчестимыми, но и наказуемыми, и онеправдываемыми, и оскорбляемыми, и всякое искушение и тесноту претерпевали бы с охотою.

Но ныне мы так много порабощены страстями и в таком находимся ослеплении и нечувствии, что даже не знаем, в

какую впали глубину зол, и нисколько не чувствуем своего бедственнейшего состояния. Мы доходим даже до того, что когда кто станет вразумлять нас относительно какого-либо греха, то отвечаем ему так, как бы никогда и не слыхали Божественных Писаний, говоря: неужели и это дело – грех? И почему называется это грехом? Дал бы Бог соблюстись нам от больших зол, а за эти малости Он не будет слишком взыскателен! И кто же говорит такие речи? Христиане, чада Христовы, давшие такие великие обеты Богу, когда крестились, и особенно монахи, вступившие во вторые соглашения и заветы с Богом; те, которые облечены иноческим одеянием вместо добродетели и носят имя монаха вместо святости, которые вошли в соглашение со Христом, что отвергнутся мира и всего, что в мире, отвергнутся и родителей, и родных, и друзей, обещали слушаться своих духовных отцов, как Бога, и соблюдать строжайшее подвижничество и внимание, даже до взора очей и праздного слова, то есть что ни смотреть не будут бесчинно, ни празднословить, – а теперь думают, что не грех и зависть, и осуждение, и ропот, и прекословие, и лживые речи, и следование своей воле, и божба, и скрытное украдение вещей монастырских, чтоб иметь их как свои собственные или дать другим без ведома настоятеля, – и при этом еще думают, что совсем не грех – худо исправлять свои монастырские послушания, то есть когда поручено кому какое-либо служение братиям, исправлять его с пристрастием, или с лукавством, или с завистью, или бессовестно, или тор-

гашески.

О, человече! Не трепещешь, слыша каждодневно, что говорит тебе Бог: *слово гнило да не исходит из уст ваших* (Еф. 4, 29), ибо *глаголю вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день Судный* (Мф. 12, 36), и за чашу студены воды мзду получите? (Мф. 10, 42). Не слышишь, что Бог есть Судия помышлений и мыслей сердечных? Не слышишь, что говорит Христос: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Видишь, что осуждается как блудник тот, кто с вожделением взирает на чье-либо лицо? Таким же образом, брате мой, будь уверен, что и тот, кто вожделевает денег, осуждается как сребролюбец, хотя бы ничего совершенно не имел; и тот, кто вожделевает яств многих и разных, есть чревоугодник, хотя бы ел один хлеб и пил лишь воду по причине бедности своей; и тот, кто принимает срамные помыслы, удерживает их в уме долгое время и скверниться ими, считается блудником, хотя бы не видал никогда лица человеческого. Равным образом и тот, кто говорит в сердце своем: это худо, то глупо, или для чего сделано то и то, а не сделано это и это, пусть не прельщается, думая, что не грешит, ибо он явный осудитель и, как судящий, осужден будет, хотя бы ни одного осудительного слова не испустил из уст своих и никто не слыхал гласа его.

Не прельщайтесь, братия мои. Воистину человеколюбив Бог, и милостив, и благоутробен. Исповедую сие и я и, на

благоутробие Его уповая, имею дерзновение чаять, что спасен буду. Однако ж ведайте, что человеколюбие Его нисколько не послужит в пользу тем, которые не каются и не соблюдают заповедей Его со страхом великим и во всей точности, а, напротив, Бог накажет их еще строже нечестивых и неверных. Не прельщайтеся, братия мои, и не думайте, что малые прегрешения в самом деле малы и вам можно презирать их, якобы не причиняющие большого вреда душе нашей. Добрые и искренно богоугодливые рабы Божии не полагают никакого различения между малым и большим грехом, но когда погрешат даже мановением очей, или помыслом, или словом, думают, что совсем отпали от любви Божией, что, верую я, и истинно есть. Кто помыслит о чем-либо, несообразном с волею Божиею, даже самомалейшем, и не покается, изгоняя тотчас прилог помысла того, но примет его и удержит в себе, тому это вменяется в грех, хотя думается, что это зло бывает в неведении. Ибо когда пришел закон, то есть учение Божественных Писаний, тогда то зло, которое прежде делал человек в неведении, не зная, что оно зло, ожило, то есть он узнал из Писания, что оно зло, – и оказалось, что в нем есть грех (не признаваемый грехом), отчуждавший, однако ж, и отдалявший его от добра и тем мертвивший его. Почему надлежит нам добре рассматривать и обсуждать помыслы, приходящие в ум наш, противопоставляя им свидетельства Божественных Писаний и учения духовных и святых отцов. Если найдем, что они согласны с Святым Писа-

нием, то восприимем подвиг удержать их, сколько можем, и произвести в дело. Если же помыслы те несогласны с словом истины, то поспешим отогнать их от себя с гневом и неприязнью, как написано: *гневайтеся и не согрешайте* (Еф. 4, 26). Отнюдь не должно удерживать привходящих в нас страстных помыслов, но тотчас надобно отражать их, как струю заразительного воздуха и жало смерти.

Из сего видно, сколь необходимо для нас исследовать Божественные Писания со всем тщанием и вниманием. И Христос Господь, давая разуметь, какая великая от сего происходит польза, говорил: *испытайте Писания* (Ин. 5, 39). Испытайте и удерживайте со всею точностью и верою, что в них говорится, чтоб верно знать таким образом волю Божию и уметь различать непогрешительно добро от зла, а не всякому духу веровать и носиться в вихре вредительных помыслов. Поверьте мне, братия мои, что нет другого более легкого пути ко спасению, как последовать Божественным повелениям Христовым. Впрочем, потребны нам и слезы многие, и страх великий, терпение большое и непрестанная молитва, чтоб открылась нам сила хотя одного Владычнего слова, да познаем великие таинства, сокрытые в малых словесах, и предадим души свои на смерть и за самую малую заповедь Христову. Слово Божие есть меч обоюдоострый, который отсекает и отделяет от души всякую похоть и всякое плотское стремление. При этом оно бывает и пламенем огненным, воспламеняющим ревность душевную и делающим

то, что мы презираем все прискорбности настоящей жизни, встречаем с радостью и веселием всякое находящее на нас искушение и самую смерть, которая так страшна для других людей, желательно приемлем, как жизнь и источник жизни.

Умоляю же вас, братия мои, пробудимся наконец от сна и станем побуждать один другого возбудительными словами на делание добра; потечем со тщанием; восподвизаемся с полным рвением отрешиться от всякого пристрастия к миру, смиримся, как смирялись древние отцы; потщимся совлещись ветхого человека через отсечение плотской воли и умерщвление земного мудрования; облечемся в нового Адама, то есть в Господа нашего Иисуса Христа, чистою и невещественною молитвою; очистим себя постоянными слезами и попечемся обновлять себя покаянием каждый день и каждый час, чтоб научиться воевать и бороться с врагами нашими демонами, которые непрестанно злокозненствуют против нас.

Кто не стяжал еще указанного нами всеоружия духовного, тот не может противостоять во время брани, но каждый час терпит поражение. Будучи обнажен от такого всеоружия, он не может проводить жизнь мирно и свободно. Ибо внутренняя брань демонская не похожа на внешние брани, но гораздо страшнее их. В тех – люди воюют с другими людьми и иногда прекращают ее и, сбросив орудия, ложатся отдыхать, улучив час, принимают пищу; иной раз запираются в крепости и держат стражбу одни в одном, другие в другом месте;

плененные на ней, случается, убегают от врагов и спасаются от всякой беды, но и оставшиеся в плену не всегда предаются смерти, а обращаются в рабов; бывает и то, что плененный раб прославляется и разбогатевает больше, нежели сколько был богат, будучи свободным. Но в брани с демонами не так бывает. Эта брань непрерывна, и воинам Христовым необходимо всегда носить на себе оружия свои. Нет возможности поиметь покой от этой брани ни днем, ни ночью, ни на одну минуту; но и когда едим, и когда пьем, и когда спим или другое что делаем, можем находиться в самом жару брани. Враги наши бесплотны и всегда стоят против нас, хотя мы их не видим; стоят и со всею зоркостью присматриваются, не окажется ли где какой-либо член наш обнаженным, чтоб вонзить в него свои стрелы и умертвить нас. Тут невозможно укрыться в крепости и башне или иной раз спрятаться где-либо и отдохнуть немного. Нельзя также убежать куда-либо и избавиться от брани или одному взять на себя борьбу за другого; но всякому вообще человеку самому необходимо вести сию брань и – или победить и живу быть, или быть побеждену и умереть без всякого сомнения.

Рана же смертоносная тут есть всякий грех, не оплаканный в покаянии и не исповеданный, и особенно отчаяние, если кто впадет в него, что, однако ж, состоит в нашей власти. Ибо если мы не ввергнем себя во глубину нерадения и безнадежия, то демоны совсем не могут сделать нам никакого зла. Но и когда раны приемлем от них, можем, если за-

хотим, сделаться еще более мужественными и опытными в сей брани посредством теплого покаяния. Быть поражену и умереть, а потом опять восстать и вступить в брань есть дело людей крайне великой души и мужественных, и оно дивно и достойно великой награды. Ибо сохраненными быть от поражения не в нашей состоит власти, но остаться в смерти или не остаться состоит в нашей власти, потому что если не отчаемся, то не пребудем в смерти и смерть не возгосподствует над нами. Мы всегда можем избыть от нее, прибегши с покаянием ко всемогущему и человеколюбивому Богу.

Посему-то я и возбуждаю как себя самого, так и всех братий: покажем всякое тщание и мужество терпения и постоянства в исполнении всех заповедей Господних со всею ревностью души, чтобы доспеть в небесные и вечные обители преисполненными плодов Святого Духа и тако сподобиться предстать и поклониться единой и нераздельной Троице, во Христе, Боге нашем, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят четвертое

1. О привязанности к родным.

2. Об отчаянии и видах его.

3. О необходимости вразумлять таковых словами Писания.

4. Кто не исполняет хоть малую какую заповедь, о том нельзя сказать, что он истинно верует.

5. Приточное изображение шествия царским путем среди соблазнов.

6. Вред для монаха от пристрастия к родным.

1. Лучше бы было для меня молчать и оплакивать грехи свои, а не брать на себя дело учителя, чтоб учить любовь вашу и другим указывать пути спасения, не потому, чтоб дело учительства было противно заповеди Христовой, – напротив, оно очень Ему приятно, – но потому, что я недостоин такого духовного делания. Почему очень боюсь, не идет ли ко мне слово Давида, который говорит: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлеши завет Мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса Моя вспять* (Пс. 49, 16). Ибо кто не любит покоряться законам Божиим, тот не любит и уроков, исходящих из словес Господа, и затыкает уши свои, чтоб не слышать слов, содержащих учение о будущем суде и

воздаянии грешникам, или об огне оном вечном, или о мучилищах адских, или о вечном оном осуждении, из которого нельзя уже убежать тому, кто однажды подпал определению его. А кто не подвизается от всей души иметь всегда пред очами своими заповеди Христовы и соблюдать их, но презирает их и предпочитает делать все противное сим заповедям, тот завергл словеса Господа вспять (назад, за себя). Ибо когда Господь повелевает, взывая: *покайтеся, приближися бо Царствие Небесное* (Мф. 4, 17), и опять: *подвизайтеся внити сквозе тесная врата* (Лк. 13, 24), а слышащий это не только не кается и не нудит себя внити чрез узкие врата, но проводит все дни жизни своей в беспечности и нерадении о душе своей, прилагая каждочасно грехи ко грехам, покоя и упитывая тело свое паче потребного, что есть признак широкого и пространного пути, ведущего человека в вечную пагубу, а не тесного и прискорбного, ведущего в живот вечный, – таковой завергл словеса Господа назад за себя и творит одни собственные свои хотения или, лучше сказать, диаволовы.

Я, бедный, первый есмь из поступающих так и, находясь как во рве тинном и чувствуя крайнюю бедственность свою, взываю из глубины тинной ко всем, вне ходящим около рва, говоря: братия мои, бегите дальше от этого страшного рва и теките прямым путем, который есть Христос; да не уклоняется никто из вас ни на десно, ни на шуе, чтоб не попасть сюда, подобно мне, бедному и несчастнейшему, и не потерять вместе с земными и небесных благ. Ведайте, что вселукавый

диавол, враг душ наших, всякие козни и ковы строя, чтоб как можно большее число нас собрать в этот страшнейший ров, между другими к тому средствами употребляет и нашу привязанность к родным. Ее как бы веревочную петлю набрасывает он на выю каждому и всех, приемлющих эту узду, тащит и, низвергнув в тину грехов смертных, погружает в ров нечаяния; когда же низведет их в такие преисподнейшие глубины грешности, вяжет и там оставляет.

2. Бежим же, братия мои, молю вас, от такой пагубы души нашей. Враг душ наших диавол с таким вселукавством вводит таковых в состояние нечаяния и с таким обольщением прикрывает его, что они и не думают, что впали в него, не слушаются Божественных Писаний, не дают веры и словам тех, которые говорят им об этом, и все ставят ниже собственного мудрования или, лучше сказать, невежества и нечувствия, так как не чувствуют, что петлею затянуты по выи, что хуже всякого отчаяния. Ибо иное дело, когда кто отчаивается в своем спасении по причине множества грехов, в какие впал, и иное, когда кто зло считает добром и, делая его, держит убеждение, что делает добро. Кто отчаивается по причине множества грехов своих, тот, – если преподать ему учение о покаянии и человеколюбии Божием и дать уразуметь, что нет грехов, сколь бы много их ни было, которых не изглаждало бы покаяние, что идеже преумножается грех, там преизбыточествует благодать, и что великая бывает радость на небесах о едином грешнике кающемся, – может быть, придет

в самого себя и умилится, а иной раз возжелает и избавиться от того множества грехов, облегчит совесть свою от этого неудобоносимого бремени и, презрев все блага мира, прибегнет к покаянию с великим рвением. Но кто зла держится как добра, тот с великим затруднением приходит в покаяние и совсем не соглашается принимать такие целительные врачевства. Ибо как возможно, чтоб решился на такое духовное себя врачевание тот, кто не верует и даже в мысли не держит, что болен душою или пал?

3. Почему нам надлежит собрать сколько можно более духовных словес из Святого Евангелия и прочих Божественных Писаний, чтоб убедить их и показать им, в чем их заблуждение и как уклонились они от прямого пути, коим начали шествовать, и как диавол, приступив к этим монахам с лестью, набросил петлю пристрастия на выю их; потом показать, как он увлек их в стремнины и блата грехов, как вверг в глубочайший ров нечестия, как довел до самой крайней пагубы и, там связав, бросил и удалился в уверенности, что им уже не высвободиться. Когда же скажем все это тем, которые верят словам Божественного Писания, приходят в чувство, сознают грехи свои и исповедуют сами, что воистину находятся в самом бедственном состоянии, тогда дадим им и приличные врачевства на раны их – все от словес Божественного Писания. Впрочем, умоляю всех вас, помолитесь Господу Богу обо мне, который, будучи неучен, вынужден есть восприять подвиг слова для показания всего сказанно-

го, да воссияет во мне благодать Всесвятого Духа и да просветит она сердце мое и ум мой и дарует мне силу изречь некое полезное для душ ваших слово. И о когда бы сия благодать Святого Духа не по моему достоинству, но для собственной вашей пользы сама благоволила внутрь слуха вашего отглашать (давать эхо) словеса истины и тако просветить вас светом своим и показать вам таинственно все то, о чем я сказал выше, говоря как бы вам: на, вот путь, вот стремнина, вот враг, вот вервь, вот брат (искушаемый)! И смотри, с какой радостью принимает он петлю и как враг увлекает его! И потом последовательно показать все одно за другим, без всякого опущения, наконец показать, как можем избежать сетей вражеских, сделать нас свободными от уз диавола и возвести на небеса.

Итак, начнем от начала и с самого верха. Господь наш и Бог, истинный Сын Бога и Отца, единосущный, единославный, сопрестольный и однопрестольный со Отцом и Святым Духом, пребывающий во Отце, Который в Нем пребывает, видя наше бедственное и жалкое состояние и это рабство, в коем мы столько лет рабствовали врагу нашему диаволу, прельстившему нас на грех, по неизреченному человеколюбию Своему сжалился над нами, восхотел освободить нас от сего рабства и обольщения диавольского и для того снисшел с небес на землю и, соделавшись человеком, пожил с нами, человеками, грешниками, и, дав заповеди святым Своим ученикам и апостолам, опять восшел на небо ко Отцу Сво-

ему со славою многою, после того как повелел им: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари… учаще их блюсти* не то и то, но *вся, елика заповедах вам,* – причем говоря *вся* не оставил Он ни одной заповеди, которой бы не повелел исполнять нам. Потом что говорит? *Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 15, 16; Мф. 28, 19, 20).

Таким образом и те, которые будто приходят ко Христу и оставляют мир и мирское, но не отвергаются от всех родных своих и при этом самой жизни своей, делают все противное сему, любят родных паче Христа, – тщетно думают, что они ученики Христовы, и, преступая каждочасно не одну какую-либо маленькую заповедь, но много и притом великих, напрасно воображают, что не делают ничего богопротивного; мало этого, мечтают даже быть великими некиими и дивными в Царствии Небесном. Большее же всего зло есть то, что они говорят, будто, действуя так, они нисколько не нарушают заповеди, и не только говорят так, но покушаются, неразумные, убедить в этом и нас, защищающих слово истины. Но возвратимся к нашему предмету.

Итак, все заповеди, которые Христос заповедал апостолам, равно заповедал Он и нам, чтоб мы соблюдали их все до одной. И мы можем их соблюсти, даже находясь в мире, но не хотим, потому что слабоваты в вере и любви ко Христу. Что это, сказанное мною сейчас, истинно, подтверждают все, которые прежде закона, в законе и по воплощении Спа-

сителя нашего Христа благоугодили Богу, находясь в мире, с детьми и женами и при всех попечениях мирских. Потому что совсем не имели пристрастия ко всему этому, но были отрешены от того произволением своим. Иные из них по вере и делам были более светлыми лицами, нежели те, которые проводили жизнь в горах и пещерах. Для чего и мы, опираясь на заповедь Господа, как бы прямо к нам изреченную и к нашей немощи приспособленную, отрицаемся от всего, вступаем на тесный и прискорбный путь, телесно отделяемся от мира и того, что в мире, оставляем одно место и переходим в другое – в монастырь – и начинаем подвиг добродетелей, в коем каждый подвизается больше или меньше, как произволяет? Для чего делаем это мы? Для того, чтобы стяжать беспристрастие к сказанному и отрешиться от привязанности к тому, так как иначе это помешало бы нам тотчас по удалении от мира начать шествовать путем, ведущим в Царствие Небесное, последуя заповедям Господа и повинуясь повелениям Его.

5. Но, прошу тебя, вникни хорошенько в силу слов, которые сейчас хочу предложить тебе. Представь в уме своем некий царский путь, весь углаженный стопами тех, которые прежде добре и богоугодно шествовали по нему; по ту и другую сторону его вообрази горы, лощины, обрывы, высокие утесы и прорывы, а между ними предположи поля, луга, увеселительные места с тенями и деревами, полными разных плодов; представь также, что там в разных местах скрывают-

ся многие дикие звери, грабители и убийцы. Ведай теперь, что если мы, вступив на сей путь, шествовать будем по нему, подражая тем, которые прежде нас прошли по нему, – святым, то ничто из этого не может обольстить нас, привлечь к себе наше чувство или повредить нам. Когда, шествуя путем заповедей Господних, мы, при проходе между сказанными предметами, не будем обращать очей своих ни на один из них, тогда никто ни из грабителей тех, ни из зверей не посмеют явно напасть на нас; не посмеют они даже и подойти к нам близко, особенно если последуем какому-либо духовному руководителю и имеем добрых спутников.

Бывает, однако ж, что грабители те иногда стоят вдали, иногда подходят поближе, и одни из них устрашают нас и зверски смотрят на нас, как убийцы, другие, напротив, ласково обращаются к нам со льстивыми и будто дружескими словами, показывая приятность мест, там находящихся, красоты дерев и плодов и приглашая нас отдохнуть немножко после путных трудов и вкусить от плодов сладких на вкус и прекрасных на вид, – и другие многие изобретают хитрости и бесчисленные употребляют уловки, чтоб как-нибудь сманить нас с того царского пути. Так беспокоят они нас непрестанно день и ночь и когда бодрствуем, и когда спим, и иногда борют нас срамными похотями, иногда пожеланиями яств запрещенных, иногда отчаянно нападают на нас и стращают, что убьют, думая тем запугать нас и сбить с царского пути. Иные из них говорят, что невозможно вынести всех трудно-

стей этого пути; другие, что эти труды совсем тщетны и никакой не могут принести пользы тем, кои употребляют их; третьи опять говорят, что этот путь, которым мы идем, конца не имеет, и нам показывают некоторых из тех, которые ни в чем никакого не достигли успеха. Это особенно такие, которые много времени провели в подвижничестве и никакой не получили пользы от этого долговременного в нем пребывания, потому что не с разумом шествовали путем заповедей Божиих и не с правым и благочестивым помыслом, но подвизались своевольно и с гордостью. Такие всегда пресекают свое по Богу течение и, убоявшись, возвращаются вспять, а затем, опустившись в нерадении, предают себя диаволу и начинают делать одно угодное ему.

6. Но где мне пересказать вам, духовным братиям моим, все козни и ковы врага нашего диавола и злых демонов его, когда они бесчисленны? Почему возбудив внимание и любоведение подвижников тем, что сказал, прочее оставляю доследовать им самим. Я же возьмусь изображать вам, что обещал, то есть узы пристрастия, какое имеем мы к родным, как вяжет нас лукавый диавол этим пристрастием (и особенно тех, которые победили уже многие другие страсти и украсились венцами сей победы) и посредством его бедне низвергает нас злый сей во тьму и погибель. Но внимай тщательнее тому, что буду говорить.

Представь, что ты – на сказанном выше пути и или теперь только начал шествовать, или уже несколько времени

шествовал по нему и встретил немало нападков со стороны означенных грабителей и зверей, но, благодатию Христовою, ни их ласканиями не был обольщен, ни красотою видимых там вещей не увлечен к наслаждению, ни страхом и устрашениями не поражен, и с царского того пути не уклонился, и на нем не остановился, не двигаясь вперед, ни вспять не возвратился, но все с большею и большею живостью и стремлением течешь вперед. Думаешь ли, что когда ты так течешь, диавол оставил тебя на покое и отстал от тебя, отказавшись вести с тобою брань? Нет, нет! Не даст он тебе покоя; но зная, что мы оставили отца и матерь и все вообще родство и обещали Богу, когда принимали монашескую схиму, исполнять и эту заповедь вместе с другими, о коих сказано, и видя, что не мог совратить нас с царского пути никакими способами, что делает? Приводит нам сначала на память родителей наших и родных, потом, имея в виду смутить ум наш и довести нас до несоблюдения заповеди Христовой, коею повелевается нам отвергнуться родных, предлагает из Божественного Писания изречения, сказанные людям, находящимся в других положениях и отношениях, говоря внутрь нас: *чти отца твоего и матерь твою,* заповедует Божественное Писание, *и от свойственных племене твоего да не презриши* (Ис. 58, 7); потому что, как говорит апостол, кто *о присных не промышляет, веры отвергался есть* (1 Тим. 5, 8). Не знает этот лукавый как следует, что это сказано не для того, чтоб мы паче Христа любили родителей и родных и их предпочита-

ли любви к Христу, но чтоб научить нас покорности Богу, ибо если надлежит слушаться и почитать родителей своих, не тем ли паче должно покорствовать Богу Творцу и нашему, и самих родителей наших? Но, о злокозненный диаволе, свойственные племене нашего суть не родные наши, но единоверные, о каковом свойстве ты не знаешь как подобает и предлагаешь нам родных по плоти, стараясь ввергнуть нас в любовь и пристрастие к ним.

Когда же заметим мы его прельщение и добре поймем его или сами собою, или с помощью руководителей наших и собратий, вместе с нами шествующих путем Христовым, то этот обольститель что скрытно подшептывает внутрь ума нашего? Ты, говорит, уже достиг такой меры преспеяния и совершенства, какой не знает никто из собратий твоих; ты стяжал совершенное беспристрастие и бесстрастие; потому ты можешь всегда, как хочешь, равнодушно смотреть на родных своих, будто на чужих. Это влагает он в ум и, тут же представляя какого-либо родственника если не телесно, то в мысли, опять говорит скрытно: как тебе оставить на пагубу это творение Божие, видя, что он погрязает в неведении Бога, подобно бессловесным животным? Почему тебе не подать ему руки помощи, не просветить ума его и не научить познанию Бога, его создавшего? Какое оправдание дашь и что ответишь в страшный день Суда? Потом прекращает такую речь и только внушает поминать его в молитвах своих и проливать о нем слезы сострадания, повторяя в сердце его сле-

дующие слова Писания: *изводяй честное от недостойнаго, яко уста Мои будет;* опять: *елика сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40), и еще: *аз бых отец немощным* (Иов. 29, 16). И все это явно есть прелесть диавольская. Если брат тот (коему это внушается) не поддастся таким внушениям и, собравшись с силами, воспоперечит врагу-диаволу, говоря: что должен я делать для родного, то же должен делать и для чужого, который паче есть родной мне по Богу, чем тот по плоти, то лукавый враг отвечает ему, говоря: истинно так есть, как ты говоришь, и Бог таким именно образом печется о всех, таким образом, то есть через посредство других, все знают Бога и веруют в Него; таким же образом и ты знаешь Бога и веруешь в Него – чрез посредство или родных своих, или других людей чужих; и этот родственник твой чрез тебя познает Бога, а другие потом чрез него. Но в настоящие времена кто как ты? И куда пойдет он, если ты оставишь его? Сгубит он душу свою, – и ты, конечно, будешь виновен в его погибели, если оставишь его. Такой лестью вражьей наконец прельщается брат и стоит, под таким благовидным предлогом давая диаволу вязать себя вервью пристрастия, и когда связан станет, тогда уже не противоречит ему, как совершенно убежденный бесовскими доводами.

И смотри, какая злокозненность у этого лукавого и душерастлительного злодея? Как только успеет он связать брата пристрастием тем, уже не ходит более около него и не доку-

чает ему, чтоб не открылся как-либо навет его, но что делает? Берется за конец верви и отдаляется от брата, прячась во тьму, яко породитель тьмы, то есть оставляет в брате, как занозу, заботу и попечение о том родственнике, ибо знает, что тот родной или, вернее, пристрастие к нему лучше его самого будет томить и уязвлять его непрестанно. Когда же брат войдет делом в заботы о родном своем, то, какого бы рода ни были заботы те, вместе с тем сходит с того царского пути, каким начал шествовать, и чем дальше отступает от него, тем глубже входит в него враг, скрываясь, однако ж, и только крепче держа в руках вервь пристрастия и об одном заботясь, как бы брат не распознал его козней. Оставив уже совсем царский путь, что, думаешь, говорит в себе брат тот? Спасший душу бывает, что создавший ее, – и таким образом окончательно слагается думать, что делает дело христоподражательное. Если есть у него знакомые миряне, то начинает ходить к ним и иногда льстит им, хваля их без меры, иногда обличает строго-престрого, а нередко позволяет себе вольности в обращении и пище и нарочно выпускает некие слова, чтоб подвигнуть на смех, и вообще со всяким обращается по нраву его, чтоб тот охотно принимал его и давал ему деньги. Если видит, что ничего не дают, начинает сам просить без стыда, всюду выставляя предлогом нужды родного своего. И бывает, что слышащие такие его речи, будучи сами плотяны и обладаемы теми же страстями, хвалят очень этого несчастного монаха и говорят, что он стяжевает себе большую награ-

ду. От этого еще более увеличивается и укореняется в нем то пристрастие или, лучше сказать, эта болезнь пристрастия (к родным), подобно тому как вервь въедается в плоть выи (подъяремного), глубже и глубже входит в душу его, срастворяется с нею и делается неразделимою от нее. Вследствие сего мало-помалу отдаляется он от чистой молитвы и заменяет слезы по Богу слезами, противными Ему, сам не понимая того. Тогда начинает он наконец завидовать тем, кои имеют, и ненавидеть их за то, что не дают ему так много, как бы ему хотелось. И не только это страждет он, но делается сверх того ленивым на всякое послушание и непокоривым. При этом научается говорить ложь, почитая ее мерою благоразумия, думая и уверяя, что будто Богу дает, что расходует на родных своих. Сверх того и красть начинает понемножку, не думая, однако ж, что это настоящая кража: так ослепляет его страсть! Да и вообще, что бы и как бы ни доставал он для своих ближних, совесть никогда не обличает его, что сделал худо. Почему и враг, когда, наконец, ввергнет бедного монаха во все то, что я сказал, выпускает из своих рук вервь этого пристрастия, крепко и глубоко уже укоренившегося, как какой-либо столп, проникший в преисподняя ада, будучи уверен, что она уже никогда не развяжется.

Это немногое сказал я о тех, которые начинали подвиг. Но о тех, которые и вступают на царский путь монашеской жизни с равнодушием и беспечностью, что и сказать? У таких пристрастие к родным бывает так сильно и широко, что

они чрез него уловляются всякою сетью врага, который ходит всюду, яко лев рыкая, ища, кого поглотити; а они между тем охотнее согласятся умереть, чем освободиться от зубов и выйти из страшнейшей пасти этого губительного дракона.

Мы же, с верою приемля все сказанное, помолимся Богу от всей души, да не даст Он нам прельститься когда-либо от врага или, преступив какую-либо заповедь, большую или малую, соступить с царского пути, ведущего в Царство Небесное, и попасть в оковы какой-либо страсти. Но, шествуя тем путем, не обращая очей своих на что-либо другое, восподвизаемся тещи им с усердием, да постигнем Христа и, когда постигнем, припадем к Нему и восплачемся пред Ним, тепло моля Его, чтоб Он никогда не отступал от нас и не допускал нас соступить с пути царского, который есть Сам Он, как говорит: *Аз есмь путь, истина и живот* (Ин. 14, 6). Его убо да взыщем, Его потщимся постигнуть и удержать. Если сподобимся сего, то будем прочее жить уже с Ним и в настоящей жизни, по смерти же взыдем и вознесемся с Ним на небеса, и Он спрославит нас и дарует нам наслаждение вечных благ, что улучить буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава, со безначальным Его Отцом и Всесвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят пятое

1. О покаянии и умилении.
2. Как можно дойти до умиления?
3. О слезах.
4. Без них нельзя достигнуть чистоты и бесстрастия.

1. Однажды, когда читал я (собравшимся у меня) богомудрые писания преподобного отца нашего Симеона Студита, то там между другими мудрыми его наставлениями нашлось написанным и следующее: брате, никогда не причащайся Пречистых Таин без слез. (Это сам он соблюдал всю свою жизнь, потому и нас учил тому же.) Услышав это, слушатели (а были тут не миряне только, но и монахи, именитые по добродетелям) удивились слову и, смотря друг на друга, будто улыбнулись и сказали все в один голос: так нам, выходит, никогда не следует причащаться, но всегда устраняться от причастия. Запомнилось мне это слово, и я, находясь однажды наедине, вспомнил о тех, кои так сказали, много скорбел и горько плакал, с великим болезнованием сердца говоря в себе: неужели сказавшие такие слова в самом деле так умствуют и от всей души полагают, что невозможно плакать, приступая к причащению? Или они думают, что плач вообще дело незначительное, и потому презрительно отнеслись к

слову отца нашего? Ибо кто не считает денно-ночного плача пред лицом Христа Господа делом важным, тот, конечно, и когда станет приступать к Причащению Божественных Таин, не только не восплачет, но и не прослезится и капли слезной не испустит. И невозможно этому быть; разве, может быть, иной раз случится это с кем-либо или по особому Божию устроению неизъяснимому, или по другой какой случайной причине, сторонней, по причине вспоминания, например, о чем-либо плачевном.

Которые думают, что невозможно причащаться Пречистых Таин со слезами, – горе нечувствию и жестокосердию тех! Горе беспечности и ослеплению тех, которые говорят это! Если бы они испытывали и рассуждали себя самих, то не были бы осуждены от собственных слов своих; если б позаботились покаяться, то никогда не сказали бы, что это невозможно; если бы они делом приносили плоды (покаяния), то не оставались бы непричастными благу сему, сему великому дару Божию; если б они стяжали в сердцах своих страх Божий, то исповедали бы, что возможно плакать и рыдать не только во время причащения, но и во всякое другое время.

Почему желая убедить любовь вашу в возможности сего в настоящем слове, я обращаюсь к сказавшим такие слова, как бы они были здесь, и вопрошаю их: добрые братия мои, говорящие это, скажите мне, почему вы говорите, что это невозможно? Да потому, говорят, что иные люди легко приходят в умиление и плач, а иные столь крепки сердцем, что не пла-

чут и не кричат, даже когда их бьют. Так эти крепкосердые как могут и к Святому Причащению приступать с плачем и слезами? Но и сами иереи, каждый день совершающие Литургию, могут ли всегда плакать? На это я отвечаю им: вы говорите, что иные крепкосерды и нескоро приходят в сокрушение; но скажите мне, прошу вас, по какой причине они таковы? Если же не знаете этого, то не постыдитесь дать слух словам моим, и узнайте это от меня, ибо написано: *аще ли иному откроется седящу, первый да молчит* (1 Кор. 14, 30).

2. Итак, от чего же бывает, что иной нескоро и нелегко приходит в сокрушение, а иной – скоро и легко? Выслушай! Нелегко и нескоро приходящий в сокрушение бывает таким от злого произволения своего, от лукавых помыслов своих и недобрых дел; а скоро и легко приходящий в сокрушение бывает такой от доброго произволения своего, от добрых помыслов и дел благих. Если хочешь удостовериться в этом, подумай и рассуди все, как что бывает, и найдешь, что многие люди, бывшие добрыми, от трех этих вещей – произволения, помыслов и дел – сделались худыми; и напротив, многие, бывшие худыми, через них же сделались добрыми. Люцифер отчего пал? Не от лукавого ли произволения и помысла пал он? Каин отчего, скажи мне, сделался братоубийцей? Не потому ли, что по злому произволению своему себя предпочел Творцу своему Богу? Не лукавым ли помыслам последовав, позавидовал он брату своему и убил его? Саул, чем движим будучи, искал схватить и убить Давида, которо-

го прежде любил как самого себя и почитал очень, как благодетеля своего? По естественной какой необходимости было это или от злого произволения? Явно, что от злого произволения, ибо по естеству никто никогда не бывал злым. Бог не есть Творец тварей злых, но добрых зело, – яко по естеству и истине благой. Также чем были движимы разбойники, распятые со Христом, что один из них говорил: *аще Ты еси Христос, спаси Себе и наю,* а другой, поперечa ему, говорил: *ни ли ты боишися Бога? И мы убо достойная по делом наю восприемлева: Сей же ни единаго зла сотвори?* Отчего, скажи мне, один разбойник говорил злые, а другой – добрые и богочестивые речи, и один спасся, а другой пошел в ад? Не были ли они оба подвигнуты к тому один злым произволением и лукавыми помыслами, а другой благим произволением и добрыми помыслами? От помыслов ведь зависело, что один не веровал, а другой уверовал и сказал: *помяни мя, Господи, во Царствии Твоем* (Лк. 23, 39–42). Но оставлю другие примеры, потому что их очень много, – из того, что скажу вам сейчас, яснее всего можете вы увидеть, что всякий по самовластию произволения своего бывает или сокрушенным и смиренным, или ожестелым и гордым. Бывает нередко, что два человека одного мастерства, одной веры, одинакового нрава, то есть злые, немилосердые, жестокосердые, бесчеловечные, плотолюбивые, сребролюбивые, наделавшие много злых дел, оба, отрекшись мира, вступают в монастырь и делаются монахами. Но один из них решительно отстает

от всего худого и во всякой преуспевает добродетели с горячею верою и усердием, а другой делается еще хуже, чем был прежде. По какой причине не могли они оба одинаково исправными явиться в добродетели, как прежде одинаковы были по худонравию? Не оттого ли это произошло, что один все прискорбное, ради Бога встречаемое, претерпевал охотно с добрым произволением? Не оттого ли, что, как только вступил в монастырь, стал он внимать добре Божественным Писаниям и сам от себя, от своего произволения, предпочитал делать всегда доброе – подражать наиболее добродетельным и соревновать им в постах, в молитвах и молениях, в молчании, в сокрушении, в слезах, в воздержании от сладких яств, в удалении от суетных и бесполезных бесед, от гнева, раздражения и брани, в охотном перенесении поношений, скорбей и лишений, в избрании себе низких и последних занятий и дел, в непоперечении и безропотности, когда настоятель даст какое послушание, и в исполнении его со всею охотою, в занимании всегда последнейшего места и в почитании себя худшим всех? Или, короче сказать, не оттого ли, что он с самого начала положил неотступно исполнять все, чему учат Божественные Писания, чтоб улучить милость и прощение содеянных прежде злых и обрести дерзновение пред Богом? А другой делал все противное тому, по злому нраву своему, оставшись лукавым, как был прежде монашества, чтоб не сказать худшим, чем был прежде?

Так и всякий человек бывает смиренным и удобосокру-

шительным или жестокосердым и бесчувственным не по естеству, но от доброго или злого произволения своего. Ибо скажи мне, как может умилиться душой или испустить каплю слезную из очей своих тот, кто кружится там и здесь почти каждый день, и заботы никакой не имея ни о молитве, ни о чтении, ни о молчании и уединении, но иной раз, во время службы, ведет беседу с теми, которые стоят подле него, и чрез то лишает доброго плода от бывания на церковном последовании не только себя, но и тех, с коими разговаривает; в другой раз пересмеивает и пересуждает благочестивых и добродетельных братий, а то и самого игумена? Как может прийти в сокрушение тот, кто любопытно разузнает о всех монастырских делах, равно как о делах и жизни каждого из братий, и при встречах одному говорит: вчера я слышал то и то, другого спрашивает:

слышал, что случилось с тем бедным братом, или знаешь, какая беда с таким-то? Такой когда найдет свободное время вспомнить о своих собственных грехах, чтоб поскорбеть о них и поплакать о себе самом? Опять и тот, кто выходит из церкви во время чтения, садится около нее или вдали от нее и начинает разговаривать с другими, причем то он говорит что-нибудь, то другие, и ведут речи бесполезные, говоря один: слышали, что сделал игумен с таким-то братом? Другой: а если я вам скажу, что сделал игумен с таким-то бедным, то что вы тогда скажете? Итак, ведя такие и еще худшие этих беседы и занимаясь такими пустяками, будет ли он

иметь время прийти в чувства, подумать о своих согрешениях и поплакать об них?

Кто не внимает Божественным словесам, не кладет на уста свои печати молчания, не заключает ушей своих от слушания суетных и бесполезных речей, не помнит страшного дня Суда и Страшного Судилища Христова, на котором имеют предстать пред Него все обнаженными, чтоб дать отчет во всем, что делали в продолжение жизни своей, тому как можно стяжать слезы и сокрушение, чтоб горько оплакивать себя, хотя бы он прожил в монашестве более ста лет? Как можно, чтоб восскорбел когда-нибудь и поплакал пред Богом о душе своей тот, кто ищет первенства, и домогается впереди всех стоять в церкви, и выше всех восседать на трапезе, и из-за этого всегда воюет и печалится? Равно и тот, кто, придумывая извинения себе во грехах, уверяет, что он слаб и немощен, тогда как здоров, и крепок, и молод, и, сравнивая себя в церкви с теми, которые много потрудились и много лет провели в подвижничестве, говорит: чем я ниже такого-то и такого-то, что тот опирается (на посох), или приседает (на стасидии), или идет на клирос и становится наряду с клиросными, не будучи достоин занять и последнейшего места, – как может таковой познать немощь души своей, чтоб восстенать о том из глубины сердца, прийти в умиление и пролить из очей своих слезы?

Тщеславие предает такого нерадению и не дает уже ему более ни за каким делом пребывать с терпением: беспечно

и лениво стоит он на церковной службе и часто заводит пустые беседы с теми, кои стоят подле него и находят удовольствие в том, чтобы слушать его. Таким образом бесчувственно, без печали и сокрушения сердечного, приходит он в церковь, простаивает все последование службы с духовными и благоговейными отцами и выходит из нее без всякой пользы, не чувствуя в душе ни малейшего изменения на лучшее, – того изменения, какое дается Богом ради сокрушения подвизающимся достодолжно. Думает он, что для него достаточно того одного, чтоб не пропускать определенных служб, то есть утрени, вечерни и часов, и что этим способом он может преуспеть во всякой добродетели и прийти в меру совершенных духовным во Христе возрастом. Я знал немало таких, коими обладает такое самообольщение. Они всячески заботятся о том, чтоб не впасть в какой-либо видимый, плотской грех, но о том, как избежать грехов мысленных и сердечных, никакой совершенно не имеют заботы и думают, что улучат спасение через то одно, что ходят на все службы, не прилагая к сему ничего другого, то есть ни непрестанной молитвы, ни молчания уст, ни бдения, ни строгого воздержания, ни духовной нищеты, ни смирения, ни любви. Но не так это, братия мои, не так. Бог не смотрит на лицо, ни на внешнее благочиние, ни на взывания наши, а смотрит на сердце сокрушенное и смиренное, безмолвное и богобоязненное. Так Он Сам говорит чрез пророка:

на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и тре-

пещущаго словес Моих. (Ис. 66, 2).

Но что сказать о тех, которые пристают к настоятелям – дать им служение, которого они недостойны? Одни из таких – те именно, которые заботятся выдерживать лишь внешний порядок благочестной жизни или, лучше сказать, которые имеют в виду лишь выгоды и славу и вообще настоящие привременные блага, – так говорят: «Честный отче! Ужели недостоин и я послужить монастырю и братиям? Или такой-то и такой-то монах достойнее меня к такому-то и такому-то послушанию и лучше умеет вести дела такого рода, чем я? Если хочешь, испытай и меня, и увидишь, что я гораздо лучше их поведу эти дела». Другие же – те, которые беспечны и ленивы и притворяются немощными телесно, которые лишь вчера и завчера пришли из мира и исполнены тьмами грехов и которые, никаких еще не понесши послушаний и нисколько не потрудившись и не попотевши над делами обительскими, идут, как я сказал, становятся вместе с теми, которые уже много потрудились, и приседают и себе наряду с ними. Если кто из сих последних, стоя подле, скажет кому-либо из таковых: поди, брате, на определенное тебе место и стой там, поя вместе с другими братиями, как можешь, то он отвечает: отсюда ближе и слышнее, и лучше нет, чем с определенного места. Если тот вторично скажет ему: нельзя тебе, брате, стоять здесь без благословения настоятеля нашего, то он, услышав такое слово, идет и выпрашивает у настоятеля позволение стоять там, выставляя предлогом свою сла-

бость и немощность и всякие употребляя способы, чтоб получить желаемое, и докучая неотступно настоятелю: снизойди и позволь мне стоять в первой или второй стасидии, подле такого-то, чтоб мне слышать и канонарха. Когда же удается ему получить это желаемое, тогда уже не довольствуется он одним тем, чтоб стоять в хоре, но мало-помалу протесняется в среду первейших братий и во всяком другом случае, притворяя себе некое внешнее благочиние и благоговение, бежит, например, даже впереди других – встретить местных начальников и благоприятелей обители, когда они приходят помолиться, почасту заглядывает в комнату, для них отводимую, чтоб сделаться им знакомым, выставляя, однако ж, побуждением к тому то, что будто большую получает пользу от беседы с ними.

После сего начинает уже он кружить по монастырю и ходить из келлии в келлию, говоря каждому: поверь мне, брате мой, что я столь много тебя люблю, что в какой день не вижу тебя, в тот почитай что и жить не живу. Если из тех, куда он ходит, найдется кто богобоязненный, то ответит ему на такие слова: «Бог да помянет тебя, брате мой, за любовь твою! Что доброго видишь ты во мне?» Тот скажет ему в ответ: «А чего доброго нет в тебе? Кто другой столько кроток, благоговеен, мудр, сведущ, безлукавен и кто больше всего милостив и братолюбив, как ты?» Это говорит он потому, что имеет в виду поесть у него чего-нибудь. Но этот духовный брат, по данной ему от Бога благодати, ведет с ним бе-

седу все о том, что полезно для душевного спасения, отклоняя от себя похвалы, и тем вразумляет брата. Если же случится не такой, а, напротив, плотской и славолюбивый, то завладевается тщеславием от таких похвал и говорит: что же другое, отче и брате мой, благопотребнее любви? Истинно ничего нет благопотребнее, и блажен тот, кто успеет стяжать ее, и другое подобное говорит, что, как замечает, непротивно пришедшему и тем еще более подвигает его хвалить себя. Когда наконец этот, по легкоте ума своего, совсем отуманится прелестью, поверив льщениям и ложным похвалам того и приняв их с удовольствием, тогда если у него есть, чем угостить его, то ни за что уже не отпустит его, не уговорив принять угощение, – и угощает его всем, что окажется под рукою съестного, получая в воздаяние за те бесполезные похвалы, разливающиеся в воздухе, успевающие, однако ж, причинить большой вред душе. Если же у него не окажется на ту пору ничего, чем бы угостить, то после многих бесполезных разговоров говорит ему: «Не осуди меня, брате мой; уверяю тебя нашею любовию, что у меня теперь нет ничего съестного, чем бы мог достойно угостить тебя; но как ты имеешь ко мне такую любовь, то отныне что ни пошлет мне Бог, будем вкушать то с тобою вместе». С этих пор оба они вплетаются во всяческие заботы и тем только и заняты бывают, как бы достать побольше съестного на взаимное угощение, и тем более и более скрепляют свою лживую и кажущуюся любовь.

Таким же образом этот брат под предлогом любви, луч-

ше же сказать, прелести, сдружается со всеми подобными, и иногда он призывает другого на угощение, иногда другой призывает его, так что в доброй трапезе, в многоястии, сладкоястии никогда у него не бывает недостатка. И делается он наконец рабом чувственных удовольствий, пространно питая чрево свое. Насыщаясь так каждодневно яствами, добре приготовленными, вечером, после повечерия, приходит он в кел-лию свою и говорит послушнику своему: большая томит меня жажда; подогрей немного вина; я выпью, чтоб утолить сколько-нибудь эту жажду. Тот, как привыкший уже, является готовым и скоропослушным слугою (потому что и сам утешается вместе со старцем своим и попивает стаканчик за стаканчиком скрытно, в чем ему благоприятствует тьма), тотчас подогревает вина и подает. Этот же, выпив один стакан, раздражает аппетит свой и начинает есть что случится, мало-помалу, будто не замечая того, пока наестся досыта и полно набьет чрево свое, так что тело его делается неповоротливым и непослушным велениям души. Тогда помысл говорит ему: отпусти послушника и стань соверши келейное правило свое. Когда же отпустит его, другой помысл опять говорит ему: куда тебе стоять на молитве с набитым чревом и столь отяготившемуся? Лучше сосни немного, чтоб переварилась пища; тогда встанешь прежде утрени и помолишься удобнее с облегченным телом. Покоряется он этому помыслу, падает на постель и засыпает. Но ночью, хоть и бывает, что проснется, не встает, говоря в себе: еще много ночи, посплю еще

немного. Между тем подходит и время утрени и заставляет его встать и идти в церковь, неся в совести обличение своей лености.

Так брат такой ходит, как мы сказали, по привычке часто в келлии друзей своих и возлюбленных ему отцов, сидит у них до вечера, ест и пьет с ними и болтает, потом, возвратясь в келлию, бывает уже негож не только на исполнение келейного правила, но нередко и на то, чтоб явиться к утрене. Но и когда другой брат приходит в кел-лию его, время проходит у них таким же образом, утешаются в ястии и питии, прибавляя нередко строгое осуждение братий, которые не держатся таких же правил. Так губит он все время жизни своей в ястии и питии и в недобрых хлопотах. О духовном же каком-либо деле ему и подумать не приходит в голову, а не только приступить к нему и сделать.

3. Но для чего, думаете вы, братия мои, я все это рассказал вам? Для того, чтобы раскрыть пред вами, что тот, кто так проводит жизнь, не может источать слезы из очей своих. Ибо как может восприять плач тот, кто всегда пространно питает чрево свое и о том только заботится, что поесть да что попить, раболепствуя пред плотию своею, как пред госпожою? Впрочем, положим, что иной удаляется от всего сказанного и ни сам не ходит в келлии других, ни других не принимает в свою келлию, равно как не вдается в ястия и пития и в пустое празднословие, но запирает дверь свою и одиноко пребывает в келлии своей; что пользы для него от этого, если

делание его не духовно, не ведется с разумом, как подобает, но за чтением, например, сидит он, чтоб, вычитав что-либо, сказать то во время собеседования с кем-либо и показаться знающим и разумным? Предположим, впрочем, что не для этого делает он сие, а для пользы душевной, то есть читает Писания, чтоб напитаться Словом Божиим, что, почитавши, встает он на молитву и пропевает, положим, псалма два, или три, или пять, или десять, или сто, и при этом кладет столько-то и столько-то поклонов и, совершив все сие таким образом, ложится на постель и ничего более не делает. Скажи мне, что пользы для него от одного такого делания, если при этом не породится в душе его плод молитвы и чтения – слезы и покаянное сокрушение, бесстрастие и смиренномудрие с кротостью? Ибо всякий человек, проходящий духовное делание, по духовному деланию своему стяжевает и плоды, какие я указал, без всякого сомнения. Если же кто делает и трудится видимо, но не стяжевает сказанных плодов, то не по Богу делание его, а для того лишь, чтоб понравиться людям; почему праведно и не улучает он лучшего.

Итак, если каждый из показанных нами братий все так будет проводить жизнь, то возможно ли, чтобы кто-нибудь из них стяжал когда-нибудь слезы и сокрушение или отбросил лукавство и жестокосердие, какие принес с собою из мира, наравне с тем, кто, как только сделался монахом, всецело предал себя на то, чтобы по Богу, благодушно и смиренно переносить и претерпевать все прискорбное? Никак невоз-

можно. И кто иначе думает и законополагает, тот прельщает сам себя. Ибо как невозможно, чтобы сияло нераскаленное железо или чтоб оно размягчилось каким-либо другим способом, кроме огня, для выделки из него чего-либо потребного по хозяйству, так невозможно, чтобы тот, кто предается нерадению и лености и проводит такую душевредную и суетную жизнь, как та, какую изобразило наше слово, получил те же дарования Святого Духа и явился таким же, как и тот, кто с самого начала от всей души подчинил себя добрым правилам, по послушанию духовным отцам, и начал проводить добродетельную жизнь. Один из них, то есть ведущий подвижническую жизнь, будучи смирен сердцем, имея смиренные помышления и сокрушенные чувства, желательно последуя во всем Божественному Писанию с крайним усердием, благодушно перенося всякую скорбь, тесноту и искушение, почитая себя последнейшим и непотребнейшим всех, смотря на себя, по воспоминанию прежних грехов, как на великого грешника и непрестанно осуждая себя, скоро преуспевает в добродетели; и если не имеет он человека, который бы научил его тому, что пригодно ему во спасение, тогда научается он тому благодатию Святого Духа и мало-помалу изгоняет из души своей все недоброе, чего набрался в мире, а на место того поселяет добродетели. А другой, то есть нерадивый, будучи исполнен нечистоты и гордыни, не хотя смириться пред державною рукою Бога, открыть сокровенности сердца своего духовному отцу своему и подчиниться

ему, не желая также ничего ни делать, ни переносить, что ведет человека к добродетели и делает его совершенным по Богу, становится худшим, нежели каким был в мире, потому что возвращается к нему оставившей его на время дух злой и вселяется в него опять с семью другими духами злобы и лукавства. Таким образом, ревностный брат столько превосходит в добродетели другого, с которым пришел вместе в обитель, сколько бегущий свободно без всякого препятствия перегоняет того, кто связан путами и цепями. Но нерадивый отстает и остается с прежними худостями или еще и с большими не по чему другому, как потому, что сам по себе, по своему произволению не хочет избрать и делать доброе.

4. Итак, плод делания заповедей, как я сказал, есть умиленное сокрушение, а оно приносит плоды добродетелей или, лучше сказать, творит все добродетели, как открывает все богодухновенное Писание. Посему кто хочет отсечь страсти или стяжать добродетели, тому подобает паче всякого другого добра и подвига со всем усердием взыскать умиленного сокрушения, потому что без него никогда не увидать ему души своей чистою. Ибо как невозможно без воды вымыть загрязненное платье, так невозможно и душу омыть и очистить от скверн греховных без слез. Не будем же, братие, придумывать душевредных и пустых отговорок, всегда лживых и ведущих прямо в пагубу, но от всей души взыщем это умиленное сокрушение, царицу добродетелей. Кто взыскивает его от всей души и от всего сердца, тот и находит. И

лучше скажу, оно само идет и находит того, кто ищет его с таким усердием; и пусть имеет кто сердце жесточайшее меди или железа или даже адаманта, как только придет оно, тотчас делает его мягчайшим воска. Ибо умиленное сокрушение есть некий огонь Божественный, растапливающий горы и камни и превращающий их в луга и сады; оно изменяет души, его приемлющие, и бывает внутрь их источником, источающим живую воду, которая непрестанно бьет ключом, течет как из какого родника и напояет души, приемлющие Слово Божие с теплою верою.

Перво-наперво оно омывает скверну грехов у тех, которые делаются причастными его, потом вслед за омытием скверны грехов оно отмывает и страсти и отбрасывает их, срывая будто струпы с ран, разумею – лукавство, зависть, тщеславие и все порождения их. И не только это делает, но, как некий пламень огня, пробегает (по всему составу нашему), мало-помалу жжет и опаляет эти страсти, как терния, и наконец совсем уничтожает их. Это умиленное сокрушение сначала делает то, что стяжавший его горит сильным желанием совершенно избавиться и очиститься от страстей, потом возбуждает желание тех благ, которые уготованы от Бога любящим Его. И все это делает Божественный оный огнь сокрушения посредством слез. А без слез, как я сказал, ни в нас, ни в других каких никогда не бывало ничего такого и не будет. Да и доказать никто не может от Божественных Писаний, чтобы без слез и всегдашнего сокрушения очистился

когда-нибудь какой человек от грехов своих, или сделался святым, или приял Духа Святого, или узрел (умно) Бога, или познал, что Бог вселился в него, или чтобы кто-нибудь имел Его обитателем в сердце своем, не стяжавши прежде покаяния и умиленного сокрушения, так, чтобы всегда без перерыва текли у него слезы, как из родника какого, вымывали жилище души, орошали и освежали ее, обладаемую и жегомую неприступным огнем.

Итак, те, которые говорят, что невозможно плакать и слезить каждую ночь и день, обличают этим, что они обнажены от всякой добродетели. Ибо если святые отцы наши решительно говорят, что кто хочет отсечь страсти, только плачем и слезами может отсечь их, и что кто хочет стяжать добродетели, только плачем может стяжать их, то явно, что кто не плачет каждодневно, тот ни страстей не отсек, ни добродетелей не стяжал, хотя кажется и проявляет их. Ибо скажи мне, к чему послужат инструменты какого-либо мастерства, когда нет налицо мастера, который бы, пользуясь ими, мог из какого-либо подходящего материала сделать какой-либо сосуд пригодный или вещь полезную? Или что пользы, если садовник вскопает добре весь свой сад, насеет в нем всякого рода зелень и насадит разных растений, а дождь не спадет на них свыше, чтоб оросить их, и у самого его не будет воды, чтоб полить их? Поистине никакой нет от того пользы. Так и тот, кто проходит некоторые добродетели и трудится в них, не получит никакой от того пользы без этого святого и бла-

женного сокрушения – госпожи и творительницы всех добродетелей. Ибо как иной царь без войска пред всяким врагом бессилен и удобопобедим для него, даже не кажется и царем, а одним из обыкновенных людей, равно как опять и войска без царя или военачальника легко рассеиваемы бывают и уничтожаемы, – так есть и плач в отношении к другим добродетелям.

Посему воображай, что все добродетели новоначальных суть как бы войско, собранное на одном месте, а царь добродетелей или военачальник есть блаженный плач и слезы сокрушения. Он ставит в бранный строй все воинство добродетелей, воодушевляет, наставляет и определяет добре, как надлежит воевать, где, когда и какие употреблять оружия и против каких врагов, каких рассылать разведчиков и каких поставлять вокруг стражей, что надлежит говорить с теми, которых присылают враги, сколько и как; ибо иной раз можно одним этим переговором вспять обратить их всех и победить, иной же раз возможно их обратить вспять и победить, совсем не приняв их к переговору. Кроме того, военачальник наш определяет еще, кого из воинства посылать делать засады и ложные нападения для введения в заблуждение врагов, как это делать, где и в какое время. Все это распределяет и установляет плач, так что, воистину, без него все воинство добродетелей бывает удобопобедимо для врагов. Сего ради, братья мои, паче всех других дел, или вместе со всеми ими, да будет у нас всех делом существеннейшим покая-

ние, и плач неразлучный с ним, и слезы – порождение плача. Ибо ни плач не бывает без покаяния, ни слезы без плача, но три сия соединены неразлучно между собою, и одному чему-либо из сего невозможно явиться без других. Итак, пусть никто не говорит, что невозможно плакать каждодневно, потому что кто говорит, что это невозможно, тот говорит, что невозможно и каяться каждый день. Но так говорить значит извращать все Божественное Писание, и ближе всего – извращать заповедь Самого Господа нашего, Который говорит: *покайтеся, приближися бо Царствие Небесное.* И еще: *просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам.*

Итак, желаешь ли никогда не причащаться без слез – делай то, что поешь и читаешь сам каждодневно, и дойдешь до того, что всегда будешь причащаться со слезами. Что же это такое, поемое и читаемое тобою каждодневно? Если не знаешь этого, слушай того, кто говорит: *не слышателие закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся* (Рим. 2, 13). Но чтобы не удлинять слова, напомню тебе следующие слова Давида: *аще взыду на одр постели моея, аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима, дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю* (Пс. 131, 3–5). И опять: *несть мира в костех моих от лица грех моих, яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего: по-*

страдах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах. Озлоблен бых и смирихся до зела: рыках от воздыхания сердца моего (Пс. 37, 4–7, 9). *Бых яко птица особящаяся на крове. Уподобихся неясыти пустынней. Пепел яко хлеб ядях, и питие мое с плачем растворях* (Пс. 101, 7, 8, 10). *Утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). И списатель «Лествицы», святой Иоанн, говорит: жажда и бдение сокрушили сердце, сердцу же сокрушенну исторглись воды. И сколько другого говорит нам об этом сей святой Иоанн! Желающий пусть читает со вниманием книгу Лествицы, и узнает (Степень 7).

Итак, если и ты от всей души, со смирением и верою будешь неопустительно делать то, что каждодневно поешь и читаешь или слышишь других читающих, то истинно благовествую тебе радость велию, что – если будешь беспрерывно с терпением исполнять это, то есть жаждать, совершать бдения, повиноваться настоятелю и слушаться его до положения живота, без раздумывания и лицемерия, переносить всякую скорбь, обиду, осуждение, клевету, терпеть побои и раны от меньших тебя братий, не имея на них злопамятства, но благодаря их, искренно и усердно молясь о них Богу, – радуйся и веселись неизреченною радостью, что не только вечером, и утром, и в полдень, но и когда ешь и пьешь, нередко когда беседуешь, когда поешь, читаешь и молишься и когда лежишь в постели, будет находить на тебя эта Божественная и

неизреченная благодать слез и будет сопровождать тебя все дни жизни твоей – сшествовать тебе, когда идешь, останавливаться с тобою на отдых или ночлег, когда ты остановишься; когда послушничествуешь, будет послушничествовать с тобою и она и будет утешать тебя в скорбях, которыми восскорбишь по причине трудов. Тогда и познаешь, что добре и очень добре сказал святой Симеон, чтоб никто не причащался без слез и что это возможно и истинно удобно для всякого. Или лучше, не он это сказал, но Дух Святой сказал и написал это чрез него. Потому что, если истинно, что *никтоже безгрешен, аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 5), и что никто не может *похвалиться чисто имети сердце* (Притч. 20, 9), то явно, что человек долг имеет ни единого дня в продолжение всей своей жизни не пропускать без слез, насколько это зависит от него самого; и если не имеет их, долг имеет, пока жив, искать их от всей души, ибо никаким другим способом невозможно очиститься от грехов и стать чистым сердцем.

А кто не хочет спать на голой земле и совершать бдения, воспоминая множество грехов своих и тяжесть прегрешений своих, и не заботится от сердца врачевать загнившие и воссмердевшие от нерадения и беспечности раны острастившейся воли своей и своих наклонностей, делающие его бесчувственным (это и есть истинное безумие, о коем говорит Давид:

возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия мое-

го), тот как может прийти в чувство будущего суда и осуждения грешников и плакать с печалью и болезнью сердца своего? Кто не хочет злострадать, терпеть лишения и всем уступать, не хочет весь день ходить с поникшею главою, самого себя озлоблять и смирять, то есть наказывать себя алчбою, жаждою, бдением, сухоядением и другим подобным, не хочет рыкать от воздыхания сердца своего, быть как птица, одиноко сидящая на кровле дома, и уподобляться неясыти пустынной, то есть по расположению души своей быть чуждым в отношении ко всем вещам, и монастырским и мирским, не хочет быть бездерзновенным пред большим и меньшими, утруждать себя воздыханием, снедать хлеб свой с пеплом и с плачем растворять питие свое, тому как возможно, братия мои, измывать на всяку ночь ложе свое и слезами постелю свою омывать? Поистине совсем невозможно ему не только постель свою каждую ночь омочать слезами, но даже и во время молитвы невозможно ему найти их. И не возможет он таким образом уготовать место Господу и селение, достойное Бога Иаковля, Который есть Христос Господь, Спаситель и Бог наш.

Если же не предуготовит он сего добре, явно, что не возможет он и причаститься Святых Пречистых Таин не только со слезами, но и достойно, как подобает, ни принять внутрь себя Царя и Бога. Святая преподаются святым, как говорят и проповедуют это каждодневно всем иереи, взывая велиим гласом (о, когда бы они говорили это и себе самим!), а про-

чие слышат то от иереев, возглашающих «Святая святым». Итак, что же? Кто не свят, тот уже и недостоин? Нет, не так. Но кто не исповедует сокровенностей своего сердца, кто не показывает достойного покаяния в этом и в том, в чем согрешал в неведении, кто не бывает всегда в слезах и печали и не подъемлет тех подвигов, о коих мы сказали выше, вот кто недостоин. Тот же, кто делает все сие и проводит жизнь в стенаниях и слезах, достоин и предостоин не только каждый праздник причащаться Пречистых Таин, но и каждый день с самого (если не слишком дерзновенно так сказать) начала покаяния и обращения его к Богу. Такому позволительно так причащаться, поколику он имеет в намерении до конца жизни своей с терпением пребывать в оных делах и в подобных им и жизнь свою проводить в смирении с сердцем сокрушенным. И если он будет поступать таким образом и всегда будет держать себя в таком состоянии, то день от дня будет просвещаться в душе своей, спомоществуем будучи в том Причащением Святых Таин, и скоро придет в совершенное очищение и святость. Другим же способом невозможно быть вымыту и очищену нечистому сосуду нашему (душе) и оскверненному жилищу нашему (сердцу). Я не мог ни из Божественных Писаний вычитать, ни сам собою познать ничего лучшего. Слышим апостола, который говорит: *да искушает человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет: ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая Тела Господня* (1 Кор. 11, 28, 29). Та-

ким образом, недостойно вкушающий Тело и Кровь Господа повинен бывает Телу и Крови Господа (1 Кор. 11, 27). Если теперь тот, кто не показал достойных плодов покаяния, свидетельствуется от всего Божественного Писания яко недостойный (Святого Причастия), то скажи мне, как же возможно без слез достойно причаститься, когда слезы суть первый плод покаяния? К тому же, как мерзостные пожелания плоти и смешение сердца с каждой страстью, бывающее со сластью, есть некоторым образом жертва, приносимая нами диаволу, так слезы, от сердца источаемые, суть благоприятная жертва, Богу приносимая, в очищение скверноты и срамоты оной страстной сласти. Это явно показывает и псалмопевец Давид там, где говорит: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* И праведно. Ибо когда душа придет в такое доброе состояние и навыкновение и так будет каждодневно смиряться и сокрушаться, тогда она ни одного дня не пропустит без слез, подражая Давиду, который говорит о себе: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*.

Посему, умоляю вас, братия мои, да упражняет всеусердно всякий из вас душу свою в таких и подобных сим делах, – и она, пришедши в умиленное сокрушение и мало-помалу изменившись, сделается обильным родником, испущающим реки слез. Если же не постараемся мы таким образом сделаться чистыми, но изберем лучше жизнь свою проводить в нерадении и лености, то я не скажу на это никакого тяжело-

го слова, чтоб не опечалить любви вашей; прибавлю только, что если иной раз случится кому-либо причаститься со слезами, то есть если случится кому поплакать или прежде Божественной литургии, или во время принятия Святого Причастия, а после, в прочие дни и ночи, он не поусердствует то же делать, то есть плакать не переставая, то не будет для него никакой пользы от того, что поплакал однажды, потому что такое поплакание не может тотчас очистить нас и сделать достойными; делает же нас достойными то, если будем плакать каждый день не переставая, до конца жизни нашей, как повелел нам делать Господь, говоря: кайтесь, просите, ищите, толцыте – доколе? – пока, говорит, получите, обрящете и отверзется вам. Что же отверзется? Явно, что Царствие Небесное.

Такое покаяние, бывающее, как мы сказали, всегда до самой смерти, с болезнованием и скорбением сердечным, делает мало-помалу то, что мы начинаем проливать горькие слезы, которыми отмывается и очищается сквернота души нашей. Из этого (болезненного) покаяния рождается потом покаяние чистое (отрадное), превращающее горькие слезы в сладкие, вселяющие в сердце наше непрестанное некое радование и делающие нас достойными и способными узреть неприступный оный свет, который если не восподвизаемся со всем усердием узреть, то не можем ни освободиться от страстей, ни стяжать добродетели, ни сподобиться достойно, со слезами по Богу, причащаться Божественных Таин, ни

возыметь чистое сердце, ни достигнуть того, чтобы вселился в нас Дух Святой осязательно для чувства нашего, ни удостоиться узреть Бога, как Его узревали святые, ни в сей жизни, ни в будущей.

Нам же с вами даруй, Господи, паче и паче очищаться покаянием, и когда очистимся, сподоби узреть Бога. Ибо которые отходят из сей жизни без сих двух – без очищения сердца и узрения Бога, для тех сомнительно конечное решение, имеющее быти произнесено над ними; сомнительное же неверно и ненадежно. Кто не удостоверяется в сем в сердце своем благодатию Святого Духа, тот, мне кажется, ничем другим не стяжет уже никогда непостыдной и неколеблющейся надежды. А кто не имеет такой надежды, тот чем другим может быть восхищен вместе со святыми на воздух в сретение Господа? И чем другим возжег он тогда светильник свой, погасший еще здесь, скажи мне? Скажи мне, откуда тогда достать елея? И каким светом зажечь светильники свои? Откуда и как добыть тогда то и другое, чтоб приготовиться и, сами сияя, с светлыми светильниками сретить Жениха Христа? Тотчас, как только восстанем мы как бы от сна, как слышим от Божественных Писаний, имеем мы тещи в сретение Господа. Итак, когда вострубит последняя труба и восставит нас из гробов, тогда, если души наши не окажутся от настоящей еще жизни возжженными, подобно светильникам, а явятся или совсем погасшими, или чуть-чуть горящими и тотчас имеющими погаснуть, по слову Евангелия, где можем

мы тогда найти елея, чтоб возжечь светильники свои совсем погашенные или прибавить елея в те светильники, которые скоро готовы погаснуть, потому что мало имеют елея? Тогда нигде ничего уже не возможем найти. Почему позаботимся отселе светло возжечь светильники свои посредством покаяния и слез, чтоб по воскресении, светло сияя, светло сретить нам Жениха Христа и вместе с Ним внити в Царство Небесное и получить вечные блага, каковые когда бы сподобились получить все мы, силою Христа Бога нашего, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят шестое

Надлежит соблюдать и держать спасительный пост не в первую только неделю Святой Четыредесятницы, но и во все прочие.

Что имею я сказать любви вашей ныне, то следовало бы сказать в прошедшее воскресенье. Но как я знал, что в первую седмицу Четыредесятницы все почти христиане с радостью и великим усердием держат добрый и спасительный пост, всякий охотно возлагает на выю свою иго его и ни одного не найдешь даже из таких, которые, не чая себе спасения, проводят жизнь свою в бесстрашии и нерадении о богоугождении, который бы не соблюдал закона поста в эту неделю и не хранил воздержания вместе с другими христианами, сколько это ему под силу, то и решил доныне отложить беседу мою с вами о пощении в прочие недели Великого поста.

Все христиане, как я сказал, подвизаются в первую великопостную седмицу. Но, как в субботу празднуем мы преславное избавление от осквернения, бывшее христианскому народу чрез посредство святого великомученика Феодора Тирона, а в воскресенье творим праздник в воспоминание Православия и благодарим всеблагого Бога славословиями и песнями, то в это время лукавый диавол, завидующий всякому нашему добру, подходит тайком к каждому христианину

и, связав его нерадением и леностью, внушает отвратиться от святого поста, столь для нас спасительного, и опять вдаться в прежние свои злые обычаи. По сей причине я и напоминаю вам ныне и прошу любовь вашу, отнюдь не слушайте врага нашего диавола, не начинайте следовать опять злому навыку ненасытного чревонеистовства и не возвращайтесь более к удовлетворению недобрых пожеланий, коим удовлетворяли прежде столь долгое время; но как почтили мы первую неделю Великого поста сего, так да почтим и вторую, а потом последовательно и все прочие.

Да, братия мои возлюбленные, пожалеем себя самих и не попустим себе сгубить в наступающую седмицу, что собрали в прошедшую. Напротив, надлежит нам паче поревновать о том, чтоб к стяжанному прежде приложить и другое что, а не разбрасывать зле, что прежде уэкономили добре. Для того воспоминай каждый, сколь великую доставил ему пользу пост и сколь великую благодать получил он от Бога в эти немногие дни первой недели, и возгревай тем ревность на дальнейший подвиг поста. Пост, как врач душ наших, у одного христианина смиряет плоть, у другого укрощает гнев; от одного отгоняет сон, другого возбуждает на большее доброделание; у одного очищает ум и делает его свободным от злых помыслов, у другого вяжет неудержимый язык и страхом Божиим, как уздою, удерживает его, не позволяя ему говорить праздные и гнилые слова; а у иного не дает глазам смотреть туда и сюда и любопытствовать, что делает тот

или другой, но всякого располагает внимать себе самому и свои собственные рассматривать грехи и недостатки. Пост мало-помалу утончает греховный покров, лежащий на душе, и рассеивает мысленный мрак ее, как солнце рассеивает туман. Пост делает нас способными зреть умно духовный воздух, в коем всегда сияет умное Солнце правды, Господь наш Иисус Христос. Пост, взяв в помощники себе бдение, отгоняет ожестение сердца и из того, кто прежде был ядца и пийца, извлекает потоки слез сокрушения, что позаботимся, прошу вас, братия, возыметь и все мы. Ибо если придем в сокрушение, то с помощью благодати Божией легко избавимся от всякого мятежа страстей и от бури вражеских искушений и достигнем безмятежной пристани бесстрастия.

Это, братия мои, не достигается в один день или в одну неделю, но исправляется, с помощью благодати Божией, в более или менее продолжительное время, трудом и потом, смотря по ревности и усердию каждого, также смотря по мере его отрешения от всего видимого и мысленного и еще смотря по горячности его покаяния и непрестанного умного делания, то есть умной молитвы, непрестанно движущейся во глубине сердца его. Вот как исправляется сие – у одного скорее, у другого медленнее.

Без поста никто никогда не может исправить ничего из того, о чем я сказал, – не может преуспеть и ни в какой другой добродетели, ибо пост есть начало и основание всякого духовного делания. Какие добродетели ни наздашь ты на ос-

новании поста, все они будут непоколебимы и непотрясаемы, как нажданные на твердом камне. А когда примешь это основание, то есть пост, и на место его положишь насыщение чрева и другие неуместные пожелания, тогда все добродетели будут потрясены и разнесены от худых помыслов и от потока страстей, как песок разносится ветром, и все здание добродетели рушится. Итак, чтоб не случилось этого и с нами, будем с радостью стоять на твердом основании поста, будем стоять, добрые братия мои, будем стоять со всем нашим желанием. Ибо кто принужденно от других взойдет на камень поста без собственного желания, тот не устоит, но будет сдвигнут с сего основания похотением и низринется в тайноядение, начав есть скрытно; начавший же есть скрытно пожрен будет злым диаволом.

Пост есть закон и повеление Бога, и тех, которые преступают сей закон Божий, берет в свою власть первый преступник воли Божией диавол и мучит их, как тиран. Хотя это не тотчас случается, потому что Бог долготерпит на нас, ожидая покаяния нашего, однако ж всячески не убежим от рук сего врага нашего, в сей ли жизни или в будущей, если пребудем во грехе и не покаемся. Ибо если пребудем в таком состоянии (тайноядения), то осуждены будем праведным судом Божиим на вечные мучения вместе с диаволом; потому что от людей хоть и укроемся и можем делать это скрытно, но от Владыки нашего и Бога никак не укроемся: Он и воздаст нам по делам нашим. Будем же, братия мои, всевозможно блю-

стись не только от тайнояденния, но и от насыщения яствами, предлагаемыми на трапезе. Ей, так творите, прошу вас.

Вспомните прошедшую святую неделю, посмотрите на пользу, принесенную постом в союзе с бдением, молитвою, псалмопением. Какое у всех было сокрушение, какое благоговение и безмолвие! В ту неделю все христиане мне казались не человеками, а Ангелами; потому что я не слыхал тогда никакого другого слова, кроме славословия, которое воссылали все вы к Богу, что есть дело Ангелов. Верую, что как вы творили дело Ангелов, так и Ангелы вращались среди вас невидимо и пели вместе с вами. Не отделяйтесь же от сообращения Ангелов через свое многословие и празднословие и своими бесчинными гласами и безмерными криками не отгоняйте от себя Ангелов и не приближайте к себе демонов, но всякий да внимает себе самому, занимаясь своим рукоделием и исполняя свое послушание, как бы находился пред лицом Бога. Не оставляйте, братия мои, церковных служб и чтений Божественных Писаний и один другого побуждайте на это. Ибо как за обычной трапезой вещественной мы побуждаем есть сидящих близ нас и любимых нами, так и на этой духовной трапезе, питающей души наши, долг имеем мы, внимая сами, и братий наших побуждаем внимать, чтоб не быть осужденными от Бога как не любящие друг друга и не потерять полученной нами чести быть учениками Христа, Который так говорит во Святом Евангелии: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между*

собою (Ин. 13, 35). Кто не понуждает друга своего есть на вещественной трапезе, тот нередко большую ему доставляет пользу; но кто не побуждает друга своего к духовной трапезе, то есть к слушанию Божественных словес, тот причиняет ему большой вред. Ибо насыщение вещественными яствами растлить и повредить может и душу и тело, а то, что говорится святыми на чтениях, просвещает ум, освящает душу, а чрез нее передает освящение и телу, делая его более здоровым и крепким.

Внимай же всякий чтению, потому что словеса святых суть словеса Божии, а не человеческие; влагай их в сердце и блюди добре, потому что словеса Божии суть словеса жизни, и тот, кто имеет их в себе и хранит, имеет живот вечный. Когда сидим за трапезою, на которой предлежат разные яства, думаю, никто не зевает и не дремлет, но всякий заботится не только поесть достаточно, но и с собою взять на завтрашний день или чтоб дать что друзьям или бедным; а когда читаются словеса Божии, жизнь дающие и делающие бессмертными тех, кои питаются ими, скажи мне, прошу тебя, прилично ли кому-либо дремать и даже засыпать, уподобляясь живому мертвецу? О нерадение! О нечувствие! О потеря! Тот, кто, сидя за обычною трапезою, не имеет желания есть предлежащие на ней яства, очевидно, нездоров. Так и тот, кто, слушая Божественное чтение, не принимает в душу свою Божественных оных словес с услаждением и полным удовольствием и не насыщает мысленно всех своих чувств

сладостью их, болен есть верою, голоден духовными дарованиями и умирает от духовной алчбы и жажды, при всем том, что окружен всякими благами. Как мертвый, когда его омывают водою, ничего не чувствует, так и духовно мертвый, будучи орошаем живоносными и Божественными токами слова, не чувствует того духом своим.

Итак, вы, которые имеете в себе слова жизни, которые достигли до вкушения сего хлеба слова животного, которые не мертвы, но восстали из мертвых, вкусили истинной жизни и стяжали утробы щедрот к ближним своим, не переставайте понуждать, умолять и убеждать братий своих, если возможно, всех, чтоб внимали чтению; нерадивых же обличайте и укоряйте, как собственные свои члены или, лучше сказать, члены Христовы, не да скорбь им причините, но да избавите от гнева негодования отеческого, не да вред какой им причините, но да попользуете их премного, располагая их исполнять волю и повеление Бога и Отца их. Если будете так поступать, если каждый из вас будет побуждать брата своего к любви и добрым делам, то все мы скоро востечем на высоту добродетелей и исполним все заповеди Христовы, за что сподобимся все вместе получить и Царствие Небесное во Христе, Боге нашем, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят седьмое

О воздержании и терпении в делании добродетелей, требуемом временем поста, и о молчании; и о том, как истинно подвизающимся должно проводить все время поста.

Будучи немощен и душой и телом от злого моего и нерадивого произволения, желал бы я молчать и внимать только себе самому, помышляя о собственном своем состоянии, пока побежду волю плоти и подчиню ее душе и получу совершенный мир в Дух Святом, быв освобожден Им от тяготы земного и вещественного мудрования и введен в пристань блаженного упокоения. Но поелику избран я вами быть главою святого тела вашего, то есть настоятелем вашим, то нужда мне належит подвигать вас на всякое добро, утешаясь надеждою, что вы, содевая собственное свое спасение, молитвами своими и молитвами моего духовного отца и отца вашего сохраните и спасете и меня, немощного душою. Почему, не имея сил отверзть уста мои, через силу написал я настоящее слово мое в некое напоминание братству вашему, прося и умоляя вас, как истинных рабов Христовых и искренних братолюбцев, молиться о мне, бедном, да буду спасен и я вместе с вами и, шествуя путем заповедей Божиих, да спребуду выну с вами, возлюбленными моими братиями.

Итак, умоляю вас во Христе Иисусе, внимайте себе самим, и каждый из вас да *мудрствует в целомудрии* и да *не мудрствует паче, еже подобает мудрствовать* (Рим. 12, 3). Не смотрите на мою нерадивую жизнь, но соблюдайте заповеди Господа нашего Иисуса Христа, Коему, яко праведному и неложному Судии, имеем мы отдать отчет во всем, что ни делаем. Дайте мне, прошу, такое похваление, да хвалюся, что я один, падши по нерадению моему во глубины ада, воззвал велиим гласом и освободил вас от сетей диавола. Хотя мне надлежит оплакивать собственное свое нерадение, но я ищу удовольствие видеть вас парящими высоко, выше всех сетей вражеских. Соблюдайте же, возлюбленные, неопустительно все заповеди Христовы, да *спасетесь аки серна от тенет и яко птица от сети* (Притч. 6, 5).

Первая заповедь есть, да любим от всей души Бога и друг друга, как Бог возлюбил мир. Истинная же любовь к Богу и ближнему познается, когда кто имеет следующие качества: не гордится, не завидует брату своему, но подражает добру, которое видит в другом, делая и сам то же; не ищет одежд красивых, а только потребных; не ропщет, не шутит и не смеется и не спорит ни о чем, ни о большом, ни о малом; не насыщается не только яствами и сластями, но даже и водою, особенно в настоящие святые дни поста, в которые искренно и с болезнью сердечною кающийся получает от Бога прощение грехов, наделанных в продолжение всего года. Известно вам, как теплота покаяния и горячесть слез оных, исхо-

дящих из самой глубины сердца, испаряют и сожигают, как огнь, всю греховную скверну и душу, оскверненную ею, делают совершенно чистой; и не только это, но душа при сем получает еще богатое осияние Божественного света благодатию Духа Святого, преисполняется милостью Божиею и благими плодами.

Сей пост постараемся держать, возлюбленные братия мои, и в настоящую пятую неделю Святой Четыредесятницы, и в следующие дни великой седмицы, прилагая каждодневно усердие к усердию, тщание к тщанию, пока достигнем Господня дня Святой Пасхи, освященные душой и телом. Почти уже протекли мы и эту пятую седмицу благодушно и с теплым усердием, ибо я уверен, что вами не было забываемо ни одно свойственное посту доброе дело, но что вы и всенощные песнопения совершали со всем вниманием, и воздержание соблюдали всестороннее, держа его с великим терпением и благодушием и довольствуясь одними овощами и зелиями, предлагаемыми на трапезе. Знаю, что некоторые из вас сидят между нами за трапезою с сердцем сокрушенным и смиренным и не вкушают даже этих скудных яств трапезы, но осуждают себя, яко недостойных и такой пищи, а потом непрестанно внимают себе и рукоделию своему, являя несмелую бездерзновенность с молчанием, в душе же быв преисполнены умиления, слез, молитв, молений и трудов духовных, вследствие чего, при частых коленопреклонениях, они изменились добрым изменением и стяжали подвижни-

чески прекрасный зрак.

Теперь, поелику мы скоро имеем оставить подвиг поста в приближающиеся дни Пасхи, то потщимся, прошу, и в остающиеся до того дни, особенно же в святую Страстную неделю, строжайше блюсти закон добрейшего поста, держа и в это время такой же подвиг, как и в прошедшие дни. Нам потребно великое внимание и великое тщание, чтоб не проводить дни жизни нашей, как проводят их некоторые нерадивцы. И сами вы знаете, что иные, как только пройдет первая неделя, думают, что уже и вся Четыредесятница прошла, и об этом они кричат явно и между собою, и пред другими. Но и в отношении к нам есть страх, и страх великий, не подумалось бы и нам то же, не начали бы и мы говорить между собою то же, что говорят и они, и не явиться бы нам таким образом презрителями и нарушителями обета своего. Ибо нам, отрекшимся от мира и умершим ему и посвятившим себя всецело Христу, дан закон строгого воздержания не на настоящее только время поста, но и на все время жизни нашей, в которое все неотложно должны мы хранить воздержание. И как не сознавать нам, что на нас лежит долг воздержания во все время жизни нашей, когда мы обещались и алкать, и жаждать, и наготствовать, и всячески злострадать, – и все это терпеть с великою радостью, особенно теперь, во время Святой Четыредесятницы? Если не хотим таким образом проводить все время жизни своей, а хотим всегда есть и пить вдоволь, смеяться, шутить, празднословить, спорить,

то какое будем иметь различие от неверных и язычников? Поистине никакого: даже мы явимся худшими их. Язычникам мы бываем подобны, когда заботливо ищем хлеба, вина, одежд; кому же делаемся мы подобными, когда делаем сказанные дела, которые гораздо срамнее и хуже этого? Всеконечно на нас исполнится тогда то, что говорит пророк Давид: *приложися скотом несмысленным иуподобися им* (Пс. 48, 13). Послушаем, братия мои, Бога, Который учит нас во Святом Евангелии: *не пецытеся глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся. Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 31, 33). И чтобы кто не сказал: а если Бог запоздает дать потребное и мне нечего будет поесть, что тогда делать? Он присовокупил: *воззрите на птицы небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их.* И затем сказал: *не вы ли паче лучше их есте?* (Мф. 6, 26). И опять, чтоб мы не малодушествовали и не роптали из-за пищи и пития, Он всем возвещает: *блажени алчущии ныне, яко насытитеся* (Лк. 6, 21). Итак, если ты веруешь во Христа и исповедуешь, что Он истинен есть и неложен, то никогда не будешь алкать или жаждать. Если нечего тебе есть и пить и ты попросишь у келаря хлеба, или вина, или другого чего съестного, а он не дает тебе, будучи, может быть, занят каким делом, вспомни тогда слова Господа и скажи: алчу я и жажду, но терпя потерплю Господа, и Он сотворит по немощи моей и не оставит меня, – и потерпи, брате мой,

и великую будешь иметь награду у Бога. И во всех других искушениях, случающихся с тобою, поступай таким же образом, – и будешь ты велик в настоящей жизни и в будущей сопричислишься к святым мученикам. Сколько есть бедных христиан, братия мои, которые лежат в каком-нибудь углу и желают иной раз немного холодной воды, и той не имеют, – и между тем благодарят Бога, а не негодуют и не произносят никакого хуления! А мы, по милости Божией, имеем все потребное для тела неоскудно и даже с излишком. Если теперь тот, кто, ничего не имея, ропщет, осуждается, что не имеет терпения, то когда при имении всего вдоволь иной, чтоб не потерпеть малого в чем-либо лишения, спорит, бранится и говорит слова хульные, – будет ли достоин какого-либо прощения такой? Знаю, что, говоря сие, я осуждаю себя самого и слова мои будут мне в обличение; впрочем, прошу, да будет сие и для вас некиим напоминанием.

Итак, как провели вы прошедшие дни поста со всяким усердием и тщанием, так, прошу, постарайтесь провести и всю Святую Четыредесятницу, воспоминая добрый образ жизни своей, и доброе свое поведение, и благоговеинство, и смирение, и молчание, и усердие к богослужению и к рукоделию. Ей, прошу вас, не забудьте страстеистребительного поста и очистительного воздержания и не допустите себя, братия мои, до вознерадения о них даже малейшего. Но хотя и случится, что в иной день переменят яства и вам представится случай получить некое утешение, вы не изменяйте своего

намерения и держите свое правило воздержания непоколебимым и непреложным. Когда же поедите больше обыкновенного, то постарайтесь и в деле Божием побольше потрудиться, чтоб не была для вас эта пища вместо благодарения и пользы причиною вознерадения и великого вреда. Внимайте же и поститесь, братия мои, как я сказал вам, и следующую неделю, как прошедшие, ведите себя со страхом Божиим, не оставляйте послушания и рукоделия своего и не блуждайте туда и сюда, подчиняясь демону уныния. Если кто из вас, проходя откуда-нибудь, найдет другого брата стоящим или сидящим праздно, пусть поскорее пройдет мимо, сделав ему обычный поклон. Может быть, от этого праздный тот придет в чувство, раскается, устыдится и сам собою пойдет на дело свое. Поступая так, вы и сами избежите осуждения в праздности и празднословии.

Не слышали разве, что блаженный Зосима, написавший повествование о жизни преподобной Марии Египетской, говорит о святых отцах того монастыря, в который привело его особенное указание Промысла Божия? Как они выходили из монастыря и всю Четыредесятницу проводили в пустыне, никогда не встречаясь друг с другом, а когда случайно замечал кто кого издали, тотчас убегал от него? Они и желания не имели встретиться с кем-либо из своих в пустыне и, возвратясь в монастырь, не спрашивали друг друга, что кто видел или что делал в пустыне, и вообще так держали себя в отношении друг к другу, как бы были страннии и пришель-

цы и иного языка люди. И я думаю, что они так поступали не по чему другому, как потому, что тщательно внимали, как бы не изошло праздное слово из уст их. Итак, если отцы те столько дней и столько лет проводили, не заводя бесед между собою, то что сказать об нас, которые и в немногие дни Святой Четыредесятницы не можем уберечься от собеседования и празднословия? И что я говорю – дни? Мы не можем удержать себя от этого даже на один час. И что будет нам, добрые мои братия, если, когда мы находимся в таком жалком состоянии, внезапно явится Судия всех Бог, Который в день Суда взыщет отчета в каждом праздном слове? Если мы и языка своего не умеем удержать, то как возможем преодолеть прочие страсти? Какая другая страсть, скажи мне, легче этой? Плоть имеет естественное похотение и жжение и часто поднимает восстание против души и борет ее очень сильно. Чрево естественно желает насыщенным быть яствами, потому что для того и создано. О языке же ничего такого сказать нельзя. Итак, если мы не можем пресечь злого навыка языкоболия, что для нас очень удобно и легко, то как возможем одолеть другие страсти более сильные и упорные, которые опираются на естестве нашем и состоят в союзе с похотью и сластью греховною?

Положим же, братия мои, отныне с общего согласия законом для себя, чтоб, коль скоро найдутся двое стоящими праздно без дела и ведущими бесполезные и суетные разговоры, то им в тот день не давать есть ничего, кроме сухого

хлеба с солью и водою, которые они и пусть съедают, стоя на последнем месте в трапезе. Имея такой закон неотложный, вы убережетесь от празднословия и шуток, а чрез это и угодите Богу, ради Его положив хранение устам своим и дверь ограждения о устнах своих, – и мне, недостойному отцу вашему, доставите великое утешение, радости исполнив душу мою, и своим собственным душам доставите великую пользу, приучая себя, любви ради Божией, к такому доброму образу жизни и такому дивному обычаю, потом будете достойно прославлены и восхвалены всеми людьми, и Бог чрез вас славим будет, что вы в таком нынешнем роде оказались подражателями древних святых отцов; что, как думаю, нелегко найти в наши времена и в этих местах, где мы теперь находимся, и среди монахов, и в монастырях, какие видим и о коих слышим.

Почему умоляю вас, отцы мои святые и рабы Христовы, не преслушайте слов отца вашего недостойного, почетши их словами пустыми, ибо хотя я немощен и исполнен бесчисленных грехов, однако ж сами вы видите, что я не советую вам ничего такого, чего не требовали бы заповеди Божии и что не предписывалось бы Божественным Писанием. Положите же доброе начало, – чем и мне придадите некое оживление, когда святыми вашими молитвами и я пробуждусь от сна, протру очи свои, умою лицо свое и прогоню глубокий сон лености. А я вместо этого добра, которое вы сделаете для меня, ничтожного слуги вашего, воздам вам воздаяние, хотя

не как подобает, но насколько сил достанет душеспасительными словами, которые вложит благодать Божия в отверстие нечистых уст моих. Ей, братия мои, умоляю вас, не презрите прошения моего, но как дали вы мне позволение держать пред вами слово – мне, полумертвому и почти безгласному, так отдайте мне и волю вашу, чтоб чрез отсчение воли вашей вы явили подвиг мучеников и страстотерпцев Христовых, а я отныне большую восприял готовность предать и душу мою и тело на вольную за вас смерть. Что да сбудется надо мною, да сподоблюсь я пострадать и умереть за братий моих и с таким напутствием да отыду в другую жизнь, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава, со безначальным Отцем и Всесвятым Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят восьмое

1. Кто таков тот, кто кается, и какое делание его?

2. Если не стяжем добродетелей, то никакой не принесет нам пользы свобода от страстей.

3. Кто таковы те, которые работают Богу, каковы дела их и по чему можно распознать их?

1. Поелику мы думаем, что христиане есмы, по тому одному, что приняли Божественное крещение, хотя не делаем дел христианских; поелику думаем так, что мы – верные, так как веруем во Отца, Сына и Святого Духа и в воплощенное Домостроительство Господа нашего Иисуса Христа, и таким образом просто по привычке говорим, что мы рабы Божии, и, пиша к другим письма, помещаем это в подписи: раб Божий такой-то, не зная, может быть, что такое раб Божий, и кто есть, и кто достоин именоваться рабом Божиим, – то я решился растолковать это слово и показать, кто таковы рабы Божии и из чего познаются и каковы дела, делаемые ими для Бога, чтобы всякий по делам своим мог определительно познать, кому угождает он делами своими и кому работает, и уразуметь, кому угождал и кому служил доселе, дабы не случилось иному почитать себя рабом Господа, тогда как он работает себе самому.

И слово мое – не к мирянам, которые живут в мире и име-

ют жен, – ибо апостол явно говорит: *не оженивыйся печется о Господних, како угодити Господеви, а оженивыйся печется о мирских, како угодити жене* (и миру) (1 Кор. 7, 32, 33), – но к тем, которые удалились из мира и от мирских дел самоохотно и, вступив на поприще покаяния, подвизаются в монашеском житии, то есть к новоначальным монахам и к пребывающим долгое уже время в монашестве, которые думают, что Господу работают и надеются оправдаться делами своими. Ибо некоторые из них не внимают свету Божественных Писаний, но, всегда ходя вне оного и находясь во тьме своих лукавых помышлений, не знают, что есть многое и великое различие между теми, кои каются, и теми, кои подвизаются в добродетели, и теми, кои работают Господу. Те, которые каются в злых делах своих, ищут получить прощение в грехах своих, каковы – мытарь, блудница, апостол Петр, который, от страха трижды отрекшись Христа, потом горько плакал, и другой кто-либо, как блудный сын, зле иждивший отцовское наследие с блудницами и мытарями. Такие и подобные им не называются работающими Господу; но они, быв врагами Богу, виновными пред Ним, только еще примиряются теперь с Ним посредством покаяния и исповеди. Опять те, которые упражняются в делании добродетелей, всеусердно подвизаются в том, чтоб, после покаяния, победить страсти, то есть, показав с великим тщанием и ревностью покаяние в прежних своих грехах, подвизаются еще стяжать утверждение в себе добродетелей вместо стра-

стей, какие имели прежде. Тот, кто кается, тому свойственны следующие делания: он сокрушается, плачет, постится, лишает себя сна, спит на голой земле, охотно всем служит и переносит всякие неприятности и скорби, помышляя всегда о грехах своих, и как почитает себя достойным великого наказания, без смущения претерпевает все, случающееся с ним, чтоб получить прощение грехов таким терпением своим.

2. Тот опять, который подвизается не о том (только еще), чтобы получить прощение грехов своих, но уже о том, чтоб победить страсти, также делает все сказанное и гораздо еще большее того и с радостью приемлет всякую находящую скорбь и, если не приходит ничто скорбное, сам себя оскорбляет, но при этом еще всеусильно старается проходить всякое доброе делание, о котором слышит, что его проходили древние отцы, или видит, что его проходят отцы, живущие с ним, чтобы разными добродетелями и добрыми деяниями изгладить многие и разные страсти, чрез кои приобретают власть над нами демоны, и совсем изгнать их из души, а вместо этих страстей усокровиществовать внутри себя добродетели со всею ревностью души своей. Ибо если не восподвизается он стяжать добродетели, то не будет иметь полного успеха в искоренении страстей, хотя и может успеть утомить их до значительной степени. Не тот достоин похвалы, кто не лихоимничает, но кто еще и милует; не тот уже и спасен, кто целым сохранил данный талант, то есть данный ему дар бла-

годати, но тот, кто и умножил его; не тот ублажается, кто удаляется от зла, но тот, кто и добро делает; не тот любовь свою к царю являет, кто не входит в согласие с врагами его, но тот, кто и вооружается против них, и противовоюет им по любви к царю. Об этом свидетельствует Сам Владыка наш Христос, когда говорит: *иже несть со Мною, на Мя есть; и иже не собирает со Мною, расточает* (Мф. 12, 30). Этим словом Он ясно показывает, что кто всяким образом и со всем усердием не соблюдает заповедей Его, не стяжевает добродетелей посредством исполнения сих заповедей и не преуспевает чрез то паче и паче в исправлении сердца, а только воздерживается, как ему кажется, от злых дел, в добродетелях же не пребывает долгое время, но, предаваясь нерадению в исполнении заповедей Божиих, пресекает некоторым образом собирание сих добродетелей, тот не может сохранить даже того добра, которое, как ему думается, имеет, но чрез неделание заповедей теряет и его. Это именно и показывает слово Господа: *иже не собирает со Мною, расточает.*

В житейских делах не всегда бывает так, чтобы кто не собирает, а сидит бездейственно, уже и расточал; но в делах духовных всегда так бывает. Ибо Писание Божественное того, кто не делает добра, почитает грешником и объявляет, что он осужден будет, когда говорит: *ведущему добро творити и не творящему, грех ему есть.* И опять: *проклят человек, творяй дело Божие с небрежением,* – чего одного достаточно к тому, чтобы подвергнуть осуждению меня, неради-

вого и ленивого. Если же тот, кто заповеди Господни творит с небрежением, проклят есть, не тем ли паче тот, кто совсем никакой не творит, или из тех, какие может творить, творит только некоторые? Стань рассматривать сие и найдешь, что то же самое бывает и в мирских делах и по гражданским законам. Ибо раб, который, видя, как воры пролезли в дом господина его и окрадывают его, не препятствовал им и не кричал, а допустил им забрать все и убежать, осуждается господином своим как наветник и вор наравне с теми, покравшими его добро, хотя он и не содействовал им. Да и вы сами не осудите ли такого лукавого раба? То же самое всеконечно будет и со мною – удерживаюсь сказать: и со всеми вами, – если мы удерживаемся только от худых дел, а не подвизаемся всеусильно стяжать и добродетели вместо худых навыков, и стяжать в такой полноте, чтобы явиться мужами совершенными, достигшими в меру возраста исполнения Христова, как заповедует нам святой Павел. И совершенно справедливо. Ибо если мы не сделаемся такими, то как можем именоваться и быть рабами Господа, воинами Христовыми? Как можем стать облеченными во всеоружие духовное, достойными зачисления в воинство Бога живого и способными явиться страшными врагам? Нет, нет; не можем мы сподобиться этого.

3. Почему, когда кто постится, или бдения совершает, или томит себя алчбою и жаждою, или спит на голой земле, или слезы проливает, или переносит поношения и другие иску-

шения находящие, пусть не думает, что он (по тому самому) уже служит Богу или пользует такими подвигами другого кого, но только себя самого, если терпеливо проходит их и особенно если притом блюдет смирение и действует с духовным разумом; ибо если не таким образом он проходит их, то и себе самому не приобретет чрез то никакой пользы. То дело, которое делается не с смиренномудрием и духовным разумом, каково бы оно ни было, никакой не приносит пользы тому, кто его делает. «Как же это так?» – спросит кто. Кому угодно, тот может найти объяснение сему в Божественных Писаниях. Я же имею в намерении показать только то, что ни те, которые проходят еще покаяние, ни те, которые долгое уже время подвизались в добродетелях, не Господу еще служат, а только самих себя пользуют. И если находите то благословным, подтвердим слово наше примерами. Кто настоящие слуги царя земного? Те ли, которые сидят в домах своих, или те, которые всюду следуют за царем? Те ли, которые занимаются своими делами, или те, которые составляют его воинство? Те ли, которые покойно в свое удовольствие проводят время в домах своих, или те, которые геройствуют на войне и то наносят раны, то сами получают их, убивают многих из врагов, освобождают из плена братий своих и посрамляют врагов? Золотари ли, медники и каменщики, каждодневно трудящиеся и с трудом добывающие потребное для себя и товарищей своих, – или военачальники и тысяченачальники с прочими чинами и с многочисленным воин-

ством, состоящим у них под командою? Явно, что последние служат царю, а не первые. Золотарь, медник и каменщик что бы ни сработали для царя, берут за то у царских приставников условленную плату и, как чужие и незнакомые там, опять возвращаются в дома свои, даже не видавши царя, а не только не спознавшись и не подружившись с ним. Но военачальники и прочие чины суть слуги царя знаемые, а некоторые даже и друзья ему, чрез которых делается знаемым и любимым царю и все множество воинов, состоящих под ними. Подобное бывает и между Царем небесным и теми, которые служат Ему. Все люди – верные и неверные, рабы и свободные, богатые и бедные, иереи и архиереи, цари и начальники – все мы рабы Богу, как творение Его. Но из всех нас те, которые соблюдают заповеди Его с доброй целью и всеусильно и при соблюдении заповедей Его веру к Нему являют твердую, суть благие и верные рабы Его; те же, которые не отказываются служить Ему и исполнять заповеди Его, но делают это с нерадением и леностью, называются рабами лукавыми и ленивыми; а те, которые делают или говорят противное повелениям Божиим, суть враги Его, хотя ничтожны суть и никакой не имеют пред Богом силы.

Итак, мы, которые, послушав Господа, рекшего: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мк. 8, 34), и апостола, сказавшего: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2, 15); *яко любы мира село вражда Богу есть,* и: *иже восхощет друг быти миру, враг*

Божий бывает (Иак. 4, 4), – оставили, по-видимому, все и последовали за Спасителем нашим Богом, или, прямее сказать, оставили мир, так как он препятствует добродетели, и вступили в монашество, оставили некоторым образом место врагов Божиих, в коем проживали доселе и рабствовали им добровольно, и перешли в область Господа нашего и Царя Христа. Но да ведаем, что мы только надели одежду воинов Христовых, воинствующих под Ним, а еще не сделались настоящими воинами; мы слуги Его еще только по одежде, а не настоящие. Как надевающие одежду воинов не делаются через то воинами царя, так и мы, говоря теперь, что сделались подданными Царства Христова, потому что облеклись в монашеское одеяние, не говорим, однако ж, что чрез то мы сделались уже и настоящими воинами Его. Ибо *оружия воинства нашего не плотская* (2 Кор. 10, 4), но духовные, *яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века село, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Итак, когда облечемся во оружия света, в броню, говорю, в шлем и в прочее, о чем говорит святой Павел, и возьмем в руки свои изощренный меч Духа, тогда можем говорить, что сделались настоящими воинами, добре снарядившимися к брани.

Но рассудим, что делаем мы, облекшиеся уже в монашеское одеяние и вступившие в поприще покаяния и подвижничества. Плачем? Но для чего? Для того, чтобы получить отпущение грехов наших и очиститься от скверн, причинен-

ных нам грехами. Постимся? Для того, чтобы укротить буйство и стремления плоти нашей и сердце свое сделать более мягким и удобосокрушительным. Совершаем бдения и поем псалмы? Для того, чтоб не распложались злые помыслы и ум наш не блуждал туда и сюда. Молимся? Для того, чтоб не уводил нас враг в мысленный плен и мы могли со временем помышлять об одном добром и полезном и молиться всегда и непрерывно в сердце своем. В сердце сокрушаемся? Для того, чтоб приять радость и утешение, которые порождает сей плач сердечный. Одеваемся в смиренные, власяные одежды? Спим на голой земле и большая часть из нас носит вериги? Для чего? Для того, конечно, чтоб обуздать и укротить это тело буйное, чтоб оно, не быв удерживаемо уздою, не бросилось подобно необузданному мулу в стремнины и не низвергло и себя, и седока своего, ум, в ров пагубы и огня вечного. Делая же все сказанное, какое благо доставляем мы тем, которые нас видят? Конечно, никакого. Но если мы никакого не делаем блага для тех, кои нас видят, то тем паче ничего не делаем мы для Бога, давшего нам и мудрость, и силу к самосохранению. Но, скажешь, мы с благодарностью переносим поношения, осуждения, скорби находящие, не позволяя оставаться в сердце и следу страсти, тем возбуждаемой? Но и этим опять мы себе самим делаем добро, а не другому кому. Слушай, что говорит Господь: *аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15). Удостоверься же, что если, когда

нас поносят и насмехаются над нами или когда бьют по ланитам и оплевывают или другое что оскорбительное причиняют нам, мы переносим то с благодарностью, от всей души сожалея о тех, которые подвергают нас таким искушениям, то мы через то самим только себе благодетельствуем, удостоиваясь за то получить отпущение наших пред Богом согрешений. Если же удержим при сем в сердце страсть неприязни к ним и будем разные употреблять способы к отмщению им, то и самим себе не стяжем добра, а, напротив, повредим, став сами для себя причиной того, что грехи наши останутся непрощенными нам.

Безмолвствуем в келлии? Убегаем в горы? Поселяемся в пещерах? Восходим на столпы? Для чего все это? Конечно, для того, чтобы удобнее убегать от того, кто как лев ходит, страшно рыкая против нас и ища, кого поглотити. Но если Бог поможет (ибо куда бы мы ни убегали, без Божией помощи не можем избежать зубов его и его многообразных сетей) избавиться нам от этого страшного зверя и не быть пожранными от него, все же как можно будет нам сказать, что мы такими деяниями работаем Господу? Для меня кажется это неблагословным; полагаю, что и для вас. Ибо гонимый врагом своим и убегающий от него – как может сказать, что послужил тому, кто принял его в дом свой, потом стал у ворот своих, чтоб не пропустить до него врага его, и таким образом избавил его от преследователя? Не может он этого сказать, никак не может, но паче должен всегда благодарить его, что

столько облагодетельствован им, быв избавлен им от врага своего. Или бедные, милостыню просящие и трудиться не хотящие или по немощи тела, или по привычке ничего не делать по лености, как могут сказать, что они делают что-либо для тех, которые подают им милостыню или служат им, тогда как очевидно бедные получают от милостивых благодеяния и подачи? Так и мы, бедные и во всем недостаточные по причине прежних грехов своих, не можем никогда сказать, что работаем Богу, милующему нас и благоутробствующему к нам в бедном состоянии нашем. Ибо, как я сказал, все мы бедны – иные по причине прежних грехов своих, иные по дурным привычкам, иные по лености и нерадению о заповедях Божиих, иные по злому произволению, иные по падкости на удовольствия, иные по неведению Божественных Писаний и неверию им, иные по гордости и потому, что им думается, будто им ничего более не нужно ко спасению души их, и вообще сказать, – все мы бедны, голы, изранены и немощны разными немощами, и сидя в келлиях своих (уединенно) или живя в монастырях, будто лежим в разных больницах и страннопримницах и вопием, плачем и рыдаем, призывая самого Врача душ и телес наших (которые, то есть, пришли в чувство и ощутили боль от ран и страстей своих; ибо иные столь несмысленны, что не сознают и не чувствуют немощей своих и страстей, кои над ними господствуют), да приидет и уврачует сокрушенные сердца наши и подаст здравие душам нашим, лежащим на одре греха и смерти. Так и божествен-

ный апостол говорит, что все мы согрешили и имеем потому нужду в милости и благодати Божией.

Находясь убо в таком бедном состоянии, можем ли мы дерзнуть когда-либо сказать, что сколько-нибудь работаем Тому, Кто нас так милует, так к нам благоутробствует, так врачует души наши, так научает нас спасению и подает исцеление ран наших и уврачевание болезней наших? Нет, конечно, не можем мы так сказать. Как о том, кто, израненный по всему телу разбойниками, лежал при пути полумертвым, не говорится, что он послужил тому, кто поднял его на свой скот, привез в странноприимницу и ходил за ним, возливая елей на раны его, но паче говорится, что ему оказана милость, что он вылечен тем благодетелем и приведен в прежнее здравое состояние, так и мы, параличные, прокаженные, ранами покрытые и притом нерадящие о том, что пригодно к уврачеванию нашему, и не подвизающиеся нисколько исполнять то, о чем я сказал, – как мы такие можем дерзнуть сказать или хоть подумать, что работаем Господу? Нет, не работаем мы Господу, но (если восчувствуем, в какую глубину зол ниспали) просим, как я сказал, и молимся, да уврачует нас Врач душ и телес от всех немощей наших. Потом, когда получим уврачевание и сбросим с себя мало-помалу всякую немощь, как какую-либо ветхую одежду, изодранную и испачканную, и облечемся в здравие, как в некое царское одеяние, светлое по всему телу от головы до ног, тогда и мы, если послужим другим и повврачуем их, возлагая елей на ра-

ны их и другие употребляя врачевства и пластыри, – тогда, говорю, и мы можем быть причисляемы к тем, кои работают Господу, рекшему: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40). Если же не будем мы прежде уврачеваны, но, будучи еще немощны и страстны, покусимся врачевать других немощных, то Господь скажет нам: *врачу, изцелися сам* (Лк. 4, 23).

А ты, слыша слова мои, что здравие душевное есть царское некое одеяние светлое, смотри не истолкуй криво сего речения по непонимании дела и не подумай, будто я говорю о здравии телесном. Нет, не о телесном говорю здравии, а об ином некоем, бестелесном, духовном, Божественном, которое обыкновенно не врачебными травами доставляется и не собственными нашими трудами достигается, чтоб кто не вздумал хвастаться им. Как подбирающий и прикрепляющий мертвые кости к костям и сустав к суставу (костями и суставами я называю добрые дела и добродетели) не делает никакой пользы, если не сможет облечь их мясом (мускулами) и нервами; но если и это сделает, если свяжет суставы жилами и мертвые те кости покроет мясом и кожею и из всего сделает целое тело, то и при сем опять всуе он трудится, без всякой пользы, если тело это останется без души, которая оживляла бы его и двигала; так это же самое представляй себе бывающим и с душою, которая была умерщвлена грехами. Пусть в ней все уже члены восставлены, то есть имеются все добродетельные деяния, как то: пост, бдение,

долулегание, нестяжательность, непощадение тела и подобное, которые набираются, как мертвые кости, последуя одно за другим, подлаживаются между собою и, связуясь, составляют некоторым образом цельное тело души. Но что пользы от них, если это тело души лежит бездушно и бездыханно по той причине, что еще не вселился в нее Дух Святой? Ибо только когда Он войдет и вселится в нас, – сочетавает и связует нервами духовной силы добродетельные деяния, которые сами по себе остаются мертвыми, отделенными одно от другого, как бездушные члены, – связует любовию к Богу и таким образом соделовает нас новыми и живыми из ветхих и мертвых, каковы мы сами по себе. Другим способом невозможно ожить и жить душе. Как тело наше, здорово ли оно или болезнует, не может без души не только движение иметь, но и совсем жить, так и душа наша, грешит ли она или не грешит, без Духа Святого мертва есть и совсем не может жить жизнью вечной. Если грех есть жало смерти, то, когда кто грешит, всеконечно ужален бывает им и умирает. Как нет никого безгрешного, потому что, как говорит апостол, *вси согрешиша и лишени суть славы Божия* (Рим. 3, 23), то явно, что все мы, яко грешные, умерли и мертвы есмы.

Помышляя таким образом, что ты мертв душою, скажи, как можешь ты стать воистину живым, если не соединишься с истинною жизнью, то есть с Духом Святым, Коим возрождается всякий христианин и возоживляется во Христе, рекшем: *Аз есмь истина и* воскресение *и живот* (Ин. 14, 6), и

еще: *приемляй Мене приемлет Пославшаго Мя* (Ин. 13, 20).

Итак, поелику мы мертвы и только Он есть вечная жизнь, то прежде чем соединимся с Ним и жить станем Им, да не глаголем, что работаем Господу. Ибо как возможно, чтоб мертвые когда-либо работали кому? Пока знательно не облечемся во Христа, как в царское одеяние, да не думаем, что освободились совершенно от душевных наших болезней или от страстей, тяготящих нас. Ибо как не отходит тьма, если не приходит свет, так не изгоняется болезнь души, если не придет Тот, Кто болезни наши носит, и не соединится с нами. Когда же придет Он, то прогоняет всякую немощь и всякую болезнь душевную и дарует здравие душе нашей, почему называется здравием. Также, поелику Он просвещает нас, называется Светом, будучи выше всякого света; поелику животворит нас, называется Жизнью, будучи выше всякой жизни; поелику облиставает нас всех, объемлет и покрывает Божественною Своею славою, называется Одеянием, и мы говорим посему, что облекаемся в Него, неприкосновенного и неуловимого; поелику соединяется несмесно с душою нашею и всю ее делает, как свет, говорится, что Он обитает в нас и как бы описуется неописанный. О, чудо! Бог, сущий выше всего, бывает в нас все – хлеб, покров, вода, от которой если кто испиет, как сказал Господь самарянке, не возжаждет уже никогда; так что если ты жаждешь еще, то знай, что ты еще не пил доселе от воды той, ибо неложен Тот, Кто сказал это. И я слышал от одного, который говорил: с тех пор

как человеколюбивый Владыка дал мне досыта напиться от воды оной, если случалось мне забыть, что я пил от нее, и опять искать, да дано будет мне пить от нее, как бы я совсем не пил ее, тотчас сама вода сия, которой я напился прежде, воскипала внутрь сердца моего и начинала бить ключом, как некий поток световой, – и я видел это ясно. Она же самым сим воскипением внутри меня говорила как бы мне: не видишь, что я здесь, с тобою? Откуда же ищешь, чтоб я дана была тебе или пришла к тебе? Не знаешь разве, что я всегда нахожусь с теми и в тех, которым дам напиться от меня, и бываю для них источником бессмертным?

Итак, брате мой, если и с тобою было то, о чем я теперь говорю, то счастлив ты и блажен. Если же не видел еще ты Христа и Он не дал еще тебе напиться от пития того, припади и умоляй, плачь и рыдай, бей себя в грудь и лицо, как Адам, когда изгнан был из рая, не ложись уже на кровать или постель, но земля да будет для тебя кроватью где придется, не давай сна очам своим и веждам своим дремания, не обращай очей своих посмотреть что-либо земное или небесное, – потому что если имеешь пред очами своими Творца всяческих, Бога, то какая тебе нужда смотреть на что-либо другое? Не наполняй никогда чрева своего яствами, не услаждай гортани своей сладким ястием и питием вдоволь, не любопытствуй о том, что делается вокруг, и не смотри на тех, кои живут безразлично и с небрежением, чтоб не возгордиться над ними и не осудить их, но и не садись с ними, чтоб не дойти до

бесполезных речей, – не ходи туда и сюда, ища именитых и славных монахов, и не любопытствуй о жизни их; но если, по милости Божией, нашел ты доброго духовного отца, то ему одному открывай деяния свои и помыслы свои; если же еще не нашел, то, видя Христа, к Нему единому взирай, Его единого имей зрителем своим, да видит Он печаль и сокрушение души твоей. Покажи Ему, или, лучше сказать, пусть Сам Он увидит нищету твою и нестяжательность и несребролюбивый нрав твой, так что хоть бы, как река, текло к тебе откуда-либо богатство всего мира или попалось тебе брошенным безмерное множество золота (ибо и это бывает по козням диавола и клевретов его), ты не восхотел бы даже одним глазом взглянуть на то, при всем том, что взять не представлялось бы грехом под благовидным предлогом раздать бедным. Он пусть видит, как бьют тебя, а ты не противишься, поносят тебя, а ты не поносишь поносителей своих, осуждают тебя, а ты хвалишь осуждателей своих, – пусть Он видит, что ты не ищешь славы, или чести, или покоя; и вообще скажу, пусть Он видит, что, делая все сие, ты положил не отступать и не возвращаться вспять, пока Он не умилосердится к тебе и не даст тебе испить от оного страшного, неизреченного и неопределимого пития. Когда удостоишься испить его, тогда уразумеешь, что говорю тебе. Ибо мы, как говорит божественный Павел, *премудрость глаголем не века сего,* престающую, *но глаголем премудрость Божию, в тайне сокровенную* (1 Кор. 2, 6, 7). Если же ты не сподобился

видеть Самого Христа, то что тебе кажется, уж жив ли ты? И как можно тебе думать, что ты работаешь Господу, когда еще не видал Его? Если не сподобишься увидать Его и услышать глас Его, то от кого узнаешь волю Его, святую, угодную и совершенную? Если скажешь, что ты научаешься познанию ее из Божественных Писаний, то я замечу тебе, что читаемое в Писании настоящим образом познается, когда делом исполняется. Тебе же, который весь мертв еси и лежишь во тьме, как возможно даже услышать (от Писания) волю Божию, а не только сотворить ее и живу быть? Никак невозможно.

Итак, поелику мы с тобою мертвы и находимся во тьме, то какая же есть возможность ожить нам или узреть Христа, истинный Свет, сошедший на землю? Слушай со вниманием и, не оправдывая себя, смирись перед Богом и скажи:

«Господи! Ты, Который не хочешь смерти грешника, но хочешь, чтоб он покаялся и начал жить духом опять; Ты, Который того ради и на землю сошел, чтобы воскресить умерщвленных грехом и сподобить их увидеть Тебя, Свет истинный, сколько возможно человеку видеть Тебя, – пошли мне, молюся Тебе, человека, знающего Тебя, чтобы я со всею силою подчинился ему ради Тебя и, служа ему, служил Тебе и, его волю исполняя, исполнял Твою волю и таким образом благоугодил Тебе, единому Богу, я, грешный, и сподобился Царствия Небесного».

Если ты пребудешь в молитве сей долгое время, всеусильно и от всей души умоляя Господа и толкая неустанно в две-

ри милосердия Его, то будь уверен, что Он не оставит тебя, но научит тебя – или Сам, или чрез какого-либо раба Своего – тому, что тебе подобает творить, и по благодати Своей и молитв ради того раба Своего подаст тебе силу и совершить все то. Ибо без Божией помощи не возможешь ты ничего сделать, но, как я сказал, Бог будет для тебя все. При таком порядке пусть Христос еще не все для тебя и ты не все еще совершаешь во Христе, по крайней мере, ты подчиняешься друзьям Его и приставникам и через посредство сих друзей Его являешься рабом Ему – по крайней мере, творишь волю рабов Божиих, а не свою (воля же рабов Божиих есть воля Божия), по крайней мере, делаешь нечто Бога ради и не остаешься праздным и находишься в состоянии смирения, а не превозношения. Вспомни, что я сказал прежде, что из военачальников и начальников всех иные суть рабы царя, иные друзья, через посредство коих делаются друзьями царя и те, кои состоят под властью каждого из них, которые, хотя не видят царя и не беседуют с ним, но, служа верно военачальнику или начальникам своим, как самому царю, надеются, что через посредство тех, кому служат, получат от царя дары и чины. Некоторые из них, пользуясь ходатайством начальников своих, получают от царя дары, каких ожидали; некоторые же сами делаются именитыми чрез свое мужество и преуспеяние, за что царь берет их к себе, чтит их и делает начальниками и ходатаями о других. Тогда они удостаиваются лицом к лицу служить царю своему, беседовать с ним

и слышать глас его.

Если ты не хочешь искать лучшего, как я указал, а хочешь лучше причислиться к наименьшим и быть в подчинении у простых воинов, не именитых, хочешь быть кое-каким послушником между другими кое-какими, подобными тебе, а не желаешь быть в служении духовным начальникам, то чего ради осуждаешь меня, когда я называю тебя мертвым, или слепым, или больным, или параличным, устраненным от служения Царю Христу? Но се слышу речь твою ко мне, что ты сидишь в келлии и в уединении внимаешь себе самому и никому никакой не причиняешь обиды. Спрошу тебя и я: скажи мне, был ли бы ты доволен, если б то, что ты теперь делаешь, делал слуга твой или послушник, если бы и он, вознебрегши о тебе, оставил служение тебе, пошел и сел в келлии своей, думая, что не делает обиды ни тебе, ни другому кому? Какой человек даже слышать это может равнодушно? Как же ты, сидящий в келлии своей и от других только принимающий услужение, дерзаешь говорить, что служишь Богу? Скажи мне, какими это делами ты служишь Ему? Ты, который даже и в том случае, если б сам себе во всем служил и рукоделием своим добывал все потребное для тела твоего, даже и в таком случае не должен бы был говорить, что служишь Богу? Слугу не хвалят, если он питается и одевается сам от себя, а между тем господину своему не отдает должного от труда рук своих, что обычно называется оброком или уроком. Напротив, за это его не только осуждают, но и на-

казывают. Как же мы с тобою, которые живем, как вельможи, предаемся покою, беспечности и бездействию и не только ничего не делаем и не служим другим, но, когда не видим услужения себе от других, негодуем, бранимся и ропщем, – как, говорю, мы дерзаем говорить, что служим Богу и никого не обижаем? Ибо кто может кому послужить чем и не хочет им послужить тем, тот обижает их и делает себя повинным страшному суду Господа, Который речет им: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти…* (Мф. 25, 41). Был Я в болезни, и вы не послужили Мне. Как же и каким лицом будем мы смотреть на сего страшного Судию, когда Он приидет испытать дело каждого из нас?

Не прельщайтесь. Бог есть огнь, и когда пришел на землю и сделался человеком, вверг огнь на землю, как Сам говорит (Лк. 12, 49). Огнь сей всюду обходит, ища себе вещества, то есть доброго сердца и произволения, чтобы пасть внутрь его и возжечься. В ком возжигается он, в том восходит в пламя великое, досязающее до небес, и не дает уже ему быть в бездействии или предаваться покою. Он не опаляет души, в которой возгорается, хотя возгорание сие бывает не без восчувствования его душою, как думают некоторые из мертвых (душой). Душа не есть бесчувственное вещество, но есть существо чувствующее и разумное. Почему она в самом начале чувствует и сознает возгорение огня того, и сие тем паче, что оно сопровождается чрезмерным и нестерпимым

болезнованием (сердечным). Потом, когда огнь сей очистит нас совершенно от всякой скверны страстей, тогда навсегда уже делается внутрь нас и пищею, и питием, и светом, и радостью и нас самих делает светом по причастию – в той мере, в какой делаемся мы сами причастными света его. Как печь возжженная сначала только коптит от дыма, исходящего из дров, а когда разгорится посильнее, тогда вся делается светлою подобно огню и не омрачается уже никакою копотью от дыма, так и душа, начавшая гореть Божественным желанием, сначала видит вместе с огнем Духа внутрь себя и тьму страстей, исходящую наподобие дыма, и, сознавая, что эта сущая в ней мрачность от тьмы страстей есть ее собственное дело, плачет и сокрушается, чувствуя же, как лукавые помыслы и злые пожелания попаляются тем огнем, как терны и волчцы, и превращаются в прах, радуется. Когда же все сие сгорит и естество души останется одно без страстей, тогда существенно с нею соединяется и Божественный оный огнь и начинает гореть и светить в ней, тогда и она делается причастною сего мысленного огня, как печь причастною огня вещественного, равно и тело причащается тогда сего Божественного и Неизреченного Света и бывает огнь по причастию. Да ведаем, однако ж, что этому всему невозможно совершиться в нас, если мы не возненавидим мира и всего, что в мире, с готовностью даже и живот свой положить за сие дело Божие, как говорит Господь (Лк. 14, 26). И иным образом огнь сей в нас не возгорается.

Которые сподобились приять в себя сей огнь, те не только сами освободились совершенно от всех болезней душевных, но и других многих, которые были немощны и больны душевно, извлекли из сетей диавола и уврачевали и принесли их как дар Владыке Христу. Божественный огнь оный научал их всякому ведению и искусству духовному и всякой премудрости, и они всю жизнь свою благоугождали Богу. Таков был Петр, божественный апостол, приявший ключи Царствия Небесного; таков был Павел, восхищенный до третьего небесе, и прочие апостолы. Таковы были святые богоносные отцы наши и учители, которые силою сего Божественного огня пожгли, как терния, и уничтожили все ереси, которые повелевали демонам, как непотребным рабам, и те со страхом повиновались им. Таковыми были и бывают всегда те, которые так возлюбляли Бога, что не жалели ради угождения Ему самой жизни своей.

Вот эти и другие подобные им справедливо называются рабами, всегда работающими Богу, а не те, которые еще в грехах суть и которые подобны рабам лукавым, погрешающим против господина своего, – не те также, которых еще борют страсти и которые походят на боримых и противоборствующих и таким образом всегда воюющих с врагами своими, и не те, которые не стяжали еще добродетелей, но подвизаются о стяжании их и которые походят на увечных, у которых недостает или рук, или ног, или носа, или ушей, или других каких частей тела. По заповеди апостола, нам, во-пер-

вых, надобно преуспеть во всякой добродетели и соделать своего по Богу человека совершенным и всецелым, так чтобы в нем не было недостающим ни одного члена, то есть ни одной добродетели. И не иначе, как уже пришедши в меру сию, получим мы от Небесного Царя благодать Духа, как воины получают оброк от царя земного. Тогда-то, наконец, как сделавшиеся уже мужами совершенными, достигшими в меру возраста исполнения Христова и сопричислившиеся к воинам и рабам Господа, тогда-то, говорю, как воины Христовы поднимем мы решительную брань против врагов. Кто, как говорит божественный апостол, *воинствует своими оброки когда* (1 Кор. 9, 7)? И что называет он оброком? Царский кошт. Если таким образом и мы не получим от Бога хлеб оный, который сходит с неба и дает живот миру, то есть благодать Святого Духа (ибо это есть духовный кошт, коим питаются сделавшиеся воинами Христовыми, и в это облекаются они духовно вместо всякого оружия), то скажи мне, каким образом можем войти в строй воинства Божия и сопричислиться к рабам Его?

Но приидите, умоляю вас, проснемся от тяжкого сна беспечности, все желающие освободиться от рабства страстей. Притечем ко Христу, истинному Владыке, с готовностью соделаться рабами Его. Восподвизаемся и мы явиться делом такими, какими слово наше изобразило истинных рабов Божиих. Перестанем с небрежностью относиться к делу спасения своего и обманывать себя самих, придумывая извинения

себе во грехах своих и говоря, что никак невозможно быть сему, то есть достигнуть показанного совершенства в настоящем роде, и философствуя таким образом в ущерб спасению нашему и на пагубу душ наших. Ибо если захотим, возможно, и так удобовозможно, что одного произволения нашего достаточно к тому, чтобы воззвать нас на такую высоту. Где готово произволение, там нет уже никакого препятствия. И что говоришь ты, человече? Бог хочет соделать нас из людей богами (произвольно, однако ж, а не принудительно), а мы время выставляем в предлог и отвергаем благодеяние. Не безумие ли это и не крайнее ли невежество? Бог так сильно сего желает, что сошел на землю и воплотился именно для этого только. Почему, если только восхотим и мы, то совершенно ничто не может уже воспрепятствовать сему, – только прибегнем к Нему с теплым покаянием. Когда же и Он приблизится к нам и коснется сердец наших хоть лишь краем пречистого перста Своего, тогда возжжет светильники душ наших и не даст уже им погаснуть до скончания века, и вовеки, и еще. Ему подобает слава, честь и поклонение, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово семьдесят девятое

1. О животворном умертвии, которое подает Дух Святой подвизающимся о спасении своем.

2. О том, что освободившиеся от работы закону сознательно приемлют благодать Божественного Света.

3. Каков должен быть иерей, приявший свыше власть решить и вязать?

4. Тому, кто истинно священнодействует и осиявается Божественным светом, явны все люди.

1. Братия мои возлюбленные, внимайте добре Божественным Писаниям, которые слушаете. Ибо Господь наш повелевает нам исследовать Писания для того, чтобы верно узнать путь, ведущий ко спасению, и чтобы, шествуя потом сим путем посредством исполнения заповедей Христовых, не возвращаясь вспять, достигнуть верно сего спасения душ наших, которое есть Иисус Христос, как в час рождения Его возвестил пастырям Ангел: *се благовествую вам радость велию, яже будет всем людем, яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давыдове* (Лк. 2, 10, 11). Восприимем же все мы, возлюбленные братия мои, ревность и скоро со всем усердием потечем путем сим, не обременяя себя никакою ношею или никакою вещью мирскою, обычно неудобоносною, чтоб она не помешала нам тещи скоро и вовремя доспеть и внити внутрь града Давидова и узреть там

Спасителя нашего Христа. Умоляю вас, восприимите усердное попечение о спасении своем действующею в вас благодатию и не допускайте себя хоть и мало понерадеть о нем. Но как только пробудимся, как бы от сна востав, от лукавого мнения (что у нас все исправно) и нерадения, не позволим себе ни постоять, ни присесть, пока не выбежим за пределы мира и вне его не обретем и не узрим Спасителя и Бога нашего и падше не поклонимся Ему; но и здесь не дадим себе остановиться, а потечем далее и далее, пока Сам Спаситель не скажет нам: *вы не от мира, но Аз избрах вы от мира* (Ин. 15, 19).

Как же достигается то, чтобы не быть уже от мира? Когда кто распнет себя миру и мир себе, как говорит и апостол Павел: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). Но какое сходство, спросишь, имеют эти слова апостола с теми словами Христа Спасителя? Слова различны, но мысль у обоих одна и та же. Ибо как находящийся вне дома не видит запершихся внутри, так распявшийся или умерший миру никакого не имеет чувства к мирским вещам; и еще: как мертвое тело не имеет никакого чувства ни к живым, ни к мертвым телам, лежащим подле него, так и тот, кто благодатию Духа Святого выйдет из мира и станет быть с Богом, не может иметь никакого чувства к миру или к вещам мира.

Так-то, братия, бывает смерть, или умертвие, прежде смерти тела, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ – действительное, опытно сознаваемое, истинное. Ибо

когда смертное мудрование уничтожено бывает бессмертным умом и мертвость изгоняется жизнью, тогда душа ясно видит себя воскресшею, как пробудившиеся от сна видят себя бодрствующими, – с сознанием, что это Бог воскресил ее, – познав Коего и возблагодарив, поклонение Ему приносит и славословит беспредельную Его благость. Тело же после того не имеет уже более никакого движения или воспоминания о своих похотениях и стремлениях, но бывает для них совершенно мертво и бездыханно. Бывает даже нередко, что человек забывает самые естественные потребности, потому что душа его всегда мысленно привитает в том, что выше естества, как и подобает ей, ибо Писание говорит: *духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16). Когда таким образом плоть сделается мертвою, как мы сказали, благодатию Всесвятого Духа, тогда она оставляет нас жить прочее без всякого с своей стороны осаждения нас и препятствия нам. Тогда исполняется сказанное апостолом Павлом: *праведнику закон не лежит* (1 Тим.

1, 9), так как он живет уже жизнью, которая выше закона (то есть благодатною), ибо *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17) – свобода, конечно, от рабства закону. Закон пестун есть, руководитель и учитель правды, ибо говорит: это делай, а того не делай. Благодать же и истина не говорит так, а как? Ты будешь делать и говорить все по благодати, данной тебе и говорящей в тебе, как написано: *и будут вси научены Богом* (Ин. 6, 45).

Таковые не из письмени познают, что добро, но научаются сему благодатию Святого Духа; и не научаются они Божественному словом только, но светом слова и словом света таинственно. Достигнув сего, бывают они учителями и себе самим, и ближним, светом мира и солью земли.

2. Те, которые прежде благодати евангельской состояли под законом, праведно сидели и под сенью закона. Но те, которые по явлении благодати вступили в свет и день, освободились от сени, то есть от рабства закону, и стали выше закона, так как они высоко поднялись посредством евангельского жития и живут с законоположителем Богом, будучи и сами законоположители паче, нежели соблюдатели закона.

Но есть ли кто, ныне имеющий уши слышати, да слышит и постигает силу того, что глаголется от Духа Святого? Есть ли кто и теперь имеющий ум Христов, да разумеет добре и боголепно то, что пишется Им? Есть ли кто и ныне имеющий глаголющего в себе Христа, да возможет добре изъяснить таинства, сокровенные внутрь словес Его? Ибо, говорит апостол, *премудрость глаголем не века сего* престающую, *но премудрость, в тайне сокровенную* (1 Кор. 2, 6–7) от многих, нам же щедро открываемую и уразумеваемую добре водящимися страхом Божиим и всегда к Нему взирающими. Ибо мы не то, чего не знаем, говорим, но что знаем, о том свидетельствуем. Свет уже во тьме светит, и в нощи, и во дни, и в сердцах наших, и в уме нашем и осиявает нас невечерне, непреложно, неизменно, неприкровенно – глаголет,

действует, живет и животворит и делает светом тех, которые осияваются Им. Бог Свет есть, и те, которые сподобляются узреть Его, все видят Его как свет, и те, которые прияли Его, прияли как свет. Ибо свет славы Его предыдет пред лицом Его, и без света Ему невозможно явить Себя. Те, которые не видели света Его, не видели и Его, потому что Бог Свет есть; и те, которые не прияли света Его, не прияли еще благодати, потому что приемлющие благодать приемлют свет Божий и Бога, как сказал Сам Свет Христос: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16).

Но те, которые не сподобились еще приять или вкусить сего, – все находятся еще под игом закона, еще состоят под сенью и образами, еще суть чада рабынины. Пусть это будут цари, пусть патриархи, пусть архиереи или иереи, пусть начальники или подначальные, пусть миряне или монахи. Все они еще во тьме сидят и во тьме ходят – и не хотят как должно покаяться. Покаяние есть дверь, которая выводит человека из тьмы и вводит в свет. Почему кто не вошел еще в свет, тот очевидно не добре и не как следует прошел чрез дверь покаяния. Ибо если б он прошел через нее добре, то непременно вступил бы в свет. Кто не кается, согрешает, что не кается. *Ведущему бо добро творити и не творящему грех ему есть.* Творящий же грех раб есть греха и ненавидит свет, чтоб не обнаружились дела его. Но всяко они обличатся. Есть два обличения: одно – здесь во спасение, а другое – там в осуждение. Ныне, в настоящей жизни, входя в свет через покая-

ние самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но, по благости и человеколюбию Божию, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубине души нашей, во очищение и прощение грехов наших. И только один Бог вместе с нами знает и видит сокровенности сердец наших. И кто здесь, в настоящей жизни, бывает судим таким судом, тому нечего бояться другого какого истязания. Но тогда, во второе пришествие Господне, на тех, которые ныне не хотят внити в свет и быть им судимы и осуждаемы, но ненавидят его, откроется свет, сокрытый ныне, и сделает явными все их сокровенности. И все мы, ныне укрывающие себя и не хотящие объявить сокровенности сердец наших через покаяние, раскрыты будем тогда действом света пред лицом Бога и пред всем прочим, что такое есмы мы ныне.

И помысли, какой великий стыд покроет тогда нас! Как тот, кто, кроясь в доме за запертыми дверьми и не будучи никем видим совне, грешит без всякой опаски и зазрения, блудствует и другие творит срамоты и мерзости, потом, внезапно будучи открыт за такими злыми делами, покрывается превеликим стыдом и срамом; или, по другому сравнению, как тот, кто задумал восстание против царя, пока укрывается в доме, небоязненно строит ковы свои, а потом, когда царь, узнав о том, придет со всем синклитом своим, окружит дом воинством и велит разнести его до основания, так что наветник тот явится открытым пред всеми и со всеми ковами своими, – поражается и страхом, и стыдом и предается

заслуженным казням; так тогда подобное случится со всеми, сущими ныне на земле, тогда все откроется и нощь как день просветится. Тогда все те, которые не облеклись здесь во Христа, то есть не вошли в свет, не прияли света и не стали сами светом, как мы сказали, – все такие окажутся обнаженными, придут в великий страх и трепет, в великую отвсюду тесноту. И не это только, но и каждое дело доброе и худое, каждое слово и каждый помысл наш, со времени рождения до смерти, все собравшись, явны будут тогда во всяком человеке. И тот один стыд, какой испытывать тогда будет всякий, с каким сравнить можно мучением? Какое другое мучение может быть большее того стыда и страха, каким будут поражены тогда находящиеся ныне во тьме и не просвещенные Духом Святым? Сего ради восподвизаемся, братия мои, ныне, в настоящей жизни, пройти тесными вратами покаяния и узреть свет, иже есть внутрь его. Ей, молю вас, не отступим, толкая и ища, пока не услышит нас Господь наш и не отверзет нам двери и мы не внидем внутрь и не восприимем света, чтоб хранить его в сердцах своих неугасимым.

3. Не будем прельщать самих себя и, последуя воле плоти своей, не будем удаляться от Бога и уклоняться от прямого пути благочестия, который должны ведать все мы, особенно же иереи, духовники, учители, игумены, если дорого ценим и высоко чтим волю Божию и собственное свое спасение. Если Христос, когда после того, как Он сказал Никодиму: *аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия,*

Никодим изумился, говоря: *како может человек родитися стар сый? Еда может второе внити в утробу матери своея и родитися,* – если, говорю, его укорил Христос, сказав: *ты еси учитель Израилев, и сих ли не веси* (Ин. 3, 3, 4, 10), при всем том, что он еще был неверующий и не знал, что есть благодать, то какого осуждения достойны мы, которые бываем учителями по явлении благодати, получаем такое богатое научение и каждодневно еще учимы бываем апостолами, пророками, отцами Церкви и Самим Господом нашим, – и не знаем таинства благодати? Если мы не знаем, как надлежит проводить настоящую жизнь, как должно обогащаться добрыми делами и являть себя рабами правды Божией, как обещавшимся безукоризненно работать живому Богу, ни того не знаем, какими надлежит нам прежде сделаться самим, чтобы потом руководствовать и других, то скажи мне, как можем мы быть достойны принять на себя попечение о Господнем стаде и охранении его? Как в таком случае возможно нам пасти его по воле Пастыреначальника Христа и уметь изводить его на присноживотные пажити? Но – о, ослепление! О, невнимание к Богу и Божественным вещам! Заткнули мы уши свои, как аспиды, и стали как мертвые, глухие, слепые, безгласные, не понимаем, что говорят Божественные Писания, и не знаем, что такое христианство. Но при всем том, что не знаем таинства воплощенного Домостроительства, не знаем точно и других христианских таин, без стыда, однако ж, беремся учить других о свете ведения. Ведение не есть

свет, но свет есть ведение, ибо в этом Свете и чрез Него и из Него все бысть. Если мы не знакомы с зрением сего света, то обнаруживаем чрез то, что мы еще не родились и не вышли на Божий свет, но находимся еще во чреве или, лучше сказать, мы – мертвородные выкидыши. А между тем без стыда восходим на священные степени; и, что хуже всего, большая часть из нас, в крайнем бесстрашии Божием, покупаем священство за деньги и ищем предстоятельства в Господнем стаде, не сделавшись еще и агнцами. И все такое делаем мы не по чему другому, как потому, что нам так хочется.

Таковы ли были, братия, апостолы? Таковы ли были преемники апостолов? Таковы ли были богоносные отцы наши и учители? Горе таковым по причине их страшной дерзости! Ибо те, которые употребляют при сем деньги и имеют в виду только деньги, не только предатели суть и святотатцы церковных вещей, но они дерзают торговать даже Божественным богатством, то есть покупать и продавать даже самую благодать Святого Духа. Почему не стыдятся говорить: наше есть вязать и решить, – и это прияли мы на сию жизнь свыше от Бога. О бесстыдство, чтоб не сказать, о крайнее безрассудство! Скажи мне, прошу тебя, ты, говорящий такие слова, за какие добродетели приял такую благодать свыше? За то ли, что оставил все и последовал Христу? Что презрел славу мира сего? Что стал нищ духом? Что продал все, что имел, и раздал то бедным? Что погубил душу свою, то есть умертвил ее для мира, и не давал ей оживать ни для какого пожела-

ния плоти? Но, говорят, ведь такова власть иереев. Знаю это и я, что она есть достояние иереев, но не просто всех иереев, а тех, которые священнодействуют евангельски с духом смирения и живут безукоризненною и добродетельною жизнью, – тех, которые прежде предали себя самих Господу и духовно представили Ему в храме тела своего чистое сердце, жертву совершенную, святую и благоугодную Господу, были приняты к вышнему жертвеннику и были принесены великим архиереем Христом Богу и Отцу, как совершенное приношение, преложились и изменились силою Духа Святого и преобразились во Христа, умершего за нас и воскресшего во славе Божества; тех, говорю, иереев, которые каются, плачут день и ночь с совершенным смирением и молят Бога со слезами не о себе только самих, но и о братиях, коих имеют в своем попечении, и о всех сущих в мире святых Церквах Божиих и много плачут о чужих грехах; тех, которые не употребляют ничего кроме необходимой пищи и ничего не делают в угождение и покой тела, но ходят, как написано, Духом и никакой похоти плотской не совершают; и тех еще, которые, ради правды и заповеди Божией, не предпочитают ни бедного, ни богатого, ни власть имеющего, ни подвластного, ни даже самого царя, равно как не презирают и не преступают заповеди Божией ни под предлогом милостыни, ни из-за даров, ни из страха или любви, ни из-за какой-либо другой вещи видимой или невидимой. Таких достояние есть вязать и решить, священнодействовать и учить, а не тех, ко-

торые принимают только от людей избрание и рукоположение. *Никтоже,* говорит Писание, *сам себе приемлет честь, но званный от Бога* (Евр. 5, 4). Не сказал: тот, кому люди подают голос и кто от людей приемлет хиротонию, но кто на это предопределен и проручествован Богом. Те, которые бывают от людей и чрез посредство людей, такие суть татие и разбойницы, как сказал Господь: *Аз есмь дверь. Вси, елико их прииде* и приходят не чрез Меня, *а прелазят инуде, татие суть и разбойницы* (Ин. 10, 9, 8, 1).

4. Не прельщайтесь же, братия мои: кто во тьме, тот за дверью; кто, кажется, вошел, но не чрез свет вошел, вне есть внутреннего двора и этот. Ибо если Христос есть дверь и свет мира, то всячески дверь световидна, а не просто только дверь есть. И тот, кто вошел в нее, вступил в свет мира. Свет же мира есть Христос – не чувственно видимый, но мысленно созерцаемый. Чувственное сие солнце просвещает телесные очи не только людей, но и бессловесных животных. А Христос, умное Солнце, явившееся в мир, просвещает только разумные души, но и их не всех без разбора и не по достоинству. Он не есть тварь или раб, определенный на служение другим, как это чувственное солнце, сияющее на праведных и неправедных, на злых и благих. Христос хотя называется Светом и Солнцем, но есть выше света и солнца, как Творец и Владыка света и солнца. Он есть Жизнь и Животворец, есть Истина, Правда и Освящение, прост, несложен, благ – есть всякое благо и превыше всякого блага. Как Истина, ко-

ею Он есть и именуется, бывает Он истиною для кающихся и обращающихся к Нему истинно; как Правда, бывает Он праведностью для возненавидевших всякое зло и неправду; как Освящение, освящает Он омывших и очистивших себя слезами; как простой, простым обретается Он в тех, кои не кроют в себе никакого лукавства или злобы; как несложный, несложным является Он в тех, которые не имеют никакого злоухищрения, или двоеумия, или двоедушия, или безверия душевного; как благий, благим открывается Он в тех, которые духовных дел покаяния не стесняют делами телесными или мирскими заботами и хлопотами и не мешают мирского с духовным, но приступают к Нему в незлобии, обнаженными и простыми в настроении сердца и произволении души, коих простоту и непытливость приемлет Бог и в короткое время наполняет их всяким добром, и как только откроется и явится в них, тотчас делает их причастниками таких благ, которые превосходят всякий ум и всякое помышление.

Кто же может узнать таковых, если и есть они во времена сии? Их узнает тот, кто просвещен свыше благодатию Святого Духа. Но кто говорит: я не знаю таковых, а принимаю свидетельство других и на основании их рукополагаю, таковой да ведает, что если при таком порядке впустит он волка в стадо Христово, то, хотя это будет учинено несознательно, но все же он виновен во вреде, причиненном стаду Христову. Скажет иной: кто ж его знает, что он волк? И я ведь человек и не могу знать, что кроется в сердце каждого. Но ес-

ли кто не слеп сам, то нет ему возможности не узнать такого человека. Ибо кто, имея глаза, не различит овцы от волка и татя от пастыря? Если же кто в самом деле слеп для этого, то пусть поищет руководителя, а лучше пусть совсем отстанет от такого дела, чтоб ни самому не быть руководителем других, ни другого не поставлять руководителем их, хотя бы целый мир свидетельствовал, что он достоин. Кто смотрит и слушает духовно, тот, увидав человека и поговорив с ним несколько раз, усматривает самую душу его, то есть познает, какова она и в каком состоянии находится; даже по виду лица его узнает, сподобился ли он приять Духа Святого. Если же он, хотя приял благодать, но не совершен еще в благодати и не сделался боговидным, то тот, духовный, смотрящий на него и беседующий с ним, узнает это по словам его; как сказал и Владыка наш Христос: *от плод их познаете их* (Мф. 7, 16). Как древо познается по плоду его, так и человек, что он за человек, познается из слов его.

Познается, впрочем, это от тех, у которых самих здравы ум и чувства душевные. Ибо не таковые не имеют чувств и рассуждения для различения даже дел человеческих.

Почему, видя постящегося по тщеславию, хвалят его, а того, кто принимает пищу, как обычно, но со смирением, осуждают; того опять, который воздерживается со смирением, почитают лицемером, а того, который ест по чревоугодию, почитают простым и нелукавым, любя и сами часто с ним есть, чтобы поблажать страстям своим. Также о тех, ко-

торые притворяются дурачками, говорят безвременно смешные слова, принимают нелепые положения и подвигают других на смех, думают, что они такими видами шутливыми и словами неуместными скрывают свою добродетель и бесстрастие, и почитают как бесстрастных и святых; а тех, которые ведут себя благоговейно и добродетельно в простоте сердца, пропускают без внимания, почитая их за людей зарядных. Есть и такие, которые человека говорливого и показливого почитают учительным и духовным, а от человека молчаливого, блюдущегося от празднословия, отвращаются, как от высокоумного и горделивого, и более соблазняются его малословием, чем назидаются, тогда как того, кто изворотлив на словах от начитанности или многого учения, хотя он говорит иное лживо во вред спасению их, хвалят и любят много. И нет между такими никого, кто бы мог добре видеть и различать вещи, как они есть воистину.

Ибо кто слеп на одно, тот слеп и на все, равно как кто глух на одно, глух и на все. Не бывает так, чтобы слепой одно видел, а другого не видел или чтобы глухой голос одного слышал, а другого не слышал. Но как у слепого, так и у глухого обыкновенно зрение и слух бывают вполне повреждены. То же бывает и в отношении к духовной жизни, что человек, не имеющий чувства в отношении к одному, не имеет его и в отношении ко всему того же рода; и наоборот, кто имеет чувство к одному, то есть к Богу, тот имеет чувство и ко всему Божескому и чувствует, кто каков есть в сем отношении.

Будучи в Боге, он в Нем видит и все – видит себя самого, других и все прочее. У кого открылись духовные чувства, так что он умеет и видеть, и слышать, и чувствовать духовно, тот разумеет, о чем здесь говорится; а кто не разумеет, у того явно не здравы, а повреждены чувства душевные. Находясь в таком состоянии, он и не разумеет, но приложися скотом несмысленным и уподобися им. Уподобившийся же бессловесным животным, если не обратится, не покается и не придет опять в прежнее достоинство, по благодати, стяжанной нам Владыкою и Господом нашим Иисусом Христом, Сыном Божиим, чрез воплощенное Его Домостроительство, – таким и пребудет. Ибо престать ему быть таковым иначе нельзя, как облекшись в образ Христа Господа. Кто есть яко скот несмысленный, тот еще не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, небесного человека и Бога; и поелику не облекся еще в Него с чувством и ведением духовным, то он есть еще кровь и плоть и не может приять чувства духовной славы посредством слова, как и те, которые слепы от рождения, не могут мысленно представить света солнечного по одним словам о нем. Посему будем умолять Бога, да откроет Он очи души нашей, чтоб увидеть нам умный оный свет в себе самих и тако прославлять Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь.

Слово восьмидесятое

1. О том, какое ведение есть истинное ведение, и о том, что ведение Бога в добродетельных не от учения происходит, но от чистоты души и от Божественной благодати.

2. Что осуждение есть худое дело.

3. Обличение тех, которые думают, что знают тайны Духа, не имея благодати Духа.

4. О святости Духа.

5. Коль блага вера, какой плод ее, и как он множится.

6. Которые имеют сокровище Духа в себе, узнают, когда оно есть и в других, и знают, какие отличительные признаки святых.

7. Кто не родился свыше, тот не может видеть Бога и узнать того, кто достиг сего благодатию Духа Святого.

1. Ныне такое время, в которое прилично сказать с пророком Давидом: *Господь с небесе приниче на сыны человеческия, видети, аще есть разумеваяй или взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупе неключими быша: несть творяй благостыню, несть до единаго* (Пс. 13, 2–3). *Где премудр? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обуи ли Бог премудрость века сего* (1 Кор. 1, 20), чтобы никто не мог посредством ее познавать истинную премудрость, Бога единого ис-

тинно сущего? Ибо если б, братия, могло нам подаваться познание истинной премудрости и Боговедения посредством письмени, обучения и внешней премудрости, то для чего бы требовалась вера? Или Божественное крещение? Или Причастие Святых Таин? Конечно, не требовались бы. Но *понеже не разуме мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих* (1 Кор. 1, 21). И это говорит божественный Павел. Я же справедливо могу плакать и рыдать о сокрушении собственных моих членов, то есть плотских и духовных братий моих, о том, что мы, облекшиеся во Христа в Божественном крещении, ни во что вменяя тайны Христовы, думаем, что можем получить познание истины Божией посредством внешней премудрости и посредством одного чтения премудрых писаний святых мужей, в котором упражняемся, и, довольствуясь этими одними средствами, почитаем себя постигшими Православие и имеющими точное и твердое познание Пресвятой Троицы, – и не только об этом, но что и более почтенные пред другими люди неразумно полагают, будто те мысли, какие они слагают в уме своем, суть созерцания такого же достоинства, как и те, которые подаются достойным только через озарение Духа Святого. Увы! Какое безумие и какое ослепление! Другие, опять без чистоты сердечной углубляясь умом своим в тайны Бога и богословствуя, когда услышат о Боге, что как в трех солнцах единое есть сияние света, так и в Пресвятой Троице – едино сияние единого Божества, тотчас воображают в уме

в своем три солнца, соединенные по свету, то есть по существу, и разделенные по ипостасям, и полагают несмысленно, что они видят так Самое Божество и что Святая, Единосущная и Нераздельная Троица полно выражается сим уподоблением.

Но не так есть, братия, не так. Никто не может добре и полно постигнуть умом и выразить словом догмат о Пресвятой Троице, сколько ни читай он Божественные Писания. Истинно верующий и не берется за это; но, приемля с верою написанное, в том одном пребывает, ничего более не пытая, и кроме написанного и того, чему научен, совершенно ничего другого не может он сказать пытливым и самонадеянно дерзающим исследовать Божественное. Что такое слово мое истинно, послушай, что говорит Христос Господь: *никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* (Мф. 11, 27). Этими словами и другими подобными заграждаются бесстыжие и бездверные уста тех, которые говорят и думают, что знают сущую Истину, Самого, говорю, Бога, из внешней мудрости и из письмен изучаемых, и что сими средствами они стяжевают познание сокровенных таин Божиих, которые открываются только Духом. Ибо если *никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* глубины сии и сии тайны (ибо, говорит, тайны Мои Мне и Моим), то кто из мудрых, или риторов, или ученых (кроме тех, которые при сем очистили ум

свой высшей философией и подвижничеством и имеют душевные чувства свои истинно обученными) может без откровения свыше от Господа одною человеческою мудростью познать сокровенные тайны Божии? Они открываются посредством умного созерцания, действуемого Божественным Духом, в тех, коим дано и всегда дается познавать их Божественною благодатию. Знание сих таин есть достояние тех людей, которых ум каждодневно просвещается Духом Святым ради чистоты душ их; тех, коих умные очи добре открыты действием лучей Солнца правды; тех, коим дано Духом Святым слово разума и слово премудрости; тех, кои сохраняют совесть и страх Божий посредством любви, мира, благости, милосердия, воздержания и веры. Вот чье достояние есть ведение Божественного!

Тем, кои таковы, говорит Христос, как сказал и апостолам: *вам дано есть ведати тайны Царствия Божия, прочим же в притчах* (Лк. 8, 10). Они, движимы будучи Божественным Духом, знают равночестие и единение, которое имеет Сын со Отцом, так как видят во Отце Сына и в Сыне Отца через Духа, как написано в Евангелии: *Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 10), причем подразумевается, что и Дух Святой равно есть во Отце. Ибо так как Дух Святой исходит от Отца, Отец же весь есть во всем Сыне, то и Дух Святой есть во Отце и Сыне. Отец и Сын и Дух Святой есть един Бог, поклоняемый от всякого дыхания. Как же можно тебе говорить, что едино три солнца? Ибо если ты их соединишь и

скажешь, что три одно, то три объединятся и будут в одно солнце. Если же не соединишь их, а скажешь, что их три, то потеряешь единство трех. Отца без Сына и Духа невозможно тебе найти никоим образом, ни Сына без Отца и Духа, ни Духа без Отца и Сына. Почему веруй, что в Духе Отец и Сын, в Сыне Отец и Дух, во Отце Сын, соприсносущно всегда Сущий и пребывающий и имеющий сияющим вместе с Собою Духа Святого. Эти три Лица не суть три Бога, но един Бог, в трех ипостасях воспеваемый бесчисленными Ангелами, сый и присносый и такожде сый, в едином со-сущии, и царствии, и Божестве. Ибо хотя в каждом из трех Лиц помышляются срасленные им личные особности (нерожденность, рожденность и исходность), однако ж три Лица един Бог и едино, то есть един Бог – три, чему невозможно быть в трех солнцах.

2. Хотел бы я представить какой-нибудь пример, чтоб несколько прояснить мысль сказанного тем, кои с самоуверенностью хвалятся, что знают Божественное посредством одного лжеименного разума и без благодати Святого Духа, испытующего глубины и тайны Бога, но боюсь Бога, Который повелел не давать святого бесстыдным и дерзким и не бросать бисера пред теми, которые Божественное ставят наравне с заурядными и нечестивыми вещами и некоторым образом попирают и бесчестят его своими низкими и земными помышлениями о нем и своими пытливыми душами, каковых ум ослепил Бог, как говорит пророк: и омрачи сердце их, *да видяще не видят и слышаще не разумеют* (Ис. 6,

9-10). И праведно. Так как они сделали себя недостойными (Божия водительства) своей гордостью и своими злыми делами, то и оставлены Богом ходить во тьме неверия и собственной худости своей, как говорит Он через пророка Давида: *и отпустих я по начинанием сердец их, пойдут в начинаниях своих* (Пс. 80, 13). Имея пред собою столь много примеров исполнения заповедей Божиих (которые совершив делами, святые отцы предложили нам, верным, в подражание их добродетели), они не хотели подумать о них и подражать святым отцам, но делают все противное им и осуждают их и жизнь их, коею подвизались они по Богу, говоря, что жизнь их не по Богу. Таковые, говорю, не только недостойны Божественного ведения, как сыны противления и погибели, но повинны всякому осуждению и наказанию. Потому что, забыв себя искушать, аще суть в вере, пытают стороннее и исследуют необдуманно то, что выше сил их, не боясь Бога, Который повелевает: *не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам* (Мф. 7, 1–2), – и не уважая наставлений ученика Христова Павла, который говорит: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоит или падает* (Рим. 14, 4). Как же можно признать таковых верными и христианами, когда они преслушают и оставляют словеса Христа Господа и святых Его апостолов, не соблюдают законоположений, которые постановил Он и ученики Его, и не идут по стопам Учителя нашего Христа и не последуют Ему? Как возможно увидеть свет заповедей тем, которые яв-

но преступают сии Божественные заповеди? Нет, это невозможно.

Да не прельщает вас, братия, никто суетным учением, говорит апостол (Кол. 2, 8, 18). Братиями нас называет божественный апостол по причине возрождения и духовного родства, которое имеем мы с ним в силу Божественного крещения. Но по делам нашим, как вижу, мы далеко отчуждились от братства святым. И это я хочу представить самыми примерами, или, лучше сказать, самые дела наши и слова обличают нас в этом. С сею целью, обращая вопросы мои как бы к одному лицу, говорю: отвергся ли ты мира и всего мирского, брате? Сделался ли нестяжательным, послушным, чуждым своей воли? Стяжал ли кротость и смирение? Преуспел ли в посте, молитве и бдении? Достиг ли совершенной любви к Богу и ближнего имеешь ли как самого себя? Молишься ли со слезами и от всей души о тех, которые тебя ненавидят, онеправдывают и вражески относятся к тебе, да будут прощены им такие согрешения их? Взошел ли ты на такую высоту добродетелей или еще нет? Скажи мне. Если стыдишься сказать «нет» и опять по смиренномудрию не хочешь сказать «да», то я напомяну еще тебе, брате, о подобающем и покажу, какими делами и исправностями восходит на такую высоту добродетелей всякий истинный подвижник, подвизающийся с истинным знанием дела и с сильною ревностью о святости. Итак, говорю: если из всего сказанного ты достиг того, что возлюбил врагов своих и многократно плакал о них

от сердца, молясь Богу об обращении их и покаянии, то явно, что ты преуспел прежде и во всем прочем, – то есть подвигами, тобою подъятыми, сделался бесстрастным, стяжал сердце, чистое от страстей, и в нем и им узрел Бога бесстрастного. Ибо иным путем нельзя дойти до того, чтобы молиться за врагов своих с расположением к ним сердца и любовию, как очистившись наперед от всякой скверны плоти и духа через соединение с Богом содействием Всеблагого Духа.

Итак, если благодатию Спасителя Бога достиг ты, брате, до сего, вместе с благостию и смирением, то для чего не веришь, что и сподвижники твои достигли того же, или, веря, завидуешь им, осуждаешь их и оклеветываешь, чтоб развеять доброе о них мнение? Не знаешь разве, что делатели, вступившие в виноградник на работу с первого часа дня, за то, что позавидовали пришедшим в одиннадцатый час и получившим одинаковую с ними награду, ввержены в огнь кромешный? Как же ты, делая и говоря то же или и хуже того против святых, коих добродетельная жизнь и ведение сияют, как солнце, думаешь, что не будешь осужден на такое же или еще худшее наказание и мучение? Или не знаешь, что святые никогда не завидуют святым? Ибо где зависть, там живет и отец зависти, диавол, а не Бог любви. Почему, если имеешь в себе зависть, то как думаешь, что ты свят, – ты, которого не признает даже верным или христианином любовь Бога и брата твоего? А что так есть воистину, что тот, кто имеет зависть, имеет диавола и не может быть Христовым, потому

что не имеет любви к брату, это явно для всякого, слушающего Божественные Писания.

3. Если же ты не удостоился еще приять такие дары и не достиг в такую меру боготворных добродетелей, то как дерзаешь отверзать уста свои и говорить? Как берешься учить, сам имея нужду в оглашении и научении от других? Как покушаешься совопросничать о том, чего не знаешь и о чем не слыхал? И как дерзаешь вступать в беседу о таких высоких предметах, будто человек, знающий Божественное? Или не знаешь, что тебе следует стоять за дверьми церкви, как оглашенному, а ты по дерзости своей стоишь вместе с другими верными, чистыми, молящимися внутри церкви, преступая апостольские правила? Ибо оглашенным следует называть не только неверного, но и всякого, кто не зрит славы Господа откровенным лицом ума своего. Я, впрочем, плачу о твоем невежестве, что ты совсем не веришь, чтоб ныне был кто-нибудь такой святой, как древние; между тем, сопричисляя себя к массе людей, как заурядный к заурядным, в то же время, как бы некий святой и богоносный муж, говорящий Духом Святым, берешься изъяснять то, к чему понужден словами моими, хотя сознался, что совсем не знаешь того. Теперь спрошу тебя: то, о чем сказал ты, что не видел того, не слышал и не удостоился приять в душу свою, это, говорю, как не стыдишься ты изъяснять и истолковывать, как бы познавший то от Духа Святого?

4. Ибо если ты не сделался бесстрастным, если не удосто-

ился приять Духа Святого, если ты еще не святой, то как говоришь, что знаешь тайны Духа, как бы был святой, – тайны, о коих написано, что око не видало, ухо не слыхало и на сердце человека перстного не всходило, что за блага, которые уготовал Бог любящим Его? Ибо они открываются Богом благодатию Святого Духа тем, кои сделались причастны святыни Духа, да ведают, какие Божественные дары подаются достойным, как говорит божественный Павел; мы *не духа мира сего прияхом, но Духа Иже от Бога, да вемы яже от Бога дарованная нам. Дух бо вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. 2, 12, 10). Через Него открылся и познался нам, грешникам сущим и смиренным, Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и Бога великого, в Самом Христе Боге, – Бог, *Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. 6, 16). *Бог, рекий из тмы свету возсияти,* Он же Самый *возсия и в сердцах наших* (2 Кор. 4, 6). То есть совершенно неописанный и необъемлемый приемлется как сокровище в скудельные сосуды тел наших; и не имеющий образа и вида образуется в нас, исполняя все неописанно, яко сый превыше всякого величия и всякой полноты. То, что Бог образуется в нас, что другое есть, как не то, что Он перетворяет, воссозидает и преображает нас по образу Божества Своего?

5. Таков был и Симеон Благоговейный, подвизавшийся в Студийской обители, как мы знаем и как удостоверились в этом опытно.

Ибо мы на проявлениях Духа, бывшего в нем, основали веру свою в него, хранимую неизменно и доселе, или, лучше сказать, возжгли от света его, как некую лампаду, светильник души нашей, который и блюдем неугасимым, сами хранимы будучи его молитвами и ходатайствами о нас, которыми напаяема будучи, душа наша умножает веру в него и еще (дерзая о Господе говорю) будет умножать, Богу содействующу, да приносит стократный плод от сего Божественного света. Плод веры есть святой и невечерний свет; свет же святой, в свою очередь, прилагает и умножает веру. Насколько сильнее воссиявает свет, настолько возрастает вера и восходит на высоту. И опять, насколько возрастает вера, настолько множится явно плод Духа; плод же Духа есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. Имеющий такие плоды знает их добре. Ибо как тот, кто имеет маргариты и камни драгоценные, сапфиры, говорю, аметисты и другие подобные, знает (если приобрел опытность в том) вид и величину каждого, так и тот, кто насадил в себе добродетели и возрастил плоды Духа, знает и вид, и силу каждого из них и наслаждается сладостью всех их.

6. И, что всего дивнее, верно узнает, когда тот плод, который в нем есть, есть и в других. Ибо как народы распознаются по одеждам их, особенно же по голосу и языку, так и святые познаются по тому, как благочестно и благообразно они себя держат, и по другим внешним признакам; но осо-

бенный и решительно верный признак их есть слово, исходящее из уст их. Ибо чего нет в сердце, того не могут изнести уста; если же и берется кто изнести то, тотчас обличается собственными своими словами, что говорит недобре. *Благий человек,* говорит Господь, *от благаго сокровища сердца своего износит благая: и лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая* (Мф. 12, 35). И смотри, какие глубины Духа! Не сказал Господь только, что от благого сердца износит, но сказал: *от благаго сокровища серд ца,* чтоб ты познал из сего, что никто из нас не может иметь сердце пустым, но что всякий имеет в сердце своем одно из двух: или благодать Духа Святого посредством веры и добрых дел, или лукавого диавола за неверие, нерадение о заповедях Божиих и делание злых дел. Чтоб ты не подумал, будто Господь говорит, что имеют сокровище Святого Духа и те, которые исполняют некоторые только заповеди Божии, а не все со всею точностью, Он сказал в другом месте: *имеяй заповеди Моя* (разумеется, все) *и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам;* и прибавил: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21, 23).

Видишь, как тот, кто стяжал благое сердце трудами и деланием заповедей, имеет в себе все Божество, которое есть благое сокровище? А что сокровище сие не обитает в том, кто преступает или нерадит хоть об одной какой заповеди,

даже малейшей, и не исполняет ее, – слушай, что еще говорит Он: *иже аще разорит едину заповедей сих малъа и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Меньшими или малейшими назвал Господь заповеди не потому, чтоб они в самом деле были таковы, но потому, что мы почитаем их такими. Попраздесловить, например, или пожелать, елика суть брата нашего, или посмотреть страстно, или презреть и осудить кого – все это и подобное сему почитаем мы за ничто, имеем малейшим и последнейшим, почему нерадим и относимся к тому безразлично, не остерегаемся того и никакого о том понятия не имеем; потому что забыли, какой строгий суд произносит Господь о таких делах, говоря: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день Судный* (Мф. 12, 36); еще: *не пожелай, елика суть ближняго твоего* (Втор. 5, 21); еще: *иже воззрит… ко еже вожделети… уже любодействова* (Мф. 5, 28); и еще: *иже речет брату своему: рака, повинен есть сонмищу; а иже речет: уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. 5, 22). И апостол, желая показать, что диавол действует в тех, кои делают такие дела, говорит: *жало смерти грех* (1 Кор. 15, 56). Ибо если грех есть не что иное, как преступление заповеди Божией, а – не пожелай, не лги, не празднословь и не осуждай брата своего есть заповедь Божия, то явно, что всякий, творящий такие дела, уязвляется жалом смерти, то есть грехом; сквозь же эту язвину и ужаление греха тотчас, как червь, входит диавол и живет там

внутри. Видишь ли, как те, которые не сделали сердец своих чистыми посредством слез и покаяния, имеют живущим внутрь себя диавола, который есть злое сокровище?

Так-то благой человек из благого сокровища сердца своего износит благое, а злой – злое. Но истинное покаяние с исповедью и слезами, как некиими пластырями и лекарствами, омывает и очищает рану сердца и самую язвину, какую до сердца открыло жало мысленной смерти, потом извлекает вон червя, который сделал себе внутри нору и жил там, и убивает его, наконец залечивает рану и место ее делает совершенно здоровым, так что даже и следа ее не остается. Это, сказанное мною, знают, как происходит в них, только те, которые имеют сердце, ищущие здравия притрудно, со слезами и покаянием. А прочие чувствуют даже удовольствие от таких язв и нарочно их растравляют, стараясь прибавлять к ним и другие раны. Они то только и считают здоровьем, когда удовлетворяют всякую страсть и всякую похоть свою, – даже величаются, когда делают какой грех срамный, срамоту такую вменяя себе в славу. Почему же они так превратно действуют? Потому что не знают духовного утешения и радости, какие приносит совершенное очищение сердца, или, лучше сказать, потому что совершенно не верят сему и держат убеждение, что невозможно человеку совершенно очиститься от страстей и приять в себя полное действо Духа Святого. Вследствие сего они и говорят и делают всегда то, что противно спасению их, а через это и сами себе затворя-

ют двери в Царствие Небесное, и другим желающим препятствуют войти в него. Если случится им услышать где о комлибо, что он, подвизаясь как следует в заповедях Господних, стал смирен в сердце и в мудровании своем, очистился от страстей и всем проповедует дивные милости Божии, какие явил над ним Бог по неложным обетованиям Своим, – или его самого услышат говорящим на пользу слушающих, как удостоился он увидеть свет Божий и Самого Бога во свете славы и как разумно познал в себе присутствие и действие Духа Святого и стал одеян благодатию Духа Святого; если, говорю, услышат они сие, тотчас, как псы разъяренные, начинают лаять против него, покушаясь, если возможно, и совсем пожрать его, говоря ему: перестань, прельщенне и горделиве! Кто в теперешнее время может сделаться таким, каковы были древние отцы? Или кто может видеть Бога, хотя мало некако? Кто может получить благодать Святого Духа в таком обилии, чтоб ради ее сподобился увидеть Отца и Сына? Перестань, чтоб не быть тебе побиту камнями.

Таковым, мне кажется, я должен достойно ответить, как того требует невежество их, следуя наставлению Соломона: *Не отвещай безумному по безумию его, да не подобен ему будеши: но отвещай безумному по безумию его, да не явится мудр у себе* (Притч. 26, 4, 5). О братия! Из вас действительно никто, как говорите, не видел Бога; но из тех, которые самоохотно взяли на себя крест Господень и потекли тесным путем, готовы будучи и душу свою погубить за живот вечный,

из этих многие видели Бога, и прежде и теперь, как думаю, многие видят Его, и всякий может увидеть Его, если возжелает сего и устремится к сему как должно; только вы, по развращению сердца вашего и по зависти, не можете видеть таких людей. Слушай, что говорит евангелист Иоанн: *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его: иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася* (Ин. 1, 12, 13).

7. Итак, если ты не родился от Бога, то явно, что ты и не чадо Его. Ты не приял еще Его и не имеешь внутрь себя. Почему Он не дал тебе области и ты не можешь быть чадом Божиим. Если же ты не сделался еще чадом Божиим, то как возможно тебе видеть небесного Бога, яко отца своего? Никто никогда не видел отца своего прежде, чем родился от него; и никто из людей не увидит Бога, если прежде не родится от Него. Посему-то Господь и говорил: *аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия* (Ин. 3, 3). И еще: *рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть* (Ин. 3, 6). Но ты, поелику родился только от плоти и не познал еще духовного рождения, которое бывает от Святого Духа, то не родился от Него, не сделался и сам духом. Итак, как же можешь ты испытывать глубины Божии или, лучше сказать, видеть Бога? Всеконечно не можешь. Ты сам, и не хотя, признаешь это истинным. Ибо видишь, что говорит Господь? Но ты таков ли? И по чему узнать нам, что ты таков? Я не могу сказать, что я таков, без благодати Бо-

жией. Но полагаю, что ни сам апостол Павел, ни Иоанн не могут сказать это, и я болезную о душевном ослеплении тех, которые говорят это и тут же ищут узнать, как познается тот, кто достиг в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова.

Впрочем, если хочешь узнать, я скажу тебе как: так, как слепые узнают других людей, как Исаак признавал сына своего Иакова, хотя он был наряжен так, чтоб походил на брата своего Исава. Все вы знаете, что Исаак был в недоумении и говорил: руки – руки Исава, а голос – голос Иакова. Хитрости подряжения он не мог узнать, потому что был слеп, а обычный голос сына своего Иакова узнал. Если б он был глух, то не мог бы и голоса его узнать. Так и вы, – кто бы вы ни были, изумляющиеся подобным образом, как можете узнать мужа духовного, если вы не только слепы, но и глухи? Невозможно это для вас. А что это истинно, что те, которые не видят духовно, не могут и слышать духовно, послушай, что говорит Господь неверным иудеям: *почто беседы моея не разумеете? Яко не можете слышати словесе моего.* И еще немного ниже: *иже есть от Бога, глаголов Божиих послушает: сего ради вы не послушаете, яко несте от Бога. Вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хощете творити* (Ин. 8, 43, 47, 44). Итак, если и вы, по причине неверия и лукавства своего, по причине нерадения и преступления заповедей Божиих, плоть есте, – разумею, если одебелели сердцем и имеете слух и око душевные заклю-

ченными и ум покрытым страстьми, то как можете познать духовного и святого мужа?

Но, о, братия мои и отцы! Умоляю, да восподвизается каждый из нас сначала познать себя самого, дабы потом иметь возможность иной раз от того, что в меру нашу, познать и то, что выше нас. Ибо кто не познал прежде себя самого так, чтоб мог с Давидом говорить: *аз есмь червь, а не человек* (Пс. 21, 7), и с Авраамом: *аз есмь земля и пепел* (Быт. 18, 27), тот никак не может познать что-либо из духовного и Божественного духовно и достойно и как подобает вышеестественному и премудрому Духу. Никто да не прельщает вас суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать Божественные тайны веры нашей без научения и просвещения Святого Духа. Приятелищем же даров Духа никто не может быть без кротости и смирения. Почему надлежит всем нам всенепременно прежде всего положить твердое и непоколебимое основание веры во глубинах души нашей; потом на сем основании создать дом внутреннего благочестия души, устроив стены его высоко и крепко из разных видов добродетелей. Когда таким образом ограждена будет душа со всех сторон, как стенами, и когда в ней водрузится и укоренится всякая добродетель, тогда возложим на сие здание и кровлю, которая есть ведение Бога, – и дом Духа будет у нас всецело и совершенно готов.

Ибо когда душа очистится слезами соответственно являемому ею покаянию и исполнению заповедей, тогда человек,

во-первых, удостоивается благодатию Духа познать свое состояние и всего себя; потом, после тщательного и долговременного очищения сердца и укоренения глубокого смирения, начинает он мало-помалу и некоторым образом примрачно постигать яже о Боге и Божественных вещах; и чем больше постигает, тем паче дивится и стяжевает вящшее смирение, думая о себе, что совсем недостоин познания и откровения таких тайн. Почему, блюдомый таким смирением, как бы находясь за крепкими стенами, пребывает он неуязвимым от помыслов тщеславия, хотя каждодневно растет в вере, надежде и любви к Богу и ясно видит преспеяние свое, являющееся в приложении ведения к ведению и добродетели к добродетели. Когда же достигнет наконец в меру возраста исполнения Христова и истинно стяжет ум Христов и Самого Христа, тогда приходит в такое доброе состояние смирения, в коем уверен бывает, что не знает, имеет ли что-либо в себе доброе, и почитает себя рабом неключимым и ничтожным. И то наипаче дивно и вышеестественно, что он держит на сердце, что во всем мире нет ни одного человека, который был бы ниже и грешнее его. Как доходит он до такого убеждения и как удерживает его, не могу сказать. Одно только мог я понять в этом, что есть прехвальная добродетель смирения. Когда душа придет в такое доброе состояние и ум ее силою Духа о Христе Боге погрузится во глубину смирения и забудет мир и все, что в мире, помышляя только о себе и своем, так что это обратится в постоянный навык и настрое-

ние неизменное, тогда она видит себя крайне уничиженною и бедною и убеждается, что между всеми людьми мира нет никого другого столь ничтожного, как она. Таким образом, чем более кто имеет себя в чувстве души беднейшим и нижайшим всех людей, тем он бывает первее и выше всех людей, как определяет Господь и Бог наш: *иже хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга* (Мф. 20, 26). Станем же и мы, братия, подвизаться, чтоб прийти в такой чин и состояние; тогда и мы будем в состоянии легко узнавать святых, достигших сей меры, и улучим и настоящие и будущие блага, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово восемьдесят первое

1. О духовном делании.
2. Каково было это делание у древних святых?
3. Как можно и нам преуспевать в нем?

1. Поелику иные люди высокое имеют о себе мнение (которого куда бы лучше было им не иметь) и почитают себя подобными древним святым и богоносным отцам нашим по ведению, делам и совершенству, будто стяжавшие такую же благодать Святого Духа, какой сподобились и те, между тем как выставляют себя такими только на словах без дел, прельщены будучи духом самомнения и тщеславия, то я счел благословным сказать в простоте несколько слов об этом по заповеди Божией, которая гласит: *и ты обращся, утверди братию твою* (Лк. 22, 32) и по любви, какую Христос повелел нам иметь к ближним своим. Хочешь, брате, слышать, что делали святые и богоносные отцы наши, сидя в келлиях своих? Читай жития их и изучи прежде сам ты их телесное делание, а потом и я открою тебе, какое духовное проходили они делание. Ибо писавшие жития их описывали более телесные (видимые) их дела, как то: ничего неимение, пост, воздержание, терпение и прочее, чтоб не пересказывать все и не удлинять тем слова; духовное же их делание они лишь несколько давали видеть посредством телесных дел их как в

зеркале; так что познать и уразуметь, каких сподобились они дарований духовных, могут только те, которые, подобно им, подъемлют труды и подвиги, и такими делами являя веру, подобную их вере, чают сделаться причастниками и дарований их. Те же, которые не подражают подвигам их, ничего не уразумеют о духовных их делах. Впрочем, поелику мы в такое пришли неразумие, что почитаем себя имеющими такую же благодать Духа, какую имели древние, не делая, однако ж, дел, которые они делали, то исследуем этот предмет и, удостоверясь в том, как все бывает, из духовных дел отцов, восподвизаемся подражать им, хотя и не можем надеяться достигнуть в меру их.

2. Итак, что делал Антоний Великий, когда уединенно жил в гробнице, и притом тогда, как не знал еще в совершенстве духовного делания? Не заключился ли он в гробнице так, как мертвый? Имел ли с собою хоть что-либо из вещей мира и заботился ли сам о себе хоть сколько-нибудь? Не умер ли он весь и всецело для мира и не искал ли единого Бога, могущего даровать ему жизнь и воскресение? Не довольствовался ли он одним хлебом и водою? Не выносил ли он мужественно всякое зло от демонов, хотя они так сильно нападали на него, что однажды он остался полумертвым от побоев их? Когда же принесли его по сему случаю в церковь как мертвого и пошевелиться не могшего, то он, пришедши в себя, не возвратился ли назад и не выступил ли опять небоязненно против врагов своих один? Простое буд-

то это действие, а между тем сколь оно было важно! Ибо если б он не возвратился к врагам своим, а остался в мире, и если б он, решась таким образом терпеть до конца, не предал себя произвольно на смерть со всею готовностью, то не удостоился бы увидеть превожделенное лицо Христа Господа и услышать сладчайший глас Его. Но как он взыскал вседушно, толкал всеусердно, претерпел до конца, то и получил достойную терпения своего награду. Ибо, как я сказал, он умер произволением для всего, любве ради Христовы, и сидел на уединении, как мертвый, пока не пришел Христос, животворящий мертвых, не извел его из ада, то есть из душевной тьмы, и не ввел в чудный свет лица Своего, который узрев, Антоний освободился от всякой скорбности и, преисполнясь радости, воззвал: Господи! Где же был Ты доселе?! Словами «Где был Ты, Господи?» – он показал, что не знал, где был Господь; тем же, что сказал «доселе», показал он, что теперь увидел, восчувствовал и познал присутствие Христа Господа. Итак, если мы не хотим отрещися мира таким же образом и не произволяем терпеть подобно святому Антонию, то как возможно нам удостоиться увидеть Бога благодатию Духа Святого и преисполниться радости духовной, подобно ему? Нет, никак это невозможно.

Вот и Арсений Великий, тотчас как возненавидел мир, что сделал? Не оставил ли царских палат, и царей, и слуг, и всего богатства своего и не пошел ли в монастырь один, как какой-либо бедный и нищий, всячески стараясь, чтоб не

узнали, чем он был, во избежание славы и хвалений человеческих и в стяжание славы пред Богом? Что же? Удовольствовался ли он этим одним? Нет; но что сделал? Не потерпел, чтоб его ставили наравне с бедными оными подвижниками, как нищего и презренного, но смотрел на себя как на пса. Ибо когда игумен для испытания его бросил ему кусок хлеба и хлеб упал на землю, то благословенный сей и сам бросился наземь и пошел к хлебу, подобно четвероногому, на руках и ногах, но и дошедши до него, не руками взял его, а зубами, как делают псы, и съел. Потом, когда сидел в келлии, не только терпеливо трудился над рукоделием, к которому совсем не имел привычки, но и так вел дело, что на нужды свои истрачивал гораздо менее, нежели сколько получал от рукоделия, и пил воду, уже попортившуюся. К тому же и когда работал рукоделье, и когда молился, всегда плакал и обливался слезами, на молитве простаивал с вечера до рассвета и до конца жизни терпел бедность и нищету. Для чего? Для того, чтобы увидеть и испытать и самому то же, что сподобился увидеть и испытать великий Антоний. Но как же, спросишь, о нем не написано, что он видел Христа? Уж в самом деле, может быть, он не подъял таких подвигов, какие подъял святой Антоний; или хоть подъял такие подвиги, однако ж Бога увидеть не сподобился? Нет, не так. И он сподобился увидеть Бога, так же, как и великий Антоний; но тот, кто писал его житие, не сказал этого явно. Если желаешь в этом удостовериться, прочитай главы, написанные Арсени-

ем Великим, и узнаешь из них, что и он видел Бога.

3. Итак, кто подражает святым делами своими и подвигами, тот, наверное, сподобится получить и равную благодать. И сие так же верно, как верно то, что никто из святых отцов ни прежде приятия благодати Святого Духа, ни по приятии оной не мог выйти из омрачения душевного и увидеть свет Святого Духа без трудов, подвигов и потов, без самопринуждения, самоутеснения и прискорбности. Ибо нудно есть Царствие Небесное и нуждницы восхищают его, так как многими скорбьми подобает внити в него (Мф. 11, 12; Деян. 14, 22). Царствие сие есть благодать Святого Духа, как показывает сказанное Господом слово: Царствие Божие внутрь вас есть (Лк. 17, 21), чтоб мы восподвизались приять и иметь в себе Духа Святого. Итак, которые чуждаются всегдашнего самопринуждения, самоозлобления и самостеснения, произвольной нищеты и самоохотных лишений, такие пусть не говорят, что имеют в себе Духа Святого. Ибо без трудов, потов и болезненных подвигов в добродетелях никому не дается сей небесный дар. Почему истину выражает общее присловие, которое гласит: покажи дела и ищи наград.

Я знаю человека, который, почитавши Божественных Писаний в правоте помышлений и простоте души и бденно помолившись несколько дней и ночей без особых каких-либо трудов и подвигов, такого сильного сподобился просвещения от благодати Святого Духа, что ему показалось, будто он находится вне тела, вне дома, вне сего мира. Была ночь, когда

он увидел этот свет – и вдруг стало светло, как в полный день. Но как он получил такое богатство без труда, то скоро стал и небречь о нем, впал в нерадение и лишился всего оного богатства – и до такой степени, что совсем даже из памяти у него выпало, что некогда видел таковую славу.

Как же после сего те, которые никогда не сподоблялись получить или видеть такую славу, говорят, что имеют ее в себе? Недоумеваю. Но о, ослепление и омрачение таковых! О, нечувствие и суетное их самомнение! Откуда это они узнали? И от каких писаний слышали? Поистине осуетились они помышлениями своими и омрачилось неразумное их сердце – и они все еще пребывают в Египте, то есть во мраке страстей и похотей своих. Ибо те, которые возжелали увидеть землю обетования, которую видеть сподобляются кроткие, смиренные и нищие (духом), с удовольствием подъемлют всякую тесноту, скорбь, скудость, нищету и всеусильно воздерживаются от всякой телесной сласти, покоя и чести, отдаляются от всякого человека, и малого и великого, и бегают их без ненависти, чтоб сподобиться внити в землю обетования, прежде чем пресечется течение настоящей жизни, то есть прежде чем умрут. Таковые много смиряются и, почитая себя истинно злонравными, многогрешными, врагами Бога и преступниками заповедей Его, проводят жизнь в скорбении, печаловании и покаянии и всячески стараются узнать, что бы еще следовало им сделать, чтоб примириться и содружиться со Христом Господом. За это и Господь

дарует им наконец не только познать, что надлежит им делать, чтобы примириться с Ним, но дает им силу и терпение и делом совершить все потребное для того, чтоб увидеть и стяжать над всем и во всем сущего Бога, и после того жить уже как на небе и там иметь свое обиталище, хотя находятся в горах, в пещерах, в келлиях, в городах, и таким образом служить Ему с удовольствием и отрадностью, с радостью и веселием неизглаголанными.

Таково делание святых! Таково действование тех, в коих действует Дух Божий! Таким и в наши дни был святой и блаженнейший Симеон Благоговейник, который, как солнце, сиял в славном монастыре Студийском. Он сначала жил в мире, среди дел мирских, среди друзей и родных, забот, попечений и утешений мирских, но потом так от всего этого отрешился, что совсем и не вспоминал о том никогда. Он, живя среди множества монахов, такое блаженное сказал слово: долг имеет монах быть в монастыре – как существующий и несуществующий, и неявляемый, наипаче же незнаемый. Изъясняя сие слово, он говорил: «Как существующий и несуществующий – как бы он существовал по телу, а не существовал по духу и неявен был в сем отношении другим, исключая тех, кои со-делались чистыми благодатию Всесвятого Духа; и знаем не был, то есть ни с кем ничего не имел (не имел особой знаемости и дружбы)». О, блаженные словеса, коими проповедуется вышечеловеческое, ангельское его житие! О, словеса досточудные, в коих он сам исповедал, что

благодатию Святого Духа стяжал жительство на небесах, и при этом открыл, что был едино с Богом, именно словами, чтоб ни с кем ничего не имел монах: чего никто не может истинно проявить на деле, чего и сказать даже никто не может, если не соединился всецело с Богом. Если же и скажет кто, то обольщает себя. Кто не соединен с Богом и говорит, что не грешит, тот слеп, совсем неведущ и бесчувствен. Кто же имеет в себе Бога, тот не может согрешати, яко семя Его в нем пребывает, как говорит Иоанн Богослов (1 Ин. 3, 9). Что благоговейный Симеон имел в себе всего Бога, об этом он и когда жив был, говорил, и по смерти велегласно свидетельствует в писаниях своих, говоря: «Стяжи Бога другом себе, и не будешь иметь нужды в человеческой помощи»; и в другом месте опять: «Стяжи Бога, и не будешь иметь нужды в книгах». Это последнее он и делом показал, ибо целую книгу составил своими трудами или, лучше скажу, благодатию Святого Духа, обитавшею в нем, несмотря на то, что не проходил наук. Все сие, вместе со святым Симеоном, духовным отцом моим, и я подтверждаю своим свидетельством и исповедую. Блаженный и преподобный отец сей столь много подвизался, что превзошел в этом даже древних святых, и так много терпел искушений и скорбей, что уподобился многим великим и славным мученикам. За то прославлен Богом и сделался бесстрастным и святым и удостоился приять в себя благодать Святого Духа. Потом, как цистерна дает из себя жаждущему воду, которая натекает в нее от дождей из небес-

ных облаков, так и отец наш преподобный приял от полноты Владыки нашего Христа и источал из себя воду живую от благодати Святого Духа. И опять, как иной досыта напивается водою, которая источается из цистерны и изливается из нее вне, так и ученик его приял благодать Святого Духа, которая всегда источалась и изливалась от сего святого отца нашего духовного, напоился ею и умыл лицо свое, руки и ноги, потом омылся весь и по душе, и по телу этою бессмертною водою. О, таинство страшное и преславное!

И не позволяйте себе, братия мои, не веровать этому; потому что такое слово не собственное мое есть – и то, что я сказал, случилось не с одними нами (то есть им и духовным отцом его). Но послушай евангелиста Иоанна, что говорит он о воде сей или, лучше сказать, о сем Сыне, живом Слове Бога, от Которого обогатился словом и Иоанн. *Всяк пияй от воды сея, говорит Господь, вжаждется паки: а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущия в живот вечный* (Ин. 4, 13, 14). Изъясняя, что значит сия вода живая, Иоанн говорит в другом месте: *сие же рече* (Господь) *о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 39). И апостол Павел говорит: *мы же не духа мира сего прияхом, но Духа Иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам, яже и глаголем* (1 Кор. 2, 12, 13). Этою-то водою отмывается и выводится из души всякое зло, всякая скверногта, и без нее, сколько ни трудись и не подвизайся, не

получишь никакой пользы. Посему и мы, не могши никоим образом скрыть талант, то есть дар Владыки нашего Христа, и не возвещать о благодати Божией, данной старцу Симеону, исповедуем с дерзновением милость Божию, явленную нам чрез сего преподобного отца нашего, который и нас насытил ненасытно от воды, полученной им от Бога, во славу святого имени Его. И се, по силе нашей, мы, последнейшие и непотребные, славили и славим Бога, прославившего преподобного отца нашего Симеона Благоговейного, а через сие и его (старца). Не думай же никто, будто я лгу и говорю на пагубу души своей, хваля духовного отца моего, ибо я знаю, что Бог погубит всех глаголющих лжу (Пс. 5, 7). Тому и другому (и хвалить, и не лгать) учит меня божественный Павел, говоря: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа – сый благословен; истину глаголю, не лгу. Вем человека прежде четыренадесятих лет…* (Еф. 1, 3; Рим. 9, 1; 2 Кор. 12, 2). И опять: *мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, Иже от Бога, да вемы яже от Бога дарованная нам, яже и глаголем* (1 Кор. 2, 12, 13). К тому же что пользы мне или духовному отцу моему от похвал? Всеконечно, нет нам пользы никакой совершенно. Но как, говоря о древних святых, им самим никакой совершенно не доставил я пользы, слушателей же подвиг к подражанию им, так в том же смысле говорил я и не перестану говорить и о преподобном Симеоне, а когда бывает потребно и нужно, прибавляю нехотя и об ученике его. Неверие тех, которые во вред слушающим

говорят, будто в нынешние времена невозможно, чтоб кто-либо стал таким, каковы были древние отцы, чтоб достигнул кто меры добродетелей, какие проявили они, и чтоб сподобился даров, какие они получили – это неверие заставляет меня говорить то, чего я без сего никогда не сказал бы, и представлять всем в настоящем свете человеколюбие Божие, всем обличить нерадение и леность говорящих такие речи.

Блаженный Симеон так много трудился и подвизался, что превзошел своими трудами и подвигами даже многих древних святых, и такие претерпел искушения и скорби, что является подобным многим именитым и великим мученикам. За это прославлен он Богом, стал бесстрастен и свят и сподобился приять в себя всю, так сказать, благодать Святого Духа. Потом, как отец дает наследие сыну своему даром, так и мой духовный отец дал ученику своему благодать Святого Духа без собственного его труда и подвига, а даром. И кто из нас может не говорю – делать дела, какие он делал, даже хорошо понять то, что он сказал? Вот что прежде всего другого, как наставление, написал святой нам: «Брате! Совершенным удалением от мира называется совершенное умерщвление и отсечение своей воли». О, блаженный глас или, лучше сказать, о, блаженная душа, сподобившаяся сделаться такою и отрешиться от всего мира! К таковым говорит Владыка Христос: *от мира несте, но Аз избрах вы от мира сего* (Ин. 15, 19). *Приидите ко Мне, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Тем же, которые иным шествуют образом и творят волю

свою хотя мало некако или в некоторых только по видимому добрых делах, невозможно увидеть ту жизнь, какую видят совсем удалившиеся от мира и совершенно умершие воле своей.

Итак, брате мой, если и ты не хочешь смиряться и слушаться во всем, не хочешь охотно переносить скорби, бесчестия, унижения и поношения, не хочешь быть как какой несмысленный, незнаемый, нищий и заброшенный, не хочешь также быть презираемым от всякого человека и почитаемым за какого-либо помешанного, то скажи мне: каким же другим образом возможно тебе сделаться чуждым собственной своей воли? Если Бог заповедал нам всем терпеть все такое как бывающее с нами для испытания или, лучше сказать, для очищения душ наших, мы же не хотим того терпеть, но живет в нас земное мудрование плоти, заставляющее нас не желать никакого лишения и злострадания, то как можно нам быть мертвыми к миру и к вещам мирским? Нет, это невозможно. Если же не умертвимся мы миру и всему мирскому, то как можем пожить сокровенной во Христе жизнью? Как можем узреть Бога обитающим в нас как свет, как сказал и святой Симеон? Нет, братия мои, невозможно нам получить такой дар, и пусть не прельщает нас никто.

Если ты, почитая блаженного Симеона буиим, стыдишься подражать делам его, то подражай Христу и страдай охотно для собственного своего спасения, как Он страдал для тебя. И Его, как слышишь, называли бесноватым, льстецом, яд-

цею и пийцею, говоря Ему: беса имаши (Ин. 8, 48), и опять: сей человек ядца и пийца, друг мытарем и грешником (Лк. 7, 34). То же самое слышал и преподобный отец наш Симеон за меня или и за всех нас. Слышишь опять, как Господь наш взят был и связан, будто убийца и злодей, и представлен Пилату, как какой-нибудь нищий и ничтожный человек, как заушен был рабом и брошен в темницу, как влачим был воинами и как предан от Пилата еврейскому народу со словами: возьмите его вы и распните. Помысли же, как был среди их Христос, сый превыше всех небес и содержай вся рукою своею? Как был толкаем то с одной, то с другой стороны? Как был ударяем и заушаем и влеком в судилище Тот, на Кого не смеет взирать всякая тварь, даже самые Серафимы? Как обнажаем был, привязываем к колонне и принимал сорок ударов – в показание, что Он осужден на смерть? Потом помысли, как Он одет был в насмешку хламидою червленою, как ударяем во главу и вопрошаем воинами: кто есть ударей Тя? Как увенчан венцом терновым и принимал насмешливое поклонение, как поругаем и оплевываем и слышал издевательные слова: се царь иудейский? Как опять был одет в собственные свои одежды, как связан и влеком на смерть, как, неся крест Свой, шел на место казни, как смотрел на водружение креста в землю, оставлен будучи один друзьями и учениками Своими? После сего опять подумай, как Он был обнажаем и возносим на крест, как пригвождаем воинами по рукам и ногам, как напаяем желчью, как поносим разбой-

ником, как поругаем толпою и слышал: *разоряяй церковь и треми денми созидаяй ю, спасися Сам и сниди со креста,* и *еще: аще Сын есть Божий, да снидет ныне со креста, и веруем в Него.* Наконец подумай, как после того, как претерпел все сие, благодарил Он Отца Своего и молился Ему за тех самых, которые предали Его на такие страдания и смерть, и как предал душу Свою в руки Отца Своего. Не довольно ли для тебя всего сего, брате мой, к подражанию? Стыдишься переносить сие и подобное сему? Но какими же другими делами или каким другим образом можешь ты прославиться вместе с Ним? Слушай, что Сам Он говорит: *иже аще постыдится Мене и словес Моих, сего и Аз постыждуся пред Отцем Моим, Иже есть на небесех* (Лк. 9, 26; Мф. 10, 32).

И святой Павел говорит: *аще с Ним терпим, с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2, 12). Почему, если стыдимся подражать страстям Христовым, которые претерпел Он нашего ради спасения, и страдать, как страдал Он – явно, что невозможно нам быть сопричастниками и сонаследниками славы Его. Ибо в таком случае мы верны только словами, а не и делами; когда же нет дел, вера наша мертва. Но если вера без добрых дел мертва, то явно, что когда вера с худыми делами, тогда она не называется и не есть более вера. Мертвое тело, если оно умерло недавно, называется мертвым, но если оно долго пролежит так, то не называется уже телом мертвым, а трупом тлеющим, разлагающимся, попортившимся. Так и здесь: поелику два есть рода дел – одни угодные Бо-

гу, а другие ненавистные, то если вера, как говорит апостол Иаков, без угодных Богу дел мертва есть, очевидно, что той вере, которая не только есть без угодных Богу дел, но имеет еще и дела ненавистные Богу, нельзя уже называться мертвой, а надлежит ей называться попортившейся и затлевшей или, истиннее сказать, безверием и нечестием. Кажется, что Исаия пророк таких разумеет, когда говорит, что нечестивые не узрят славы Господни.

Потому и я говорю и не перестану говорить, что те, которые не восподражают страстям Христовым чрез покаяние и послушание и которые не сделаются причастниками смерти Его, как частно показали мы выше – такие не удостоятся быть причастными и духовного о Нем воскресения, не сподобятся приять Духа Святого, чрез Которого бывает духовное воскресение всякого. Я говорю не о воскресении тел, имеющем быть в конце мира (тогда вострубит Ангел – и мертвые тела восстанут), но говорю о духовном возрождении и воскресении мертвых душ, которое каждодневно бывает духовно и которое дает, благодатию Духа Святого, Тот, Кто некогда умер и воскрес для всех и паки воскресает во всех тех, кои достойно и как подобает жительствуют, и с Собою совоскрешает души, умершие с Ним произволением и верою, и, еще от сей начиная жизни, дарует им через Духа Святого Царство Небесное, которое улучить буди и всем нам, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всякая слава во веки веков. Аминь.